Пензенское региональное отделение
Всероссийской общественной организации
«Российские учёные социалистической ориентации»

К 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции

Взгляд через столетие: революционная трансформация 1917 года (общество, политическая коммуникация, философия, культура)

Сборник статей
всероссийской научно-практической конференции
(29–30 сентября 2017, г. Пенза)

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Прага 2017

УДК 94:323.2+ 323.4+321.01:101.1:316

Взгляд через столетие: революционная трансформация 1917 года (общество, политическая коммуникация, философия, культура): сборник статей всероссийской научно-практической конференции (г. Пенза, 29–30 сентября 2017 года, г. Пенза) / под редакцией О. В. Милаевой, О. В. Черновой. – Прага : Vědecko vydavatelskě centrum «Sociosfera-CZ», 2017. – 342 с. – ISBN 978-80-7526-230-1

Рецензенты:

Горланов Геннадий Елизарович,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и методики преподавания литературы Пензенского государственного университета, член Союза писателей России.

Карпова Маргарита Константиновна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации» Пензенского государственного университета, ответственный секретарь электронного научного журнала «Наука. Общество. Государство».

Сборник «Взгляд через столетие: революционная трансформация 1917 года (общество, политическая коммуникация, философия, культура)» посвящен 100- летию Великой Октябрьской социалистической революции. В сборнике представлены научные и научно-публицистические материалы, написанные учёными, журналистами, писателями, философами, направленные на осмысление различных аспектов русской революции. Авторами затрагиваются проблемы причин, предпосылок и последствий Октябрьской революции; проблемы духовной трансформации и политической коммуникации послереволюционного периода; влияния революции на международное сообщество и другие дискуссионные для современной исторической науки проблемы.

Для преподавателей, студентов, аспирантов, а также для читателей, интересующихся проблемами отечественной истории, теорией революционных движений и процессов.

Под редакцией О. В. Милаевой, кандидата исторических наук, доцента (ПГУ),
О. В. Черновой, кандидата исторических наук, доцента,
действительного члена Петровской академии наук и искусств

ISBN 978-80-7526-230-1

© Vědecko vydavatelskě centrum
«Sociosfera-CZ», 2017.
© Коллектив авторов, 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 5

ПРЕДПОСЫЛКИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Ратанин А.Ю. Карательная политика царского правительства по отношению к рабочему классу как одна из причин Октябрьской революции 1917 года…… 8
Четвертков Н.В. Пензенская демократическая печать накануне Великой Октябрьской социалистической революции…….. 15
Суменкова М.В. Алкоголь как фактор дестабилизации режима (на примере России первой четверти XX в.)…….. 36

ПОСЛЕДСТВИЯ РЕВОЛЮЦИИ: ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ В ДУХОВНОЙ СФЕРЕ

Глебов Г.И. Революция и церковь…… 53
Кузьмина Т. Н. Развитие рационализаторства и изобретательства в промышленности Пензенского края (1928–1932 гг.)…….. 59
Чернова О.В. Самый привилегированный «класс» в СССР…….. 71
Тетерина Е.А., Розенберг Н.В. Развитие социокультурных коммуникаций после Великой Октябрьской социалистической революции……. 82
Донская Т.К. Тема родной земли в творчестве русских поэтов…… 87
Пресняков К.А., Куприянова А.А. Романтизм как направление в советской культуре …… 100

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Бенюк В. А., Назария С. М., Спрынчанэ М. В. Возникновение бессарабского вопроса в 1917–1918 годах и интерпретация этих событий в историографии и мемуарах румынских деятелей…… 105
Нефедов В.В. Влияние идей Октябрьской революции на послевоенное развитие Восточной Германии (1945–1949)…… 119
Дякин Я.А. Освещение Нюрнбергского процесса в советской центральной и региональной прессе…….. 136
Милаева О.В., Думнов В.Б. «И когда краска высохнет, она превратится в порох»: мексиканский муралистм как отражение образов революции…….. 144

РЕВОЛЮЦИЯ И ТЕОРИЯ СОЦИАЛИЗМА: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Дорошин Б.А. Ноосферный социализм: традиционные корни

духовного измерения……..… 160
Исаева О.С. Классическое евразийство и русская революция 1917 г. .. 169
Кириллов Г.М. Н.А. Бердяев: опыт персоналистической революции 174
Антипов М.А. Техноутопизм как киберкультурное движение……. 178
Мартынова О.А. Образ России в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса….. 182
Сиушкин А.Е., Милаева О.В. Теории социальной революции
XX века в Западной Европе и США: обзор основных направлений… 190

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ: ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

Персанова Е.М. Портрет семьи в зеркале времени…… 209
Новосельцева Н.А. «Мы до конца за это время отвечаем»……... 217
Хисамутдинова Р.Р. Юлия Друнина: поэт, фронтовик, человек…….. 227
Голова В. И. Время больших перемен: становление Советской
власти в селе Маис Пензенской губернии…….. 236
Милаева О.В. Homo soveticus: обыкновенная история…….. 243

ДИСКУССИИ ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ, АЛЬТЕРНАТИВЫ

Морозов С.Д. Перекрёсток мнений: к 100-летию Октябрьской
революции в России…….. 264
Козлов Н. Д. Дискуссия о Великой Российской революции
в интернете……. 272
Шпаковский В.О. Контрреволюция посредственности……. 290
Тулузаков В.Ф. О кадрах, которые «решали всё»…….. 295
Малкина И.Г. Социалистическая пресса: путь длиной в столетие…... 303
Пресняков К.А. Опыт СССР и проблемы современного российского
медицинского страхования……... 315
Андросова Л.А. Роль и значение Октябрьской революции…….. 321
Морозов С.Д. Дискуссии продолжаются: к столетию гражданской
войны в России…….. 324
Павлов В.С.Проблема социального неравенства в России
и пути её решения в научной и общественно-политической
мысли……. 335

ОТ РЕДАКЦИИ

Отношение к Октябрьской революции в нашем обществе уже давно далеко неоднозначно: от положительного до резко отрицательного. Однако, значимые даты, подобные этой, – всегда обращение к истории, возможность, отстраняясь от конкретной исторической реальности, издалека попытаться объективно и непредвзято дать событиям оценку и усвоить уроки прошлого.

«Испытанию в грозе и буре» Октябрьской революции сложно дать однозначную оценку, рассматривать её как праздник или трагедию. Её можно сравнить со сложной многозначной драмой различных народов, которых она коснулась. Но прежде всего – это размышления о нашем народе в истории – и советском, и русском.

На собственной истории мы постигаем, на что способны были люди, создавшие уникальную страну, равную по размерам целому материку. Державу, могущество которой определялось не только более чем 250-миллионным населением, но и масштабом той идеи, которая находилась в основании самой революции.

«Оправдание революции – не в выигрыше времени и в экономии сил. Её оправдание, высшее и бесспорное, в том, что она является единственным способом двинуться вперёд там и тогда, где и когда упрямство командующих групп и классов пытается глухою стеною отстаивать мощное и неудержимое историческое движение», – писал один из основателей партии социалистов-революционеров, первый и последний председатель Учредительного собрания Виктор Чернов. И хотя эти слова не принадлежат большевику, суть и смысл революции они выражают точно. Именно такой была революция октября 1917 года – способом двинуться вперёд, качественно изменить целое общество, дать начало большой исторической эпохе.

Причём не только в масштабах нашей страны: ведь и сторонники, и противники социализма отчётливо осознают, что мир приобрёл свой нынешний облик именно потому, что родилось первое в истории социалистическое государство.

И этому государству история отвела (по своим меркам) сравнительно небольшой срок – немногим более 70 лет. Но за это время благодаря Октябрьской социалистической революции и созданному ею Советскому государству выросли целые поколения, не знавшие голода и нищеты, массовых болезней третьего мира, тупиков массовой безработицы, огромного социального расслоения.

Была сформирована новая историческая общность – советский народ, который реализовал идею человека-творца, благодаря созданной системе доступного всем бесплатного образования всех уровней, признаваемого и сейчас самым фундаментальным в мире. И это не просто полная ликвидация безграмотности, а обеспечение высшего образования для 60% населения

к 1980-м гг. против 25% грамотного населения в стране в 1917 году, большинство из которых умели только читать и писать.

Была создана самая прогрессивная для своего времени модель здравоохранения – модель Семашко, которая в кратчайшие сроки позволила справиться с такими проблемами, как массовые эпидемии и инфекционные заболевания, отсутствие квалифицированных медицинских специалистов и качественных медикаментов.

Образование и здравоохранение стали неотъемлемым социальным благом, которое доступно всем. Благом, а не услугой, предоставляемой в зависимости от уровня дохода.

Октябрьская революция вывела науку из университетских кабинетов и узкого академического круга. За годы Советской власти 16 учёных стали лауреатами Нобелевской премии. Всем известны имена Льва Ландау, Петра Капицы, Леонида Канторовича... Была сформирована новая наука, способная одновременно решать практические задачи и развивать фундаментальные исследования. Наука, которая создала ядерный щит и открыла человечеству путь в космос.

В короткие сроки была создана новая система хозяйства и экономики, которая позволила осуществить быстрый качественный переход от полуфеодальных отношений к индустриализации, вынести тяготы ВОВ и победить, освоить целину и выйти в космос.

Идеи социалистической революции и пример Советского государства позволили уничтожить колониальную систему. Более двух миллиардов человек по всему миру освободились от колониальной зависимости: от «жемчужины Британской империи» – Индии и французских колоний в Сирии и Ливане до полного падения колониальной системы в Африке в середине 1990-х. Благодаря ей произошли изменения в мировом сознании, и во многих передовых странах появилась новая социально-экономическая модель. И пример шведского социализма далеко не единственный.

И не случайно, несмотря на культивируемый с конца 1980-х гг. в массовом сознании идеологический миф о Советском Союзе как об «империи зла», как показывают глобальные геополитические исследования, число людей в мире, не считающих его распад благом – это почти половина населения планеты.

Октябрьская революция позволила воплотить в реальность большую общечеловеческую идею о социальной справедливости. Создала общество, которое имело цель и идею, цементирующую людей, не позволявшую обществу распадаться на микромиры, ограниченные внутрисемейными и личными интересами и отношениями.

И уже этих аргументов достаточно, чтобы не только утверждать право социалистической идеи на жизнь, но и заявлять о её потенциальных возможностях в будущем.

На наш взгляд *главный урок* Октября – это урок того, что у всякого социального строя и у всякого общества есть альтернатива, возможны качественные изменения на глобальном уровне. И невозможно заставить людей

всегда поддерживать то государство и ту власть, недостатки которых негативно влияют на жизнь многих поколений. Но *главная беда* – в том, что эти уроки забываются каждым новым поколением. А *главная задача* людей, помнящих Советское государство не по книгам и учебникам, тем более не по оценкам современных СМИ, – это передача знаний, разъяснение, сохранение и отстаивание лучших завоеваний советского общества… «чтобы помнили».

Председатель Пензенского регионального отделения
Всероссийской общественной организации
«Российские учёные социалистической ориентации»,
к. и. н, доцент Милаева О.В.
Сопредседатель Пензенского регионального отделения
Всероссийской общественной организации
«Российские учёные социалистической ориентации»,
к. и. н, доцент, действительный член Петровской академии наук и искусств Чернова О.В.

ПРЕДПОСЫЛКИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

УДК 93/94 DOI: 10.24045/conf.2017.1.1

КАРАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К РАБОЧЕМУ КЛАССУ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Ратанин А.Ю.,
кандидат исторических наук, доцент,
Пенза, Россия

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос борьбы рабочих за свои права в конце XIX – начале XX века на примере Великобритании, Франции и США. Автор уделяет внимание различным методам борьбы с рабочим движением в Западной Европе и США. Отдельно рассматриваются формы борьбы с рабочим движением в России начала XX века. Автор приходит к выводу, что основными методами правительства по подавлению рабочего движения являлись репрессии: расстрелы, ссылки, каторга, тюремное заключение. На основании проанализированного материала автор утверждает, что одной из главных причин, вызвавших Октябрьскую революцию 1917 года, являлась репрессивная политика российского правительства, не желавшего адекватно реагировать на тяжёлое социально-экономическое положение народных масс.*

Ключевые слова: *Октябрьская революция, рабочее движение, расстрел рабочих, дореволюционная экономика, классовая борьба.*

THE PUNITIVE POLICY OF THE TSARIST GOVERNMENT TOWARDS THE WORKING CLASS AS ONE OF THE CAUSES OF THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917

Ratanin A.Yu.,
Candidate Of historical sciences, Associate professor,
Penza, Russian Federation

Abstract. The article discusses the question of the workers ' struggle for their rights in the late XIX – early XX century on the example of Great Britain, France and the United States. The author pays attention to different methods of struggle with the labor movement in Western Europe and the United States. Forms of struggle against the labor movement in Russia at the beginning of the 20th century are considered separately. The author comes to the conclusion that the main methods of the government to suppress the labor movement were reprisals: shootings, exile, katorga, imprisonment. Based on the material analyzed, the author claims that one of the main reasons for the October Revolution of 1917 was the repressive policy of the Russian government, which did not want to respond adequately to the difficult social and economic situation of the masses.

Key words: The October Revolution, the workers' movement, the shooting of workers, the pre-revolutionary economy, the class struggle.

В этом году исполняется 100 лет Октябрьской революции 1917 года. В настоящее время, по прошествии целого века, в отношении данного, действительно масштабного по своим последствиям исторического события, не перестают утихать споры о целесообразности его осуществления и о его значении. Спектр различных научных суждений, точек зрения и просто бытовых оценок более чем широк – от бесспорного восхищения до резкого осуждения.

В данной статье мы не ставим перед собой цель примкнуть ни к какой-либо из существующих сторон, поддерживать позиции одних и критиковать точки зрения других, небезразличных в отношении к этому событию лиц, а попытаемся рассмотреть некоторые социально-экономические и политические причины, породившие данное явление.

Согласно науке, ничто не возникает из ничего. Любое возникшее явление или процесс имеет свою причину или комплекс причин, свой ход и следствие, которое в свою очередь становится причиной следующего явления или процесса и так до бесконечности. Октябрьская революция, естественно, не является в этом смысле исключением.

На протяжении последних десятилетий (особенно в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века) многим из нас наверняка не раз приходилось слышать высказывания примерно такого плана: «Вот не было бы у нас революции и всего этого «совка» на протяжении 70 лет, мы сейчас так же были бы развитым государством, как на Западе, и жили бы гораздо лучше!» В данный момент мы не будем упрекать таких «знатоков» в том, что они приводят только положительные примеры развитых стран, умышленно или неумышленно не освещая все те изъяны, которые так же имеют место там быть (высокая безработица, неспособность значительной части населения приобрести собственное жильё, сверхдорогая медицина, образование и т.д.). К сожалению, все эти недостатки (которые не имели сильного распространения в СССР) быстро стали характерными и для современной капиталистической России.

В данный момент нас интересует, прежде всего, то, что все перечисляемые обычно стандартные блага западной цивилизации (высокие зарплаты, развитая инфраструктура, социальная защищённость и т.д.), появились там не просто так и совсем не по доброте власть имущих. Все эти достижения – результат долгой и упорной борьбы народных масс за свои права (прежде всего – представителей рабочего класса). Данная борьба велась и ведётся на протяжении многих и многих десятилетий.

К концу XIX века западные рабочие объединения (профсоюзы и впоследствии партии) смогли выработать и вполне успешно применять тактику постепенного «выжимания» из своих правительств и крупной олигархии очередных уступок социально-экономического характера (например, сокращение продолжительности рабочего дня, увеличение заработной платы, социальное обеспечение и т.д.). Основным инструментом такой тактики являлись массовые забастовки и различные демонстрации, организация и проведение которых достигли высочайшего уровня.

Правительства и правящие круги развитых государств того времени, имели достаточно средств для удовлетворения данных требований. Например, Великобритания – крупнейшая колониальная империя того времени (владела колониями, территории которых в 109 раз превышали территорию самой Великобритании) фактически в открытую грабила половину населения во всем мире, и, естественно, имела возможности сдерживать массовые волнения путём проведения очередных реформ, направленных на улучшение условий существования английского рабочего класса. В этом отношении достаточно вспомнить слова известного пропагандиста колониальной политики, одного из самых одиозных представителей английской олигархии того времени – Сесиля Родса. Он, в частности, открыто говорил английским властям, что они обязаны и дальше проводить колониальную политику, если не хотят допустить социального взрыва и прочих потрясений «у себя дома», т.е. в Англии.

Франция так же располагала крупными колониями в Африке и Азии, что помогало ей сдерживать социальное напряжение на относительно невысоком уровне. Французские правящие круги к тому же ещё не отошли от потрясений Парижской коммуны (1871 год) и не хотели повторения подобных народных выступлений.

Примерно такую же политику проводили и Соединённые Штаты Америки, которые в конце XIX – начале XX века стали крупнейшей промышленной державой. Американская олигархия имела более чем достаточно средств для умиротворения своего рабочего класса. Американские рабочие уже в то время смогли организоваться в мощнейшие профсоюзы и добиться существенных уступок от власти в плане улучшения своего материального положения – уже тогда они получали самую высокую заработную плату в мире. Путём взращивания так называемой «рабочей аристократии» американские промышленные магнаты успешно раскалывали рабочее движение, которое, довольствуясь такими систематическими уступками, не помышляло о большем.

Но даже в указанных выше развитых странах власть далеко не всегда шла на уступки. Существует немало примеров, когда рабочие сталкивались с жестокими репрессиями со стороны властей – массовые увольнения, аресты и даже убийства рабочих, а так же лидеров крупных профсоюзов были нередкими в то время явлениями. В этом отношении достаточно вспомнить знаменитые антитрестовские законы (Закон Шермана 1894 г. и Закон Клейтона 1914 г.), которые были приняты якобы против усиления господства крупных промышленных и банковских монополий, а на деле они позволили «наказывать по закону» профессиональные объединения рабочих, штрафовать и арестовывать профсоюзных лидеров. Ловушка заключалась в том, что нарушением закона считалось любое соглашение, направленное на подрыв конкурентных отношений, а профсоюз как раз рассматривался как препятствование конкуренции в сфере оплаты труда.

Другой, ещё более чудовищный пример – расстрел демонстрации рабочих в Чикаго 4 мая 1886 года. В этом случае в результате провокации (в полицию была брошена самодельная бомба неустановленным лицом из толпы)

полиция открыла огонь по мирным демонстрантам, в результате которого были убиты десятки рабочих и членов их семей, пришедших вместе с ними.

Борьба рабочего класса за свои права была характерной и для России. Более того, сама борьба народных масс против правящих кругов в России имеет богатую многовековую историю. Однако, в плане своего социально-экономического и политического развития царская Россия, как известно, значительно отставала от передовых государств Европы и Америки. Для неё во многом был характерен полуфеодальный уклад развития экономики – пережитки отменённого ещё не так давно крепостного права. Хотя рабочий класс в конце XIX – начале XX вв. и формировался весьма быстрыми темпами, в целом в своём подавляющем большинстве в России преобладало сельское население.

Таким образом, только с бурным развитием капиталистических отношений и стремительным ростом пролетариата появилась возможность создать действительно организованное сопротивление властям.

Различные рабочие организации стали объединяться и активно применять тактику забастовок, но, в отличие от своих западных коллег, они сразу же столкнулись с невероятной по своим масштабам реакцией со стороны царского режима.

Россия как государство, недаром прозванная «тюрьмой народов» и «жандармом Европы», не собиралась «идти на поводу» у нарождающегося рабочего класса. Любое открытое выступление мгновенно квалифицировалось как бунт против государства и императора.

В подавляющем большинстве случаев забастовки и демонстрации с самого начала не давали ожидаемого эффекта. Такие акции протеста, как минимум, разгонялись полицией и войсками, а все организаторы и наиболее активные борцы арестовывались и отправлялись на каторгу. Как максимум, забастовки и демонстрации подавлялись самым жестоким образом – с помощью расстрела.

Примеров такого «умиротворения» рабочих в России было множество. В качестве наиболее одиозных можно упомянуть расстрел 9 января 1905 года массового мирного шествия рабочих к царю, названное «Кровавым воскресеньем» и послужившее началом Первой русской революции, а так же массовый расстрел забастовки рабочих на Ленском золотом прииске (4 апреля 1912 года).

Для полноты картины можно привести ещё несколько примеров абсолютного нежелания российских властей услышать вполне приемлемые требования рабочих представителей.

- 11 марта 1903 года – расстрел рабочих Златоустовского оружейного завода (убито 60 чел., пострадало 200 чел.);

- 7 августа 1903 года – расстрел рабочих в Екатеринбурге (убито 60 чел., пострадало 200 чел.);

- 13 декабря 1904 года – расстрел рабочих в Баку (убито 5 чел., пострадало 40 чел.);

- 12 января 1905 года – расстрел демонстрации рабочих в Риге (убито 127 чел., пострадало 200 чел.);

- 18 июня 1905 года – расстрел демонстрации рабочих в Лодзи (убито 10 чел., пострадало 40 чел.);

- 3 июня 1914 года – расстрел демонстрации рабочих Путиловского завода;

- 10 августа 1915 года – расстрел демонстрации рабочих в Иваново-Вознесенске (убито 30 чел., пострадало 53 чел.).

Данный список является далеко не полным, его можно продолжать и продолжать.

Следует отметить, что мы рассматриваем здесь только «ответы» царского правительства на требования рабочего класса – т.е. гражданского населения – и не показываем абсолютно такую же преступную политику властей (массовые расстрелы и ссылки на каторгу) по отношению к солдатам и матросам, которые так же требовали создания хотя бы элементарных условий существования – сносной пищи, достойного быта в казармах и нормального отношения со стороны офицеров.

К этому стоит добавить, что любые организации рабочих, борющиеся за свои права (профсоюзы и тем более партии) были фактически вне закона. Лишь в ходе революции 1905 года некоторые партии получили возможность легализации своей деятельности – власти были вынуждены пойти на разрешение создания Государственной Думы (11 декабря 1905 года), чтобы потушить социальный пожар. Правда, как известно, данная возможность довольно быстро была отнята, как только власть почувствовала, что в состоянии контролировать ситуацию в стране. Летом 1906 года Дума была разогнана, так как оказалась недостаточно послушной.

Необходимо отметить, что, власть всегда и везде в любом государстве проводит политику в интересах своего господствующего класса, однако, проводить её можно по-разному. В целях более объективного анализа укажем, что такая абсолютно негибкая политика царизма по отношению к народным массам объяснялась не только традиционным отношением к ним как рабам и крепостным и не столько склонностью императора к силовым методам решения подобных вопросов.

Как мы указали ранее, капитализм в России, несмотря на ряд пережитков, развивался достаточно быстрыми темпами, но всё же был ещё относительно молодым. Молодая буржуазия, с одной стороны, конечно, мечтала получить больший вес в государстве (где практически все самые лучшие должности занимали потомственные дворяне), но, с другой, полностью от него зависела. Столкнувшись с первыми проявлениями организованного сопротивления со стороны пролетариата, она сразу же бросилась в царские объятия просить о своей защите от новоявленных бунтовщиков. Власть, безусловно, не замедлила продемонстрировать всю мощь своего карательного аппарата.

Ещё одним фактором, обусловленным молодостью российской буржуазии, была её относительная бедность по сравнению с зарубежными магнатами

капитала. Она во многом, даже если бы и хотела, то действительно просто не могла себе позволить осуществлять какие-либо масштабные траты по улучшению социально-экономического положения рабочего класса и выживала не в последнюю очередь за счёт нещадной его эксплуатации. Только таким путем производимые отечественные товары могли иметь более или менее конкурентную стоимость по сравнению с продукцией развитых стран.

Следует подчеркнуть, что само царское правительство довольно часто ставило её в трудное положение, например, всячески приветствуя приход иностранного капитала в российскую экономику. Безусловно, что отечественные предприниматели не могли конкурировать с наиболее влиятельными зарубежными трестами и синдикатами. В результате многие наиболее привлекательные отрасли российской экономики в значительном объёме стали контролироваться иностранным капиталом. Особенно острая борьба развернулась за нефтяные месторождения на Кавказе (куда ринулись английские и французские бизнесмены Ротшильды, Нобели и другие) и вообще за добычу полезных ископаемых, в том числе – драгоценных металлов (например, на упомянутых Ленских приисках иностранный капитал имел 30-процентную долю, а сама компания была зарегистрирована в Лондоне).

Таким образом, часто императору и в целом дворянскому чиновничьему аппарату было без разницы, с какой буржуазии собирать налоги или взятки (например, компания братьев Нобель была уличена во взятках должностным лицам с целью приобретения концессии на кавказские нефтяные месторождения). Кроме того, в основе такой политики был и свой расчёт – не допустить стремительного развития отечественной буржуазии, а то она может составить опасную конкуренцию самой дворянской власти (что впоследствии и стало происходить, вылившись в мощную Февральскую буржуазную революцию 1917 года).

Можно смело отметить, что на тот период, чтобы исправить ситуацию и избежать революции, царское правительство должно было всячески поощрять развитие отечественной буржуазии, защитив её от иностранных конкурентов и предоставив различные льготы, а так же должно было поделиться властью. Это способствовало бы стремительному подъему и развитию отечественной экономики. Но это так же означало бы проведение политики против дворян – самой сильной опоры самодержавия, на что царское правительство ни при каких условиях пойти не могло. В итоге правящие круги в царской России сделали ставку на единственно правильный, по их мнению, ресурс – силовой (полицейские и армейские карательные органы).

До последнего момента своего существования оно фактически проводило политику полной и безоговорочной поддержки дворянства в противовес всем остальным слоям и классам, что обернулось немыслимыми тратами казны на карательный аппарат и тяжёлым положением подавляющей массы населения. В результате, они сами того не желая, своими руками приближали те масштабные потрясения, которых боялись больше всего на свете.

Таким образом, в результате практически бесплодной борьбы за улучшение своих социально-экономических условий российский молодой

рабочий класс довольно быстро пришёл к выводу о необходимости свержения самодержавия как главного источника всех народных бед. Лишь свергнув старую власть и построив новую, можно было достичь своих экономических целей.

Как мы видим, в этом плане российские рабочие организации (прежде всего, РСДРП(б)) пошли значительно дальше своих коллег из зарубежных развитых стран. Там рабочий класс после первых существенных успехов в своей борьбе за улучшение социально-экономических условий весьма быстро забыл главную идею К. Маркса и Ф. Энгельса о необходимости разрушения старой государственной машины и построения на её обломках нового государства путём осуществления диктатуры пролетариата. Как следствие, все западные рабочие организации достаточно быстро стали по своей сути, реформистскими, т.е. выступающими за постепенное выбивание новых уступок от властей, а не за взятие политической власти путём революции.

В царской же России в связи с указанными выше причинами, несмотря на её некоторую отсталость в социально-экономическом и политическом плане, наоборот, идеи свержения власти и слома государственной машины с целью построения более справедливого общества нашли самое широкое распространение. Их надо было лишь правильно преподнести народным массам, что великолепно смогли сделать большевики во главе с блестящим организатором и стратегом – В.И. Лениным. Большевики умело использовали всё более ухудшающееся положение государства (особенно сильно ударило по народу участие России в Первой мировой войне, обернувшееся многочисленными людскими потерями и практически опустошившее государственную казну) и направили справедливый гнев народа в нужное русло. Таким образом, сначала они участвовали вместе с остальными партиями в проведении Февральской буржуазной революции, а впоследствии, располагая наиболее реальной властью в лице созданных Советов рабочих и солдатских депутатов, арестовали Временное правительство и, организовав Октябрьскую социалистическую революцию, захватили государственный аппарат.

Подводя итоги, можно с полной уверенностью утверждать, что одной из самых весомых причин, вызвавших Октябрьскую революцию 1917 года, являлась жёсткая политика царского правительства, не желавшего адекватно реагировать на невыносимое социально-экономическое положение подавляющего большинства народных масс. Никакие лозунги и призывы со стороны большевиков и иных партий (например, эсеров) не имели бы какого-либо реального воздействия, если бы люди жили и работали в относительно терпимых условиях. Лишь постепенно теряя практически все средства к существованию и не испытывая никакой уверенности в завтрашнем дне, испробовав все допустимые существующим законом средства борьбы за улучшение своего положения (петиции, забастовки, демонстрации), подавляющая часть сознательного населения была вынуждена взяться за оружие и пойти на борьбу силовую (а, следовательно, с точки зрения существующего царского государства – борьбу незаконную).

Как бы ни относились к Октябрьской революции различные слои населения, сколько бы оценок ей ни давали, нельзя не признать, что царское правительство и правящие круги в целом (сам император, верхушка дворянства – как гражданская, так и военная, а так же промышленная и финансовая олигархия), прекрасно видя нарастающее недовольство населения на протяжении нескольких предыдущих лет, не захотели, а во многом и не могли, проводить более гибкую социально-экономическую политику (по примеру более развитых западных государств), которая бы сбила напряжение подавляющего большинства народных масс, а сделали ставку на усиление полицейского карательного аппарата и ужесточение репрессий. Данная недальновидная политика, вкупе с таким тяжёлым испытанием, как Первая мировая война, в итоге привела к революционным потрясениям.

В связи с этим можно утверждать, что император Николай II, его правительство и финансово-промышленная олигархия несут полную ответственность за масштабный социальный взрыв и наступившие впоследствии еще более тяжёлые времена: гражданская война, иностранная интервенция, всеобщая разруха и массовый голод среди населения т.д.

УДК 93/94 DOI: 10.24045/conf.2017.1.2

ПЕНЗЕНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Четвертков Н.В.,
кандидат исторических наук,
профессор,
Пенза, Россия

Аннотация. *В статье рассматривается развитие демократической печати в периоде между Февральской буржуазной революцией и Октябрьской социалистической революцией. Основное внимание уделено развитию прессы в Пензе и Пензенской области. Автор исследует особенности работы прессы и направления публикаций в период двоевластия, при эсеро-меньшевистской власти, после установления Советской власти. Исследование основано на архивных материалах, материалах периодической печати, опубликованных документах.*

Ключевые слова: *история прессы, дореволюционная пресса, Пензенская губернская пресса, установление Советской власти, Октябрьская революция.*

PENZA DEMOCRATIC PRESS ON THE EVE OF THE GREAT OCTOBER SOCIALIST REVOLUTION

Chetvertkov N.V.,
Candidate Of historical sciences,
Professor
Penza, Russian Federation

Abstract. The article discusses the development of the democratic press in the period between the February revolution and the October socialist revolution. The focus is on the development of the press in Penza and Penza region. The author investigates

features of the press and the direction of publications in the period of diarchy, the rule of the socialist-revolutionaries and Mensheviks, after the establishment of Soviet power. The research is based on the materials of archives, periodicals, and the published documents.

Keywords: The history of the press, the pre-revolutionary press, the Penza provincial press, the establishment of Soviet power, the October Revolution.

Демократическаяя бесцензурная печать в Пензе появилась сразу же после Февральской буржуазно-демократической революции, когда Временное правительство провозгласило демократические права и свободы граждан России. Вместо арестованного губернатора А.А. Евреинова назначенный 6 марта губернский комиссар Временного правительства, князь Л.Н. Кугушев 16 марта запретил выпускать газету «Пензенские губернские ведомости», почти 80 лет прославлявшую и защищавшую царское самодержавие в России. Вместо неё стал издаваться «Вестник Пензенского губернского исполнительного комитета и комиссариата».

Редактировал её управляющий делами губернского комиссариата К.П. Феоктистов, «местный отдел» в газете вёл помощник губернского комиссара Н.М. Ашанин [1].

Культурно-просветительская газета «Чернозём», издавшаяся с 13 октября 1915 года, с начала 1916 года оказавшаяся в руках пензенских левых эсеров, первая в Пензе сообщила об отречении императора Николая II от российского престола. Вскоре она была объявлена официальным печатным органом местной организации партии социалистов-революционеров. Редактором газеты «Чернозём» был А. Гордеев, издателем – Б.Малкин [2].

В свою очередь трудящиеся создавали органы народовластия: 6 марта избран Совет солдатских и офицерских депутатов; 12 марта представители 24 промышленных предприятий Пензы избрали Совет рабочих депутатов, который на следующий день объединился с Советом военных депутатов. И если губернский комиссар Временного правительства князь Л.Н. Кугушев, как сообщали местные газеты, сразу расформировал жандармское и полицейское управления, создавал народную милицию, назначал уездных руководителей, то городской Совет рабочих и солдатских депутатов в это время создавал на предприятиях рабочие комитеты, профсоюзные организации. И сразу высказался за «установление контроля над деятельностью временного Пензенского губернского исполнительного комитета» [3].

На средства, собранные военнослужащими, Совет солдатских и офицерских депутатов с 21 марта начал выпускать ежедневную газету «Известия солдатских и офицерских депутатов Пензенского гарнизона». Первый её номер открывался обращением «К народам всего мира», в котором отмечалось, что правительства и имущие классы всех государств развязали кровавую войну ради своих захватнических интересов. А солдат 140 пехотного полка В. Кураев в статье «Война и революция» призывал трудящихся всех стран бороться за прекращение кровавой войны, в которой гибнут рабочие и крестьяне.

На страницах газеты военных были опубликованы статья «Война до конца или мир без аннексий», «Обращение Пензенского Совета солдатских и рабочих депутатов к солдатам, к крестьянам и рабочим», заверявшее их в том, что «Совет будет стоять на страже ваших интересов и содействовать упрочению народных свобод». Сообщала газета и о создании ротных и полковых солдатских комитетов, а также об отправке солдатских отрядов в уезды губернии на полевые работы. [4]

Состоявшийся с 7 по 10 апреля губернский крестьянский съезд избрал крестьянский Совет депутатов, который 10 апреля объединился с Советом солдатских и офицерских депутатов и Советом рабочих депутатов, образовав Пензенский губернский Совет рабочих, военных и крестьянских депутатов. Его председателем был избран руководитель городской организации РСДРП меньшевик Н.С. Степанов, машинист местного паровозного депо, ранее избиравшийся депутатом Второй Государственной думы России.

Объединённый губернский Совет решил издавать свой печатный орган. А как быть с газетой военных? Этот вопрос 14 апреля обсуждал Совет солдатских и офицерских депутатов. И пришёл к выводу: нет возможностей ни экономических, ни технических выпускать в Пензе две советские газеты. Совет солдатских и офицерских депутатов предложил губернскому Совету издавать одну газету, в состав её редакции ввести: трёх сотрудников от рабочих, трёх – от крестьян, трёх – от военных и трёх – от губернского Совета рабочих, военных и крестьянских депутатов. И рекомендовал своих сотрудников: эсеров – С. Арсеньева, Н. Быстрова, Г. Когана, социал-демократов – В. Кураева, А. Марьина, С. Филатова. На издание губернской советской газеты Совет солдатских и офицерских депутатов выделил 2000 рублей, объявив сбор средств среди военнослужащих на её издание [5].

Предложения военных одобрил исполком губернского Совета рабочих, военных и крестьянских депутатов, утвердив состав редакции своего печатного органа из представителей рабочих, военных и крестьян. Первый номер газеты под названием «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов» – прародительницы «Пензенской правды» – вышел 18 апреля (1 мая по новому стилю). Он провозглашал здравицу Февральской революции, которая дала людям: «Восемь часов для труда! Восемь – для сна! Восемь – свободных!» Знакомил читателей с историей возникновения Первомая. Публиковал тексты революционных песен «Марсельеза» и «Интернационал», рекомендовал петь их на первомайских сходках.

А губернская организация партии конституционных демократов /кадеты/ с 11 мая начали издавать ежедневную газету «Пензенская речь», большого формата, часто выходившую с вкладышем, на шести страницах. Во главе редакции этой газеты «стояли директор банка Шапошников, известный Калашников, Балдин и К°», а издавалась она «на деньги миллионеров Асеевых, Карповых, Кузнецовых [6].

Так в Пензе после Февральской буржуазно-демократической революции образовалось двоевластие – государственная власть во главе с губернским комиссаром Временного правительства и органы народовластия – Совет

рабочих, военных и крестьянских депутатов и возникла бесцензурная демократическая печать, выражавшая политические взгляды на происходившие события в России и губернии разных политических партий и слоёв населения.

Демократическая печать в условиях двоевластия

В условиях двоевластия газеты «Чернозём» и «Вестник Пензенского губернского исполнительного комитета и комиссариата» публиковали постановления Временного правительства о привлечении воинских частей к сельхозработам, о повышении цен на продукты питания и запрещении рыночной торговли продовольствием, распоряжения губернского комиссара Временного правительства. Газеты призывали читателей подписываться на «Заём свободы», необходимый для продолжения войны до победного конца, поддерживать внутреннюю и внешнюю политику новой власти в стране. А этой поддержки не было, потому что Временное правительство продолжало всем надоевшую войну, не решало вопрос о земле, не установило 8-часовой рабочий день, чего требовал трудовой народ.

Газета губернской власти вынуждена была признать, что в Наровчатском и Нижнеломовском уездах «члены продовольственных комитетов по учёту и заготовке хлеба» «подверглись организованному нападению граждан». Крестьян усмиряли военные отряды. Это вызвало крестьянские погромы ссыльных пунктов и помещичьих имений в Керенском, Наровчатском, Чембарском и Саранском уездах. На. подавление этих погромов только в Наровчатском уезде было послано из Пензы 147 драгун и 115 пехотинцев [7].

В связи с тем, что состоявшийся в конце мая-начале июня третий Съезд партии эсеров осудил лозунг «Война до победного конца!», который пропагандировала газета «Чернозём», пензенские эсеры 23 июля прекратили её издание, а с 28 июля начали выпускать еженедельник «Социалист-революционер». Эта газета уже постоянно выступала за мир между народами. В статье «Мы требуем перемирия» редакция заявляла: «Революционная демократия должна бороться за международное соглашение о немедленном перемирии на всех фронтах» [8].

С 21 июля губернское земство начало издавать «Народную газету» форматом А3. Она знакомила читателей с инструкциями Министерства сельского хозяйства России, постановлениями губернского комиссариата, губернской земской управы, с постановлениями третьего губернского крестьянского съезда. Редактором «Народной газеты» был председатель земской управы М.Д. Болдов. В номере за 30 июля газета отмечала, что «крестьянство на решение земельного вопроса смотрит, как на основную задачу государства, причём разрешен должен быть земельный вопрос в духе социализации».

А газета «Пензенская речь» не только пропагандирована «Заём свободы», но и призывала население губернии вступать в добровольческие отряды для защиты рубежей России, критиковала социально-политическую обстановку в стране и губернии, обвиняя «во всём левые партии, Советы и их

политику», защищая интересы помещиков и капиталистов. Редакция кадетской газеты отстаивала такие лозунги:

1. Полное доверие правительственной власти.

2. Доведение войны до благополучного конца, до всеобщего прочного мира, обеспечивающего интересы страны.

3. Подготовка общества к выборам в Учредительное собрание и органы местного самоуправления.

4. Полное и беспристрастное освещение местной жизни, уважение к местной прессе, инакомыслящей по вопросам политики [8].

Стремление газеты «Пензенская речь» затуманить сознание читателей общими утверждениями о демократии, увести трудящихся от борьбы за решение конкретных социально-экономических задач вызывало недовольство читателей. В результате редакция кадетской газеты в начале июня обратилась к губернскому комиссару Временного правительства князю Л.Н. Кугушеву за защитой, потому что «в Нижнеломовском уезде объявлен газете такой бойкот, что подписчики на неё не смеют получать газету из почтовых учреждений». А исполком Оленевской волости Пензенского уезда прислал в редакцию вот такое заявление: «Волостной комитет считает своим долгом сообщить редакции не затрудняться высылкой Вашей газеты для волостного комитета, так как распространение газеты населению волости нежелательно». Рабочие типографии в это время отказались издавать газету «Пензенская речь» и с середины июля по 20 августа она не выходила [9].

Критикуя партию кадетов за «постоянные ультиматумы о дележе власти» и «внеклассовые рецепты спасения отечества», редакция газеты «Социалист-революционер» с возмущением спрашивала: «Доколе мы будем слышать и видеть, как кадеты безнаказанно вставляют палки в колёса революционной власти, как они требуют упразднения полномочных органов революционной демократии – Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, как они домогаются ликвидации внутренней и внешней политики и желают навязать стране свою контрреволюционную программу?» [10]. А редакция газеты «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов» уже в первом номере так изложила задачи социалистических партий (эсеров и социал-демократов): добиться «уничтожения частной собственности на землю, фабрики и заводы», «чтобы не было богатых и бедных, чтобы навсегда уничтожить бесчеловеческую эксплуатацию трудовой человеческой личности, гибнущей в тисках голода и нищеты под игом капитализма» [11].

Потом эта газета сообщала о том, что исполком губернского Совета рабочих, военных и крестьянских депутатов 29 апреля признал необходимым иметь в уездах и деревнях органы революционной трудовой демократии. Для организации их создал комиссию из 6 человек, которая в каждый уезд послала по три своих представителя «для организации Советов, если их нет и для связи, если они уже существуют»[12]. На заявление бывшего председателя Государственной Думы М.В. Родзянко («Война должна быть доведена до конца») газета пензенских социалистов ответила: «Не война до конца, а мир без аннексии». На ноту министра иностранных дел Временного правительства

П.Н. Милюкова союзным государствам о дальнейшем участии России в мировой империалистической войне советская газета опубликовала статью «Надо кончать войну». И знакомила читателей с резолюциями солдатских собраний 207-го и 208-го пехотных полков местного военного гарнизона, призывавшими трудовой народ во всеуслышание крикнуть: «Долой убийства и кровь! Мы требуем мира!» [12]. В центре внимания редакции газеты «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов» была земельная проблема – наделение крестьян землей. Это объяснялось аграрным характером экономики губернии: из 285522 хозяйств 284262 было крестьянских хозяйств. «Земля, – убеждала газета читателей, – дар природы и вольная мать свободного трудового народа. Щедрая, она всех зовёт в свои объятия, всех, кто хочет трудиться на ней и добывать трудом хлеб... Воздух – тоже дар природы, который дан всем людям, чтобы они дышали. Никому ещё в голову не приходило отнять его у всех желающих дышать, продавать его за деньги или сдавать его на время, в аренду. А именно так поступили с землёю [13].

Активизации борьбы крестьян за землю способствовала деятельность большевика В.В. Кураева – делегата Апрельской конференции РСДРП(б), сотрудника редакции газеты «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов».

5 мая он опубликовал в газете резолюцию этой конференции по аграрному вопросу, призывавшую все революционные силы к борьбе «за немедленный переход всех земель в руки крестьян». Эта резолюция и выступление В.В. Кураева на втором губернском крестьянском съезде, позволили принять постановление от 15 мая «О конфискации помещичьих, государственных, удельных, монастырских, церковных и других земель и передаче их крестьянству» [14].

И хотя председатель Временного правительства князь Г.Е. Львов назвал это постановление крестьянского съезда противозаконным, пензенские крестьяне проводили его в жизнь, что подтверждают телеграммы помещиков Мокшанского и Нижнеломовского уездов Министерству внутренних дел России [15].

Как сообщала газета «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов», напуганная этими событиями пензенская буржуазия созвала 18 мая губернский учредительный съезд. Его участники осудили постановление второго крестьянского съезда, избрали председателем губернской земской управы эсера М.Д. Болдова, губернским комиссаром Временного правительства правого эсера Ф.Ф. Федоровича, прибывшего в Пензу из ссылки в Сибирь. Новое руководство губернии пыталось решить земельный вопрос «путём перевода конфискованных частновладельческих земель в договорные арендные отношения». Но крестьяне отвергли эту буржуазную хитрость. Более того, в июне они захватили 17 помещичьих имений, а у 12 помещиков отобрали почвообрабатывающий инвентарь и передали его в общественное пользование [16].

Оценивая социально-политическую обстановку в стране и губернии, газета «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов» в конце мая

заявила, что Временное правительство стремится все перемены после революции свести к свободе слова, собраний, профсоюзов, к демократической республике, «без передачи земли для крестьян, без передачи фабрик и заводов работающим на них». Редакция газеты объясняла это тем, что во Временном правительстве «министры принадлежат к партии кадетов; программа кадетов такая: землевладельцы по-прежнему остаются землевладельцами, будут сдавать землю в аренду крестьянам; фабриканты и заводчики по-прежнему пользуются трудом рабочих». И редакция делала такой вывод: «благополучие народа возможно только тогда, когда орудия и средства производства, т.е. фабрики и заводы, отойдут к трудящимся, когда будет уничтожено право собственности на них. Трудовое крестьянство так именно и поняло наступившую революцию» [17].

Социально-политическая обстановка в Сурском крае осложнялась постоянным повышением цен на продовольствие, воду, жилищно-коммунальные услуги. Так, 6 мая «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов» сообщили о том, что Временное правительство запретило «свободную торговлю мукой, зерном», продовольствие должно «распределяться между гражданами через органы Правительства – продовольственные комитеты». Вводилась карточная система, а выдача продовольственных карточек задерживалась из-за несвоевременного изготовления их в типографиях. Это вызвало недовольство горожан. Рабочие начали борьбу за сокращение рабочего дня, за повышение зарплаты. Коллектив писчебумажной фабрики В.П. Сергеева добился установления 8-часового рабочего дня, прибавки зарплаты на 75 копеек в день для взрослых и на 30 копеек идя работающих подростков [18].

В то время, как газеты «Вестник Пензенского губернского исполнительного комитета и комиссариата», «Пензенская речь» и «Чернозём» рассказывали о том, как новый военный министр эсер А.Ф. Керенский, посещая воинские части на фронте, пытался поднять боевой дух российской армии, газета «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов» сообщала читателям о забастовках рабочих заводов Кракка и Воронцова, выпускавших ручные гранаты и другую военную продукцию для фронта. Они потребовали от хозяев увеличения зарплаты на 89 % и сохранения заработка за рабочими, избранными в заводские комитеты профсоюзов и в городской комитет рабочих депутатов, когда они отсутствуют на работе, исполняя общественные обязанности. Хозяева предприятий частично выполнили их требования. В ответ на это 22 июня была объявлена забастовка, в которой участвовали все рабочие обоих заводов[19].

Бастующих поддержали местные железнодорожники, которые на собрании 23 июня приняли решение выделить забастовщикам 500 рублей, «отчислять всю чистую прибыль кинематографа при ст. Пенза до конца забастовки», а также «оказать помощь путём добровольной подписки в цехах».

Газета сообщала «О создании правления профессионального союза «Игла» по вопросу материальной помощи бастующим полиграфистам», «О постановлении общего собрания рабочих и служащих галетного завода о взятии управления заводом в свои руки» [20]. А в номере за 25 июня

опубликовала такую информацию: «Вчера в связи с продовольственным вопросом во многих местах города были беспорядки. Толпа пыталась громить лавки и хлебные амбары. Везде беспорядки были остановлены военными драгунами и милиционерами». Это значит, что проблемы с продовольствием в городе настолько обострились, что толкнули горожан на погромы.

А 25 июня вышла в свет ежедневная демократическая газета «Борьба» – орган Пензенской группы РСДРП. Свою задачу её редакция видела в том, чтобы «сплотить под знаменем социал-демократической рабочей партии тесные ряды рабочих масс во имя дальнейшего развития и укрепления революции».

На самом деле лидер пензенских социал-демократов меньшевик Н.С. Степанов с помощью газеты «Борьба» хотел добиться избрания гласным городской думы, чтобы получить реальную власть – стать главой города. В обращении к избирателям эта газета так изложила программу социал-демократов: «Придя в городскую думу, демократические гласные первой своей задачей поставят изменение всей её хозяйственной деятельности в соответствии с интересами демократии, большинства населения Пензы. Прежде всего городское самоуправление должно расширить городские предприятия общего пользования (электрическое освещение, канализацию, водопровод, телефон и т.д.) и вести их, руководствуясь не стремлением к наибольшему чистому доходу от них, как это делала старая дума, а интересами городского населения. Обновлённое городское самоуправление должно будет взять на себя организацию производства и продажи необходимых населению продуктов первой необходимости и продавать их по возможно более дешёвым ценам. Оно должно будет завести мукомольные мельницы, хлебопекарни, хлебные и мясные магазины, дешёвые столовые и чайные, заготовку топлива, продажу обуви и платья и т.д., для снабжения населения доброкачественными и более дешёвыми, чем в частных лавках продуктами» [22]. Эту популистскую программу газета «Борьба» публиковала в каждом номере до самых выборов.

В результате на выборах 23 июля в городскую думу было избрано 34 эсера, 32 меньшевика и два большевика, что составляло 75 % избранных гласных. Сформировавшийся эсеро-меньшевистский блок председателем городской думы избрал эсера А.Е. Индустриева, городским головой – меньшевика Н.С. Степанова [23].

Издававшийся с 1866 года губернский журнал «Пензенские епархиальные ведомости» в 1917 году, как и все годы Первой мировой войны, регулярно публиковал материалы о церковных и монастырских сборах пожертвований верующих для оказания помощи раненым воинам российской армии, находящихся на излечении в лазаретах Пензы и уездах губернии, а также нуждающимся солдатским вдовам.

В начале июля, как сообщали все пензенские газеты, в Петрограде правительственные войска расстреляли мирную демонстрацию трудящихся. Произошел очередной правительственный кризис. Князь Г.Е. Львов

сложил полномочия премьер-министра Временного правительства. Премьером и военным министром стал эсер А.Ф. Керенский, обвинивший большевиков в кровавых событиях в столице, которые якобы вывели людей на улицы города с требованиями отставки Временного правительства. И сразу ввел смертную казнь в армии за невыполнение приказов военачальников, военное положение в стране, а следом и продразвёрстку и уголовное преследование большевиков.

Газета «Борьба» уже 18 июля «приветствовала диктатуру Временного правительства», «потому что сейчас нужно спасти революцию от контрреволюции, надвигающейся на нас с разных сторон» [24].

Последовали антибольшевистские действия и в Пензе. Из редакции газеты «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов» вывели большевика В.В. Кураева, выехавшего в конце мая в Петроград на Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и оставленного на работе в столице. Большевик А.И. Марьин выехал на лечение в Москву. Большевиков В.В. Алферова, Г.Б. Звягинцева и И.А. Савчука отправили на фронт. Всем пензенским периодическим изданиям запретили публиковать статьи большевиков, проводить митинги, выступать на собраниях трудящихся. Закрыли рабочие клубы и читальни. Городская дума создала черносотенные отряды из сынков дворян и купцов для борьбы с революционно настроенными рабочими [25].

На состоявшемся 18 июля заседании губернского совета рабочих, военных и крестьянских депутатов, где присутствовали в основном эсеры и меньшевики, было «одобрено подавление июльской демонстрации Временным правительством, приняли резолюцию, в которой открыто признали диктатуру буржуазии, выразили свою готовность всячески поддерживать её» [26].

Произошло это потому, что меньшевик Н.С. Степанов и его единомышленники не верили в возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. И потому они развернули активную деятельность по подготовке к выборам в Учредительное собрание, широко используя для этого газеты «Борьба» и «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов».

В связи с тем, что губернский Совет рабочих, военных и крестьянских депутатов и его печатный орган заняли соглашательскую позицию по отношению к реакционной политике Временного правительства, двоевластие в Сурском крае закончились. Учитывая это, большевики сняли лозунг «Вся власть Советам!»

Пензенская печать при эсеро-меньшевистской власти

При власти эсеров и меньшевиков в Пензе, на первый взгляд, ничего не изменилось. Выходили все газеты. Только «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов» раньше подписывали два редактора – эсер Г.М. Коган и социал-демократ А.И. Марьин, а теперь один Г. М. Коган, а с 12 сентября – Н.С. Степанов. В газете «Борьба» редакторами

были Н.Н. Быстров и А.К. Дьяконов, а с №19 стали Н.Н. Быстров и Н.С. Степанов. Сказалось это и на содержании периодических изданий.

Если в июне Н.С. Степанов настойчиво отстаивал, чтобы начальство местного военного гарнизона не отправляло на фронт военнослужащих, избранных депутатами Совета солдатских и офицерских депутатов и Совета солдатских и рабочих депутатов, то в газетном отчёте с губернского рабочего съезда, проходившего 15 августа, отмечается, что председательствущий на нём лидер пензенских социал-демократов не позволил принять ни одной резолюции. В результате губернский рабочий съезд меньшевик Н.С. Степанов превратил в пустую говорильню, уводившую трудящихся от решения актуальных социально-политических проблем [27].

В условиях военного положения комендант города Пенза М.К. Цыбульский в газете «Вестник Пензенского губернского исполнительного комитета и комиссариата» писал: «Нам нужно отстоять как от внешнего, так и от внутреннего врага нашу свободу, и только тогда мы будем сильны, тогда мы сумеем это сделать, когда все, как один, будем исполнять приказы нашего Военного Министра, ведущего Россию к скорому и давно желанному миру» [28].

Правда, газета «Борьба» в это время осмелилась в отчёте с заседания Совета солдатских и офицерских депутатов сказать о том, что социал-демократ Дьяконов осудил травлю большевиков за петроградские события и за военное поражение под Тернополем [29]. А накануне третьего губернского крестьянского съезда газета «Социалист-революционер» заявляла: «Мы требуем немедленной ликвидации войны и заключения мира!», «Мы требуем немедленной передачи всей земли трудовому народу!» [30].

На состоявшемся в августе в Москве всероссийском совещании буржуазии, как отмечала газета «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов», «реакционные круги командующих классов пытались дать бой, выкрикивая лозунги: «Долой армейские организации! Долой Советы!», называя Советы ничем иным, как кучкой проходимцев и каторжников» [30].

На эти заявления буржуазии председатель губернского Совета рабочих, военных и крестьянских депутатов Н.С. Степанов в этой же газете ответил: «Вся полугодовая деятельность Советов не отступила от поставленной себе цели – дать трудящимся массам право на человеческое существование, право быть не рабом, а свободным гражданином свободной страны» [31]. В следующем номере советская газета сообщала: «То, о чём шушукались в кулуарах, то, что считали преступным измышлением большевиков, наконец, случилось. Генерал Корнилов «предложил» Временному правительству устраниться и передать ему всю верховную власть». В статье «Корниловские карты раскрыты» газета разъясняла читателям: «Всё подготовилось к тому, чтобы под лозунгом «Россия в опасности!» дать восторжествовать контрреволюции. Чтобы пользуясь бедственным положением, в тяжёлое для неё время провести военную диктатуру, поставить во главе страны кого-либо из контрреволюционных вождей. И выбор пал на генерала Корнилова» [32].

А 2 сентября газета «Вестник Пензенского губернского исполнительного комитета и комиссариата», начавшая выходить ежедневно, сообщила о том, что указом Временного правительства «Верховный главнокомандующий генерал Корнилов, начальник штаба генерал-лейтенант Лукомской, главнокомандующий Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Деникин, начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Макаров отчислены от должности и преданы суду. Обязанности главнокомандующего возложены на А.Ф. Керенского» [33].

И только газета «Пензенская речь» поддерживала стремление крупной буржуазии установить в стране военную диктатуру.

Газета «Социалист-революционер» постоянно критиковала партию кадетов за то, что «кадеты всегда были не с борцами за свободу.

А когда после очередного правительственного кризиса, вызванного корниловским мятежом, А.Ф. Керенский при формировании нового правительства опять включил в него кадетов, эсеровская газета спрашивала: «Что Вы делаете, товарищ Керенский?» И тут же заявляла: «Ваша политика неверия в силы демократии вызывает с нашей стороны ответное неверие Вам. К чему это «братание» со ставленниками тех, кому завоевания революции не только не дороги, но идут явно во вред. И вот в этот решительный момент мы Вас громко спрашиваем, товарищ Керенский: кто Вам дороже: трудовой народ или буржуазия?» [34].

Газета «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов» в это время информировала читателей о том, что на демократическом совещании в Петрограде Россия провозглашена республикой, создан Временный совет республики из 555 человек, «который является представительным органом до тех пор, пока Учредительное собрание не даст полного и современного представительства». В каждом номере она публиковала материалы о подготовке к выборам в Учредительное собрание.

Но эсеро-меньшевистская власть губернии и её печатные издания не уделяли должного внимания проблемам сельского хозяйства. Правда, на страницах «Известий рабочих, военных и крестьянских депутатов» иногда появлялись краткие сообщения о том, что в Мокшанском уезде из-за засухи «травы посохли, все яровые хлеба, картофель плохие, местами совсем пропали», а «в городах Нижнем Ломове и Краснослободске полное отсутствие хлеба, что ставит местные продовольственные органы в крайне затруднительное положение». И в это же время «Вестник Пензенского губернского исполнительного комитета и комиссариата» сообщает, что со 2 сентября Временное правительство вдвое повысило цены на зерновые хлеба» [35].

Как редактор двух газет Н.С. Степанов сдерживал публикацию негативной информации, как глава города вынужден признать, что для 94 тысяч жителей Пензы ежедневно требуется 1800 пудов муки, а отпускается только 1500 пудов. Поэтому шестой части населения города (а это более 15 тысяч человек – Н.Ч.) – «приходится часами бесплодно простаивать в очередях у лавок и возвращаться домой ни с чем». А где же обещанные меньшевиками избирателям дешёвые предметы первой необходимости?! От редакции

было заявлено: «За последнее время ... изо всех мест идут ужасные сведения о разгроме имений, хуторов, поселений отрубщиков» [36].

Газета губернского комиссариата постоянно сообщала о подавлении крестьянских восстаний в Пензенском, Чембарском, Керенском, Саранском, Инсарском, Наровчатском, Краснослободском уездах, где были даже раненые и убитые повстанцы [37].

В результате осенью 1917 года в Пензе выдача хлеба по карточкам сократилась до 270 граммов на человека в день, да и тот хлеб был с отрубями, а чаще с картофелем. А в октябре «город перешёл почти на отруби».

Начавшийся голод толкнул трудящихся на открытую борьбу за улучшение своего социального положения. 23 сентября губернский Совет рабочих, военных и крестьянских депутатов вопреки сопротивлению его председателя Н.С. Степанова поддержал бессрочную забастовку железнодорожников, требовавших повышения зарплаты. 17 октября забастовали 400 рабочих галетного завода, а следом – коллективы механических заводов Кракка и Воронцова, производившие ручные гранаты и другую военную продукцию [38].

В такой социально-политической обстановке в Сурском крае, как и во всей России, большевики вновь выдвинули лозунг «Вся власть Советам!» Этот лозунг теперь означал курс на вооружённое восстание, на свержение Временного правительства.

И 27 октября газета «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов» сообщила: «Вооружённое восстание в Петрограде – факт совершившийся. Власть захвачена повстанцами. Временное правительство арестовано. Совет республики распущен штабом революционного комитета. Правительственные учреждения заняты революционерами. Во главе повстанцев – большевики с Лениным, Троцким, Зиновьевым и др.». А 28 октября газета известила читателей о том, что местная власть создала «Революционный штаб», опубликовала его обращение к гражданам Пензы и Пензенской губернии. В нём заявлялось: «Революционный штаб обращается к сознанию граждан и напоминает, что поддержка порядка в настоящее тяжёлое время является единственно верным путём к Учредительному собранию, которое только может спасти страну» [39].

Восприятие демократической печатью Пензы Октябрьской социалистической революции

Все пензенские периодические издания негативно восприняли Октябрьскую социалистическую революцию. Все газеты опубликовали обращение «Революционного штаба» к населению губернии. «Вестник губернского комиссариата» (так она стала называться) призывал пензенцев не признавать избранный II Всероссийским съездом Советов Совнарком во главе с В.И. Лениным, всем встать на борьбу «за волю народа, за Учредительное собрание». Кадетская газета «Пензенская речь» назвала Октябрьскую революцию дворцовым переворотом, призвала население губернии участвовать в выборах в Учредительное собрание, не оказывать никакой поддержки Советам рабочих, крестьянских и военных депутатов [40].

Редакция газеты «Социалист-революционер» сразу заявила, что она «не признаёт большевистской власти»... И публикует обращение Центрального комитета партии социалистов-революционеров, в котором постановления Второго Всероссийского съезда Советов объявлялись неправомочными, так как его заседание покинули все социалистические партии и фронтовые делегаты, кроме большевиков и плетущихся в хвосте социал-революционеров-максималистов. Потом в статье «Восстание большевиков» эсеровская газета заявляла: «Большевики обещают народу немедленный мир, хлеб, землю и волю. Ложь и бахвальство – все эти посулы, рассчитанные на усталость народных масс и на их несознательность». А в опубликованном «Письме к крестьянам» лидера эсеровской партии В.М. Чернова утверждалось, что В.И. Ленин хочет «восстановить батраков, наёмных рабочих города и деревни против коренных крестьян-земледельцев, ведущих собственное хозяйство. Ленин хочет посеять между ними взаимное недоверие и подозрительность» [41].

Такие измышления газета пензенских эсеров публиковала постоянно вплоть до большевизации губернского Совета рабочих, военных и крестьянских депутатов.

А газета «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов» сначала сдержанно информировала читателей о первых декретах Советской власти. Но уже 28 октября она заявляла от имени губернского комитета спасения революции: «Распоряжения лиц, временно захвативших власть в Петрограде, исполнению не подлежат», «надо найти все средства к тому, чтобы возможно быстрее и безболезненнее ликвидировать петроградское восстание». Большевиков газета называла «палачами свободы», глумилась над «Декретом о мире», «Декретом о земле», призывала «всю армию, весь народ встать на защиту Учредительного собрания». [42]

В свою очередь газета «Борьба», редактором которой был городской голова Н.С. Степанов, 30 октября опубликовала статью «Кризис власти». В ней утверждалось: «Кучка безответственных лиц, обманутая миражом пролетарской революции, ближайшего осуществления социалистического строя, свергла Временное правительство и тем самым приостановила развитие политической и экономической жизни страны». Теперь, подчёркивала газета, «лозунгу «Вся власть Советам!" мы противопоставляем «Вся власть Учредительному собранию!».

А в обращении к солдатам и рабочим газета пензенских меньшевиков заявляла: «Не верьте обещаниям большевиков! Обещание немедленного мира – злейшая ложь. (Ленин уже сознался в этом). Обещание хлеба – обман. Обещание порядка, обещание земли – сказка! Идите и разъясняйте тёмному, обманутому народу ужас, гибель, нищету, рабство на десятки лет несёт нам их безумное восстание! Спасайте республику, пока не поздно!»

Публикуя 8 ноября обращение к рабочим, солдатам и крестьянам, ко всем обездоленным и униженным, газета «Борьба» заявляла: «Все, кто хочет, чтобы великая русская революция дала вам свободу, покончила бы с безумной войной как на внешнем, так и на внутреннем фронте, покончила бы с анархией в стране, дала бы рабочим необходимые социальные реформы,

крестьянам свободно трудиться на своей земле, солдатам мир и волю ... все как один на выборах в Учредительное собрание голосуйте за список Российской социал-демократической рабочей партии №2». И здесь же публикует список кандидатов-меньшевиков, который возглавляет Н.С. Степанов [43].

Вот в какой социально-политической обстановке большевики начали борьбу за установление Советской власти в Пензенской губернии.

Большевизация губернского Совета и его печатного органа

Газета «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов» 11 ноября 1917 года сообщала: «Сегодня вышла газета «Голос Правды» – орган Пензенского комитета РСДР партии большевиков и интернационалистов». Первый номер её читатели увидели накануне выборов в Учредительное собрание и призывал он читателей голосовать за список партии большевиков, знакомил их с политической, экономической и социальной программой, принятой Вторым Всероссийским съездом Советов. Здесь же были опубликованы «Воззвание Всероссийского съезда Советов», «Декрет о мире» и «Декрет о земле». Второй и третий номера «Голоса Правды» открывались лозунгами: «Да здравствует мир!», «Да здравствует рабочее и крестьянское правительство!». Газета сообщала о начале мирных переговоров с Германией, и публиковала «Воззвание к немецким солдатам», «Открытое письмо к народам воюющих стран». А в статье «Тайные договоры» разоблачала антинародные сделки буржуазного правительства России. «Одетые в казённые шинели рабочие и крестьяне, – заявляла газета, – убедятся теперь, что не ради защиты Родины гнала их в бой буржуазия, а ради земель и городов, которые приглянулись банкирам, фабрикантам и аферистам» [44].

Газета «Голос Правды» опубликовала очерк о жизни и политической деятельности председателя Совнаркома В.И. Ульянова (Ленина) – ведь многие рабочие, солдаты и крестьяне мало что знали о главе Советского государства, а меньшевики и эсеры распространяли клевету о вожде социалистической революции. Рассказала она и о революционной деятельности большевички А.М. Коллонтай, ставшей в Советском правительстве Народным комиссаром государственного призрения детей, стариков и инвалидов. Это говорило о том, что социалистическая революция не только раскрепостила женщин, но и привлекла их к активной государственной деятельности [45].

В это время кадеты, меньшевики, эсеры и местная буржуазия организовали погромы в Пензе, втянув в них несознательных рабочих и солдат. В ответ на это газета «Голос Правды» опубликовала статью «Долой погромы», вскрыв в ней их причины, сообщила о решении солдат 140-го пехотного полка, потребовавших «предания революционному суду их участников». А газета «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов» уточнила, что «это решение военных было принято после того, как перед солдатами выступили большевики Савицкий Евгений, Кураев и Рюмин, рассказавшие о погромах 8 ноября в Пензе». А в номере за 11 ноября эта же газета сообщила: «Заслушав доклад В.В. Кураева об участии несознательной

солдатской толпы 8 ноября в погромах, солдаты 98-го полка заявили: «Погромы и грабежи являются тягчайшим преступлением и ложатся несмываемым пятном на их участников, они развращают трудящихся, поэтому их надо подавить вплоть до применения оружия» [46].

К охране общественного порядка газета «Голос Правды» призывала и рабочих. В номере за 19 ноября она заявляла: «Организация Красной гвардии стоит перед рабочим классом как очередная неотложная задача. Красная гвардия нужна и для борьбы с буржуазией, потому что ею пускаются в ход социальная дезорганизация хозяйственной жизни, саботаж, забастовка, самая наглая клевета». Ярким доказательством этого являются переживаемые события в Пензе.

Большевистская газета призывала горожан записываться в гвардейские отряды, публиковала примерный Устав Красной гвардии, знакомила читателей с законопроектом о рабочем контроле, утверждённом Советом Народных Комиссаров. При этом разъясняла, что «без разрешения выборных представителей от рабочих и служащих воспрещается приостановка предприятия, а также сокращение и изменение в производстве», для них «должны быть открыты все книги и документы, ... все склады и запасы материалов». Газета обращала внимание читателей на то, что «решения выборных представителей обязательны для владельцев предприятий и могут быть отменены лишь правительственной властью по предложению Центрального учреждения Рабочего контроля». Таких прав рабочие никогда не имели [47]. Вскоре, как сообщала газета «Голос Правды», отряды рабочего контроля появились на трубочном заводе, на бумажной фабрике В.П. Сергеева, на механических заводах Кракка и Воронцова, где имелись большевистские ячейки. А пензенские железнодорожники не только создали отряд красногвардейцев в 200 человек, но и сами вооружили его. Красногвардейцы установили свой контроль за работой всех городских предприятий.

Как известно, 5 ноября В.И. Ульянов (Ленин) от имени Совнаркома обратился к населению страны с призывом: «Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне и все трудящиеся! Берите всю власть в руки Советов!» И газета «Голос Правды» развернула кампанию за переизбрание Совета солдатских и офицерских депутатов, заявляя: «Товарищи солдаты! Ваш Совет против вас. Он не хочет подчиняться ясно выраженной воле Пензенского гарнизона. Правые социалисты-революционеры и меньшевики хотят по-прежнему вести преступную политику» [48].

Этот призыв услышали солдаты. 6 и 7 декабря они переизбрали свой Совет. На выборах победили большевики. Газета «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов» обвинила большевиков в том, что они «провели выборы митинговым путём и случайно пришедшие в Совет депутаты будут считаться настоящими избранниками гарнизона и будут «творить его волю». На стороне большевиков оказалась основная часть и в Совете рабочих депутатов. В результате на состоявшемся 9 декабря заседании губернского Совета рабочих, военных и крестьянских депутатов председателем этого совета был избран большевик В.В. Кураев. Он же был назначен

11 декабря главным редактором печатного органа губернского Совета под названием «Известия губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [49].

После большевизации губернского Совета газета «Голос Правды» перестала выходить. Из-за экономических трудностей меньшевики прекратили выпуск газеты «Борьба», эсеры – газеты «Социалист-революционер», земская управа – «Народной газеты». Все сотрудники газеты «Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов» покинули редакцию и с 17 декабря начали издавать ежедневную широкоформатную газету «Наш Путь» – печатный орган объединённых социалистов, то есть меньшевиков и правых эсеров, не признавших социалистическую революцию в России. Но попрежнему регулярно выходили кадетская газета «Пензенская речь» и журнал «Пензенские епархиальные ведомости», постоянно критиковавшие большевиков и органы Советской власти.

Губернские органы власти, созданные Временным правительством, были распущены. В соответствии с «Декретом о выборном начале и об организации власти в армии», изданным Совнаркомом, Совет солдатских депутатов избрал исполняющим обязанности начальника военного гарнизона и начальником 30-й бригады большевика Г.О. Макеева, а следом газета «Наш Путь» сообщила читателям о том, что «председателем Совета солдатских депутатов Г.О. Макеевым было предложено заместителю губернского комиссара Временного правительства сдать дела представителям новой власти» [50].

В номере за 13 декабря газета «Известия губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» опубликовала программу деятельности губернской Советской власти: «Первая задача, которая стоит перед Советом, – это водворить революционный порядок и в городе, и в уездах. При решении её Совет не остановится ни перед чем. Погромы и разбои будут пресекаться самыми беспощадными мерами – вплоть до расстрелов – благо в распоряжении Совета имеются уже несколько пулеметов.

Вторая задача – это созыв общегубернского крестьянского съезда. Надо остановить разлившуюся по всей губернии волну аграрных беспорядков. Это можно сделать, только организовав крестьян и передав в распоряжение земельных комитетов не только землю, но и экономии.

Борьба со спекуляцией, мародёрством и хищениями – третья задача. Совет организует революционный трибунал. Со спекулянтами и мародёрами короткая расправа – под суд и в тюрьму.

«Продовольственный вопрос и ещё, и ещё»

В этом же номере газеты под рубрикой «Хроника» публиковались такие новости: «Из Петрограда пришло разрешение губернскому продовольственному комитету закупить для Пензы 100000 пудов хлеба в Акмолинской области»; в декабре будут выдаваться по фунту гречневой крупы на гражданина, а детям до 5 лет включительно – пшена» [51].

С 21 декабря в газете «Известия губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» в каждом номере публиковалось такое объявление: «На объединённом заседании Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов от 16 декабря было принято решение созвать общегубернский крестьянский съезд на 27 декабря.

Помните, братья, что от этого съезда зависит будущее не только вас, но и всех ваших потомков. Присылайте на него тех, кто будет защищать интересы большинства, деревенской бедноты».

Крестьянский съезд большевики готовили вместе с левыми эсерами, признавшими к тому времени Советскую власть и вошедшими в её органы. Съезд состоялся. Он одобрил «Закон о земле», принял программу действий по его осуществлению в Сурском крае. Все попытки кадетов, меньшевиков и правых эсеров сорвать проведение губернского крестьянского съезда провалились. На страницах газеты «Наш Путь» они заявляли: «...при большевистском распределении земли достаются сильным, слабосильным не достанется ровно ничего». Но этим лживым утверждениям делегаты съезда не поверили [52].

А 23 декабря губернская советская газета сообщила о начале национализации частных банков в Пензе, которые, по постановлению ВЦИК, сливались с государственным банком. Это «влекло за собой национализацию важнейших отраслей индустрии, общественную организацию производства». При этом «интересы мелких вкладчиков будут обеспечены в полной мере».

Газета «Наш Путь» заявляла по этому поводу: «Те, кто проводят меры, губящие банки, те разрушают всю нашу хозяйственную деятельность, а рабочему классу готовят страшную Голгофу». Эта публикация подействовала на банковских служащих – они объявили забастовку. Сообщая об этом, газета объединённых социалистов заявила: «ни одно учреждение в Пензе не будет работать под властью большевиков» [53]. Но через несколько дней банковские служащие вышли на работу. И постепенно финансово-экономическая жизнь в губернии стала налаживаться.

А вот городская дума, продовольственный комитет по-прежнему находились в руках правых эсеров и меньшевиков. В уездах у власти были ставленники комиссара Временного правительства, которые не торопились исполнять распоряжения органов Советской власти и передавать власть Советам.

Эти и другие жизненно важные проблемы большевикам предстояло решать уже в 1918 году, используя для этого газету «Известия губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». С 26 января 1918 года её редактором стал А.И. Марьин, ещё осенью возвратившийся из Москвы в Пензу, принимавший активное участие в здешних революционных событиях [54].

Вскоре губернский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов возглавил большевик А.Е. Минкин, а В.В. Кураева избрали секретарём комитета РКП(б), председателем Совета губернских комиссаров и комиссаром внутренних дел. С 4 апреля 1918 года стала выходить ежедневная

вечерняя газета «Молот» - орган Пензенского комитета РКП(б), освещавшая жизнь рабочих коллективов, партийных ячеек и профсоюзных организаций. В редколлегию её входили Г.Я. Гринштейн, П.В. Кутузов, А.И. Марьин, И.П. Федорчуков [55].

В результате в Пензе в апреле 1918 года исчезла демократическая бесцензурная пресса, рождённая Февральской буржуазно-демократической революцией, отражавшая различные воззрения политических партий и слоёв населения, а утвердилась партийно-советская печать, стоявшая на позициях марксистско-ленинской идеологии.

Источники и литература:

1. Чернозем. – 1917. – 2,7 марта; Пензенские губернские ведомости. – 1917. – 7,8 марта; В. Морозов. Пролог. – Пензенская правда. – 1967. – №61.
2. Чернозем. – 1917. – 2 марта; Пензенские губернские ведомости. – 1917. – 7,8 марта; Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. – 1917. – 20 апреля; Вестник Пензенского губернского исполнительного комитета и комиссариата. – 1917. – 21, 23 апреля.
3. Голов Н. Опьяненные радостью свободы// Мир людей. – 1997. – 27 февраля.
4. Дмитрук Е.Я. Пензенская губернская периодическая печать за 1917–1928 гг.// Краеведческие записки. Вып.1. – Пенза: Пензенское книж. изд-во, 1963. – С.96, 97.
5. Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1917. – 20 апреля.
6. Жаткин Д.Н., Дорошин Б.А. История СМИ Пензенского края. 1998. С. 83,8 4.
7. Вестник Пензенского губернского исполнительного комитета и комиссариата. – 1917. – № 89, 90, 110, 114; Шварев В. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Пензенской губернии. – Пенза: Пензенское книж. изд-во,1953. – С.42,43.
8. Социалист-революционер. – 1917. – 28 июля, 28 августа.
9. Жаткин Д.Н., Дорошин Б.А. Указ. соч. С.80-83.
10. Шварев В. Указ. соч. – С.35; Жаткин Д.Н., Дорошин Б.А. Указ. соч. – С.83,84.
11. Социалист-революционер. – 1917. – 28 июля.
12. Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1917. – 20 апреля, 1 мая.
13. Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1917. – 5 мая.
14. «Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 – март 1918». В 2-х кн./Ответств. сост. В.В. Кондрашин. – Прага, 2014. Кн.2. – С. 163; Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1917. – 5,16, 17 мая.
15. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 979. Оп.1. Д.5. Л.16-17; Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1917. – 16, 17 мая.
16. Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. Сборник документов и материалов. – Пенза: Пензенское книж. изд-во, 1957. – С. 90,91.
17. Вестник Пензенского губернского исполнительного комитета и комиссариата. – 1917. – 19, 20 мая; Морозов В.Ф. Борьба большевиков за установление Советской власти в губерниях центральной России: октябрь 1917 г. – март 1918 г. – Саратов-Пенза: Приволжское книж. изд-во, 1967. – С. 165,177.
18. Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1917. – 31 мая.
19. ГАПО. Ф. 177. Оп.1. Д.338. Л.41.
20. Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1917. – 21, 22 июня.
21. Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. Сборник документов и материалов. – Пенза: Пензенское книж. изд-во, 1957. – С.97,98.

22. Известия рабочих, военных, и крестьянских депутатов. – 1917. – 25 июня.
23. Борьба. – 1917. – 25, 26, 27 июня.
24. Вестник Пензенского губернского исполнительного комитета и комиссариата. – 1917. – 12 августа.
25. Борьба. – 1917. – 1, 8 июля.
26. Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1917. – 28 мая; Морозов В.Ф.Указ.соч. -С.156,489; Шварев В. Указ. соч. – С.48.
27. Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1917. – 20 июля; Шварев В. Указ. соч. С.49.
28. Известия рабочих, военных; и крестьянских депутатов. – 1917. – 28 июня; Борьба. – 1917. – 18 августа.
29. Вестник Пензенского исполнительного комитета и комиссариата. – 1917. – 16 июля, 5 сентября.
30. Борьба. – 1917. – 21 июля.
31. Социалист-революционер. – 1917. – 28 июля, 4 августа.
32. Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1917. – 27,28, августа.
33. Вестник Пензенского исполнительного комитета и комиссариата. – 1917. – 4 сентября.
34. Социалист-революционер. – 1917. – 11 сентября.
35. Вестник Пензенского губернского исполнительного комитета и комиссариата. – 1917. – 5 сентября. Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1917. – 9 августа.
36. Борьба. – 1917. – 20 сентября.
37. Вестник Пензенского исполнительного комитета и комиссариата. – 1917. – 8 октября; Шварев В. Указ. соч. – С. 61.
38. Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1917. – 28 сентября, 13 17 октября; Морозов В.Ф. Указ соч. – С. 173, 180.
39. Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1917. – 27, 29 октября.
40. Вестник Пензенского губернского комиссариата. – 1917. – 28 октября; Пензенская речь. – 1917. – 27 октября.
41. Социалист-революционер. – 1917. – 26 октября, 3,10 ноября, 1 декабря.
42. Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1917. – 28, 29, 31 октября; 3, 8, 10, 14 ноября.
43. Борьба. – 1917. – 30 октября, 3, 8 ноября.
44. Голос Правды. – 1917. – 11, 17, 18 ноября.
45. Голос Правды. – 1917. – 17, 18 ноября.
46. Голос Правды. – 1917. – 11,9 ноября; Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1917. – 11 ноября.
47. Голос Правды. – 1917. – 19, 21, 28 ноября.
48. Голос Правды. – 1917. – 30 ноября; Шварев В. Указ. соч. – С. 77, 81.
49. Известия рабочих, военных и крестьянских депутатов. – 1917. – 6 декабря; Вестник Пензенского губернского комиссариата. – 1917. – 14 декабря.
50. Известия губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1917. – 21 декабря; Наш Путь. – 1917. – 22 декабря.
51. Известия губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1917. – 21 декабря.
52. Наш Путь. – 1917. – 22 декабря.
53. Наш Путь. – 1917. – 23 декабря.
54. Известия губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918. – 26 января.
55. Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. – С. 246, 248; Молот. – 1918. – 4 апреля.
56. Краеведческие записки. Пенза: Пензенское книж. изд-во, 1963. – С. 103.

References

1. Chernozem. – 1917. – 2,7 marta; Penzenskie gubernskie vedomosti. – 1917. – 7,8 marta; V. Morozov. Prolog. – Penzenskaja pravda. – 1967. – №61.
2. Chernozem. – 1917. – 2 marta; Penzenskie gubernskie vedomosti. – 1917. – 7,8 marta; Izvestija rabochih, krest'janskih i voennyh deputatov. – 1917. – 20 aprelja; Vestnik Penzenskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta i komissariata. – 1917. – 21, 23 aprelja.
3. Golov N. Op'janennye radost'ju svobody// Mir ljudej. – 1997. – 27 fevralja.
4. Dmitruk E.Ja. Penzenskaja gubernskaja periodicheskaja pechat' za 1917-1928 gg.// Kraevedcheskie zapiski. Vyp.1. – Penza: Penzenskoe knizh. izd-vo, 1963. – S.96, 97.
5. Izvestija rabochih, voennyh i krest'janskih deputatov. – 1917. – 20 aprelja.
6. Zhatkin D.N., Doroshin B.A. Istorija SMI Penzenskogo kraja. 1998. S. 83,8 4.
7. Vestnik Penzenskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta i komissariata. – 1917. – № 89, 90, 110, 114; Shvarev V. Bor'ba za ustanovlenie i uprochenie Sovetskoj vlasti v Penzenskoj gubernii. – Penza: Penzenskoe knizh. izd-vo,1953. – S.42,43.
8. Socialist-revoljucioner. – 1917. – 28 ijulja, 28 avgusta.
9. Zhatkin D.N., Doroshin B.A. Ukaz. soch. S.80-83.
10. Shvarev V. Ukaz. soch. – S.35; Zhatkin D.N., Doroshin B.A. Ukaz. soch. – S.83,84.
11. Socialist-revoljucioner. – 1917. – 28 ijulja.
12. Izvestija rabochih, voennyh i krest'janskih deputatov. – 1917. – 20 aprelja, 1 maja.
13. Izvestija rabochih, voennyh i krest'janskih deputatov. – 1917. – 5 maja.
14. «Penzenskaja gubernija v gody Pervoj mirovoj vojny. 1914 – mart 1918». V 2-h kn./Otvetstv. sost. V.V. Kondrashin. – Praga, 2014. Kn.2. – S. 163; Izvestija rabochih, voennyh i krest'janskih deputatov. – 1917. – 5,16, 17 maja.
15. Gosudarstvennyj arhiv Penzenskoj oblasti (GAPO). F. 979. Op.1. D.5. L.16-17; Izvestija rabochih, voennyh i krest'janskih deputatov. – 1917. – 16, 17 maja.
16. Podgotovka i pobeda Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii v Penzenskoj gubernii. Sbornik dokumentov i materialov. – Penza: Penzenskoe knizh. izd-vo, 1957. – S. 90,91.
17. Vestnik Penzenskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta i komissariata. – 1917. – 19, 20 maja; Morozov V.F. Bor'ba bol'shevikov za ustanovlenie Sovetskoj vlasti v gubernijah central'noj Rossii: oktjabr' 1917 g. – mart 1918g. – Saratov-Penza: Privolzhskoe knizh. izd-vo, 1967. – S. 165,177.
18. Izvestija rabochih, voennyh i krest'janskih deputatov. – 1917. – 31 maja.
19. GAPO. F. 177. Op.1. D.338. L.41.
20. Izvestija rabochih, voennyh i krest'janskih deputatov. – 1917. – 21, 22 ijunja.
21. Podgotovka i pobeda Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii v Penzenskoj gubernii. Sbornik dokumentov i materialov. – Penza: Penzenskoe knizh. izd-vo, 1957. – S.97,98.
22. Izvestija rabochih, voennyh, i krest'janskih deputatov. – 1917. – 25 ijunja.
23. Bor'ba. – 1917. – 25, 26, 27 ijunja.
24. Vestnik Penzenskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta i komissariata. – 1917. – 12 avgusta.
25. Bor'ba. – 1917. – 1, 8 ijulja.
26. Izvestija rabochih, voennyh i krest'janskih deputatov. – 1917. – 28 maja; Morozov V.F.Ukaz.soch. – S.156,489; Shvarev V. Ukaz. soch. – S.48.
27. Izvestija rabochih, voennyh i krest'janskih deputatov. – 1917. – 20 ijulja; Shvarev V. Ukaz. soch. S.49.
28. Izvestija rabochih, voennyh; i krest'janskih deputatov. – 1917. – 28 ijunja; Bor'ba. – 1917. – 18 avgusta.
29. Vestnik Penzenskogo ispolnitel'nogo komiteta i komissariata. – 1917. – 16 ijulja, 5 sentjabrja.
30. Bor'ba. – 1917. – 21 ijulja.

31. Socialist-revoljucioner. – 1917. – 28 ijulja, 4 avgusta.
32. Izvestija rabochih, voennyh i krest'janskih deputatov. – 1917. – 27,28, avgusta.
33. Vestnik Penzenskogo ispolnitel'nogo komiteta i komissariata. – 1917. – 4 sentjabrja.
34. Socialist-revoljucioner. – 1917. – 11 sentjabrja.
35. Vestnik Penzenskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta i komissariata. – 1917. – 5 sentjabrja. Izvestija rabochih, voennyh i krest'janskih deputatov. – 1917. – 9 avgusta.
36. Bor'ba. – 1917. – 20 sentjabrja.
37. Vestnik Penzenskogo ispolnitel'nogo komiteta i komissariata. – 1917. – 8 oktjabrja; Shvarev V. Ukaz. soch. – S. 61.
38. Izvestija rabochih, voennyh i krest'janskih deputatov. – 1917. – 28 sentjabrja, 13 17 oktjabrja; Morozov V.F. Ukaz soch. – S. 173, 180.
39. Izvestija rabochih, voennyh i krest'janskih deputatov. – 1917. – 27, 29 oktjabrja.
40. Vestnik Penzenskogo gubernskogo komissariata. – 1917. – 28 oktjabrja; Penzenskaja rech'. – 1917. – 27 oktjabrja.
41. Socialist-revoljucioner. – 1917. – 26 oktjabrja, 3,10 nojabrja, 1 dekabrja.
42. Izvestija rabochih, voennyh i krest'janskih deputatov. – 1917. – 28, 29, 31 oktjabrja; 3, 8, 10, 14 nojabrja.
43. Bor'ba. – 1917. – 30 oktjabrja, 3, 8 nojabrja.
44. Golos Pravdy. – 1917. – 11, 17, 18 nojabrja.
45. Golos Pravdy. – 1917. – 17, 18 nojabrja.
46. Golos Pravdy. – 1917. – 11,9 nojabrja; Izvestija rabochih, voennyh i krest'janskih deputatov. – 1917. – 11 nojabrja.
47. Golos Pravdy. – 1917. – 19, 21, 28 nojabrja.
48. Golos Pravdy. – 1917. – 30 nojabrja; Shvarev V. Ukaz. soch. – S. 77, 81.
49. Izvestija rabochih, voennyh i krest'janskih deputatov. – 1917. – 6 dekabrja; Vestnik Penzenskogo gubernskogo komissariata. – 1917. – 14 dekabrja.
50. Izvestija gubernskogo Soveta rabochih, soldatskih i krest'janskih deputatov. – 1917. – 21 dekabrja; Nash Put'. – 1917. – 22 dekabrja.
51. Izvestija gubernskogo Soveta rabochih, soldatskih i krest'janskih deputatov. – 1917. – 21 dekabrja.
52. Nash Put'. – 1917. – 22 dekabrja.
53. Nash Put'. – 1917. – 23 dekabrja.
54. Izvestija gubernskogo Soveta rabochih, soldatskih i krest'janskih deputatov. – 1918. – 26 janvarja.
55. Podgotovka i pobeda Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii v Penzenskoj gubernii. – S. 246, 248; Molot. – 1918. – 4 aprelja.
56. Kraevedcheskie zapiski. Penza: Penzenskoe knizh. izd-vo, 1963. – C. 103.

УДК 93+94 DOI: 10.24045/conf.2017.1.3

АЛКОГОЛЬ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ РЕЖИМА (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА)

Суменкова М.В.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Пензенский государственный технологический университет,
Пенза, Россия

Аннотация. *В статье проведён анализ государственной политики по борьбе с потреблением алкоголя населением России в начале 20 века и после Октябрьской революции 1917 года. Автор описывает причины, механизмы, инструменты и цели алкогольной политики царского правительства и Советской власти. В статье представлены результаты деятельности, которые оказали влияние на социальные, экономические, политические процессы в России.*

Ключевые слова: *алкоголь, государственная политика, политический строй, потребление алкоголя, борьба с алкоголизмом, Октябрьская революция.*

ALCOHOL AS A FACTOR OF DESTABILIZATION OF THE REGIME (ON THE EXAMPLE OF RUSSIA IN THE FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURY)

Sumenkova M.V.
Candidate of Philosophy,
Associate professor of Philosophy department
Penza State Technological University
Penza, Russian Federation

Abstract. The article analyzes public policies to fight against alcohol consumption by the population of Russia in the early 20th century, and after the October Revolution of 1917. Author describes the causes, mechanisms, tools and goals of the alcohol policy of the Tsar government and the Bolsheeviks. The article presents the results of the activities which had an impact on social, economic and political processes of Russia.

Key words: alcohol, public policy, political regime, alcohol consumption, fighting alcoholism, October Revolution.

Алкоголь включен ВОЗ в число веществ алкогольно-барбитурового ряда, вызывающих болезненное пристрастие. Алкоголь, обладая аналогичными свойствами наркотических веществ, не запрещён законодательством к обороту, несмотря на очевидную равнозначность социальной опасности, наравне с наркотиками.

История употребления алкоголя человечеством показывает, что, во-первых, употребление алкоголя получило распространение в обществе тогда, когда появились возможности тратить на его изготовление часть пищевых продуктов. Во-вторых, алкоголь поначалу применялся главным образом в религиозных и лекарственных целях. Однако, притягательность алкоголя – его способность трансформировать психическое состояние человека, расширяли

и углубляли потребление спиртного, выводя его за рамки общественного полезного и социально не опасного явления. Кроме того, бродильные напитки, изначально употребляемые человечеством – квас, пиво, медовуха, вино и др. не столь опасны, как спиртные напитки, появившиеся благодаря техническому прогрессу, получаемые путём дистилляции и ректификации. С появлением спирта, водок, настоек, виски, рома и т.д., аддиктивное поведение личности становится девиантным. Аддиктивное поведение предполагает использование каких-либо веществ с целью ухода от реальности и получения желаемых эмоций или удовлетворения биологических, а, прежде всего, социальных потребностей. Это поведение, которое относительно не соответствует общепринятым или установленным социальным нормам, в отношении которого в обществе существуют двойные стандарты. К примеру, употребление спиртных напитков до формирования заболевания – пьянства, алкоголизма, поощряется, а после осуждается, так как человек становится больным, криминальным и социально-опасным – девиантом. Девиантное поведение – это поведение, нарушающее социальные, культурные, правовые нормы. Причин роста девиантных отклонений множество: это и рост благосостояния людей, и бескультурье, традиции, стрессы, урбанизация, качественные и количественные изменения в экономике, называемые в современном мире – модернизацией. Модернизация общества в России всегда была связана с усилением алкоголизации населения. Чем стихийнее были процессы модернизации, тем актуальнее вставал вопрос борьбы с алкоголепотреблением, мешавшим власти эффективно управлять общественным сознанием и направлять массы на реализацию поставленных целей.

Революционные события 1917 г. – не исключение из вышеуказанного ряда. Причины проблем потребления алкоголя населением России, с которыми столкнулись большевики, были заложены ещё царским режимом в годы Первой мировой войны.

Начало военных действий, вступление России в Первую мировую войну, необходимость провести мобилизацию войск без срывов и пьяных бунтов привело правительство к немедленному разрешению вопроса: питейная торговля была запрещена. Военный министр В.А. Сухомлинов к маю 1914 г. подготовил план закрытия всех питейных заведений, кроме ресторанов первого разряда, в районах мобилизации войск [1]. Поскольку большинство легальных питейных заведений было сосредоточено в сёлах и городах, где находились призывные пункты, а водка была неотъемлемым атрибутом традиционного ритуала проводов в армию, то на начало мобилизации пришлась вспышка погромов питейных заведений и транспортов вина. Несмотря на то, что «сухой закон» был слабым гарантом воинской дисциплины, иностранные и отечественные наблюдатели сошлись на том, что «сухая» мобилизация 1914 г. прошла гораздо успешнее мобилизации в русско-японскую войну. Отмечая данные успехи, Л.П. Барк, оставаясь реалистом, понимал, что для финансирования военных действий правительству не обойтись без 600 млн. руб. питейного дохода, поэтому планировалось возобновить питейную торговлю в августе, подняв при

этом цены на водку в 2 раза [2]. Совет Министров первоначально продлил воспрещение питейной торговли до 1 сентября, затем продлив его до 1 ноября. Однако, общественная поддержка «сухого закона», оказала определённое влияние на царя, который 28 сентября 1914 г. сообщил великому князю Константину Константиновичу, почётному председателю самого известного Общества Трезвости, что «решил запретить государственную торговлю водкой в России навсегда» [3, с. 151].

Когда канал легального получения спиртного был перекрыт, волна спроса искала выход. Интеллигенция, или точнее люди, считающиеся интеллигентными по грамотности, старались путём всевозможных обходов, обманом достать водку или спирт. Многие стали считать для себя необходимым употребление спиртного, как своеобразный протест против «царской опеки». Эта прихоть населения находила себе поддержку в крайней неопределённости правил отпуска спирта по особым разрешениям. Акцизные чиновники указывали, что «никогда не требовалось столько спирта на так называемые технические цели, как после запрещения питейной торговли. Многочисленные лазареты, больницы, аптеки, конные заводы, физические кабинеты учебных заведений, кондитерские и красильные заведения, зубные врачи, даже монастыри, все – являлись усердными потребителями спирта. Там где прежде обходились денатуратом – для чистки вещей, массажа лошадей, в больницах – теперь необходим ректификат, где прежде довольствовались незначительным количеством, теперь требуются целые вёдра» [4]. Полное отсутствие каких-либо правил отпуска водочных изделий и спирта для технических целей, привело к усиленному их сбыту, большая часть которых теперь обращалась на питьевые цели. Была запрещена продажа из аптек без рецептов врачей медицинского препарата под названием «Киндер-бальзам», который готовился аптекарями из денатурированного спирта и потреблялся населением достаточно активно ещё при свободной продаже казённой водки, так как стоил в 3-4 раза дешевле неё. В результате за один только месяц 1914 г. из ренсковых погребов было продано по рецептам врачей до 28% всего годового оборота спирта. По запискам полиции в ноябре 1914 г., из ренсковых погребов было выбрано 25% годовой продажи спиртного. Церковным служителям в декабре 1914 г. было отпущено 50% годового оборота. Управление Главного Врачебного Инспектора 18 октября 1915 г. выпустило список препаратов, содержащих спирт, но отпускаемый без рецептов врачей, продажа которых потребителям теперь ограничивалась, к примеру, капли Боткинские, капли Иноземцева можно было отпускать не более одного флакона в одни руки, что было предпринято для недопущения обращения этих лечебных препаратов в качестве охмеляющих напитков. Для обуздания незаконного потребления спирта, предусмотренного для медицинских целей, Управлением Главного Врачебного Инспектора в марте 1916 г. было выпущено постановление об отпуске спирта различных крепостей по запискам зубных врачей только для их собственной надобности, но ни в коем случае не для пациентов. Так как участились случаи пьянства, особенно среди воинских чинов, напивавшихся

спиртными напитками, полученными из аптек, по рецептам врачей для лечебных нужд. Для недопущения обращения спиртных напитков, необходимых для военных и медицинских нужд, Министр Внутренних Дел предложил предоставлять чинам полиции право производить на станциях железных дорог опросы нетрезвых военных о месте приобретения ими спиртных напитков. Несмотря на то, что данная мера была необходима, этот проект не был принят, что привело к частым злоупотреблениям военных чинов своим положением для получения спиртного [5].

Основная часть населения, которой были недоступны эти пути приобретения спиртного, стали употреблять суррогаты. В первые месяцы запрета значительно увеличился спрос населения на денатурированный спирт, использовавшийся до войны для освещения и отопления помещений. Массовый спрос на денатурированный спирт, привел к увеличению его цены в незаконной продаже до 18 руб. за 1/4 ведра. Об обращении денатурата на питьевые цели свидетельствует факт того, что увеличилось число смертей от острых алкогольных отравлений. В 1915 г. в Пензенской губернии от отравления алкогольными суррогатами умерло 329 человек [6]. В городах появились так называемые «ханжисты» – люди, изготовляющие из денатурата питьевой напиток путём уничтожения неприятного запаха денатурата. Четверть денатурированного спирта разбавлялась пятью бутылками «фиалки» или клюквенной воды, в результате чего получалось две четверти «ханжи» – крепостью 45 градусов, в которых заключалось 300 рюмок. За продажу «ханжи» выручалось около 75 руб., при этом себестоимость приготовления двух четвертей этого напитка составляла всего 1 руб. 38 коп. (четверть денатурата стоила 78 коп., бутылка «фиалки» или клюквенной воды 12 коп.). Таким образом, этот нехитрый промысел приносил чистой прибыли около 73 руб., поэтому «ханжисты» предлагали за перепродажу им денатурата до 80 руб., но даже по такой высокой цене с марта 1915 г. достать денатурат стало практически невозможно. Поэтому к концу 1915 г. продажа «ханжи» или денатурата в городах практически исчезла, а в сельской местности такая торговля практически отсутствовала и до этого времени. В первые месяцы запрета городские низы употребляли в питьевых целях не только денатурат, но и лак, политуру, древесный спирт, одеколон. Но потребление этих суррогатов приводило к тяжёлым заболеваниям. При отравлении денатуратом больные доставлялись к врачам обычно в бессознательном состоянии, «зрачки на свет не реагировали, рефлексы отсутствовали, пульс не прощупывался, конечности и лицо синее, покрытое клейким потом, больные чаше всего находились в состоянии, близком к белой горячке. При отравлении древесным спиртом практически во всех случаях наблюдалось расстройство зрения или полная слепота, обусловленная атрофией зрительных нервов. Отравление политурой сопровождалось судорожными явлениями, сведением челюстей, повышенными рефлексами, частыми последствиями употребления политуры были паралич пузыря или прямой кишки»[7].

Размышляя над причинами негативных последствий принудительной трезвости профессор И.Н. Введенский в 1915 г. писал: «алкоголь играет

слишком большую роль в нашей жизни, чтобы внезапный переход к трезвости прошел легко и безболезненно. С исчезновением водки образовалась в бытовом укладе народа пустота, которую жизнь стремится так или иначе заполнить, и это приспособление к новым условиям принимает болезненные и опасные формы» [8, с. 31].

Так как Россия страна преимущественно аграрная, крестьяне, которым в годы запрета были практически недоступны, употребляемые горожанами суррогаты (денатурат, политура, лак, одеколон), находили другой выход: в деревнях вспомнили старинные рецепты приготовления домашнего пива, кваса повышенной крепости. Отсутствие спиртных напитков стало страшным последствием августа 1914 г., так как для крестьян и приходского духовенства стала невозможна реализация большинства религиозных обрядов. Кроме затруднений в отправлении обрядов, отсутствие казённой водки привело к осложнению межличностных отношений в крестьянской среде, так как водка всегда являлась эквивалентом в оплате каких-либо услуг. Итоги опросов общественного мнения показали, что более половины населения требуют возобновить продажу водки для бытового потребления: 45% высказались за то, чтобы возобновить продажу водки в лечебных целях, 28% – для праздников, 18% – для экономических целей (магарычи, помочи) и только 9% населения высказалось за необходимость возобновить продажу спиртного, так как невозможно отказаться от алкоголя в силу привычки, что приводит к употреблению суррогатов [9, с. 35].

По данным священнослужителей и полиции, бражку, пиво, квас – готовят практически в каждой избе, особенно перед праздниками, для собственного употребления. Городское население, состоящее преимущественно из бывших крестьян, так же традиционно употребляло спиртное в праздники, но не имело возможности производить дома квас, пиво, брагу из-за отсутствия сырья. Таким образом, большой спрос в городах на алкогольные суррогаты домашнего производства, привёл к быстрому появлению производства домашних, сельских суррогатов для продажи в город. О том, что суррогаты изготовлялись преимущественно на праздники и помочи, свидетельствует диаграмма раскрытия тайной торговли опьяняющим квасом по месяцам, причём максимум приготовления квасов приходится на осенние месяцы – окончание полевых работ и праздники, а минимум совпадает со временем Великого поста. В городах фабрикации кваса и его производство, продажа особыми предпринимателями достигли больших успехов не только по производству, но и по увеличению содержания алкоголя посредством прибавления патоки, и по улучшению вкусовых качеств путем прибавления хмеля и некоторых других ароматических растений, не исключая прибавления табака. Наказание, установленные за эти правонарушения по обязательным постановлениям губернатора в размере трёх месяцев или штрафа в размере 3000 руб., мало кого устрашали в виду выгодности производства [10, с. 31].

Наряду с приготовлением кваса повышенной крепости население стало выделывать для собственного потребления и выдворять на рынки «лёгкую

брагу». В связи с тем, что уровень техники значительно вырос в результате промышленного переворота, населению стало доступно домашнее приготовление водки из бражки. Так называемое тайное винокурение (самогоноварение) было очень распространено в Западных губерниях, в которых беженцы из Царства Польского, Литвы, Прибалтики изготовляли нехитрые брагоперегонные аппараты, продавали их местному населению, обучая за небольшую цену пользоваться этими нехитрыми приборами. Самодельный брагоперегонный аппарат состоял из жестяного сосуда, имеющего в верхней части подвешенную тарелочку с отводящей трубой; в сосуде кипятилась бражка, сосуд прикрывался конусообразной крышкой, обращённой конусом вниз, на крышку наливалась вода или клался лёд, пары бражки поднимались к крышке, конденсировались и стекали в тарелочку, из которой по отводной трубке полученная жидкость сливалась в бутыль. Стоимость такого аппарата не превышала 10-20 руб., а бутылка, получаемой водки-самокурки крепостью не менее 25 градусов, продавалась по 6-8 руб. По полученным Департаментом полиции сведениям, в 1916 г. в разных местностях Империи распространился новый промысел, представители которого «разъезжают по деревням, предлагая населению новые приборы для перегонки спирта, принимая на себя при продаже аппаратов обучение покупателей» [11]. Крепость конфискованных напитков доходила до 32 градусов, по показаниям виновных, «они научились «гнать водку» – одни от бывших служащих винокуренных заводов, другие от приезжих беженцев, третьи, случайно, в дороге от пассажиров. За продажу одной бутылки самогона по 1 руб., был предусмотрен штраф в размере 1000 руб., а за повторное задержание – тюремное заключение сроком до 8 месяцев, но несмотря на жёсткие санкции, торговля самогоном с 1915 г. стала массовым промыслом [12].

Общественность России пыталась доказать, что введение «сухого закона» привело к улучшению социальной жизни русского общества. Ф.Г. Углов писал: «в 1915 г. производительность труда увеличилась в среднем на 9,3%, прогулы снизились на 27-43%» [13, с. 110]. Профессор И.Н. Введенский указывал, что «прекращение продажи спиртного привело к уменьшению душевнобольных, к увеличению членов и размеров взносов в ПОТ, сокращению преступности на 45%...» [14, с. 13]. В 1915 г. в Москве на Всероссийском Совещании по борьбе с алкоголизмом на основании многочисленных докладов врачей и учёных было принято решение, что понятие «умеренность» неприложимо к бытовому потреблению спиртосодержащих жидкостей, так как всякое потребление яда есть неумеренность и злоупотребление.

Введение «сухого закона» и увеличение военных расходов казны, не могли не отразиться на существовании развитой инфрастуктуры питейной торговли, созданной за 20 лет монополии. Казённые винные склады производили работы только по приготовлению и разливу денатурированного спирта. Казённые винные лавки в течение времени практически все были закрыты, а помещения, принадлежащие казне и расположенные вблизи железных дорог, переданы под лазареты для раненых военных. По всей России

было закрыто 24000 казённых винных лавок, уволено со службы 50000 человек, на службе по вольному найму осталось не более 10% от прежнего числа [15]. Таким образом, огромный механизм, продуманный до мелочей, был практически безвозвратно уничтожен, нанеся казне огромные убытки. Однако, материальные потери от ликвидации казённых винных лавок, были ничем по сравнению с общими потерями от введения «запрета» на питейную торговлю. Кроме того, в связи с ухудшившейся политической ситуацией и увеличением вооружённых ограблений винокуренных заводов, складов и транспортов спирта 29 августа 1916 г. МВД выпустило негласное постановление – «Правила об уничтожении, по чрезвычайным обстоятельствам, спирта, вина и прочих крепких напитков, принадлежащих как казне, так и частным лицам» [16]. Между тем оказалось, что в начале 1917 г. правительство стало испытывать недостаток спирта, необходимого для нужд пороховой промышленности, а для вывоза спирта за границу – в помощь союзникам, казённого спирта вообще не было.

После Октябрьской революции спирт продолжал оставаться стратегическим продуктом. По новому постановлению правительства 1917 г. спирт требовалось охранять, а не уничтожать [17]. Так, в декабре 1917 г. чиновники Акцизного ведомства обратились к Советам солдатских депутатов с просьбой о том, что в связи с тем, что спирт является государственной собственностью, чтобы солдаты охраняли склады и заводы от разграблений населением. Однако, военная охрана не во всех случаях являлась формой защиты казённого имущества. К примеру, военная охрана казённого винного склада в г. Саранск привела к тому, что именно военные, охранявшие спирт, стали инициаторами его разграбления. В декабре 1917 г. 300 солдат местного гарнизона потребовали произвести оплату за охрану склада спиртом, а не деньгами. Начальник гарнизона принял самоличное решение производить такую оплату в размере ½ бутылки спирта в день на человека. В результате на следующий день толпа солдат захватила склад, который в ночь был полностью разграблен и сожжён [18]. Печальная практика грабежей повергла в разруху не только казённое имущество, но и почти все частные винокуренные заводы.

Таким образом, употребление алкоголя, если оно и сократилось, то незначительно, оно лишь стало скрытым, приобрело более грубые формы и неизбежно приводило к более тяжким последствиям. Но самую большую опасность для новой власти представляло самогоноварение. Двухсотлетний строгий надзор со стороны помещиков, винокуренных заводчиков, государства привели к тому, что население практически утратило технологию производства алкогольных напитков, доступность и сравнительная дешевизна казённой водки в годы казённой винной монополии подавила потребность изготовлять любые суррогаты. Введение запрета на продажу казённой водки и неискоренимая бытовая потребность населения в алкоголе вновь возродила к жизни эти незаконные промыслы. При этом отрицательные последствия питьевого употребления алкоголя, которые правительство пыталось искоренить введением «сухого закона» не только не уменьшились, но и усугубились.

Винокуренная инфраструктура в связи с невозможностью сбыта спирта развалилась, разорив огромное число производителей. А государство пострадало от этой политики вдвойне. Во-первых, появился дефицит бюджета размером в 674 млн. руб., способствовавший инфляции, а, следовательно, разрушению экономических механизмов, поддерживающих империю от развала. Во-вторых, борьба с пьянством как поиск эффективных форм социального управления провалилась, фактически вызвав дестабилизацию царского режима власти.

Участие России в Первой мировой войне, несмотря на смену формы правления, требовали и от Советского правительства восстановления производства спирта, необходимого для нужд фронта и медицины. В результате к лету 1918 г., Управление Акцизными сборами РСФСР потребовало от местных властей доставить сведения «об убытках, понесённых республикой от расхищения, присвоения, уничтожения и самовольной распродажи казенного имущества за период с 1 ноября 1917 г. по июль 1918 г.» [19]. В России к осени 1918 г. осталось чуть более 2 млн. вёдер спирта, что составляло от довоенного запаса 3,8%. А по подсчётам ВСНХ, для технических и медицинских целей Советской республике ежегодно требовалось не менее 4,5 млн. вёдер спирта. 27 января 1918 г. все винокуренные заводы были национализированы, а ЦСУ наметил на 1919 г. возобновление винокурения в 4 губерниях: Тульской, Рязанской, Тамбовской и Пензенской, для чего требовалось 60 млн. руб. [20]. По подсчётам ВСНХ, себестоимость ведра спирта составляла более 33 руб., в то время как до 1917 г. стоимость производства ведра спирта не превышала 1 руб. В Пензенской губернии, которая до 1914 г. занимала первое место в России по производству спирта, и несмотря на то, что находилась она теперь в прифронтовой полосе, были снижены наряды на поставку картофеля на фронт и восстановлено 42 винокуренных завода [21].

В отношении потребителей Советская власть продлила действие «сухого закона». «Третьим декретом 28 ноября 1917 г. был Декрет о сухом законе. Им предусматривалось 5 лет тюрьмы за самогоноварение и 1 год исправительных работ за появление в общественных местах в нетрезвом состоянии. В Красной Армии действовал неписаный закон – алкоголь отбирался у белых и уничтожался, а если комиссар был замечен пьяным, то его расстреливали» [22, с. 22].

Возникновение волн пьянства в периоды общественного переустройства, характеризующиеся значительными изменениями в социальном составе и структуре населения, массовой маргинализацией – естественное следствие модернизации. Чем в большей степени и с большей скоростью подвергается деформации базовая культура, тем в большей степени проявляется стремление людей выйти за пределы такой культуры. А этот выход может проявляться и в виде алкоголизации, наркомании, бунта и др. Чему мы находим яркое подтверждение в первой половине XX века. Первая мировая война, Февральская революция и Октябрьская революция, Гражданская война внесли анархию в общество, а продление Советской властью царского «сухого закона» продлили нарушение традиционного баланса спиртных напитков в городе и деревне. Как считал В.В. Похлебкин, «Водка

представляла собой мощный инструмент и удобный регулятор классового влияния. Если им умели пользоваться, и до тех пор, пока им пользовались разумно, он обеспечивал стабильность правления своему владельцу. Как только государство или господствующий класс утрачивали бразды правления и контроль за водкой, неизбежно возникали политические смуты, вырастали противоречия, до тех пор скрываемые или маскируемые» [23, с. 333].

Советская власть в первые годы правления надеялась, что социалистическая рабоче-крестьянская Россия будет строиться под знаменем воздержания от алкоголя. Однако, в первые же месяцы после Октябрьской революции пришлось признать, что население эту идею, мягко говоря, не поддерживает. В Воззвании «К населению» от 5 ноября 1917 г. отмечалось: «Установите строжайший революционный порядок, беспощадно подавляйте попытки анархии со стороны пьяниц, хулиганов, контрреволюционных юнкеров, корниловцев и тому подобное…» [24, с. 159]. Однако, мы видим, что грабежом спирта промышляли все категории населения, включая, в первую очередь, красноармейцев. Еще большей проблемой новой власти являлось самогоноварение. В своих воспоминаниях о работе Ельнинской ЧК Смоленской губернии в 1918 г. М.В. Исаковский отмечает, что «борьба с самогоноварением в тех условиях была борьбой за хлеб, за жизнь, и, в конечном счёте, борьбой за победу революции» [25, с. 41].

Действительно, Советской власти удалось справиться с грабежами, спасти некоторые запасы спирта, наладить его производство в условиях Гражданской войны для медицинских и военных целей, но справиться с самогоноварением, можно сказать, так и не удалось. В предприятиях противодействия государства самогоноварению рельефно проявилась традиционная российская коллизия. Народ – жертва насилия, но в то же время носитель анархического начала. Государство – репрессивная машина, но в то же время единственный носитель порядка в хаосе. На протяжении 20-х гг. XX века взаимоотношения крестьянства и власти характеризовались нестабильностью и конфликтностью. Эти конфликты принимали разнообразные формы, проявлялись на разных уровнях, и «самогонный вопрос» был одним из самых важных [26, с. 81-82].

Начиная с 1915 г., характерным явлением жизни российской деревни стало массовое самогоноварение, возникшее как реакция крестьянства на нарушение традиционного баланса спиртного в деревне. Широкому распространению самогоноварения после Октябрьской революции способствовали мероприятия государства по изъятию хлеба из деревни и установлению твёрдых цен на него, что делало торговлю суррогатами высоко прибыльной. Уже во время Гражданской войны борьбы с самогоноварением была тесно увязана с продовольственной политикой большевистского режима. Самогоноварение быстро преодолело границы повседневной жизни крестьянства и стало важным источником напряжённости во взаимоотношениях крестьянства и власти. В мае 1918 г. с целью предотвращения переработки хлеба на самогон был принят декрет ВЦИК «О предоставлении народному комиссару

продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» [27]. Самогонщики объявлялись врагами народа, за подпольное изготовление суррогатов предусматривалась уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок не менее 10 лет, притом с конфискацией имущества и принудительными работами. Выполнение этого декрета было нереальным в условиях Гражданской войны. Самогоноварение имело не только бытовые, но и экономические корни. Отсутствие отхожих промыслов, удешевление хлеба и самогон стал служить необходимым подспорьем в хозяйстве. Гнали самогон из различных продуктов, в зависимости от специализации района, в основном, из зерна и картофеля. Продажа самогона являлась очень выгодным занятием. Из 1,5 меры плохой картошки, 8 фунтов муки и 6 фунтов солода – 15 бутылок самогона. Использованные для изготовления самогона продукты в 1922 г. стоили 100 млн. руб., а 15 бутылок суррогата – 900 млн. руб. К большим праздникам самогоноварением занималось практически каждое крестьянское хозяйство, а в остальное время преимущественно беднота – для сбыта. В пригородах, при широком рынке сбыта самогоноварение приносило неплохой доход «3-4 раза выгонишь – сможешь лошадь купить» [28, с. 64]. В Андреевской волости Костромской губернии из 86 самогонщиков – 20 бедняков, 61 – середняк, 2 – зажиточных. Нередки были случаи, когда бедняки и середняки получали продукты и аппарат у зажиточного хозяина, а самогон отдавали обратно, работая за определённый процент суррогата. Оставшаяся после перегона барда скармливалась скоту. При этом, люди призванные вести борьбу с самогоноварением, сами оказывались в числе активных потребителей:

«– А те, кто с ним борьбу ведут,
– Те также аппетитно пьют –
– Его уничтожители,
– Его же потребители…» [29, с. 65].

Корреспондент «Русской Воли» делится следующими впечатлениями, вынесенными из поездки по Дорогужскому уезду Смоленской губернии: «Во всякой волости непременно подвизаются 2-3 петуха из своих, заведомо воры и пьяницы или бывшие полицейские. Они приходят в волостные советы избираются председателями, и под влиянием этих петухов происходят земельные захваты. В уезде процветает тайное винокурение: почти во всяком овине устроен винокуренный завод, причем самогонкой торгуют по цене 40-60 руб. четверть. Волостной совет увеличил цену на реквизируемый хлеб, установленную продовольственным комитетом с 2 руб. 65 коп. до 3 руб. 50 коп., при чем бесхлебными крестьянами оказались те, кто хлеб перекурил на самогон, у тех, кто хлеб сберёг, его отбирают и отдают винокурам. Результаты реквизиции – окровавленные рты и носы [30].

В результате увеличения малоимущих крестьян, рассматривавших самогоноварение как доходный промысел, неспособность властей повлиять на производство и потребление суррогатов, как на неотъемлемый элемент деревенской повседневности, привело к тому, что самогоноварение потеряло в глазах населения преступный промысел.

В Программе РКП(б), принятой на восьмом съезде, искоренение алкоголизма было отнесено к числу важнейших, долгосрочных социалистических задач. В декабре 1919 г. по инициативе В.И. Ленина Совнарком РСФСР принял Постановление «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ» [31]. Допускалось приобретение вина крепостью до 12 градусов в соответствии с разрешением, только для лечебных или религиозных целей по согласованию с местными Советами. При этом для технических целей спирт производится только на государственных предприятиях, а продажа спирта для питьевого потребления запрещена. Последним запретительным правовым актом можно считать положение, зафиксированное в Плане ГОЭЛРО 1920 г.: «Запрещение потребления алкоголя должно быть проведено и далее в жизнь, как безусловно вредного для здоровья населения» [32, с. 174].

К весне 1921 г. страна находится в состоянии разрухи, голода, для преодоления которой необходимы значительные средства, и в правительстве разворачивается серьёзная борьба по вопросу внутренних источников хозяйственного строительства, одним из которых вполне могла стать государственная торговля алкоголем, раз уж преодолеть пьянство всё равно не удалось.

9 августа 1921 г. Декретом СНК была разрешена продажа населению виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин крепостью до 14 градусов. Для регулирования вопросов производства и сбыта в январе 1922 г. создаётся Управление государственным виноградарством и виноделием. Летом 1922 г. постановлением СТО «ввиду исключительных условий работы на горных предприятиях и в целях поднятия интенсивности труда шахтёров» было предписано выдавать горнорабочим определённых категорий спирт для питьевых нужд по нормам, установленным Наркоматом здравоохранения. [33, с. 193]. Декрет СНК от 30 января 1923 г. и Постановление ЦИК и СНК от 3 декабря 1924 г., разрешившее изготовление и продажу наливок и настоек сначала крепостью до 20 градусов, а затем и до 30 градусов, по сути, окончательно дезавуировало декабрьский декрет 1919 г., хотя формально его ещё никто не отменял [34, с. 194]. Возможно, правительство было готово разрешить продажу наливок и настоек уже в начале 1922 г., однако из-за технических возможностей спиртовой промышленности реализация разрешения затянулась на целый год.

1 января 1922 г. Госспирт обратился к председателю ВСНХ с докладом о необходимости получения беспроцентной ссуды на нужды винокуренной промышленности. ВСНХ и НКФ единогласно признали необходимость поддержать винокуренную промышленность, имеющую государственное значение и определить размер ссуды 1,5 млн. руб. золотом. 30 января 1922 г. последовал Декрет Совнаркома о разрешении выделки и продажи населению наливок крепостью до 20 градусов, причём исключительное право предоставлялось Госспирту. Наличные запасы государственного спирта составляли 3 млн. вёдер, по плану 1922 г. должны были произвести еще

3 млн. вёдер для потребностей государства на оборону и медицину. При существующих мощностях винокуренной (восстановленной) промышленности больше произвести не удастся, следовательно, придётся отказаться от выпуска наливок, которые при продаже даже 2 млн. вёдер могли бы принести государству в виде акциза 20 млн. руб. золотом. Госспирт в защиту выпуска наливок для продажи приводит в ВСНХ следующие аргументы: Госспирт при переходе на начала хозяйственного расчёта никаких денежных средств не получил, спирт имеющийся ввиду запретительного характера спиртовой монополии не может быть реализован. Госспирт должен начать финансировать винокурение в 22/23 гг., а положение в настоящее время критическое. Кроме того, наступили сроки платежей госбанку по ссуде, а также на расплату с Наркомпродом и Хлебпродуктом и местными крестьянами за поставку хлеба, картофеля, топлива. В Госпирте денег нет, а главный дебитор Главвоенпром не платит за поставленный спирт. Для того чтобы начать производство наливок (по плану 15 млн. вёдер) (по техническим возможностям только 3 млн. вёдер), необходимо в первом случае – 117 млн. руб. золотом, во втором – 23 млн. руб. золотом. На 1 июля 1922 г. произвели для наливок 2 млн. вёдер спирта, так как столько сырья поставил Наркомпрод, а остальное сырьё частное, за которое нечем расплачиваться. В результате в июле 1922 г. при Госспирте создается Синдикат-Спирт на условиях хозрасчёта, который получает долгосрочную ссуду 166 млн. руб. Только к 1925 г. Госспирт смог выполнить все условия производства и погасить все задолжности. Ликвидации долгов способствовало и повышение цен на загранрынках, в результате чего впервые после войны спирт начали экспортировать в 1924 г. В ведении Госспирта находилось 439 винокуренных заводов, 113 из которых действующие на период 1922 г.; 265 складов, из которых действующих – 94; и 12 спиртоочистительных заводов, действующих 2 – в столицах. На содержание служащих и рабочих всей отрасли необходимо в год – 165 млн. руб. В связи с этим по калькуляции, проведенной Техническим отделом Госспирта, расходы на производство одного ведра спирта в 1924 г. составляли: сырьё – от 32 коп. до 1 руб. 06 коп.; топливо – от 5 до 13 коп.; труд – от 7,5 до 35 коп.; амортизация – от 3 до 13 коп.; налоги и сборы – от 2 до 6 коп.; прочие расходы – от 2 до 9 коп. на ведро. Итого себестоимость производства одного ведра спирта в 1924 г. составляла от 76 коп. до 2 руб. 17 коп. Себестоимость одного ведра наливки – от 7 руб. 75 коп. до 24 руб. [35].

Потребителей 1920-х гг. не могли, конечно, удовлетворить такие дорогие, да и для многих непривычные напитки, как вино, наливки и настойки. Главным народным напитком оставался самогон. В годы Нэпа самогон являлся выгодным товаром и для продажи, и в качестве эквивалента при торговых расчётах, деловых сделках. Следовательно, такого успешного конкурента государственным напиткам необходимо было устранить, для чего предпринимаются следующие мероприятия. В июне 1922 г. в УК РСФСР вводится ст. 140, которая карала изготовление самогона, но только с целью сбыта принудительными работами до 1 года с конфискацией имущества.

Что способствовало скорее легализации, а не искоренению самогоноварения. 31 октября 1922 г. издается Постановление ВЦИК, по которому в УК введена ст. 140Б, карающая приготовление самогона без цели сбыта штрафом 500 руб. золотом или принудительными работами 6 месяцев; ст. 140А, для рецидивистов, предусматривающая лишение свободы на срок не менее 3 лет. 20 декабря 1922 г. опубликовано Постановление СНК о выдаче чинам милиции вознаграждения в размере 50% от взысканных с осуждённых самогонщиков штрафов [36, с. 96]. Результаты не заставили себя долго ждать. Если в 1922 г. было обнаружено 94 тыс. случаев самогоноварения и отобрано 22 тыс. аппаратов, то в 1924 г. эти цифры возросли втрое – 275 тыс. раскрытых случаев и 73 тыс. конфискованных аппаратов. Следуя данной статистике, производством самогона занималось около 10% крестьян, тогда как фактически самогон гнали более 60% крестьянских дворов [37, с. 195]. При этом самогоноварением как в городах, так и в сельской местности занимались преимущественно выходцы из беднейших слоев населении, которые этим промыслом поддерживали своё хозяйство: вдовы с детьми, инвалиды, ремесленники, обедневшие мещане, безработные. Большинство дел о самогонке рассматривалось нарсудами и милицией в административном порядке. Нарсуды в 1923 г. вынесли 17% оправдательных приговоров.

После декабрьского постановления СНК обилие дел о самогоноварении привело к тому, что места заключения оказались в 1923 г. переполнены неимущими. В результате по Постановлению ВЦИК при губисполкомах образованы комиссии для пересмотра дел и к содержащимся под стражей рабочим и крестьянам применено условно-досрочное освобождение [38, с. 119].

Для производства самогонки, а по данным Госспирта у населения имелось более 10 млн. аппаратов, использовались преимущественно предметы домашнего обихода: котлы для согревания воды и варки белья, корыта, к ним приспосабливались самодельные крышки, жестяные трубки или ружейные стволы для отвода спиртовых паров. Работающие на городской рынок и ведущие производство регулярно, заказывали первые примитивные аппараты кузнецам и слесарям. Себестоимость литра самогонки – 20-30 коп., а продажная цена доходила до 1 руб. По данным НКВД, губернии по производству самогона можно расположить в следующем порядке убывания объемов производства: Вятская, округа Сибири, Пензенская, Курская, Ульяновская, Тамбовская, Саратовская, Тверская, Самарская, Смоленская, Брянская, Ярославская, Ленинградская обл., Рязанская, Калужская, Тульская, Северо-Кавказский край, Уральская обл., Воронежская, Костромская, Нижегородская, Иваново-Вознесенская, Владимирская, Московская [39, с. 64].

Последствия такого потребления не заставили себя долго ждать. В Обзорах политико-экономического состояния СССР за 1923-1924 гг. неоднократно отмечалось, что в целом ряде мест крестьяне, несмотря на нехватку хлеба, пьют порой даже больше, чем в довоенное время. Особенностью новой деревни было то, что повсеместно наблюдалось «поголовное пьянство среди членов волисполкомов, сельских милиционеров, деревенских коммунистов

и других представителей власти». Государство платило своим служащим мизерную зарплату, которую задерживало месяцами, и очень часто сельсоветы, а порой и работники ВИКов сами занимались самогоноварением для получения средств. Большей частью рабочие пили в дни получек, а также во время праздников и дней отдыха. Поводов для веселья хватало: старые религиозные праздники, новые революционные, а также традиции «первой получки», «обмывания», походов в гости и др. [40, с. 196-197].

Пьянство по всей стране непременно сопровождалось драками, хулиганством, поножовщиной. В 1922 г. от общего числа преступлений преступления, совершённые в состоянии алкогольного опьянения, составляли 42,1%, а в 1923 г. – 65,1% [41, с. 8].

В этих условиях, зная о ситуации в стране, правительство 28 августа 1925 г. принимает Постановление ЦИК и СНК СССР «О введении в действие положения о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими», которое вступало в силу с 1 октября 1925 г. на всей территории страны за исключением Закавказской СФСР [42]. Самым популярным аргументом в пользу водочной монополии был тезис о необходимости борьбы с самогоноварением. Председатель Совнаркома А.И. Рыков (в честь которого выпускаемая 20–30-градусная водка была прозвана «рыковкой») заявлял: «Выпуск водки является одним из способов борьбы с самогоном… Пока мы не можем искоренить всякое потребление водки – лучше давать её от государства» [43, с. 199]. «Деревня в целом превращается в винокуренные заводы, снабжающие самогоном город. Крестьяне не имеют ни лошади, ни хозяйства – один самогонный аппарат. И лучше иметь «русскую горькую», чем нарождающуюся буржуазию в деревнях, которая безобразно нарушая законы, истребляет огромное количество хлеба, удовлетворяя нужду в водке… наша программа рассчитана на выпуск всего 22–23 млн. вёдер водки, тогда как в дореволюционной России выпускалось 100 млн. вёдер» [44, с. 25]. Условия государственной монополии, по сути были аналогичными царской казённой винной монополии. Производство и реализация спирта и спиртных напитков могла осуществляться как государственными, так и кооперативными и частными предприятиями, а вот изготовление спиртных напитков составляло исключительное право государства, для чего при ВСНХ было учреждено Центральное правление государственной спиртовой монополии (Центроспирт). В первые два месяца 1925 г. торговля «рыковкой» шла достаточно бойко, в связи с тем, что бутылка 0,5 л продавалась по цене 1 руб., это привело к временному снижению самогоноварения. С 1 декабря 1925 г. цена была поднята в 1,5 раза и снижена до 1 руб. 10 коп. только в июле 1926 г., что усилило пьянство в городе, а структуру сельского потребления вообще не изменило. Исключение составлял лишь Дальневосточный край, где винная монополия начала функционировать с 1922 г., так как эта территория не только не свободна от самогоноварения, но ещё и от контрабандного спирта в пограничных с Манчжурией местностях. Цена водки здесь была в 2 раза ниже, чем в остальных местностях Союза и за три года потребление здесь увеличилось в шесть раз [45, с. 64]. Не лишено оснований

мнение Н.Б. Лебиной о том, что введение государственной монополии на продажу водки стало одним из симптомов укрепления тоталитарного содержания режима большевиков. Водочная монополия вообще – это, как утверждали американские ученые А. Мак-Ки и М. Раева, – высшее воплощение традиций полицейского государства. А самогоноварение представляло собой массовую форму деятельности населения, не поддающуюся какому-либо контролю со стороны государства. Немецкий консул В. Гросскопф в докладе за 1924 г. отметил: «Настроение в Сибири год от года ухудшается… сибирская деревня является резко враждебной Советской власти. Огромное недовольство вызывают преследования тайного самогоноварения и произвол местных властей» [46, с. 136].

Производство и продажа водки, даже несмотря на верность деревни самогону, действительно сразу же становится важным финансовым источником осуществления форсированной индустриализации. В 1926 г. доход государства от продажи водки составил 340 млн. руб., что составляло 8,4% доходной части бюджета, а в 1928 г. – 728 млн. руб., что соответствовало 12% доходов бюджета. Столь же стремительно росло душевое потребление спиртного, которое в 1928 г. достигло уровня 3,5 л абсолютного алкоголя, превысив тем самым дореволюционный уровень [47; С. 203].

Источники и литература:

1. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 16. Л. 21.
2. Там же. Л. 37-39.
3. Мак-Ки А. Сухой закон в годы первой Мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914-1917 гг. // Россия и первая Мировая война (материалы международного коллоквиума). – СПб.: СПбГУ, 1999.
4. ГАПО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 247. Л. 63.
5. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 41. Л. 4-72.
6. ГАПО. Ф. 176. Оп. 1а. Д. 18. Л. 1.
7. Минор Л.С. Новые формы пьянства денатуратом и спиртосодержащими жидкостями // Журнал им. С.С. Корсакова. – 1915. – № 4. – С. 19-22.
8. Заиграев Г.Г. Борьба с алкоголизмом: проблемы пути решения. – М.: Знание, 1986.
9. Воронов Д.Н. Жизнь деревни в дни трезвости. – СПб.: Государственная тип-фия, 1916.
10. Заиграев Г.Г. Общество и алкоголь. – М.: НИИ МВД РФ, 1992.
11. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 33. Л. 67.
12. Там же. Д. 26. Л. 1.
13. Пьянство и преступность: история проблемы. – Киев: Наук. Думка,1989.
14. Введенский И.Н. Опыт принудительной трезвости. – М., 1915.
15. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 57. Л. 6.
16. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 33. Л. 63.
17. РГАЭ. Ф. 733. Оп. 2. Д. 19. Л. 12.
18. ГАПО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 275а. Л. 9.
19. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 4. Д. 538. Л. 3.
20. Там же. Ф. 733. Оп. 8. Д. 2. Л. 72.
21. Там же. Ф. 3429. Оп. 4. Д. 535. Л. 10, 36.
22. Чему учит нас история… Методические указания для пропагандистов, преподавателей, кураторов, профсоюзно-комсомольского актива, руководящих органов обществ

борьбы за трезвость и других общественных формирований в усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом. – Минск: Политиздат, 1990.
23. Похлебкин В.В. История водки. – М.: Интер-Версо, 1997.
24. Дорогих М.И. Административно-правовые меры по преодолению пьянства и алкоголизма. – Киев: Научная мысль, 1988.
25. Там же.
26. Кузнецов А.И. Самогоноварение в сибирской нэповской деревне как фактор конфликта между крестьянством и властью // Государство и личность в истории России. Материалы региональной научной конференции. – Новосибирск: НГУ, 2004.
27. СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 468.
28. Привалов Т.В. Быт российской деревни (медико-санитарное состояние деревни Европейской России 60-е гг. 19 в. – 20-е гг. 20 в.). – М.: Цент Терра, 2000.
29. Там же.
30. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 33. Л. 28.
31. СУ РСФСР. 1920. № 1-2. Ст. 2.
32. План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. – М.: Политиздат, 1955.
33. Такала И.Р. Веселие Руси. История алкогольной проблемы в России. – СПб.: Нева, 2002.
34. Там же.
35. РГАЭ. Ф. 733. Оп. 8. Д. 40. Л. 16, 89, 90, 90об, 113, 127, 135, 146, 155, 160, 165, 169.
36. Воронов Д. Алкоголь в современном быту. – М.-Л.: Госиздат, 1930.
37. Такала И.Р. Указ. соч. С. 195.
38. Воронов Д. Алкоголь в современном быту.– М.-Л.: Госиздат, 1930.
39. Там же.
40. Такала И.Р. Указ. соч.
41. Алкогольная преступность и борьба с самогоноварением в Иркутской губернии. – Иркутск, 1925.
42. СЗ СССР. 1925. № 57. Ст. 426.
43. Такала И.Р. Указ. соч.
44. Габинов Л.А. Почему в Советском Союзе разрешена продажа спиртных напитков. – Харьков: Научная мысль, 1927.
45. Воронов Д. Алкоголь в современном быту. – М.-Л.: Госиздат, 1930.
46. Белковец Л.П., Белковец С.В. 1924 г. в Сибири в докладах германского консула Вильгельма Гросскопфа // Немецкий этнос в Сибири. Альманах гуманитарных исследований. – Новосибирск: НГУ, 2002. Вып. 3.
47. Такала И.Р. Указ. соч.

Referenses

1. GARF. F. 102. Op. 302. D. 16. L. 21.
2. Tam zhe. L. 37-39.
3. Mak-Ki A. Suhoj zakon v gody pervoj Mirovoj vojny: prichiny, koncepcija i posledstvija vvedenija suhogo zakona v Rossii. 1914-1917 gg. // Rossija i pervaja Mirovaja vojna (materialy mezhdunarodnogo kollokviuma). – SPb.: SPbGU, 1999.
4. GAPO. F. 71. Op. 1. D. 247. L. 63.
5. GARF. F. 102. Op. 302. D. 41. L. 4-72.
6. GAPO. F. 176. Op. 1a. D. 18. L. 1.
7. Minor L.S. Novye formy p'janstva denaturatom i spirtosoderzhashhimi zhidkostjami // Zhurnal im. S.S. Korsakova. – 1915. – № 4. – S. 19-22.
8. Zaigraev G.G. Bor'ba s alkogolizmom: problemy puti reshenija. – M.: Znanie, 1986.
9. Voronov D.N. Zhizn' derevni v dni trezvosti. – SPb.: Gosudarstvennaja tip-fija, 1916.
10. Zaigraev G.G. Obshhestvo i alkogol'. – M.: NII MVD RF, 1992.
11. GARF. F. 102. Op. 302. D. 33. L. 67.

12. Tam zhe. D. 26. L. 1.
13. P'janstvo i prestupnost': istorija problemy. – Kiev: Nauk. Dumka,1989.
14. Vvedenskij I.N. Opyt prinuditel'noj trezvosti. – M., 1915.
15. RGAJe. F. 7733. Op. 1. D. 57. L. 6.
16. GARF. F. 102. Op. 302. D. 33. L. 63.
17. RGAJe. F. 733. Op. 2. D. 19. L. 12.
18. GAPO. F. 71. Op. 1. D. 275a. L. 9.
19. RGAJe. F. 3429. Op. 4. D. 538. L. 3.
20. Tam zhe. F. 733. Op. 8. D. 2. L. 72.
21. Tam zhe. F. 3429. Op. 4. D. 535. L. 10, 36.
22. Chemu uchit nas istorija… Metodicheskie ukazanija dlja propagandistov, prepodavatelej, kuratorov, profsojuzno-komsomol'skogo aktiva, rukovodjashhih organov obshhestv bor'by za trezvost' i drugih obshhestvennyh formirovanij v usilenii bor'by s p'janstvom i alkogolizmom. – Minsk: Politizdat, 1990.
23. Pohlebkin V.V. Istorija vodki. – M.: Inter-Verso, 1997.
24. Dorogih M.I. Administrativno-pravovye mery po preodoleniju p'janstva i alkogolizma. – Kiev: Nauchnaja Mysl', 1988.
25. Tam zhe.
26. Kuznecov A.I. Samogonovarenie v sibirskoj njepovskoj derevne kak faktor konflikta mezhdu krest'janstvom i vlast'ju // Gosudarstvo i lichnost' v istorii Rossii. Materialy regional'noj nauchnoj konferencii. – Novosibirsk: NGU, 2004.
27. SU RSFSR. 1918. № 35. St. 468.
28. Privalov T.V. Byt rossijskoj derevni (mediko-sanitarnoe sostojanie derevni Evropejskoj Rossii 60-e gg. 19 v. – 20-e gg. 20 v.). – M.: Cent Terra, 2000.
29. Tam zhe.
30. GARF. F. 1788. Op. 1. D. 33. L. 28.
31. SU RSFSR. 1920. № 1-2. St. 2.
32. Plan jelektrifikacii RSFSR. Doklad VIII s#ezdu Sovetov Gosudarstvennoj komissii po jelektrifikacii Rossii. - M.: Politizdat, 1955.
33. Takala I.R. Veselie Rusi. Istorija alkogol'noj problemy v Rossii. - SPb.: Neva, 2002.
34. Tam zhe.
35. RGAJe. F. 733. Op. 8. D. 40. L. 16, 89, 90, 90ob, 113, 127, 135, 146, 155, 160, 165, 169.
36. Voronov D. Alkogol' v sovremennom bytu. – M.-L.: Gosizdat, 1930.
37. Takala I.R. Ukaz. soch. S. 195.
38. Voronov D. Alkogol' v sovremennom bytu. – M.-L.: Gosizdat, 1930.
39. Tam zhe.
40. Takala I.R. Ukaz. soch.
41. Alkogol'naja prestupnost' i bor'ba s samogonovareniem v Irkutskoj gubernii. – Irkutsk, 1925.
42. SZ SSSR. 1925. № 57. St. 426.
43. Takala I.R. Ukaz. soch.
44. Gabinov L.A. Pochemu v Sovetskom Sojuze razreshena prodazha spirtnyh napitkov. – Har'kov: Nauchnaja Mysl', 1927.
45. Voronov D. Alkogol' v sovremennom bytu. – M.-L.: Gosizdat, 1930.
46. Belkovec L.P., Belkovec S.V. 1924 g. v Sibiri v dokladah germanskogo konsula Vil'gel'ma Grosskopfa // Nemeckij jetnos v Sibiri. Al'manah gumanitarnyh issledovanij. – Novosibirsk: NGU, 2002. Vyp. 3.
47. Takala I.R. Ukaz. soch.

ПОСЛЕДСТВИЯ РЕВОЛЮЦИИ: ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ В ДУХОВНОЙ СФЕРЕ

УДК 322 DOI: 10.24045/conf.2017.1.4

РЕВОЛЮЦИЯ И ЦЕРКОВЬ (НА МАТЕРИАЛАХ ПОВОЛЖЬЯ)

Глебов Г.И.,
кандидат исторических наук, доцент,
Пенза, Россия

Аннотация. *В статье освещается религиозная политика большевиков в 1917–1918 годах. Автор рассматривает законодательную базу Советского государства, которая послужила основанием для отделения церкви от государства и лишения церкви экономических привилегий. В статье анализируется реакция церкви и общества на новые законы и действия Советского правительства по проведению антирелигиозных декретов. Автор приходит к выводу, что в обществе наблюдался раскол между верующими и сторонниками Советской власти. И рассматривать вопрос религиозной политики большевиков 1917–1918 годов следует не с точки зрения гонений на церковь, а с точки зрения взаимного противостояния. Исследование основано на материалах периодической печати, архивных материалах, опубликованных документах.*

Ключевые слова: *Октябрьская революция, церковь, религиозная политика в СССР, антирелигиозная политика, конфликт государства и церкви.*

THE REVOLUTION AND THE CHURCH (ON THE MATERIALS OF THE VOLGA REGION)

Glebov G.I.,
Candidate Of historical sciences,
Associate professor
Penza, Russian Federation

Abstract. The article discusses the question of the religious policy of the Bolsheviks in 1917–1918. The author examines the legislative basis of the Soviet state, which served as the basis for the separation of Church and state and the deprivation of the Church's economic privileges. The article analyzes the reaction of Church and society on new laws and the actions of the Soviet government to conduct anti-religious decrees. The author comes to the conclusion that society was divided between believers and supporters of Soviet power. And to consider the question of the religious policy of the Bolsheviks 1917–1918 follows not from the point of view of persecution of the Church, and from the point of view of mutual confrontation. The research is based on the materials of archives, periodicals, and the published documents.

Keywords: October Revolution, Church, religious policy in the USSR, anti-religious policy, conflict between the state and the church.

Устоявшееся за последние десятилетия представление о политике большевиков в отношении религиозных организаций, прежде всего самой крупной – Русской православной церкви, сводится к тому, что сразу же после прихода к власти большевики подвергли церковь необоснованным репрессиям. Церковь – жертва, власть – палач: это уже почти аксиома. Иллюстрацией может служить цитата из статьи 1993 г. нынешнего министра образования О.Ю. Васильевой: «…священники выполняли свой долг…, а советская власть травила их, как бешеных собак, обрушивая попутно громы и молнии на всех верующих» [1, с. 43]. А вот другой автор, профессор Н.И. Суханова, в 2016 г.: «Антицерковный террор большевиков действовал по всей стране. В главных храмах городов проводились казни, глумление над христианскими святынями» [2].

Конфликт между церковью и властью после Октября был предопределён принципиальной непримиримостью последовательного материализма марксистского мировоззрения и религиозно-идеалистического взгляда на мир и общество. Однако идеологическое противостояние делало неизбежным конфликт мирный, но отнюдь не силовое противостояние. Более того, приверженность большевиков принципу свободы совести создавала, казалось, вполне благоприятные условия для функционирования церкви, освобождая её от утверждённого Петром «чиновничьего всевластия в Церкви» [3, с. 78]. Однако вместе с этим РПЦ лишилась и прежнего привилегированного положения, был положен конец экономической связи церкви и государства: Декретом о земле была отменена монастырская и церковная собственность на землю, «Декларация прав народов России» отменила все национально-религиозные привилегии и ограничения, декреты ВЦИК и СНК «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении актов гражданского состояния» покончили с узаконенным вмешательством церкви в семейно-брачные отношения, в январе 1918 г. нарком государственного призрения А. Коллонтай подписала приказ о прекращении выдачи государственных денег на содержание церквей и священнослужителей. Именно по этой причине – утрата привилегий и собственности – пролетарская революция была встречена церковниками резко враждебно. Так, уже в ноябре 1917 крестьяне с. Новая Рачейка Симбирской губернии сообщали, что местный священник постоянно выступал с антибольшевистскими проповедями и более всего, по словам крестьян, он «нападал на товарища Ленина» [4, с. 112].

Не скрывая своего враждебного отношения к революции, церковь первоначально воздерживалась от прямых призывов к свержению Советской власти. Октябрьскую революцию она расценивала как историческую случайность и была уверена, что старые порядки в ближайшее время будут восстановлены. Настроения православных священнослужителей в первые месяцы Октября красноречиво характеризует обращение к прихожанам священника села Старо-Синдрово Пензенской губернии, в котором тот выступил против Декрета о земле и заявил, что «этот закон будет существовать недолго»[5].

Антисоветская пропаганда духовенства усилилась в период подготовки и проведения Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви (далее – Декрета). Сигнал был дан посланием патриарха Тихона от 19 января 1918 г. Большевики в нём именовались «безбожными властителями тьмы века сего», действующими «прямо противно совести народной». Духовенство обязывалось, «не медля ни одного часа», начинать работу по организации верующих, звать их «на защиту попираемых ныне прав Церкви православной». Верующие же призывались к активному сопротивлению, не останавливаясь перед жертвами: «А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовём вас, возлюбленные чада Церкви, зовём вас на эти страдания…»[6]. Послание возымело действие. Например, уже 22 января 1918 г. Самарский губисполком был вынужден специально рассмотреть вопрос «О погромной агитации священников» [7].

Реакция верующих на антисоветские призывы с амвона была весьма неоднозначной. Весьма интересную, живую картину того, что происходило тогда в церквях, рисует письмо в редакцию местной газеты пензенского рабочего Фёдора Спирина: «На днях я был в церкви Покрова на богослужении, совершаемым отцом Сатурновым. И много подивился я тому, во что превращают теперь церковь Божию, дом молитв и мира.

Вместо слов любви и всепрощения священник вёл агитацию против советской власти. Он говорит: «Граждане, надо спасать церковь Христову и веру его. Богоотступники и антихристы большевики нападают на нас…». …После священника выступила какая-то женщина и кричала «прочь руки, большевики, от наших детей».

Среди молящихся начинается ропот и между женщиной на амвоне и кем-то из публики начинается спор. Снова выходит священник и предлагает принять резолюцию, которая полна духа злобы и распри и призывает бороться с большевиками. Тут уж поднимается и вовсе содом. Кто кричит, чтобы поднимали руки, кто кричит, чтобы не поднимали. И молящиеся уличают друг друга и следят кто против советской власти, кто – за. Что же это такое, что не стало у нас места для молитвы, потому что туда проникают распря и злоба. Куда же преклонить голову тому, кто пришёл в церковь только молиться?»[8].

Единства среди верующих не было. Однако определённая и, очевидно, немалая их часть откликнулась на призывы духовенства. Во многих городах и населённых пунктах состоялись крестные ходы под антисоветскими лозунгами. В ряде случаев они сопровождались столкновениями, человеческими жертвами.

Необходимо признать, что всплеску антисоветских выступлений на церковно-религиозной почве способствовали ошибки власти. Во-первых, радикализм Декрета (на наш взгляд, не только несвоевременный, но и принципиально ненужный), выразившийся в запрещении церковным обществам владеть любой собственностью, лишении их права юридического лица и национализации всего имущества; во-вторых, для церкви не был установлен никакой переходный период; в-третьих, не был разработан сам

порядок осуществления Декрета. Только в августе 1918 г. НКЮ утвердил инструкцию о порядке осуществления Декрета.

Всё это способствовало ошибкам и нарушениям в осуществлении Декрета на местах. Журнал «Революция и Церковь» признавал, что проведение Декрета «зачастую проводилось так, что раздражало население и затрагивало его религиозные чувства» [9, с. 11]. Имели место случаи, когда закрывались культовые здания; вместо описи церковного имущества производилась его конфискация, а также денежных средств церковных общин; в грубой форме производились изъятия икон из общественных помещений и т.д.

Однако акты крайнего насилия осуществлялись не властью, а народной толпой. Революция 1917 г., как и любая революция, развязала руки стихии. Буквально накануне октябрьских событий М. Горький предупреждал: «На улицу выползет неорганизованная толпа… и, прикрываясь ею, воры, авантюристы…начнут творить «историю русской революции» [10]. Одним из объектов ярости «неорганизованной толпы» стала Церковь. Как признаёт современный православный автор, «необходимо чётко уяснить, что гонения на Церковь стали возможны благодаря согласию на это большинства народа…, ещё до прихода к власти большевиков по стране прокатилась волна убийств священнослужителей, грабежей храмов, святотатств, причём осуществляли это не сознательные атеисты, а хулиганы, одобряемые большинством населения» [11].

Что же вызывало такую ненависть? О первопричинах этого писал ещё А. Герцен: «Попы утратили всякое влияние вследствие жадности, пьянства и близких сношений с полицией» [12, с. 130]. Насколько авторитет официальной церкви ослаб в народной среде, показали уже события 1905–1907 гг. Церковная печать с ужасом писала о многочисленных случаях «оскорбления чудотворных икон, оскорблении святыни во время совершения богослужения, убийства служителей церкви» [13, с. 432]. То есть, в 1917 г. – 1918 гг. мы имеем дело, если можно так сказать, со 2-м изданием анархического бунта против РПЦ.

Как бы там ни было, но на какое-то время церковный вопрос оказался в центре политической борьбы. Рука об руку с церковниками действовали все антисоветские силы. В январе 1918 г. руководство Партии народной свободы (т.н. кадетов) обратилось к членам партии с призывом «принять участие в защите церкви» [14, с. 217]; об активной поддержке контрреволюционных действий духовенства правыми эсерами говорилось на заседании Саратовского Совета 29 января 1918 г. [15, с. 355].

Необходимо не забывать, что все эти процессы происходили в условиях, когда начавшаяся весной 1918 г. военная интервенция позволила внутренним контрреволюционным силам свергнуть власть Советов на большей части территории страны. Допустить дальнейшее обострение ситуации вокруг Декрета было крайне опасно.

В марте 1918 г. состоялись переговоры между делегацией Поместного собора РПЦ и советскими представителями, в числе которых были наркомы Д.И. Курский, М.Т. Елизаров и управляющий делами СНК В.Д. Бонч-

Бруевич. Было заявлено о готовности правительства на переговоры с целью нормализации отношений, но при этом было подчёркнуто, что любой компромисс возможен лишь в том случае, если церковь выразит готовность соблюдать советское законодательство о культах и откажется от вмешательства в политическую борьбу. Позиция же церковного руководства была равнозначна требованию полной капитуляции перед ним Советской власти. Как свидетельствовал профессор церковной истории Б.В. Титлинов, «от имени собора депутация фактически потребовала отмены декрета, обещая, что лишь тогда наступит религиозное спокойствие» [16, с. 132-133]. Естественно, что переговоры ни к чему не привели.

Шаги в направлении нормализации отношений с церковью предпринимали и местные органы власти. «Беспристрастно посмотреть на декрет» призывало духовенство Пензенская коллегия по отделению церкви от государства; попытка предотвратить крестный ход под антисоветскими лозунгами путём беседы с церковным руководством была сделана Симбирским губисполкомом [17]. Однако ответная реакция была во всех отрицательной. Церковь явно переоценивала свой авторитет и свои возможности и разговаривала языком ультиматумов. На встрече членов исполкома Саратовского Совета с делегацией клира и мирян г. Саратова последняя, по примеру делегации поместного собора, потребовала отмены Декрета. На это исполком ответил постановлением: «Подтвердить декрет и проводить его в жизнь»[18].

В ходе реализации Декрета советские органы успешно изживали волюнтаристские тенденции, всё более учитывали в каждом конкретном случае складывавшуюся на местах обстановку, настроение населения. Например, орган Советской власти в Самаре указывал, что если осуществление Декрета «встречает среди населения протесты, лучше повременить с точным выполнением декрета, заняться просвещением, пропагандой» [19]. Проведение Декрета было приостановлено в Симбирском уезде одноимённой губернии, в Вольском уезде Саратовской губернии, ряде других мест [20].

О том, насколько далеко могли идти навстречу верующим органы власти, говорит следующий эпизод. В октябре 1918 г. по просьбе солдат 2-го номерного пехотного полка 1-й Петроградской Советской дивизии его командир и политкомиссар обратились в Симбирский губсовет с отношением, в котором просили пригласить на службу в полк в качестве священника диакона Морозова. Ответ гласил: «Президиум губисполкома предлагает объявить красноармейцам вверенного вам полка, что с приглашением на службу в названный полк священника Морозова со стороны Губисполкома препятствий не встречается» [21]. И это несмотря на то, ещё в январе 1918 г. институт армейского духовенства был ликвидирован.

Таким образом, нет никаких достаточных оснований для утверждений о некоей изначальной, безо всяких на то оснований, репрессивной политики большевиков в отношении РПЦ.

Церковь сама отвергла путь компромисса и встала на путь борьбы с Советской властью. Звоном колоколов, торжественными молебнами, крестными ходами отмечало духовенство летом 1918 г. падение Советской

власти в ряде городов и сёл Поволжья. Орган самарского духовенства вступление в город белочешских частей назвал приходом «освободителей» [22, с. 344]. А война есть война и она всегда и везде сопровождалась и сопровождается эксцессами, жестокостью, нарушением правовых требований.

Тяжёлый опыт отношений с церковью в самом начале советской истории не мог не наложить свой отпечаток на церковно-государственные отношения последующих десятилетий.

В заключение приведу точное высказывание лидера КПРФ Г.А. Зюганова: «Советский период нашей истории был эпохой грандиозных перемен во всех сферах жизни… Трудности и даже конфликты здесь просто неизбежны. В том числе между государством и церковью. …Подобные противоречия вовсе не были отличительной чертой советской эпохи. Достаточно вспомнить…вековые гонения на старообрядцев; …конфликтные отношения с церковью Петра I; …закрытие Екатериной II огромного числа церквей и монастырей. К тому же такого рода проблемы не являются достоянием только российской истории.

Таковы реальности подлинной истории. И только учитывая их, можно объективно оценивать наш российский опыт» [23, с 48].

Источники и литература:

1. Вопросы истории. – 1993 – №8.
2. Политика большевиков в отношении православной церкви в 1917–1918 гг. [Электронный ресурс]. – http: // interactive-plus.ru
3. Трапезников А.А. Десять веков православия. – М.: Вече, 2011.
4. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Симбирской губернии (март 1917 – январь 1918 г.). Сб. документов. – Ульяновск, 1957.
5. Партийный архив Пензенского обкома КПСС. Ф.36. Оп.1. Д.35. Л.47 об.
6. Послание святейшего патриарха Тихона от 19 января 1918 г. [Электронный ресурс]. – http: // azbuka.ru
7. Государственный архив Куйбышевской области (ГАКО). Ф. Р-81. Оп.1. Д. 4. Л.38 об.
8. Известия Пензенского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов. – 1918. – 21 апреля.
9. Революция и Церковь. – 1919. – №1.
10. Горький и революция // Литературная газета. – 2017. – №12.
11. Русская Православная Церковь под игом богоборческой власти в период с 1917 по 1941 годы [Электронный ресурс]. – http: // sir.35.narod.ru
12. Герцен А.И.Об атеизме, религии и церкви. – М.: Мысль, 1976.
13. Симбирские епархиальные ведомости. – 1907. – №16.
14. Ежегодник Музея истории религии и атеизма. – Т. V. – М.-Л.,1961.
15. Саратовский Совет рабочих депутатов (1917-1918). – М.-Л., 1931.
16. Титлинов Б.В. Церковь во время революции. – Пг.,1924.
17. Известия Пензенского Совета. – 1918. – 16 июня; Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-200. Оп.2. Д. 22. Л.10.
18. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 251. Оп.1. Д.109. Л. 5.
19. Коммуна. Орган Самарского губернского комитета РКП(б), губернского и городских исполкомов Советов. – 1919. – 17 апреля.
20. ГАУО. Ф. Р-200. Оп.2. Д.208. Л.154 об.; ГАСО. Ф. 546. Оп.1. Д.105. Лл.10,11об.
21. ГАУО. Ф. 3022. Оп.1. Д. 52. Лл.5, 20, 21.
22. Самарские епархиальные ведомости. – 1918. – №11-12.
23. Геннадий Зюганов-Коммунисты-21 [Электронный ресурс]. - http: // profilib.com

Referenses

1. Voprosy istorii. – 1993 – №8.
2. Politika bol'shevikov v otnoshenii pravoslavnoj cerkvi v 1917–1918 gg. [Jelektronnyj resurs]. – http: // interactive-plus.ru
3. Trapeznikov A.A. Desjat' vekov pravoslavija. – M.: Veche, 2011.
4. Bor'ba za ustanovlenie i uprochenie Sovetskoj vlasti v Simbirskoj gubernii (mart 1917 – janvar' 1918 g.). Sb. dokumentov. – Ul'janovsk, 1957.
5. Partijnyj arhiv Penzenskogo obkoma KPSS. F.36. Op.1. D.35. L.47 ob.
6. Poslanie svjatejshego patriarha Tihona ot 19 janvarja 1918 g. [Jelektronnyj resurs]. – http: // azbuka.ru
7. Gosudarstvennyj arhiv Kujbyshevskoj oblasti (GAKO). F. R-81. Op.1. D. 4. L.38 ob.
8. Izvestija Penzenskogo Soveta Rabochih i Krest'janskih Deputatov. – 1918. - 21 aprelja.
9. Revoljucija i Cerkov'. – 1919. – №1.
10. Gor'kij i revoljucija // Literaturnaja gazeta. – 2017. – №12.
11. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' pod igom bogoborcheskoj vlasti v period s 1917 po 1941 gody [Jelektronnyj resurs]. – http: // sir.35.narod.ru
12. Gercen A.I.Ob ateizme, religii i cerkvi. – M.: Mysl', 1976.
13. Simbirskie eparhial'nye vedomosti. – 1907. – №16.
14. Ezhegodnik Muzeja istorii religii i ateizma. – T. V. – M.-L.,1961.
15. Saratovskij Sovet rabochih deputatov (1917-1918). – M.-L., 1931.
16. Titlinov B.V. Cerkov' vo vremja revoljucii. – Pg.,1924.
17. Izvestija Penzenskogo Soveta. – 1918. – 16 ijunja; Gosudarstvennyj arhiv Ul'janovskoj oblasti (GAUO). F. R-200. Op.2. D. 22. L.10.
18. Gosudarstvennyj arhiv Saratovskoj oblasti (GASO). F. 251. Op.1. D.109. L. 5.
19. Kommuna. Organ Samarskogo gubernskogo komiteta RKP(b), gubernskogo i gorodskih ispolkomov Sovetov. – 1919. – 17 aprelja.
20. GAUO. F. R-200. Op.2. D.208. L.154 ob.; GASO. F. 546. Op.1. D.105. Ll.10,11ob.
21. GAUO. F. 3022. Op.1. D. 52. Ll.5, 20, 21.
22. Samarskie eparhial'nye vedomosti. – 1918. – №11-12.
23. Gennadij Zjuganov-Kommunisty-21 [Jelektronnyj resurs]. – http: // profilib.com

УДК 93+94 DOI: 10.24045/conf.2017.1.5

РАЗВИТИЕ РАЦИОНАЛИЗАТОРСТВА И ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПЕНЗЕНСКОГО КРАЯ (1928–1932 ГГ.)

Кузьмина Т. Н.,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры
«История России, краеведение и методика преподавания истории»,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия

***Аннотация**. В статье показывается развитие рационализаторской и изобретательской работы на промышленных предприятиях Пензенского края в годы первой пятилетки. Автор анализирует роль партийных, государственных и общественных организаций в развитии творческой активности рабочих в Пензенской области. Исследование основано на материалах архивов, периодической печати, данных статистики.*

Ключевые слова: *рационализаторство, изобретательство, творческая активность, промышленность, фабрика, рабочие, соревнование, рацпредложение, изобретение, ударники производства, Поволжье, Пензенский округ.*

DEVELOPMENT OF RATIONALIZATION AND INVENTIONS IN THE INDUSTRY OF THE PENZA TERRITORY (1928–1932)

Kuzmina T.N.,
Candidate Of historical sciences,
Associate professor of « History of Russia, Local History and Methods of Teaching History» department,
Penza State University, Penza, Russian Federation

Abstract. The article shows the development of rationalization and inventive work at industrial enterprises of the Penza region during the first five-year plan period. The author analyzes the role of party, state and public organizations in the development of creative activity of workers in the Penza region. The research is based on the materials of archives, periodicals, and statistics.

Key words: innovation, invention, creativity, industry, factory, workers, competition, innovations, invention, drummers production, the Volga region, Penza district.

Октябрь 1917 г. в истории нашей страны имеет судьбоносное значение. Несмотря на различные оценки революционных событий в исторической литературе и публицистике, нельзя не отметить, что революция оказала огромное влияние на все стороны жизни российского общества. Изменение политического строя повлекло за собой значительные преобразования в различных сферах, в т. ч. в экономике, социальной политике правительства. Поражает духовная энергия людей, которые отдавали все свои силы социалистическому строительству. Особенно следует отметить повышение трудовой и политической активности промышленных рабочих. Возникает ударничество, различные формы социалистического соревнования, хозрасчётное, стахановское движение. На производстве проводились смотры, движения за повышение норм выработки, рациональное использование оборудования, экономию сырья и материалов.

Сложные задачи по развитию производства, ставящиеся новым руководством страны, требовали мобилизации всех работников промышленной сферы народного хозяйства на выполнение заданий, развитие технического творчества, повышение культурно-технического уровня.

Уже в первые годы Советской власти зародилось движение рационализаторов и изобретателей. 30 июня 1919 г. В. И. Ленин подписал Декрет СНК «Об изобретениях», в котором говорилось: «Объявленные достоянием РСФСР изобретения (за исключением секретных)… поступают в общее пользование всех граждан и учреждений на особых условиях. Изобретения, признанные полезными, объявляются достоянием РСФСР или по соглашению с изобретателем или, в случае несостоявшегося соглашения, принудительно за особое вознаграждение, не подлежащее налоговому обложению» [1, с. 136-137]. Техническое творчество было признано важнейшим государственным

делом и получило помощь и поддержку со стороны государства. С тех пор изобретательство и рационализаторство широко распространяется. Особенно большое значение оно приобрело с началом индустриализации.

Восстановление народного хозяйства на территории Пензенской губернии осуществлялось в сложных условиях. Засуха начала 1920-х гг., голод негативно сказались на состоянии сельского хозяйства, а также промышленности Пензенского края, в значительной степени связанной с переработкой сельхозсырья. Большие разрушения во время военных действий, топливный и продовольственный кризис также сказались на восстановительных процессах. Сдерживающим фактором развития экономики губернии являлось недостаточное энергетическое хозяйство. Районных электростанций не было. Маломощные коммунальные и фабрично-заводские станции не справлялись с потребностями промышленности, населения. Энерговооружённость в расчёте на одного жителя Пензенской губернии была ниже среднесоюзных показателей в девять раз, что замедляло развитие экономики.

Восстановительный период в Поволжье и начался, и закончился позднее, что сдерживало темпы промышленного развития. Об этом свидетельствуют статистические данные: за 1913 – 1928 гг. валовая продукция крупной промышленности в целом по РСФСР увеличилась в 1,6 раза, в Нижнем Поволжье – в 1,5, в Среднем Поволжье – в 1,08, а в Пензенской губернии – в 0,7 раза [2].

В 1928 г. в стране проводится новое районирование и административное устройство. 14 мая 1928 г. постановлением ВЦИК и СНК РСФСР была образована Средне-Волжская область на базе бывших Оренбургской, Пензенской, Самарской и Симбирской губерний. 22 октября 1929 г. Средне-Волжская область была переименована в Средне-Волжский край [3]. По численности населения (1025 тыс. жителей) вновь образованный Пензенский округ превосходил все другие округа, входившие в состав Средне-Волжского края. Пензенский округ располагал большим количеством промышленных предприятий и рабочих. Здесь находилось 70 из 110 предприятий губернии. На них трудилось 8165 рабочих и 641 служащий. Самым небольшим по территории был Кузнецкий округ, в котором насчитывалось 524,2 тыс. жителей. Его фабрично-заводская промышленность была представлена тремя текстильными фабриками республиканского значения, кожевенным, машиностроительным, кирпичным заводами, овчинно-шубной, канатной фабриками, двумя винокуренными и стекольным заводом и др. Численность рабочих округа составляла 5414 человек [4].

Вопросы промышленного строительства волновали центральные и местные органы власти. 25 января 1929 г. газета «Средне-Волжская коммуна» писала о необходимости ускорения развития промышленности. Она отмечала, что область является исторически отсталой в индустриальном отношении. В довоенное время её промышленность в два раза отставала от средних показателей по стране, до 1928–29 гг. темпы развития были замедленными.

В 1928–29 гг. наблюдались первые успехи в промышленном развитии Пензенского и Кузнецкого округов. Проводились работы по реконструкции

и расширению предприятий, закладывались новые объекты строительства, вступали в строй восстановленные фабрики и заводы. Благодаря самоотверженному труду производственных коллективов промышленность Пензенского округа в 1928–29 г. увеличила выпуск валовой продукции на 23,1 % по сравнению с предыдущим годом [5].

Положительную роль в выполнении производственной программы в первый год пятилетки сыграли конференции с работниками промышленности. Они носили отраслевой характер и были посвящены анализу экономической работы предприятий, выполнению промфинпланов, норм выработки, развёртыванию различных форм трудового соперничества. 28 декабря 1928 г. прошла конференция работников деревообрабатывающей отрасли, 5 января 1929 г. – спичечного производства, 6-7 января – лесозавода Рязано-Уральской железной дороги, 27 февраля – писчебумажной фабрики «Маяк революции», пищевой отрасли, металлистов и т. д.

С переходом к осуществлению индустриализации в стране развернулось трудовое соперничество, вылившееся в различные формы, в т. ч. движение за выпуск продукции отличного качества, ударничество, рационализаторство и изобретательство и др. Ещё в апреле 1925 г. была издана директива о рабочем изобретательстве, ставившая задачу оказания всемерной помощи изобретателям [6].

22 января 1927 г. ВСНХ и ВЦСПС приняли решение «О фонде содействия рабочему изобретательству и усовершенствованию» [7]. Предлагалось на всех предприятиях не позднее 1 февраля 1927 г. создать особые фонды, а также экспертные комиссии для рассмотрения предложений рабочих и служащих по улучшению производства. Большое значение для дальнейшего развёртывания творческой активности рабочих имело постановление ЦК ВКП (б) от 24 марта 1927 г. «Вопросы рационализации производства», определявшее меры по оздоровлению и улучшению условий труда, повышению квалификации и технических знаний низшего техперсонала из рабочих, устранению волокиты при реализации изобретений. ЦК ВКП (б) предложил всем организациям принять меры к усилению работы производственно-цеховых и заводских совещаний, проработке на них намеченных мероприятий по улучшению техники и организации производства. XV съезд ВКП (б) (декабрь 1927 г.) потребовал от партийных, хозяйственных, профессиональных и советских организаций «взяться за разрешение… социалистической рационализации…. только на её основе возможно осуществление индустриализации страны» [8, с. 202; 605-610]. На усиление рационализации промышленности ориентировало и постановление третьего Пленума ЦКК (25-29 августа 1928 г.) «Об итогах рационализации промышленности СССР» [9, с. 584-589].

Руководствуясь данными решениями, органы власти приступили к осуществлению указаний правительства. При губсовнархозах, трестах и на предприятиях были созданы бюро рационализации. На заводе им. Фрунзе (№ 50) из 264 вопросов, рассмотренных на производственных совещаниях, 138 касались рационализации производства [10]. Аналогичное положение

складывалось на суконной фабрике «Красный Октябрь». Её директор Грачёв, выступая на производственном совещании, подчеркнул особую важность рационализации: «Мы должны добиться максимальной загрузки фабрик, использования станков, сокращения их простоев… Работа по рационализации входит в обязанность каждого мастера» [11].

Важнейшим фактором расширения рационализаторского движения являлось поощрение особо активных рабочих. Бюро Средне-Волжского обкома ВКП (б) в октябре 1928 г. обязало облсовнархоз увеличить фонд премирования и установить контроль над его использованием [12]. 20 декабря бюро обкома вновь подчеркнуло важность выплат за особо ценные рацпредложения [13].

Рационализаторское движение развивалось и в промышленности Кузнецкого округа. 28 ноября 1928 г. состоялось собрание членов партийной организации стекольного завода «Красный Гигант». Оно проанализировало состояние рационализаторского движения и наметило перспективы его усиления. Было указано на факты проявления косности со стороны части рабочих и технического персонала. В то же время отмечалась деятельность многих рационализаторов, эффективность отдельных предложений, давших более 1000 руб. экономии. Аналогичная работа проводилась и на втором крупном предприятии округа – суконной фабрике «Красный Октябрь», где партийная организация совместно с фабричным комитетом и профсоюзом одобрила деятельность производственных совещаний и комиссий и выработала меры по её улучшению (налаживание учёта предложений, выявление их эффективности, вовлечение большего числа рабочих, особенно женщин и молодёжи). Райком ВКП (б) считал, что нужно изменить содержание работы производственных совещаний и комиссий, направив усилия на борьбу по снижению себестоимости продукции, повышение производительности труда, взять курс на планирование, оперативное внедрение рацпредложений, проведение производственных конференций, обмен опытом и т. д. [14]

В Пензе располагалась самая крупная писчебумажная фабрика «Маяк революции». В первый год пятилетки она добилась производственных успехов: плановое задание 1928-29 г. было перевыполнено: произведено 8449 т бумаги вместо запланированных 8200 т и 7984 т, полученных в 1927–28 г. Итоги обследования, проведенного в мае 1929 г., показывают, что руководство фабрики, общественные организации обращали внимание на совершенствование технологии производства, придавали особое значение рационализаторскому движению. На фабрике действовал кружок изобретателей. С 20 января 1930 г. фабрика перешла на ударную работу [15].

7-9 декабря 1928 г. состоялась первая Средне-Волжская областная межсоюзная конференция, на которой был заслушан доклад «Об изобретательстве и премировании изобретателей». В выступлениях участников конференции критиковалось состояние изобретательского движения. На железной дороге был случай, когда рабочий изобрёл стрелочный станок, изобретение получило одобрение, но прошло 12 лет, а оно не внедрялось. Поднимался вопрос об увеличении финансовой помощи изобретателям. На Тимошевском сахарном

заводе технический директор Кислов изобрёл охлаждающий транспортёр, дававший возможность увеличить выпуск продукции на 1000 пудов в сутки, т. к. существенно ускорял процесс охлаждения сахара. Но трест отказался выделить средства на его внедрение. В принятом решении отмечалось, что «творческая мысль изобретателей ещё не встретила морального и материального внимания со стороны хозяйственников, профсоюзных и других организаций. Усилить работу экспертных комиссий при предприятиях, оказывать содействие изобретателям, ввести систему проведения конкурсов, совещаний изобретателей для обмена опытом работы» [16].

16 мая 1929 г. состоялось собрание Кузнецкой организации ВКП (б), обсудившее значение трудового соперничества. Отмечалось, что успешное разрешение задач реконструкции народного хозяйства может быть осуществлено при условии широкой мобилизации всех рабочих. Обращалось внимание на снижение себестоимости продукции, улучшение её качества, повышение производительности труда, борьбу с прогулами, браком. Собрание отметило необходимость поощрения лучших предприятий, цехов, групп рабочих и отдельных работников [17].

Приведённые данные свидетельствуют, что в 1928-29 г. была проведена большая организационно-массовая работа по развитию творческой активности рабочих и ИТР. В 1929 г. в Пензе при железнодорожном депо был открыт первый в городе уголок изобретателя. Однако были и трудности.

20 марта 1929 г. бюро райкома ВКП (б) завода «Красный Гигант» и члены комиссии содействия рабочему изобретательству отметили недостаточное руководство техническим творчеством рабочих со стороны ФЗК, цеховых партийных бюро и потребовали усилить их внимание к рационализаторам и изобретателям, которым, в свою очередь, предлагалось усилить овладение техническими знаниями. 16 мая того же года Средне-Волжский обком ВКП (б) направил во все партийные организации письмо, в котором сообщалось о забастовочных настроениях среди отдельных групп рабочих суконной фабрики «Мир хижинам» (Кузнецкий округ). Крайком партии предложил выявить причины недовольства и принять срочные меры по их устранению [18]. Проведённое в июле 1929 г. обследование состояния производственной деятельности суконной фабрики «Творец рабочий» выявило сложные отношения между рабочими и специалистами, грубость и негатив последних по отношению к выдвиженцам и «красным специалистам». 26 июля пленум Пензенского окружкома ВКП (б) отметил факты волнений среди рабочих, увольнения строителей, работающих на возведении жилых домов при заводе № 50, электрических станций, галетной фабрики вследствие низких расценок, задержки выплаты заработной платы. Окружком совместно с окрпрофбюро наметили меры по усилению рационализаторства и изобретательства, предложил усилить контроль за ходом реализации принятых рацпредложений с последующим поощрением лучших рационализаторов [19].

Данные негативные факты заставляли местные органы власти постоянно контролировать производственные вопросы, материально-бытовые проблемы работников промышленных предприятий.

17 октября 1929 г. газета «Средне-Волжская коммуна» опубликовала статью «Технизация массам – путь к новым победам в социалистическом строительстве». В ней говорилось о состоявшемся областном съезде общества «Техмасс». Был отмечен рост занимающихся в кружках для получения технического образования [20].

В целях мобилизации творческой активности рабочих масс, устранения недостатков и совершенствования технологических процессов общественные организации проводили смотры технического творчества на производстве, вечера рационализаторов и т. д. Такой смотр прошёл, например, в октябре 1929 г. на предприятиях Кузнецкого округа. На фабрике «Красный Октябрь» за время смотра было внедрено около 20 рационализаторских разработок: смонтирован подъёмник для подачи пряжи из прядильного цеха в ткацкий, установлена механическая перекатка готового товара и др. В результате в 1928-29 г. достигнута экономия в 78,8 тыс. руб. В 1929–30 г. на внедрение рацпредложений планировалось израсходовать 36 тыс. руб. На фабрике «Мир хижинам» и стекольном заводе «Красный Гигант» намечалось внедрить 17 рацпредложений, экономия от которых должна составить 92 тыс. руб. [21]

Итоги творческой работы заводских коллективов подвела Кузнецкая окружная конференция изобретателей (январь 1930 г.). Она обобщила опыт прошедшего смотра, наметила меры по дальнейшему развитию творческой активности [22]. С такой же повесткой дня 15 января 1930 г. прошла первая Пензенская окружная конференция изобретателей. В принятом решении профсоюзным и хозяйственным органам рекомендовалось усилить контроль за экспертными комиссиями, призванными оперативно анализировать развитие рационализаторского движения, помогать рабочим в их творческих изысканиях. В частности, предлагалось направить лучших рационализаторов на крупные предприятия страны, в заграничные командировки. Конференция заслушала рапорты ударных бригад фабрики «Маяк революции», мебельной, завода «Красный Октябрь» и велозавода и рекомендовала фабрично-заводским комитетам усилить помощь рабочим-изобретателям, создать технические секции, содействовать массовому рабочему изобретательству с привлечением общественности. Конференция призвала рационализаторов и изобретателей принять участие в соцсоревновании, содействовать выполнению всех качественных показателей.

В 1929 г. производственных успехов добилась суконная фабрика «Красный Октябрь». Здесь работало 2156 человек, 43 % из них являлись ударниками. За 1928-29 г. рабочие внесли 192 рацпредложения, за второй квартал 1929-30 г. – 272. Было принято 118 предложений, реализовано 62, ещё 56 находились в стадии рассмотрения. Экономия от внедрённых предложений составила 67 тыс. руб. Рекомендовалось улучшить учёт изобретений, наблюдение за их прохождением через кружки [23].

Постепенно формируется актив изобретателей. На многих предприятиях Пензенского и Кузнецкого округов он составил 100 и более человек. Так, на Пензенском велосипедном заводе в него входило 90 человек, на текстильных фабриках Кузнецкого округа – 162, в железнодорожных мастерских Пензы – 44. Из года в год количество изобретателей увеличивалось. В 1927–28 г. рабочими предприятий Пензенского округа было внесено 232 рацпредложения, в 1928–29 г. – 556. Экономия составила свыше 145 тыс. руб.

В 1930 г. усилия местных органов власти были направлены на дальнейшее развитие рационализаторского движения. 12 января на велосипедном заводе состоялась рабочая конференция, рассмотревшая вопрос о проведении Всероссийского съезда ударников. Был поставлен вопрос о всесторонней рационализации производства, улучшении организации труда, перенесении методов ударной работы в цеха и бригады для ускорения реконструкции предприятий [24]. В 1929-30 г. на заводе было проведено четыре слёта ударников. С 1 октября 1929 по 1 сентября 1930 г. от рабочих и технического персонала поступило 125 рацпредложений по улучшению производства и технологического процесса [25]. Вопросы совершенствования производства обсуждались на собраниях инженерно-технического коллектива.

Рационализаторское движение требовало увеличения ассигнований. Несмотря на финансовые трудности, профсоюзные и хозяйственные органы изыскивали необходимые средства. Если в 1928-29 г. по трестам Среднего Поволжья на рационализаторскую работу выделялось 221,9 тыс. руб., то в 1929–30 г. – 675 тыс. [26, с. 10]. В то же время отдельные отрасли не получали необходимых средств и даже происходило их уменьшение. Об этом свидетельствуют данные таблицы 1.

Таблица 1

Запланированные расходы на рационализаторскую работу по текстильным фабрикам Пензенского и Кузнецкого округов (тыс. руб.) [27]

Наименование фабрик	1928-29 г.	1929-30 г.
Суконная фабрика «Коллективное творчество»	15	10
«Красный Октябрь»	20	30
«Мир хижинам»	20,5	17,6
«Творец рабочий»	37,2	10

Из таблицы видно, что из четырёх суконных фабрик за 1928–29 и 1929–30 гг. запланированные расходы на развитие рационализаторства снизились на трёх предприятиях, что свидетельствует о неудовлетворительной работе областного СНХ, ассигновавшего по 10 трестам 829,3 тыс. руб., да и те были израсходованы только на сумму 140,1 тыс.

В объяснительной записке к отчёту по рационализации суконной фабрики «Красный Октябрь» говорилось, что рационализация производства была направлена на улучшение и упрощение производственного процесса, замену ручного труда машинным. Вместе с тем мало внимания уделялось организации управления предприятием, учёту и отчётности. Такой узкий круг работы был следствием малочисленности штата рационализации, не позволявшей заниматься глубоким анализом некоторых фаз производства.

В отделе рационализации в начале 1929 г. было только два техника-механика, ведущих техническую работу. В феврале штат отдела пополнился четырьмя специалистами. Участие рабочих в рационализации производства активизировалось. Если в 1928–29 г. от рабочих поступило 118 предложений, то в 1929–30 г. – 382. Годовая эффективность от поступивших и принятых предложений возросла с 3085 до 18862 руб. Однако доля реализованных рабочих предложений составила всего 77 %, что объяснялось недостатком квалифицированных кадров [28]. Наиболее активные рационализаторы получили премии.

Немалое значение имели собрания ветеранов производства. На них обобщался опыт, накопленный на том или ином предприятии, рассматривались вопросы дальнейшего улучшения технологического процесса, внедрения новых форм труда, повышения его производительности, снижения себестоимости продукции, обновления техники, улучшения работы производственных совещаний. Президиум Средне-Волжского КСПС 17 сентября 1930 г. принял решение об использовании опыта кадровых рабочих. Ставилась задача вовлечения старых производственников в ударные бригады, в работу производственных совещаний, рационализацию производства и изобретательство. 30 сентября собрание ветеранов Пензенского велозавода рекомендовало администрации проводить более решительную и продуманную работу по развитию изобретательства и рационализаторства. 16 ноября руководство завода провело конференцию кадровых рабочих, обсудившую итоги деятельности предприятия за 1929–30 г. Производственная программа была реализована только на 73 % [29]. В связи с этим производственные вопросы находились в центре внимания руководства завода. Только за 1929–30 г. состоялось более 50 заседаний президиума завкома, три общезаводских собрания рабочего коллектива. Уделялось внимание подготовке кадров: работе школы ФЗО, курсов, обращалось внимание на индивидуальное обучение.

1931 год был важным в борьбе за преодоление отставания промышленного развития Пензенского края. В октябре 1931 г. на предприятиях Пензы создавались хозрасчётные бригады: на бисквитной фабрике возникло 17 таких бригад, «Маяке революции» – 39, заводе им. Фрунзе – 95. Хозорганам рекомендовалось «обеспечить полностью своевременное рассмотрение, экспертизу, учёт и реализацию рабочих предложений, усовершенствований и изобретений путем создания на каждом предприятии необходимой производственной базы» [30, с. 3]. В контрольных цифрах и промфинпланах, начиная с 1931 г., предусматривалось выделение специальных средств на реализацию предложений и премирование их авторов. Рабочее изобретательство становится одной из важнейших форм непосредственного участия рабочих в рационализации производства.

9 июня 1931 г. состоялось общее собрание партийно-комсомольское собрание при суконной фабрике «Красный Октябрь». Ставилась задача осуществить во втором полугодии перелом в работе фабрики, обеспечивающий не только стопроцентное выполнение программы, но и покрытие отставания в первом полугодии. Руководство фабрики обязывалось принять меры

к выполнению плана рационализаторских работ, укомплектовать отдел рационализации и Бриз наиболее высококвалифицированными работниками. ФЗК рекомендовалось отобрать лучших ударников для работы по рационализации. Предлагалось проработать план рационализации работ на второе полугодие на производственных совещаниях в цехах, создать бригады для проведения рационализаторских работ.

Вопросы развития рационализаторской работы поднимались на состоявшемся в августе 1931 г. слёте ударников суконной фабрики «Красный Октябрь». В принятой резолюции руководство предприятия обязывалось контролировать выполнение данной работы, укомплектовать отдел рационализации квалифицированными работниками, которым поручалось сосредоточить внимание на изыскании возможностей лучшего использования производственного оборудования; на производственных совещаниях, в цехах проработать план мероприятий по рационализации для её активизации [31].

12 ноября 1931 г. бюро парткома велосипедного завода рассмотрело вопрос о работе общезаводской ячейки изобретателей, выявило недостатки её работы, особенно в цеховых организациях: не созданы ударные бригады из изобретателей и рационализаторов, отсутствие коллективной проработки предложений среди изобретателей, недостаточное овладение рационализаторами и изобретателями техникой. Фракции завкома было предложено усилить руководство массовой работой среди изобретателей.

19 ноября того же года ВСРМ велозавода обсудил деятельность общества изобретателей. Было отмечено, что проводимая в этом направлении работа ещё недостаточна, цеховые комитеты до сих пор не уделили должного внимания реализации решений ЦК ВКП (б) по рабочему изобретательству. В связи с этим президиум завкома предложил всем цеховым комитетам уделить максимум внимания организации новых ячеек и заслушивать доклады общества изобретателей на общих цеховых собраниях и в профессиональных кружках [32].

28 февраля 1932 г. заводское бюро парткома вновь рассмотрело вопрос о рабочем изобретательстве на предприятии. Рекомендовалось создать ячейки изобретателей, ударные бригады из рационализаторов, консультационные комиссии, оформить уголки изобретателей в цехах и мастерских, оказать помощь ячейкам в цехах, обеспечить их помещениями и средствами, привлекать к рационализаторской работе иностранных рабочих. Был создан Совет общества изобретателей в составе 28 человек, куда вошли как представители рабочего коллектива, так и ИТР. Широко практиковалось шефство кадровых рабочих над молодёжью, в котором принимало участие 1300 человек. На 1 января 1932 г. действовало 375 хозрасчётных бригад, на 1 декабря – 390. Лучшие производственники премировались: ежемесячно выдавались премии на сумму 8-13 тыс. руб. С октября 1931 по 1 января 1933 г. от рабочих и ИТР поступило 1726 рацпредложений, 389 из которых внедрены в производство. Условно-годовая экономия при этом составила

935 тыс. руб., фактическая – 590 тыс. В ноябре 1932 г. на заводе было 1100 изобретателей [33].

Как видим, вопросы усовершенствования производства не сходили с повестки дня государственных, партийных и общественных организаций. Однако, несмотря на принимаемые решения, на местах отмечалась задержка реализации предложений рационализаторов и изобретателей. Председатель Пензенского Совета изобретателей Бузин 15 декабря 1934 г. направил письмо в ЦК ВКП (б), в котором привёл факты волокиты в отношении рабочих изобретений на механическом заводе № 1, отметил невыполнение постановлений ЦК ВКП (б) от 26 октября 1930 г. о реализации рабочих предложений и ЦК ВЛКСМ от 27 апреля 1932 г. о вовлечении комсомольцев в изобретательскую работу. Так, например, в папке технического отдела указанного завода находилось до 30 предложений, поданных в течение года, реализация которых дала бы около 40 тыс. руб. экономии. Однако многие из них не были реализованы [34].

Слабой рационализаторская работа была и на ряде суконных предприятий. Разработанные бюро по рационализации мероприятия не доводились до рабочих, несмотря на директивы крайотдела о создании «рационализаторских счетов». Инженерно-технический персонал не осуществлял руководство рационализаторской работой, нередко практиковал проведение подобных мероприятий кабинетным способом. Выделенные средства не всегда полностью использовались. Так, из отпущенных на 1929-30 г. 25,5 тыс. руб. для фабрики «Творец рабочий» было использовано только 10,4 тыс. [35].

Состоявшаяся в январе 1932 г. пятая городская партконференция проанализировала итоги выполнения промфинплана 1931 г. Было отмечено, что предприятия реализовали его на 90,6 %. Несмотря на это, произошёл рост выпуска продукции: по велозаводу – 170,3 %, остальным предприятиям – 98,6 %. За 1931 г. численность рабочих в городе возросла с 12 до 28 тыс. Были созданы новые производства (банно-прачечного оборудования, автосвечей, велосипедов и др.) [36]. Определённые достижения были следствием напряжённой работы руководства предприятий, общественных организаций, всех трудовых коллективов.

Таким образом, большую роль в восстановлении промышленности региона и дальнейшем промышленном строительстве сыграла трудовая активность работников. Трудовое соперничество особенно усилилось с переходом страны к индустриализации, приобрело различные формы: ударничество, рационализаторство и изобретательство, движение хозрасчётных бригад. Хотя довоенные пятилетние планы как в целом по стране, так и в Пензенском крае по многим показателям не были выполнены, страна совершила большой рывок в промышленном развитии. Усилиями всех трудящихся Пензенский край постепенно превращался в аграрно-индустриальный район.

Источники и литература:

1. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. 1917-1928 гг. М.: Госполитиздат, 1957.
2. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 29. Д. 105. Л. 32; Оп. 26. Д. 693 (3). Л. 204-206.
3. СУ РСФСР. 1928. № 54. С. 407; Известия ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР. 1928. 18 мая.
4. ГАПО. Ф. П-54. Оп. 1. Д. 4. Л. 111-112; Ф. П-475. Оп. 1. Д. 29. Л. 24, 28; Д. 31. Л. 31.
5. ГАПО. Ф. Р-424. Оп. 1. Д. 100. Л. 866, 872-873.
6. ГАПО. Ф. П-54. Оп. 1. Д. 94. Л. 26-28.
7. Труд: Орган ВЦСПС. – 1927. – 22 января.
8. КПСС в резолюциях и решениях… Т. 4. М.: Политиздат, 1984. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Сб. документов за 50 лет. Т. 1. – М.: Политиздат, 1967.
9. Справочник партийного работника. Вып. 7. Ч. 1. – М.-Л., 1930.
10. ГАПО. Ф. П-54. Оп. 1. Д. 111. Л. 52; Ф. Р-381. Оп. 1. Д. 12. Л. 343.
11. ГАПО. Ф. П-475. Оп. 1. Д. 139. Л. 45; Д. 114. Л. 4, 19.
12. ГАПО. Ф. П-54. Оп. 1. Д. 3. Л. 69, 71.
13. СОГАСПИ. Ф. 655. Оп. 2. Д. 13. Л. 176-177, 257.
14. ГАПО. Ф. П-475. Оп. 1. Д. 296. Л. 76-77; Д. 101. Л. 131.
15. ГАПО. Ф. П-54. Оп. 1. Д. 36. Л. 70, 78, 80-81; Д. 32. Л. 63; Ф. Р-453. Оп. 1. Д. 1600. Л. 20; Ф. Р-381. Оп. 1. Д. 35. Л. 95-98; Ф. П-670. Оп. 1. Д. 6. Л. 7-8.
16. ГАСО. Ф. Р-980. Оп. 1. Д. 239. Л. 242.
17. ГАПО. Ф. П-475. Оп. 1. Д. 114. Л. 4, 9, 139.
18. Там же. Д. 244. Л. 14-15, 21.
19. ГАПО. Ф. П-54. Оп. 1. Д. 94. Л. 36, 56; Д. 197. Л. 65; Ф. П-475. Оп. 1. Д. 29. Л. 24.
20. Средне-Волжская коммуна. – 1929. – 17 октября.
21. ГАПО. Ф. П-475. Оп. 1. Д. 291. Л. 23; Д. 296. Л. 76; Д. 305. Л. 5-6.
22. ГАПО. Ф. П-475. Оп. 1. Д. 296. Л. 77.
23. ГАПО. Ф. Р-381. Оп. 1. Д. 28. Л. 1, 3-6; Ф. П-483. Оп. 1. Д. 152. Л. 56.
24. ГАПО. Ф. Р-381. Оп. 1. Д. 12. Л. 19-21, 343; Д. 28. Л. 27-28.
25. ГАПО. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 139. Л. 36-38, 41.
26. За индустриализацию Средней Волги. – 1930. – № 10-11.
27. ГАПО. Ф. П-54. Оп. 1. Д. 3 а. Л. 49-50.
28. ГАПО. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 158. Л. 14.
29. ГАПО. Ф. Р-381. Оп. 1. Д. 4. Л. 442; Д. 9. Л. 207, 237-243.
30. Волжская коммуна. – 1932. – № 88.
31. ГАПО. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 165. Л. 36; Д. 165. Л. 39-40, 63-66.
32. ГАПО. Ф. Р-381. Оп. 1. Д. 122. Л. 2; Д. 129. Л. 3.
33. ГАПО. Ф. Р-440. Оп. 1. Д. 160. Л. 23-30; Ф. Р-381. Оп. 1. Д. 81. Л. 88, 90-93, 95, 98-99, 103, 105.
34. ГАПО. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 399. Л. 151-153.
35. ГАПО. Ф. П-483. Оп. 1. Д. 152. Л. 56-58.
36. ГАПО. Ф. П-37. Оп. 1. Д. 306. Л. 256.

References

1. Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitel'stva po hozjajstvennym voprosam. T. 1. 1917-1928 gg. M.: Gospolitizdat, 1957.
2. RGAJe. F. 4372. Op. 29. D. 105. L. 32; Op. 26. D. 693 (3). L. 204-206.
3. SU RSFSR. 1928. № 54. S. 407; Izvestija CIK SSSR i VCIK RSFSR. 1928. 18 maja.
4. GAPO. F. P-54. Op. 1. D. 4. L. 111-112; F. P-475. Op. 1. D. 29. L. 24, 28; D. 31. L. 31.
5. GAPO. F. R-424. Op. 1. D. 100. L. 866, 872-873.
6. GAPO. F. P-54. Op. 1. D. 94. L. 26-28.
7. Trud: Organ VCSPS. – 1927. – 22 janvarja.

8. KPSS v rezoljucijah i reshenijah… T. 4. M.: Politizdat, 1984. Reshenija partii i pravitel'stva po hozjajstvennym voprosam (1917 – 1967 gg.). Sb. dokumentov za 50 let. T. 1. – M.: Politizdat, 1967.
9. Spravochnik partijnogo rabotnika. Vyp. 7. Ch. 1. – M.-L., 1930.
10. GAPO. F. P-54. Op. 1. D. 111. L. 52; F. R-381. Op. 1. D. 12. L. 343.
11. GAPO. F. P-475. Op. 1. D. 139. L. 45; D. 114. L. 4, 19.
12. GAPO. F. P-54. Op. 1. D. 3. L. 69, 71.
13. SOGASPI. F. 655. Op. 2. D. 13. L. 176-177, 257.
14. GAPO. F. P-475. Op. 1. D. 296. L. 76-77; D. 101. L. 131.
15. GAPO. F. P-54. Op. 1. D. 36. L. 70, 78, 80-81; D. 32. L. 63; F. R-453. Op. 1. D. 1600. L. 20; F. R-381. Op. 1. D. 35. L. 95-98; F. P-670. Op. 1. D. 6. L. 7-8.
16. GASO. F. R-980. Op. 1. D. 239. L. 242.
17. GAPO. F. P-475. Op. 1. D. 114. L. 4, 9, 139.
18. Tam zhe. D. 244. L. 14-15, 21.
19. GAPO. F. P-54. Op. 1. D. 94. L. 36, 56; D. 197. L. 65; F. P-475. Op. 1. D. 29. L. 24.
20. Sredne-Volzhskaja kommuna. – 1929. – 17 oktjabrja.
21. GAPO. F. P-475. Op. 1. D. 291. L. 23; D. 296. L. 76; D. 305. L. 5-6.
22. GAPO. F. P-475. Op. 1. D. 296. L. 77.
23. GAPO. F. R-381. Op. 1. D. 28. L. 1, 3-6; F. P-483. Op. 1. D. 152. L. 56.
24. GAPO. F. R-381. Op. 1. D. 12. L. 19-21, 343; D. 28. L. 27-28.
25. GAPO. F. R-440. Op. 1. D. 139. L. 36-38, 41.
26. Za industrializaciju Srednej Volgi. – 1930. – № 10-11.
27. GAPO. F. P-54. Op. 1. D. 3 a. L. 49-50.
28. GAPO. F. R-483. Op. 1. D. 158. L. 14.
29. GAPO. F. R-381. Op. 1. D. 4. L. 442; D. 9. L. 207, 237-243.
30. Volzhskaja kommuna. – 1932. – № 88.
31. GAPO. F. R-483. Op. 1. D. 165. L. 36; D. 165. L. 39-40, 63-66.
32. GAPO. F. R-381. Op. 1. D. 122. L. 2; D. 129. L. 3.
33. GAPO. F. R-440. Op. 1. D. 160. L. 23-30; F. R-381. Op. 1. D. 81. L. 88, 90-93, 95, 98-99, 103, 105.
34. GAPO. F. P-37. Op. 1. D. 399. L. 151-153.
35. GAPO. F. P-483. Op. 1. D. 152. L. 56-58.
36. GAPO. F. P-37. Op. 1. D. 306. L. 256.

УДК 371 DOI: 10.24045/conf.2017.1.6

САМЫЙ ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЙ «КЛАСС» В СССР

Чернова О.В.,
кандидат исторических наук,
доцент,
действительный член
Петровской академии наук и искусств,
Пенза, Россия

Аннотация. *Советская власть уделяла огромное внимание детям. Это выразилось в охране здоровья матерей и детей, введении бесплатного санаторно-курортного лечения для детей. Была проделана огромная работа в борьбе с беспризорностью. Были открыты первые в мире издательство детской литературы, студия по производству детских кинофильмов, профессиональный детский театр. Выполнялась главная задача – воспитать верных защитников своей Родины.*

Ключевые слова: *Великая Октябрьская социалистическая революция, профилактическая медицина, борьба с беспризорностью, детская литература, детское кино, детский театр.*

THE MOST PRIVILEGED «CLASS» IN THE USSR

Chernova O.V.,
Candidate Of historical sciences, Associate professor,
Academician Petersburg Academy of Arts and Sciences
Penza, Russian Federation

Abstract. The Soviet government paid a great attention to children which was manifested in the system of health care for mothers and children, the introduction of free resort treatment for children. Much was done in the fight against homelessness. For the first time in the world there were opened a publishing house for children's literature, a children's film production studio, a professional children's theater. There was being accomplished the main task: to bring up loyal defenders of the Motherland.

Key words: the Great October socialist revolution, prophylactic medicine, the fight against homelessness, children's literature, children's films, children's theater.

Детей называли в СССР «самым привилегированным классом». И, действительно, детское питание, одежда, обувь, книги стоили гораздо дешевле взрослых. Ребёнок (молодой человек) мог получить бесплатное образование в средней школе, профессионально-техническом училище, техникуме, вузе. Билеты на детские киносеансы и спектакли стоили в несколько раз дешевле взрослых. Путёвки в пионерские лагеря в основном оплачивались за счёт средств профсоюзов. Всё это примеры из практики позднего СССР.

Однако названные достижения были бы немыслимы без Великой Октябрьской социалистической революции. Именно она подготовила предпосылки для этих успехов. Ведь в результате Первой мировой, гражданской войн, иностранной интервенции Россия, по словам английского писателя-фантаста Герберта Уэллса, находилась «во мгле». В сентябре 1920 года Уэллс оценивал положение в России как «колоссальный, непоправимый (подчёркнуто мною – О.Ч.) крах». «История, – по мнению писателя, – не знала ещё такой грандиозной катастрофы» [14,с. 10]. Интересно, что Уэллс, вовсе не симпатизировавший коммунистической идее, но честный публицист, писал о Совете Народных Комиссаров: «…это единственное правительство, возможное в России в настоящее время. Оно воплощает в себе единственную идею, оставшуюся в России, единственное, что её сплачивает». При этом В.И. Ленина автор называет «кремлёвским мечтателем». В 1934 г. Герберт Уэллс вновь посетил нашу страну. Беседовал уже со Сталиным, когда история подтвердила ленинскую правоту.

Борьба за жизнь и здоровье

Одной из первых задач, решаемых Советской властью, явилось налаживание здравоохранения. Ведь в 1913 г. (самом благополучном из

дореволюционных лет) продолжительность жизни в Российской империи составляла всего 32 года, тогда как в Англии – 47 лет, а в США – 50 лет. Большинство детей умирало в возрасте до одного года. В семье моей бабушки (1896 г. рождения) взрослыми стали лишь четверо детей из девяти: остальные умерли в детском возрасте.

В царской России 1913 года было всего девять женских консультаций и детских поликлиник, а в СССР 1940 года – почти девять тысяч (!) во главе с Государственным институтом охраны материнства и младенчества [6, с. 160]. Недаром видный американский историк медицины Генри Зигерист очень высоко оценил состояние медицинского обслуживания в нашей стране: «В Советском Союзе сегодня начинается новая эпоха в истории медицины. Всё, что было достигнуто в медицине за предыдущие пять тысячелетий составляет лишь первую стадию, стадию лечебной медицины. Новая эра, эра профилактической медицины, берёт своё начало в Советском Союзе» [6, с. 160].

В 1939 г. средняя продолжительность жизни в СССР увеличилась до 47 лет [13, с. 104]. Младенческая смертность (в возрасте до одного года) сократилась с 27,2% в 1911 г. [3] до 20% в 1938 г. [4, с. 272]. Эти цифры отражают большие достижения советского здравоохранения, тем более, что дореволюционные цифры не включали население Кавказа и Средней Азии, где положение было несравненно хуже центральной России, а цифры 1938–1939 гг. учитывали всё население на просторах СССР. К тому же, создавать советское здравоохранение пришлось в годы разрухи после семи лет войн. Народное хозяйство было в основном восстановлено к концу 1925 г., т. е. только 15 лет было отпущено на созидательную работу после восстановления.

Передовые учёные ещё в XIX веке обращали внимание на необходимость использования природных курортных факторов в лечении больных детей. Первый детский санаторий был открыт в России в 1872 г., но в 1913 г. действовало всего 14 детских санаториев на 300 мест. Большинство из них были доступны только детям из имущих классов, так лечение стоило очень дорого.

Уже в первые месяцы Советской власти были открыты специализированные школы-санатории для больных туберкулёзом, для детей с дефектами умственного и физического развития, для истощённых детей. По декрету Совнаркома от 24 января 1922 г. «О курортном лечении трудящихся и об эксплуатации курортов» было установлено **бесплатное** (выделено мною. – О.Ч.) лечение детей в санаториях. К 1940 г. в детских санаториях насчитывалось 82.657 мест [16]. В 1959 г. я, будучи школьницей, лечилась (и училась) в детском кардио-ревматологическом санатории в Малаховке под Москвой в течение трёх месяцев. Путёвка для моих родителей была бесплатной.

Борьба с беспризорностью

После Первой мировой и Гражданской войн в стране насчитывалось, по разным данным, от 4,5 млн. до 7 млн. беспризорных детей [11, с. 134]. В 1919 г. был образован Государственный совет защиты детей во главе

с народным комиссаром просвещения А.В. Луначарским. Нарком вспоминал о приезде в наркомат главы ВЧК Ф.Э. Дзержинского: «Я хочу бросить некоторую часть моих личных сил, а главное, сил ВЧК на борьбу с детской беспризорностью… Нужно создать при ВЦИК, конечно, при ближайшем участии Наркомпроса, широкую комиссию, куда бы вошли все ведомства и все организации, могущие быть полезными в этом деле» [12, с. 319].

27 января 1921 года была создана Детская комиссия ВЦИК во главе с Ф.Э. Дзержинским. Туда вошли представители профсоюзов, органов просвещения, здравоохранения, продовольствия, рабоче-крестьянской инспекции. Затем подключили Наркомат юстиции. Стали открываться детские дома, трудовые коммуны, школы-колонии, школы-коммуны, детские городки, т. е. воспитательные учреждения интернатного типа.

Бывали случаи, когда Дзержинский сам подбирал беспризорников. Однажды он вытащил из асфальтового котла нескольких мальчишек, привёл их к себе в кабинет. Он заговорил с ребятами о необходимости учиться, но тогда беспризорники его не поняли. Прошло немного времени, и одного из этих мальчишек захватила страсть к учёбе, затем к науке. Им был Николай Петрович Дубинин – будущий академик в области генетики.

Важную роль в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью сыграла общественная организация «Друг детей». Первые ячейки возникли в 1923-1924 гг. при местных Советах. В них принимали участие рабочие, служащие, воины Красной Армии. Они организовывали столовые, выдачу одежды и обуви беспризорным, оказывали материальную помощь в содержании детских домов, детских мастерских, ночлежек и т.п., помогали в ликвидации неграмотности. Они оказывали содействие беспризорникам в розыске родителей и родственников. В 1930 г. под руководством Н.К. Крупской было создано Всероссийское общество «Друг детей». В 1925-1933 гг. издавался ежемесячный журнал «Друг детей».

В 1926 г. были приняты Положение о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР и постановление ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью». Милиция, ГПУ, уголовный розыск вели учёт беспризорников. При местных органах образования были созданы отделы социально-правовой охраны несовершеннолетних [7, с. 95-97]. 31 мая 1935 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) декларировало, что в стране ликвидирована массовая беспризорность.

С ликвидацией беспризорности связана деятельность выдающихся педагогов 20-х-30-х годов XX века. Так, В.Н. Сорока-Росинский возглавлял Школу социально-индивидуального воспитания им. Ф.М. Достоевского для трудновоспитуемых. Важную воспитательную роль в этой школе играло детское самоуправление.

Во второй половине 1920-х годов получила известность Болшевская коммуна под руководством М.С. Погребинского. В воспитании несовершеннолетних преступников огромное значение придавалось труду. Выпускники получали рабочие специальности.

Наиболее известен педагогический опыт воспитания правонарушителей А.С. Макаренко, изложенный им в книгах «Педагогическая поэма», «Марш 30-го года», «Флаги на башнях». Макаренко считал главным воспитание через коллектив, единый трудовой коллектив воспитанников и педагогов. По его мнению, воспитание должно быть тесно связано с общественным идеалом, а здесь жизнь предоставляет широкое «социальное поле». Почти все члены коммуны им. Дзержинского, которой руководил Макаренко, получили среднее образование. И это в середине 1930-х годов, когда осуществлялся переход только к всеобщему начальному образованию! Макаренко считал, что у каждого человека должно быть видение перспективы своего развития. Согласно позиции ЮНЕСКО, Антон Семёнович Макаренко отнесён к четырём педагогам, определившим способ педагогического мышления в XX веке.

Детское чтение

Ликвидация неграмотности, переход к всеобщему начальному образованию и другие шаги культурной революции требовали развития детской литературы, детского кинематографа, детского театра. В 1920-е – начале 1930-х годов в стране идёт острая дискуссия о направлении развития культуры, в особенности литературы, в частности детской литературы.

Точку зрения одних можно выразить словами В.И. Ленина из выступления на III съезде комсомола 2 октября 1920 года: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» [8, с. 305]. Сторонники другой точки зрения отвергали литературное наследство, в частности народные сказки, фантастику, весёлые книги. По их мнению, детская литература должна быть подобна литературе для взрослых и отражать только современную тематику. Против вульгарно-социологических установок выступили А.В. Луначарский и А.М. Горький. Одна из статей Горького носила хлёсткое название: «Человек, уши которого заткнуты ватой».

В 1920 г. при Наркомпросе РСФСР был создан научно-исследовательский институт детского чтения. Неоднократно реформируемый, он просуществовал до 1933 г. включительно. Здесь были заложены основы научного изучения особенностей детской литературы, восприятия её ребёнком как читателем. Исследовалась также методика работы детских библиотек, подобных которым не было в других странах. В России к 1914 г. насчитывалось 20 детских библиотек. В 1920-30-е годы стали открываться республиканские, краевые, областные, региональные детские библиотеки для методического руководства местными детскими библиотеками.

В 1922 г. в Петрограде при Институте дошкольного образования была создана студия детской литературы. Её участники организовали в 1925 г. журнал «Воробей», позже переименованный в «Новый Робинзон». В Москве с 1925 г. издавались журналы «Пионер» и «Мурзилка».

В 1920-30-е годы получила развитие научно-фантастическая литература. С ней связаны имена А.Н. Толстого («Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина»), А. Беляева («Голова профессора Доуэля», «Человек-амфибия»,

«Звезда КЭЦ»), В. Обручева («Плутония», «Земля Санникова»), Г. Адамова («Победители недр», «Тайна двух океанов»).

Благодаря этим книгам и книгам природоведческого плана (В. Арсеньев «Дерсу Узала», рассказы и сказки В. Бианки, рассказы М. Пришвина) юные читатели не только узнавали тайны окружающего их природного мира, но и проникались любовью к родной природе.

А какой верой в высокие нравственные качества человека проникнуты романтические произведения А.Грина, особенно «Алые паруса»!

В жанре исторической прозы работала М. Ямщикова, которая писала книги под псевдонимом Ал. Алтаев о подлинных исторических событиях. В книгах «Декабрята», «Под знаменем башмака», «Когда разрушаются дворцы», «Вниз по Волге-реке» и многих других автор изображала судьбы участников народных движений (как правило, героические и трагические). Писательница называла себя «популяризатором истории, помощником педагогам».

Сказочный роман о революции «Три толстяка» принадлежит перу Ю. Олеши. В занимательной форме писатель рассказывает юному читателю о социальном неравенстве и классовой борьбе, о победе народа над угнетателями.

О реальной жизни в условиях гражданской войны написаны повести П. Бляхина «Красные дьяволята», А. Гайдара «Школа», А. Неверова «Ташкент – город хлебный».

Образ нового советского человека – героя своего времени изображён в книгах А. Гайдара «Тимур и его команда», В. Каверина «Два капитана», Н. Островского «Как закалялась сталь». Под влиянием книги А. Гайдара развернулось тимуровское движение (оказание помощи детям, старикам, больным людям), особенно активное в 40-х – 60-х годах XX века. Девиз героя книги «Два капитана» – лётчика Сани Григорьева «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» стал девизом большинства советской молодёжи. Павел Корчагин – герой книги «Как закалялась сталь», его мужественное поведение в условиях инвалидности, полученной в «борьбе за освобождение человечества», до сих пор помогает людям в трудных жизненных ситуациях. На базе музея им Н.А. Островского в Москве ими создан музей-гуманитарный центр «Преодоление».

Жизненные идеалы подростков формировали книги о В.И. Ленине и других активных участниках революции. К ним относятся воспоминания о детских годах Ленина его сестры – А.И. Ульяновой-Елизаровой, повести С. Мстиславского «Грач – птица весенняя» (о Н.И. Баумане), А. Голубевой «Мальчик из Уржума» (о С.М. Кирове), Ю. Германа «Железный Феликс» (о Ф.Э. Дзержинском).

Представляет особый интерес детская поэзия 1920-х–30-х годов, до сих пор не утратившая своей актуальности. Стихотворные сказки К.И. Чуковского «Крокодил», «Айболит», «Федорино горе», «Краденое солнце» и другие любят и современные малыши. Разнопланово творчество С.Я. Маршака. Он опирается на народные прибаутки, считалки, скороговорки. В то же время переводит английскую поэзию для детей. Многие его стихи, например,

«Детки в клетке», «Усатый-полосатый», можно назвать игровыми. Маршак рассказывает о строительстве ДнепроГЭСа в поэме «Война с Днепром» и о подвиге юноши, спасшем девочку в поэтическом «Рассказе о неизвестном герое». Подчёркивая его типичность, поэт делает вывод, что это норма поведения советского человека: «К славному подвигу каждый готов!» Стихи Сергея Михалкова остроумны и пронизаны любовью к детям. Особой популярностью пользуется образ дяди Стёпы-милиционера, который был защитником детей и грозой хулиганов. Детские стихи В.В. Маяковского учат ребёнка различать добро и зло («Что такое хорошо и что такое плохо?»), понимать пользу труда, дают возможность игры в различные профессии («Кем быть?»).

В 1933 г. в СССР было создано (впервые в мире!) специальное издательство детской литературы – Детгиз, объединившее писателей, художников, педагогов. В 1937 г. Детгиз был награждён дипломом «Гран-при» на выставке в Париже.

Детская песня 1930-х годов

Основными идеями советских детских песен является оптимистичное восприятие окружающего мира, уверенность в своих силах, любовь к Родине. Песни предназначены для детей разных возрастов: от младенцев до старших подростков. Подкупают «Колыбельные». Родители выражают уверенность в счастливом будущем сыночка (сл. М. Исаковского, муз. М. Блантера) или дочки (сл. В. Лебедева-Кумача, муз. Дм. и Дан. Покрасс). Любовь к ребёнку, которого называют воробушком, крошкой, родным звоночком, сочетается с любовью ко всему живому, к Родине-матери. Использование этого архетипа усиливает эмоциональную насыщенность песен. Это действительно русские колыбельные с их неизбежным припевом-повтором «баюшки-баю-баю».

Положительный пафос песен связан со стремлением к созиданию, с желанием подражать старшим. Примером может служить песня В. Лебедева-Кумача и И. Дунаевского «Весёлый ветер»:

«Спой нам, ветер, про славу и смелость,
Про учёных, героев, бойцов,
Чтоб сердце загорелось, чтоб каждому хотелось
Догнать и перегнать отцов».

Именно в 1930-е годы появляются песни – зачинатели детской героической романтики в этом виде искусства, к которым, по моему мнению, прежде всего относятся «Весёлый ветер», «Эх, хорошо» (сл. В. Шмидтгофа, муз. И. Дунаевского) и «Морские волки» (сл. В. Лебедева-Кумача, муз. М. Блантера). В последней песне герои мечтают «в пять минут» перебить акул, которые на них нападут, побывать в странах, «где на ветках живут обезьяны и гуляют большие слоны». Пионеры мечтают слетать на Луну, «все книжки прочитать, все рекорды мира перегнать» («Эх, хорошо»).

В детской песне отражена высокая престижность службы в Красной Армии, уважение к защитникам Отечества. Всеобщая воинская обязанность

рассматривалась как почётная обязанность, как долг перед родной страной. Недаром юный герой песни П. Шубина и М. Блантера «Мне исполнилось 13» полгода упрашивал председателя колхоза дать ему жеребёнка, чтобы вместе подготовиться к казачьей службе. Герои песни «Возьмём винтовки новые» (сл. В. Маяковского, муз. В. Белого) готовятся к возможной войне: учатся стрелять из винтовок, вести разведку, быть санитарами. Тревожная международная обстановка влияла на содержание детских песен 1930-х годов. Именно поэтому в 19% (!) из них говорится о возможной войне, и дети по существу дают клятву на случай, если

«Поднимется враг для войны,
Мы ринемся все на защиту границы
Прекрасной Советской страны»
(«Пионерская железнодорожная» В. Кочетова и Д. Прицкера).

Песни о юных героях оказались актуальными. Именно в 1930-е годы начали исполнять (их поют до сих пор) песни «Маленький барабанщик» (сл. М. Светлова, муз. В. Валльрота) и «Орлёнок» (сл. Я. Шведова, муз. В. Белого). В «Орлёнке» нашли отражение события гражданской войны на юге страны и события на Дальнем Востоке в 30-х годах, что подтверждается семантическим анализом текста. Эта особенность песни объясняется тем, что первоначально некоторые её строки были написаны для спектакля о гражданской войне. Народ их запел. Авторы дописали песню, и на неё наложил отпечаток колорит современной им эпохи. Песню пели и комсомольцы, и юные пионеры, которых вскоре ожидала война за независимость своей Родины [15, с. 109-112].

Детский театр

Нарком просвещения А.В. Луначарский ставил задачу воспитания нового человека, борца за коммунизм. По его мнению, одну из важнейших составных частей в деле воспитания должно играть эстетическое воспитание. Недаром именно он возглавил директорию первого государственного театра для детей в Москве, открытого в первую годовщину Октябрьской революции. Но ещё раньше (потребность времени!) открылся профессиональный детский театр (первый в мире!) в Саратове, затем – в Петрограде, Краснодаре, Харькове, Киеве, Одессе, Тбилиси, Горьком, Баку, Ереване.

В декабре 1918 г. в Петрограде открылись «Курсы по руководству детскими театральными представлениями и праздниками». Преподавали здесь опытные мастера театра – режиссёры В.Э. Мейерхольд, А.А. Брянцев, С.Э. Радлов, Н.А. Лебедев, Ю.М. Бонди.

В 1919 г. вышло Положение об устройстве детского художественного театра. Существовали большие сложности с репертуаром для детей. В первую очередь ставили пьесы по любимым детским книгам: «Конёк-горбунок», «Маугли», «Принц и нищий», «Приключения Тома Сойера», «Хижина дяди Тома». Во второй половине 20-х годов появились детские спектакли о современных подростках: «Тимошкин рудник», «Чёрный яр» и др. Спектакли в детских театрах игрались как на русском, так и на языках других народов

СССР. В 1930-е годы к написанию театральных пьес для детей был привлечён широкий круг детских писателей, в т.ч. С. Михалков, Е. Шварц, Л. Кассиль, А. Барто. В центре внимания авторов моральный облик подростка, воспитание героев, защитников родной земли.

Возникали театры-передвижки, для приезда которых нужно было выполнить следующие условия: «деревни не должны быть расположены далеко друг от друга, …в каждой деревне должно иметься помещение (школа, изба-читальня и т.п.), которое могло бы поместить желающих побывать в театре» [5].

В детском театре Московского Совета шли спектакли театра петрушек, театра теней, марионеток, балета. Кукольные театры имеют во всём мире многовековую историю существования, однако государственные кукольные театры появились в нашей стране после Октябрьской революции. Театр Петрушки в составе ТЮЗа в 1924 г. создал в Ленинграде актёр и режиссёр Е.С. Деммени. Он ставил детские и взрослые спектакли, создал направление куклотерапии, выступая для больных детей.

В Москве режиссёр В.А. Швембергер создал Московский городской и Московский областной театр кукол. Он же основал первый профессиональный театр кукол на Украине, в Чернигове, ещё в 1921 г. Создаются театры кукол в Нижнем Новгороде, Архангельске, Рыбинске, Иваново, Ростове-на-Дону, Самаре, Ижевске и других городах.

Ключевым этапом развития кукольного театра считают деятельность С.В. Образцова, который в 1931 г. возглавил Государственный центральный театр кукол. В 1936 г. в стенах театра прошёл Первый Всесоюзный смотр театров кукол. Он показал, что театр Образцова стал методическим центром театров кукол. В настоящее время это крупнейший в мире театр кукол.

Детское кино

В 1919 г. происходит национализация российского кинематографа. А в 1922 г. в беседе с А.В. Луначарским В.И. Ленин утверждает: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино» [9, с. 402].

Первым советским детским художественным фильмом был фильм «Красные дьяволята» (1923 г.), снятый по одноимённой повести П. Бляхина. Он был очень популярен у детей. «Советские зрители, особенно молодёжь и дети, встретили фильм с восторгом и немедленно отозвались сотнями писем на имя командарма Первой Конной армии С.М. Будённого с просьбами принять их добровольцами, как «красных дьяволят». Многие просили товарища Будённого сообщить им точные адреса этой тройки. В некоторых клубах появились группы «красных дьяволят» [1, с. 5]. Фильм положил начало приключенческому жанру в советском детском кинематографе, жанру, который очень привлекателен для детей.

В середине-второй половине 1920-х годов был снят ряд советских детских фильмов, но их успех несопоставим с успехом «Красных дьяволят». По-прежнему демонстрируются западные картины, отнюдь не рассчитанные на детскую аудиторию. Для детей устраиваются утренние сеансы. Эти

показы сопровождают мини-оркестры, а также голосовой комментарий диктора. Проводятся исследования предпочтений детской зрительской аудитории. Советская власть буквально вела борьбу за юного зрителя. Цены на билеты в кино для детей были гораздо ниже, чем для взрослых. В школах фильмы показывали бесплатно. Демонстрировались документальные фильмы о развитии промышленности, сельского хозяйства, науки в СССР.

В середине 30-х годов, по мнению историка советского кино Ф.И. Раззакова, «кинематограф СССР (в том числе детский) переживает пору своего расцвета» [10]. С 1933 года детские кинотеатры освобождаются от налога с оборота. Примерно 30% репертуара в кинотеатрах отводится под детское кино. Регулярно в крупных городах проводятся фестивали детских фильмов. С 1932 г. начинают выходить детские киножурналы «Звёздочка» и «Пионерия». А в 1936 г. впервые в мире (!) создаётся специализированная студия детских и юношеских фильмов «Союздетфильм». В том же 1936 г. создана студия «Союздетмультфильм» (ныне «Союзмультфильм»).

В 1930-е годы выполнены великолепные экранизации приключенческих произведений зарубежных писателей: «Новый Гулливер», «Дети капитана Гранта», «Гаврош», «Остров сокровищ», «Таинственный остров». Были сняты фильмы «Тимур и его команда», «Белеет парус одинокий», «Дума про казака Голоту» (по «Р.В.С.» А. Гайдара) по произведениям советских писателей, а также фильмы-сказки «По щучьему велению», «Золотой ключик», «Василиса Прекрасная» и др.

В годы Великой Отечественной войны погибли несколько талантливых юных актёров, ставших популярными в довоенные годы. Это Коля Сморчков, Володя Константинов, Валя Литовский, Алёша Лярский, Гуля Королёва.

Это молодое поколение, шагнувшее в окопы со школьной парты или студенческой скамьи, понимало счастье так, как герои одного из моих любимых писателей – Аркадия Гайдара: «Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовётся Советской страной» [2, с. 148].

Итак, в сложные и насыщенные созиданием первые десятилетия Советской власти страна в первую очередь заботится о своём будущем – о детях. Вводится профилактическая медицина. В тысячу раз увеличивается число женских консультаций и детских поликлиник. Устанавливается бесплатное лечение детей в санаториях. Ведётся всенародная (и весьма успешная) борьба с детской беспризорностью. В основном ликвидирована неграмотность. Осуществляется переход к всеобщему начальному образованию. Впервые в мире создаются издательство детской литературы, профессиональные детские театры, специализированная киностудия детских и юношеских фильмов и студия детских мультипликационных фильмов. Одно только перечисление этих великих дел заставляет восхищаться нас, потомков. Надо ещё учесть, что все эти преобразования совершались в предвоенной обстановке. Потому-то дети страны Советов в войну не жалели

жизни, стремясь отстоять государство, столько сделавшее для своих юных граждан.

Источники и литература:

1. Бляхин П.А. Красные дьяволята. – Саратов: Приволжск. кн. изд-во, 1968.
2. Гайдар А.П. Собр. соч. в трёх томах. – Т. 2. – М.: Правда, 1986.
3. Детская смертность в царской России [Электронный ресурс]. – http:// scisne.net/a281(Дата обращения: 23.04.2017).
4. Жиромская В.Б. Проблемы истории населения Российской Федерации в 1930-е годы// Труды Института российской истории РАН 1999-2000. Вып.3. Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.: ИРИ РАН, 2002.
5. Карабутина Т.В. Детские театры в СССР в 20-е – первой половине 30-х гг. XX в. [Электронный ресурс]. – http://scienceproblems.ru (Дата обращения: 7.05.2017).
6. Кремлёв С. СССР – Империя Добра. – М.: Яуза-пресс, 2009.
7. Кривоносов А.Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью// Государство и право. – 2003.- №7.
8. Ленин В.И. Задачи союзов молодёжи. – Полн. собр. соч. – Т.41.
9. Ленин и культурная революция. Хроника событий. 1917 – 1923. – М.: Мысль, 1972.
10. Раззаков Ф. Детское кино: от творцов до губителей – Вперёд в прошлое [Электронный ресурс]. – http: //lt90.org/articles.php (Дата обращения: 7.05. 2017).
11. Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. – 2000. – №11.
12. Тишков А.В. Дзержинский. – М.: Молодая гвардия, 1974.
13. Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. – М.: Госстатиздат, 1963.
14. Уэллс. Г. Россия во мгле. – М.: Политиздат, 1958.
15. Чернова О.В. «Эх, хорошо…» (Детская песня 30-х годов) // «Если завтра война…». СПб. – Пенза, 2011.
16. Этапы развития санаторно-курортной помощи детям в СССР [Электронный ресурс]. – http:// Medical-Enc.ru 2007-2017 (Дата обращения 25.04.2017).

Referenses

1. Bljahin P.A. Krasnye d'javoljata. – Saratov: Privolzhsk. kn. izd-vo, 1968.
2. Gajdar A.P. Sobr. soch. v trjoh tomah. – T. 2. – M.: Pravda, 1986.
3. Detskaja smertnost' v carskoj Rossii [Jelektronnyj resurs]. – http:// scisne.net/a281(Data obrashhenija: 23.04.2017).
4. Zhiromskaja V.B. Problemy istorii naselenija Rossijskoj Federacii v 1930-e gody// Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN 1999-2000. Vyp.3. Rossijskaja akademija nauk, Institut rossijskoj istorii; otv. red. A.N. Saharov. – M.: IRI RAN, 2002.
5. Karabutina T.V. Detskie teatry v SSSR v 20-e – pervoj polovine 30-h gg. HH v. [Jelektronnyj resurs]. – http://scienceproblems.ru (Data obrashhenija: 7.05.2017).
6. Kremljov S. SSSR – Imperija Dobra. – M.: Jauza-press, 2009.
7. Krivonosov A.N. Istoricheskij opyt bor'by s besprizornost'ju// Gosudarstvo i pravo. – 2003.- №7.
8. Lenin V.I. Zadachi sojuzov molodjozhi. – Poln. sobr. soch. – T.41.
9. Lenin i kul'turnaja revoljucija. Hronika sobytij. 1917 – 1923. – M.: Mysl', 1972.
10. Razzakov F. Detskoe kino: ot tvorcov do gubitelej – Vperjod v proshloe [Jelektronnyj resurs]. – http: //lt90.org/articles.php (Data obrashhenija: 7.05. 2017).
11. Rozhkov A.Ju. Bor'ba s besprizornost'ju v pervoe sovetskoe desjatiletie // Voprosy istorii.- 2000. - №11.
12. Tishkov A.V. Dzerzhinskij. – M.: Molodaja gvardija, 1974.

13. Urlanis B.C. Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR. – M.: Gosstatizdat, 1963.
14. Ujells. G. Rossija vo mgle. – M.: Politizdat, 1958.
15. Chernova O.V. «Jeh, horosho…» (Detskaja pesnja 30-h godov) // «Esli zavtra vojna…». SPb. – Penza, 2011.
16. Jetapy razvitija sanatorno-kurortnoj pomoshhi detjam v SSSR [Jelektronnyj resurs]. – http:// Medical-Enc.ru 2007-2017 (Data obrashhenija 25.04.2017).

УДК 93+94 DOI: 10.24045/conf.2017.1.7

РАЗВИТИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Тетерина Е.А.,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры
«Философия и социальные коммуникации»,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия

Розенберг Н.В.,
доктор философских наук, доцент
заведующий кафедрой «Философия и социальные коммуникации»
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия

Аннотация. *Статья посвящена анализу русской культуры в первые годы после Великой Октябрьской революции. Автор статьи даёт обобщённую характеристику основных направлений в развитии новой пролетарской культуры в 20-е гг. XX века.*

Ключевые слова: *советское искусство, культурная революция, грамотность в СССР, советская литература, советская живопись, советское киноискусство.*

THE DEVELOPMENT OF SOCIO-CULTURAL COMMUNICATION AFTER THE GREAT OCTOBER SOCIALIST REVOLUTION

Teterina E.A.,
Candidate Of historical sciences,
Associate professor of «Philosophy and social communication» department
Penza State University, Penza, Russian Federation

Rozenberg N. V.,
Doctor of Philosophy, associate professor
Head of «Philosophy and social communication» department
Penza State University, Penza, Russian Federation

Abstract. the Article is devoted to analysis of Russian culture in the first years after the great October revolution. The author gives a generalized characteristic of the

main directions in the development of a new proletarian culture in the 20-ies of XX century.

Key words: Soviet art, the cultural revolution, Soviet literacy, Soviet literature, Soviet painting, Soviet cinema.

Обновление социокультурной коммуникации после Октябрьской революции 1917 года было связано прежде всего с формированием общества нового типа, для которого вырабатываись новые культурные коды, изменившие и структуру и приоритеты развития культурного пространства. При этом вектор культурных изменений задавался «сверху», было положено начало административному вмешательству партии в сферу духовной культуры. Впервые были сформулированы и принципы и основы целенаправленно проводимой культурной политики. Отметим, что в развитии культуры первых двух десятилетий Советской власти можно выделить два периода. Первый период (условно до 1927 года – НЭП), когда и социально-экономическая и культурная политика были более свободными и автономными, существовали многочисленные творческие объединения и ассоциации, делавшие культурный ландшафт чрезвычайно разнообразным. Так, например в «Союз деятелей искусств» (март 1917 г. – осень 1918 г.) входило подавляющее большинство художников России, от «правых» до «левых». Он объединял около 200 художественных учреждений, обществ и групп. Руководители Союза утверждали, что государство должно предоставлять деятелям искусств полную автономию в устроении и управлении художественной жизнью. С 1922 г. после раскола в художественной среде, начался новый этап развития русского искусства, который положил конец эстетической монополии авангардистов и дал начало свободному «соревнованию» художественных группировок. Пролеткульт («Пролетарские культурно-просвети-тельские организации) и Рабис (Профсоюз работников искусств) также сыграли важную роль в сфере культуры. В этот период советская культура находилась в русле общемировых тенденций с точки зрения стилей и направлений художественного творчества. Хотя стоит оговориться, что и этот период существовали в культурной политике, поддерживаемые большевиками магистральные направления (например, можно вспомнить ленинский «план монументальной пропаганды»).

Второй период условно можно хронологически датировать 1930–1940-ми годами. Начавшись с коллективизации, в отношении культурного развития был взят курс на сворачивание свободы и многообразия культурной жизни в пользу ее унификации. При этом отметим нарастание и усиление идеологической составляющей.

Тем не менее, развитие культуры в новой советской России изначально имело прогрессивный вектор развития, что достаточно быстро с точки зрения исторической, дало свои результаты. Советской властью была провозглашена «культурная революция», целями которой являлось приобщение к новой власти народных масс и популяризация преимуществ нового строя. Особенностью нового направления в социокультурной коммуникации после

Октябрястало, согласно ленинскому пониманию, превращение культуры «из орудия капитализма в орудие социализма». На смену старой дворянской и буржуазной культуре пришла пролетарская культура [2].

В отношении новой культуры вождь пролетариата В.И. Ленин говорил: «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого – просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации»[7].

Социокультурным новшеством стало активное вовлечение общества в развитие культурного процесса. То есть расширился круг субъектов культурной коммуникации. Ликвидация неграмотности, повышение духовного и образовательного уровня русского народа являлись одной из приоритетных задач [2].

В 20-е годы XX века развернулось общественное движение за ликвидацию неграмотности. В стране не хватало педагогических кадров (многие преподаватели были изгнаны из страны), однако, несмотря на нехватку кадров, важным достижением Советского государства стало создание системы всеобщего начального образования. В молодом Советском государстве были открыты школы, организовано добровольное общество «Долой неграмотность». Кроме этого, для подготовки рабочих и технического персонала стали открываться школы фабрично-заводского ученичества, школы крестьянской молодёжи, техникумы, открывались вузы и создавались рабочие факультеты. В результате количество грамотных увеличилось в два раза, а к концу 30-х гг. XX в. неграмотность была в основном ликвидирована.

Значительный вклад в духовное обогащение трудящихся, укрепление его нравственных ценностей и патриотических чувств вносили деятели советской литературы и искусства.

В резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», опубликованной 18 июня 1925 г., официально утверждалась литературно-политическая концепция партии. Несмотря на то, что резолюция отмечала необходимость предстоящей культурной революцию и классовой борьбы в области литературы, её содержанием явились лёгкая модификация прежней литературно-политической концепции (свободное соревнование между группировками) и выражение примирительного отношения к пролетарским писателям.

В 20-е годы XX века представители литературных кругов разделились на три лагеря. Первый составили писатели, которые не приняли революцию и остались за границей. Второй лагерь составили те, кто принял новую идеологию социализма. К третьему лагерю относились колеблющиеся. Многие ведущие философы и писатели немарксистского направления покинули страну, а оставшиеся писатели были вынуждены принять новую идеологическую доктрину, которая называлась «социалистическим реализмом» (связана с распространением социалистических идей в искусстве и литературе).

Атмосфера свободной культуры с внедрением НЭПа в какой-то мере наполнила культурную область, как и другие сферы жизни общества. Такая ситуация характерна до 1928 года с постепенным изменением в сторону усиления литературного контроля.

Борьба за власть в партии (1925–1927 гг.) завершилась ликвидацией тех лидеров партии, которые защищали «попутчиков» от нападок пролетарских писателей. С 1928 года наступила эпоха диктатуры РАППа в сфере литературы, партия пыталась объединить всех писателей в единый союз для того, чтобы иметь рычаги управления литературным процессом.

Одним из представителей новой доктрины являлся М. Горький. Несмотря на то, что первоначально М. Горький скептически отнёсся к Октябрьской революции, после нескольких лет культурной работы в послереволюционной России писатель получил официальное признание как «великий пролетарский писатель» [6].

Однако не все писатели и художники приукрашивали социалистическую действительность. Так, например, Сергей Есенин, который на первых порах являлся сторонником новой культуры, впоследствии превратился в её критика.

Массовое признание в 1920-30х гг. получил Владимир Маяковский, который продолжал развивать авангардный футуризм в литературе. Творчество Маяковского чрезвычайно разнообразно и по форме и по содержанию, несмотря на некоторую однобокость оценки его творчество в советский период как талантливого агитатора, певца революционной борьбы. Ведь помимо революционных произведений (вспомним «Левый марш»), у поэта были и прекрасные лирические произведения (см. поэму «Облако в штанах», «Флейту-позвоночник», ранние стихи).

В целом советская литература дала миру целый ряд великих творцов. Среди них стоит отметить: А. Ахматову, М. Цветаеву, М. Шолохова, В. Брюсова, А. Прокофьева, Н. Заболоцкого, Л.Леонова, А. Толстого, М. Горького, К. Федина, М. Пришвина и др. [5].

В советском изобразительном искусстве в 20-е годы XX в. существовали передвижнические традиции: художественная жизнь страны требовала искусства остросоциального и понятного широким массам. В сфере искусства была основана Ассоциация художников революционной России, в которую входили бывшие передвижники. Среди них следует отметить Исаака Бродского («Выступление Ленина на Путиловском заводе», «Ленин в Смольном»), Георгия Ряжского («Делегатка», 1927; «Председательница», 1928), портретиста Сергея Малютина («Портрет Фурманова», 1922), Абрама Архипова, Василия Яковлева («Транспорт налаживается», 1923) и других.

Время революционных катаклизмов и революционных преобразований влекло художников к новым творческим экспериментам.

В эти же годы не только продолжает развиваться, но и переживает истинный расцвет искусство, которое мы называем «русским авангардом». Величайшим художником данного направления был Казимир Малевич, который являлся основоположником искусства геометрической абстракции

(супрематизма), одного из наиболее ранних проявлений абстрактного искусства [6]. Одной из центральных фигур данного направления также являлся советский живописец В.Е. Татлин, который является основоположником конструктивизма – направления искусства 1920-х годов.

Стоит отметить, что в первые годы Советской власти культурный уровень населения не всем позволял воспринимать новое развитие через литературу и искусство. Поэтому в послереволюционной России кинопромышленность была передана в руки трудящихся и стала средством коммунистического просвещения. Первые советские фильмы отражали революционную борьбу масс, великие события эпохи, главным участником которых был народ. Творили выдающиеся режиссеры С.М. Эйзенштейн, А. П. Довженко, В.И. Пудовкин и другие, были сняты такие фильмы как «Броненосец Потёмкин», «Чапаев», «Мать» и т.д.

Советское общество и советская культура первых десятилетий Советской власти находились в процессе трансформации и поиска. Пока не выработались и не законсервировались жесткие принципы социокультурной коммуникации. Введение в культурный процесс значительной части населения, расширение количества субъектов, участвующих в культурном созидании, целенаправленная репрезентация основных политических и социальных интенций через художественные произведения – вот те черты, которые характеризуют социокультурную коммуникацию 20-30 гг. XX века. Именно культурный поиск и целенаправленная культурная политика послереволюционного времени позволили накопить значительный духовный потенциал, изменить конфигурацию социального пространства в пользу увеличения количества населения, занятого интеллектуальным трудом, что позволило в дальнейшем осуществить масштабный модернизационный проект.

Источники и литература:

1. Волкогонов Д. А. Культура и революция // Троцкий. Политический портрет. – М.: АСТ, 1998. – Т. 1.
2. Воронцов А. В. Ленинская теория культурной революции и современность // В. И. Ленин в современном мире: материалы международной науч.-практ. конф., Разлив, 22 апр. 2011 г. – СПб., 2011. – С.23-30.
3. Георгиева Г.С. История русской культуры. Учебное пособие. – М.: Юрайт, 1999.
4. Зезина М.Р., Кошман Л.В., Шульгин В.С. История русской культуры. – М.: Высшая школа, 1990.
5. Ильина Т.В. История искусств. Русское и советское искусство. – М.: Высшая школа, 1989.
6. Ильина Е.А., Буров М.Е.. Культурология: Конспект лекций. – М.; МИЭМП, 2005.
7. Ленин В.И. Полное Собрание Сочинений, Т. 35, М.: Политиздат, 1974. [Электронный ресурс]. – http://publ.lib.ru/ARCHIVES/L/LENIN_Vladimir_Il'ich/_Lenin_V.I._PSS5_.html
8. Рапацкая Л.А. Русская художественная культура. Учебное пособие. – М., 1998
9. Розенталь И. Революция и литература // Моя жизнь / Л. Троцкий. – М.: Вагриус, 2001.
10. Фельштинский Ю., Чернявский Г. Новая культура // Лев Троцкий. Книга 3. Оппозиционер. 1923–1929 гг. – М.: Центрполиграф, 2013.

Referenses

1. Volkogonov D. A. Kul'tura i revoljucija // Trockij. Politicheskij portret. – M.: AST, 1998. – T. 1.
2. Voroncov A. V. Leninskaja teorija kul'turnoj revoljucii i sovremennost' // V. I. Lenin v sovremennom mire: materialy mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf., Razliv, 22 apr. 2011 g. – SPb., 2011. – S.23-30.
3. Georgieva G.S. Istorija russkoj kul'tury. Uchebnoe posobie. – M.: Jurajt, 1999.
4. Zezina M.R., Koshman L.V., Shul'gin V.S. Istorija russkoj kul'tury. – M.: Vysshaja shkola, 1990.
5. Il'ina T.V. Istorija iskusstv. Russkoe i sovetskoe iskusstvo. – M.: Vysshaja shkola, 1989.
6. Il'ina E.A., Burov M.E.. Kul'turologija: Konspekt lekcij. – M.; MIJeMP, 2005.
7. Lenin V.I. Polnoe Sobranie Sochinenij, T. 35, M.: Politizdat, 1974. [Jelektronnyj resurs]. -- http://publ.lib.ru/ARCHIVES/L/LENIN_Vladimir_Il'ich/_Lenin_V.I._PSS5_.html
8. Rapackaja L.A. Russkaja hudozhestvennaja kul'tura. Uchebnoe posobie. – M., 1998.
9. Rozental' I. Revoljucija i literatura // Moja zhizn' / L. Trockij. – M.: Vagrius, 2001.
10. Fel'shtinskij Ju., Chernjavskij G. Novaja kul'tura // Lev Trockij. Kniga 3. Oppozicioner. 1923–1929 gg. – M.: Centrpoligraf, 2013.

УДК 82-8 DOI: 10.24045/conf.2017.1.8

ТЕМА РОДНОЙ ЗЕМЛИ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПОЭТОВ

Донская Т.К.,
доктор педагогических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации,
академик Петровской академии наук и искусств
Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Белгород, Россия

Аннотация. *В статье проводится филологический анализ этнического компонента в языковой структуре произведений русской литературы. Автор анализирует ментальные особенности русского национального самосознания, отразившиеся в понятиях, образах и символах родного языка. Сквозной мыслью является сохранение традиций в русской литературе, начиная с XII и кончая XX веком. Особое внимание автор уделяет концепту «родная земля» в творчестве Анны Ахматовой.*

Ключевые слова: *русская литература, советская литература, тема родины в поэзии, Анна Ахматова.*

THE THEME OF HOMELAND IN THE WORKS ANNY AHMATOVOY

Donskaya T.K.,
Doctor of pedagogical sciences,
Professor of the Department of Russian as a Foreign Language and Intercultural Communication,
Academician Petersburg Academy of Arts and Sciences
Belgorod, Russian Federation

Abstract. In the article, a philological analysis of the ethnic component in the linguistic structure of the works of Russian literature is conducted. The author analyzes

the mental peculiarities of Russian national identity, reflected in the concepts, images and symbols of the native language. The material for analysis is prosaic and poetic works of Russian literature of the XIX - XX centuries. The author pays special attention to the concept of «native land» in the work of Anna Akhmatova.

Keywords: Russian literature, Soviet literature, the theme of homeland in the poetry, Anna Akhmatova.

Антропоцентрическое направление в современных отечественных и зарубежных лингвистических исследованиях, обратившихся вслед за В. фон Гумбольтдом, Ф.И. Буслаевым, И.И. Срезневским, А.А. Потебнёй, К.Д. Ушинским и др. к проблеме «Язык и культура», привело к углублённому проникновению в *ментальные особенности родного, русского, языка,* что, в свою очередь, позволяет обогатить процесс анализа *этнофилологического компонента в структуре произведений русской художественной литературы,* составной частью которого становятся *ментальные особенности русского национального самосознания,* отразившиеся в понятиях, образах и символах родного языка.

Исследования Е.М. Верещагина, В.В. Колесова, В.Г. Костомарова, Кошарной С.А., Савельевой Л.В., Савенковой Л.Б., Степанова Ю.С., Тарланова З.К., Телия В.Н., Толстого Н.И., Топорова В.Н., Фрумкиной Р.М., Хроленко А.Т. и др. свидетельствуют о том, что языковая картина мира каждого народа отражает национальное миросозерцание и мироощущение окружающей действительности, наполняя её образами, понятиями и символами, воплотившими исторически сложившиеся *национальные ценности,* составляющие нравственные, эстетические и культурные достояния русского народа.

Достижением современной лингвистики является *теория концепта и словесного знака,* «которые описаны методом феноменологических редукций от конкретно вещного до абстрактно идеального, от явления (феномена) *понятия (conceptus* а) к сущности *к о н ц е п т а (conceptum*)» [5, с. 5]. И как здесь не вспомнить слова М.М. Пришвина, сказанные о чувстве природы в сознании народа и в его сердце: «…и лучше как-нибудь работать гражданином мира, но как переступить через родину, через самого себя? Ведь только я сам, действительно близкий к грубой материи своей родины, могу преобразить её, поминутно спрашивая: «Тут не больно?», и если слышу «больно», ощупываю в другом месте свой путь. Другой-то разве станет так церемониться, разве он «за естественным богатством» железа, нефти и угля захочет чувствовать человека? Вот верно как-то через уважение к родным, некоторым друзьям и, главное, через страстную любовь к природе, увенчанной своим родным словом, я неотделим от России…» [7]. «Все компоненты концепта «Родная земля», как он реально существует в русском менталитете нашего времени, даны здесь у Пришвина, – считает Ю.С. Степанов, – один за другим: а) боль за свою землю, б) «естественное богатство», в) сама земля, г) родной человек, д) природа, увенчанная е) родным словом» [8, с. 170]. А я бы добавила ещё один – самоотверженная любовь и преданность родной земле,

кровная связь с ней, святая любовь к её Святыням. «Святая» – в значении «Глубоко чтимая, такая, в которой заключено самое дорогое и заветное»; «Святыня» – «Что-либо особенно дорогое, любовно хранимое, чтимое».

Я не люблю, о Русь, твоей несмелой,
Тысячелетней, рабской нищеты.
Но этот крест, но этот ковшик белый…
Смиренные, родимые черты!

И.А. Бунин
«В лесу, в горе родник…» (1905)

Исторически сложившиеся культурные символы через категории и формы родного языка, в которых зафиксированы результаты «работы» народного самосознания, передаются из поколения в поколение как завещание из прошлого в будущее…Культурные символы рождают индивидуальные ассоциации, но историческая память народа бережно хранит и творит легенды о русских богатырях, сражавшихся за честь и свободу родного Отечества, не жалея живота своего: «и бились так крепко и нещадно, что и сама земля застонала» («Слово о полку Игореве»); безымянные авторы творили сказки и сказы о Граде Китеже; воспевали супружескую верность Ярославны и благоверной рязанской княгини Евпраксии; хранили в сердце своём слова Благоверного Святого князя Александра Невского: «Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет!».

«Из рассказов о прошлом, – размышляет Д.С. Лихачёв, – каким бы оно ни было, – дурным или хорошим, – извлекается опыт» [5, с. 47].

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва.

А.С.Пушкин

Мудрость и бессмертие пушкинских заветов с особой силой почувствовал наш народ в годы Великой Отечественной войны, особенно воины России, когда им приходилось, отступая, оставлять под фашистскими сапогами могилы героических защитников Бреста, Бородино, Пскова, Великого Новгорода, Севастополя… И, может быть, только К.М. Симонову удалось с особым чувством горечи и злости передать стыд за оставленные на поругание солдатские могилы героических защитников Родины:

Глухими ночами,
Когда мы отходим назад,
Восставши из праха, за нами
Покойники наши следят.

Солдаты далёких походов,
Умершие грудью вперёд,
Со срамом и яростью слышат
Полночные скрипы подвод…

Ты слышишь, товарищ, ты слышишь,
Как мёртвые следом идут,
Ты слышишь: не только потомки,
Нас предки за это клянут.

Клянёмся ж с тобою, товарищ,
Что больше ни шагу назад!
Чтоб больше не шли вслед за нами
Безмолвные тени солдат…

Чтоб этот досель неизвестный
Кусок нас родившей земли
Стал местом последним, докуда
Последние немцы дошли.

К. Симонов
«Безыменное поле» (1942)

Когда посещаешь святые для сердца русского места: Троице-Сергиевскую Лавру, Пушкинские Горы, Тарханы, Пискарёвское кладбище, Мамаев Курган, Куликовское, Бородинское или Прохоровское поле, Третье поле русской славы, и др. не менее священные края и святые имена, – разве не испытываем на себе «животворящую силу» нравственного подвига наших соотечественников во имя любви к Родине? «Разве не возвращаемся…обновлёнными духовно, с огромным запасом животворящих впечатлений?» [5, с. 47].

«Есть имена, которые носили исторические люди, жившие в известное время, делавшие исторически известное жизненное дело, но имена, которые…выступили из границ времени, когда жили их носители. Это потому, что дело, сделанное таким человеком, по своему значению так далеко выходило за пределы своего века, своим благородным действием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений, что с лица, его сделавшего, в сознании этих поколений постепенно спадало всё временное и местное, и оно из исторического деятеля превратилось в народную идею, а самоё дело его из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом. Такие люди становятся для грядущих поколений не просто великими покойниками, а вечными спутниками, даже путеводителями, и целые века благоговейно твердят их дорогие имена не столько для того, чтобы благодарно почтить их память, сколько для того, чтобы самим не забыть правила, ими завещанного» [3]. И среди них имена и деяния Владимира-крестителя, Ярослава Мудрого, Александра Невского, Дмитрия Донского и Сергия Радонежского, Стефана Пермского, Ломоносова и, конечно же, Пушкина… У нас с ними один родной наш язык, одна земля, одна природа, одна история с её прошлым, настоящим и будущим…

Поэзия не в том, совсем не в том, что свет
Поэзией зовёт. Она в моём наследстве.
Чем я богаче им, тем больше я поэт.

И. Бунин.
В горах. (1916)

И нельзя не согласиться с проф. В.В. Колесовым в том, что «проникновение в сущность концепта, энергия которого…преобразует культурные парадигмы в соответствии с требованиями времени и служит главным признаком национальной идентификации во времени и в пространстве» [4, с. 6].

Русь моя! Люблю твои берёзы!
С детских лет я с ними жил и рос…
Вот и набегают слёзы на глаза,
Отвыкшие от слёз…

Н. Рубцов
«Берёзы» (1957)

Образ родной русской берёзы воспринимается поэтом и нами, его читателями, согражданами, разделяющими с автором это чувство сокровенной любви к родной природе, образом которой является берёза как символ родного Отечества, рождает индивидуальные ассоциации, пронизанные, однако, общенациональным нравственным смыслом – родное русское деревце, белоствольное чудо России, которое, по словам В. Астафьева, «пахнет Родиной». А К.М. Симонов писал во время Великой Отечественной войны:

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке…
Ты вспомнишь не страну большую…
Ты вспомнишь родину – такую,
Какой её ты в детстве увидал.
Клочок земли, припавший к трём берёзам…
Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть…Но эти три берёзы
При жизни никому нельзя отдать.

К. Симонов
«Родина» (1941)

Тема родной земли – традиционная тема в творчестве русских писателей. Русь издавна привлекала к себе алчные взоры захватчиков и с запада, и с востока, поэтому уже в летописях отразилась эта горькая боль за родину-Мать: «…много зла учинили Русской земле…». И только колоссальная жизнестойкость русского народа, его безграничная любовь к своему Отечеству могла противостоять многочисленным захватническим набегам и войнам, опустошавшим города и сёла Руси, России… Совершенно справедливо и горделиво утверждал наш выдающийся историк Х1Х века В.О. Ключевский, оценивая роль русского народа в борьбе против татарского ига: «Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжко его унижение, но пробьёт урочный час, он соберёт свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу» [3].

Блестящий знаток русской истории, философ, талантливый пропагандист исторических знаний, владевший отточенной афористической речью,

В.О. Ключевский на многочисленных исторических фактах показал судьбоносную роль русского народа и его великих представителей, положивших жизнь свою «за други своя» во имя политического и нравственного величия Отечества. «Примером своей жизни, высотой своего духа» великие служители Отчизны пробуждали в душах современников доверие к себе, вдохновляли на борьбу во имя лучшего будущего, так как они вышли из народа, «были плоть от плоти нашей и кость от костей наших» [3].

Но, посвящая им бессмертные произведения, летописцы, русские писатели и общественные деятели с особой сердечной нежностью наделяли их чутким сердцем, внимавшим голосу родной земли: «И были плач и печаль на Руси и по всем землям, слышавшим об этой беде…». («Повесть о битве на реке Калке», написанная после победы монголо-татар на реке Калке в 1223 г.). Безымянные авторы древнерусской литературы, как и создатели народных жанров устного народного творчества, в том числе и талантливый автор «Слова о полку Игореве», создают обобщённый образ Русской земли, непосредственные упоминания о которой – *«О Русская земля! уже за шеломянем еси!», «Тоска разлияся по Русской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи», «Вступита господина, въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Русскую»* – могут быть отнесены ко всей Руси, передавая горе и печаль от разорения и нанесения ей поругания со стороны половцев, во время набегов разорявших красоту родной земли, нанося ей кровавые раны…

«Приуныли цветы с жалости, а деревья с печалью к земле приклонились», – печалится автор «Слова…» после смерти юного князя Ростислава… Но ликует природа, радуясь освобождению Игоря от плена:

«Солнце светит на небе, Игорь-князь – в Русской земле! Девицы поют на Дунае, вьются голоса через море до Киева».

«Картина вселенской скорби и гибели, сопровождающая пленение героя, вполне соответствует вселенскому ликованию при его возвращении…» [2, с. 28]. Не случайно именно в «Слове» встречаем необычное имя «русичи», которое нигде за пределами «Слова» не встречается, которое относится, по мысли Б. Гаспарова, не только к русскому племени, но и ко всем обитателям Русской земли. Оттуда, из глубин нашей истории, и вошло в наше сознание дружественное отношение к многонациональному единству русичей, защищавших плечом к плечу с русскими свободу и независимость Руси, России от многочисленных захватнических поползновений вражеских полчищ. И, может быть, наиболее убедительно свидетельствуют о нравственно-ценностном отношении нашего народа к родной земле, Земле «отич и дедич», «говорят» многочисленные эпитеты, вошедшие не только в поэтическое, но и в речевое сознание русичей [7]: «благословенная, благословленная (устар.), великая, вольная, горькая, дорогая, древняя, милая, мирная, многострадальная, отеческая, родимая, родная, священная, сказочная, царственная» [7, с. 170-171], отражающие народное мировидение, вошедшее в содержание русского национального ***концепта РОДНАЯ ЗЕМЛЯ*** и воплощённое в произведениях русских писателей разного времени:

«Да ведают потомки православных
Земли р о д н о й минувшую судьбу».

А.С.Пушкин
«Борис Годунов»

«…Тысячелетняя история наша – это тысяча лет
тяжёлой борьбы за о т е ч е с к у ю землю».

А.Н .Толстой
«Несокрушимая крепость»

«Солдаты в окопах шалели
И падали в смертном бою,
Но жизни своей не жалели
За г о р ь к у ю землю свою».

М. Дудин
«И нет безымянных солдат...»

Этот народный взгляд *русичей* на свой долг Сына Отечества пронизывает прозу и поэзию многонациональных писателей России, так как Россия как государство – это не только географические границы, экономика, правовые институты и т.п., но и представления его населения о себе в качестве *представителей общности России как самостоятельного государства,* уникального именно в силу многовекового дружественного сотрудничества и толерантных отношений между её «многоязыкими» (Н.К.Рерих) народами, в которой невозможна была Варфоломеевская ночь…

Концепт ***РОДНАЯ ЗЕМЛЯ*** в русском языковом сознании, являясь архетипом, объективно стал ***соборным образом,*** объединившим русичей в далёком прошлом и россиян в современной России, оказывая эмоциональное воздействие его ценностного компонента на восприятие ***концепта РОДНАЯ ЗЕМЛЯ*** многонациональными писателями и поэтами России как общего для более чем 160 народов и народностей РФ – ***ДОМА.***

Воспетая народом красота родной земли в русском устном народном творчестве («Во поле берёзонька стояла,/Во поле кудрявая стояла…» как символ родной земли»); в древнерусской литературе автор «Слова о полку Игореве» призывал к защите родного Отечества и родной земли от многочисленных врагов (Игорь «напряг ум волею своею и отточил сердце своё мужеством, исполнившись ратного духа, повёл свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую…»); литература же Х1Х века полна раздумий и противоречивого, двойственного чувства к «стране рабов, стране господ»:

Люблю отчизну я, но странною любовью –
Не победит её рассудок мой…
Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз…

М.Ю. Лермонтов
«Родина» (1841)

И в XX веке эта тема по-прежнему в центре внимания художников слова, по-разному воспринявших события Революции 1917 года.

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам…

А.А. Ахматова

Но и там, далеко от родимой земли, не менее страстно клялись в верности и преданности Родине русские люди, волей судьбы оказавшиеся вдали от её степных просторов, от «разливов рек её, подобные морям».

О, неподатливый язык!
Чего бы попросту – мужик,
Пойми, певал и до меня:
«Россия, родина моя!»

Но и с калужского холма
Мне открывалася она –
Даль, тридевятая земля!
Чужбина, родина моя!

М.И. Цветаева
«Родина» (1932)

Родная земля – в то же время это ещё и символ Родины, Отечества, Отчизны, её нетленной, вечной красоты, символ любви и верности, воплощённой в образах есенинской берёзовой России.

Но, может быть, самое пронзительное чувство преданности и вины перед ней, покидая Россию, выразил И.А. Бунин, обратившись к евангельской притче о блудном сыне:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной…
Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным Коленам припав.

И.А. Бунин (1918)

При филологическом анализе творчества русских и российских поэтов учёт концептов, их ментальных особенностей помогает раскрыть новые грани авторского понимания характера родного народа, своей принадлежности к его ценностям, а исследователям – более объективно подойти к понятию «народный писатель/поэт», «народность в литературе и искусстве». С этих позиций совершенно неожиданно раскрывается творчество А.А. Ахматовой, односторонняя характеристика которого в литературоведении XX в. не соответствует

основной теме всего её творческого наследия – теме России, родной земли, родного народа и своей судьбы как русского поэта XX века.

Начало XX века в Российской истории было ознаменовано такими судьбоносными событиями для Российского государства, как русско-японская война, 9 января 1905 года, первая мировая война, Октябрьская революция 1917 года, Гражданская война, что сказалось на судьбе и творчестве поэтов Серебряного века русской литературы, в том числе и в творчестве А.А. Ахматовой, чутко откликавшейся на события, свидетельницей и участницей которых ей довелось быть. Анализ многих её стихотворений и статей, созданных в период с 1913 года («Ты знаешь, я томлюсь в неволе…») по 1965 год («Коротко о себе»), в которых она предельно искренно поведала своим читателям о самом сокровенном – о своей кровной и неразрывной связи со *своей землёй,* со своим народом, с родной природой, с родной русской речью, созданной и переданной нам нашими предками, раскрывает нам мало знакомый широкому читателю образ поэтессы России XX века.

В центре её творчества был великий и трагический образ *родной земли,* о которой она скажет в конце жизни в стихотворении «Родная земля»:

Но ложимся в неё и становимся ею,
Оттого и зовём так свободно – своею.

А.А. Ахматова (1961)

Откуда же в этой рафинированной поэтессе Серебряного века оказалось столько мужества, стойкости, силы воли, чтобы противостоять многочисленным «голосам», которые звали её «утешно» оставить Россию навсегда»?

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух…

А.А. Ахматова
«Мне голос был…» (1917)

Позже она скажет: *«Вскоре после Октябрьской революции очень многие мои современники…покинули Родину. Для меня этот вопрос никогда не вставал»*[1].

Для А.А. Ахматовой *родная земля* – это земля её предков, о кровной связи с которыми она говорила ещё в юношеских стихах:

Спокойной и уверенной любови
Не превозмочь мне к этой стороне:
Ведь капелька новогородской крови
Во мне – как льдинка в песенном вине…

Это и «скудная тульская земля», но от этого не менее дорогая, близкая и понятная (Слепнево,1913). И самое сокровенное – земля, вскормившая гений Пушкина («Смуглый отрок бродил по аллеям…» 1911), к голосу которого она прислушивалась всю жизнь и следовала в своём служении Отчизне:

Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжёлый час сомненья
Учеников злорадное томленье
И равнодушие толпы.

«Нам свежесть слов и чувства полноту…»

Здесь явные мотивы «Пророка» А.С. Пушкина, призывавшие её «глаголом жечь сердца людей» и находящие отклик в сердце каждого русского писателя, которому дорога свобода и независимость родного Отечества, правдивое Слово поэта-патриота, идущее к нам из прошлого в будущее…Это то великое культурное наследие, которое она бережно хранила в своём сердце поэта и стремилась его не предать, а сохранить и… передать следующему поколению России:

Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

«Мужество». 1941–1942 г.

Для неё, русской поэтессы, *русское слово* – не только родной язык её предков и её народа, не только бессмертное слово великой русской литературы, литературы Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Брюсова, Бунина, Блока и других её кумиров, но это ещё и история Родины, её боль и страдание:

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребёнка, и друга,
И таинственный песенный дар –
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над тёмной Россией
Стала облаком в славе лучей.

«Молитва».1914

Слова этого удивительного стихотворения в редком для русской поэзии жанре молитвы (См.: «Молитва» М.Ю.Лермонтова, 1837) наполнены такой страстной любовью к Родине, болью за её людские потери в начавшейся Первой мировой войне 1914 года, но и готовностью отречься от всех земных благ во имя победы в этой смертоносной войне, что поражаешься силе вырвавшегося из самого сердца любящей женщины, нежной матери, любимой, из сердца русского поэта этого чисто русского чувства самопожертвования во имя свободы и величия Отечества, характерного для *русской национальной ментальности.* И уже в зрелом возрасте она скажет:

Нет! и не под чуждым небосводом
И не под защитой чуждых крыл
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

И противопоставление эпитета *чуждый* интимному местоимению *мой (народ)*, несомненно, является ключевым для понимания этой сквозной темы в творчестве поэтессы, положившей на алтарь Отечества всю свою жизнь и своё призвание русского Поэта…

В представлении массового читателя А.А. Ахматова – лирическая поэтесса, сдержанная в проявлении своих чувств, которой чуждо, якобы, публицистическое, страстное выражение своих мыслей и переживаний. Однако метафора «жар «сердца», «жар «любви» и т.п. образные словосочетания – свидетельство пылкого и горячего чувства *гражданского и по-женски материнского сопереживания со своими соотечественниками эпохи ломки и создания новой России XX века.*

С особой силой эта особенность её поэтического голоса звучала в трудные для России годы: первая мировая война (1914–1917 гг. – «Молитва»,1914), Октябрьская революция и Гражданская война (1917–1922 гг. – «Мне голос был…», 1917; «Не с теми я…»,1922); репрессии 1930-х гг. («Реквием»,1935–1940); Великая Отечественная война (1941–1945 гг. – «Клятва»,1941; «Мужество»,1942; «Победителям», 1944; «Победа», 1942–1945 и др.).

Концепт родная земля в течение всего творчества Анны Андреевны обрастал всё новыми и новыми оттенками значений, расширяя его дорогими и близкими её со-значениями, ассоциациями, образами, философскими и историко-культурными символами, отражавшими не только личный опыт самой поэтессы, но и жизнь народов России XX в. Если в 1913 году для неё это общая с народом земля, на которой она родилась и которая вызывает у неё боль за нищенскую жизнь народа:

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти Господа моля.
Но всё мне памятна до боли
Тверская скудная земля –

то уже во время Первой мировой войны это – родная земля, политая кровью её соплеменников:

Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы тучи над тёмной Россией
Стали облаком в славе лучей –,

которая исторгает страстное молитвенное обращение к Господу избавить Родину от горя, крови, слёз матерей и смерти детей России:

Над ребятами стонут солдатки,
Вдовий плач по деревне стоит.

Здесь впервые появляется мотив сопереживания с российскими матерями, теряющими своих детей на полях сражений, близкий ей, молодой матери… В годы Великой Отечественной Войны – это уже:

Ваньки, Васьки, Алёшки, Гришки,
Внуки, братики, сыновья –
положившие «*Жизнь свою за други своя*» (1944).

Пережив со своим народом все его горести и напасти, Ахматова в стихотворении «Мне голос был…» (1917) воспринимает родную землю как многострадальный родной и дорогой её сердцу край, который нельзя предать, бросив её в тяжёлое для неё время:

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну чёрный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

И эта мысль не оставляет её в последующие годы, углубляя осознание поэтом родной земли как общую судьбу с родным народом:

Не с теми я, кто бросил землю
На растерзание врагам.
Их грубой лести я не внемлю,
Им песен я своих не дам.

Но вечно жалок мне изгнанник,
Как заключённый, как больной.
Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой.

А здесь, в глухом чаду пожара
Остаток юности губя,
Мы ни единого удара
Не отклонили от себя.

И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час;
Но в мире нет людей бесслёзней,
Надменнее и проще нас.

Для неё мы – это ощущение внутренней судьбы и кровной общности с народом, с которым пройден тернистый путь, но пройден достойно, «бесслёзно», без жалоб и стенаний, с сохранением в глубине сердца страстной приверженности к традициям и заветам предков…

Её поэзия удивительно диалогична: она отвергает соблазнительные предложения своих оппонентов, она спорит с ними, отстаивая единственное для неё неукоснительное право – право быть вместе со своим народом и в горе, и в радости, деля с ним его судьбу, которая стала и её судьбой…

И в этом горделивом профиле Анны Ахматовой, знакомом всем её почитателям по многочисленным фотографиям и портретам, столько чувства собственного достоинства и неприступности, самоуглублённости и сосредоточенности на каких-то только ей доступных и понятных мыслях, что невольно приходят на память её же слова:

Как в прошедшем грядущее зреет,

Так в грядущем прошлое тлеет…

«Для неё это не просто афоризм, эту истину она воплотила в живых и осязаемых образах» [9]. Не об этом ли вся её поэзия – чтоб свеча не погасла?

Источники и литература:

1. Ахматова А.А. «Узнают голос мой…»Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта./Сост. Н.Н. Глен, Л.А. Озеров. – М.: Педагогика, 1989.
2. Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». – М.: Аграф, 2000.
3. Ключевский В.О. Значение преп. Сергия Радонежского для русского народа и государства// Литературные портреты. – М.: Современник, 1991.
4. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб: ЮНА ,2002.
5. Лихачев Д.С. Земля родная. – М.: Просвещение, 1983.
6. Пришвин М. Дневники. 1923–1925. – М.: Русская книга, 1999.
7. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. – Л.: Наука, 1979.
8. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001.
9. Чуковский К.И. Анна Ахматова. Хрестоматия критических материалов. Русская литература рубежа XIX–XX веков. – М.: Айрис Пресс, Рольф, 1999.

Referenses

. Ahmatova A.A. «Uznajut golos moj…»Stihotvorenija. Pojemy. Proza. Obraz pojeta./Sost. N.N. Glen, L.A. Ozerov. – M.: Pedagogika, 1989.
2. Gasparov B. M. Pojetika «Slova o polku Igoreve». – M.: Agraf, 2000.
3. Kljuchevskij V.O. Znachenie prep. Sergija Radonezhskogo dlja russkogo naroda i gosudarstva// Literaturnye portrety. – M.: Sovremennik, 1991.
4. Kolesov V.V. Filosofija russkogo slova. – SPb: JuNA ,2002.
5. Lihachev D.S. Zemlja rodnaja. – M.: Prosveshhenie, 1983.
6. Prishvin M. Dnevniki. 1923-1925. – M.: Russkaja kniga, 1999.
7. Gorbachevich K.S., Hablo E.P. Slovar' jepitetov russkogo literaturnogo jazyka. – L.: Nauka, 1979.
8. Stepanov Ju.S. Konstanty: slovar' russkoj kul'tury. – M.: Akademicheskij proekt, 2001.
9. Chukovskij K.I. Anna Ahmatova. Hrestomatija kriticheskih materialov. Russkaja literatura rubezha XIX–XX vekov. – M.: Ajris Press, Rol'f, 1999.

УДК 7.03 DOI: 10.24045/conf.2017.1.9

РОМАНТИЗМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Пресняков К.А.,
врач-невропатолог, хирург,
психолог,
Пенза, Россия

Куприянова А.А.,
студентка
историко-филологического факультета,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия

Аннотация. *В статье рассматривается романтизм как особое направление в культуре Советской России и СССР. Авторы выделяют два периода развития этого направления в искусстве и культуре: 1923–1939 годы; середина 1950-х – начало 1980-х годов. Авторами рассмотрены особенности этих периодов в кино, литературе, живописи. Авторы отмечают, что произведения советского романтизма имели собственный оригинальный сюжет, но их базой являлось направление социалистического реализма.*

Ключевые слова: *советская культура, советское кино, стиль советский романтизм, бардовское движение.*

ROMANTICISM AS A STYLE IN SOVIET CULTURE AND ART

Presnyakov K. A.,
neurologist, surgeon,
psychologist,
Penza, Russian Federation

Kupriyanova A.A.,
Student
Faculty of History and Philology,
Penza State University, Penza, Russian Federation

Abstract. The article considers romanticism as a special direction in the culture of Soviet Russia and the Soviet Union. The authors identify two periods of development of this direction in art and culture: 1923-1939 years; mid-1950s – the beginning the 1980-ies. The authors considered the features of these periods in film, literature, and painting. The authors note that the works of Soviet romanticism had its own original story, but their base was the direction of socialist realism.

Key words: Soviet culture, Soviet cinema, Soviet style romanticism, bard movement.

Романтизм – направление в искусстве, характерной особенностью которого является юношеский психологический компонент личности

«художника», выражающей посредством художественного творчества свою индивидуальность. Особенностью романтизма как направления в искусстве является то, что он создаётся молодыми людьми, вышедшими из подросткового возраста, но ещё не обремененными семейными обязанностями.

Философская категория произошла от слова роман, слово изначально означало на фракийском языке «крепкий, сильный». Именно таким и бывает молодой человек, юноша после перехода из подросткового возраста. В основе состояния романтизма лежит психологическая особенность юношеского максимализма – состояние псевдосвободы и влюблённость в ровесника, в свою страну, в народ. Всё описывается лёгкими приятными тонами и красками. Всё хорошо, просто и легко. Минимум удобства.

Романтик – индивид, романтики – группа одного направления в искусстве, эпоха романтизма – когда на первый план выходят молодые люди. Эпоха романтизма наступает, как правило, после кровопролитных войн или пандемии смертельной инфекции – в это время подрастаёт большое количество молодых лиц. Эпоха романтизма заканчивается, когда эти молодые творчески настроенные люди переходят в разряд озабоченных семейными обязательствами, то есть им становится около 40 и более лет. Или наступает новая милитаристская волна в политике и эпидемия смертельной болезни, косящая молодежь.

Период романтизма в каждой исторической эпохе представляется своим новым эстетическим направлением в искусстве. Единичные индивиды-романтики остаются до седых волос. Кто-то от романтизма отходит быстро через год-два, а кто-то «застревает» на десяток лет.

Центральная идея романтизма сформулирована философом Эммануилом Кантом в работе «Критика способности суждения», и выражается словом «возвышенность». По Канту, возвышенность подразделяется на два типа, есть первый тип – позитивное наслаждение прекрасным, выражающееся в спокойном созерцании, и есть второй тип – негативное наслаждение возвышенным, бесформенным, бесконечным, вызывающее не радость, а изумление и осмысление. С воспеванием возвышенного связан интерес романтизма к злу, его облагораживание и диалектика добра и зла («Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»).

Романтизм как направление в искусстве связан также с просветительской идей прогресса и тенденцией к отказу от всего «устаревшего и отжившего», то есть традиционно-консервативного. Считается, что романтизм противопоставляет модернистский прогресс народной культуре, простому человеку, возвращению к корням и к природе.

Советский романтизм – это особое направление в культуре России, Советской России и СССР.

В XX веке в России эпоха романтизма была дважды. Первый раз – ярко выраженная эпоха, это первое десятилетие после окончания Гражданской войны с 1923 года, когда умерла, полегла на полях боёв старая царская поросль или уехала в эмиграцию на Запад. С 1928 года

началось преобладание рабоче-крестьянской молодёжи, которая получила какое-то образование от оставшихся царских педагогических кадров или успела обучиться в ещё царские времена. Широкой полосой во всех направлениях жизни представлены авангардизм, конструктивизм на основе революционного романтизма. Энтузиазм построения нового бесклассового общества породил массу направлений романтического плана. Фильмы Александрова на основе советского мечтательного романтизма известны всем: «Волга-Волга», «Весёлые ребята»... Первая часть книги Вениамина Каверина «Два капитана» написана в довоенное время. В ней отражён дух освоения неба на летательных аппаратах. В первой части действует как раз не обременённая семьёй молодежь, одержимая освоением Арктики. Книги фантаста А. Беляева, прозаика А. Грина – это уже другое направление романтизма. Фёдор Гладков с его книгами тоже относится к романтикам этого времени. Хотя его произведения и считаются так называемыми «производственными романами», как, например, «Цемент» и «Энергия». Но по духу они являются чистым прозаическим романтизмом и неслучайно эти произведения Ф. Гладкова выдвинули его в первый ряд признанных советских писателей.

Первый период советского романтизма длился приблизительно до 1939 года. В художественном направлении образцом первого советского романтизма признаны картины художников Исаака Бродского, Александра Лактионова, Кузьмы Петрова-Водкина, Александра Лабаса, Александра Дейнеки, Митрофана Грекова, Александра Герасимова, Юрия Пименова... У Александра Дейнеки, если спортсменки, то обязательно комсомолки и красавицы, не бегут, а будто отрываются от земли, или лётчики, планеристы. Культ здоровья – это про них, молодых, крепких и выносливых. Впрочем, кому девиз «быстрее, выше, сильнее», а кому тихое семейное счастье: у Кузьмы Петрова-Водкина товарищи – просто влюблённые, мечтают о будущем, кротко сложив руки на коленях. Или его воплощение идеи революционного романтизма «Купание красного коня». После эту романтическую молодёжь прижала очередная волна чисток и репрессий. И особенно после репрессии главы комсомола Косырева.

В новом искусстве, каким на то время являлось кино, ярким примером романтизма представлен фильм «Семеро смелых» 1937 года. В основе сюжета – работа шести молодых полярников в далёких просторах Арктики. Кинолента рассказывает об их стойкости и смелости, проявленных в суровых условиях Заполярья. После прощального салюта пароход скрывается за горизонтом, и зимовщики приступают к распаковке груза. К своему удивлению и ужасу в одном из ящиков они обнаруживают арктического «зайца» – Петра Молибогу. Трудности зимовки и работы помогают переносить выдержка и весёлый нрав её участников. И, в особенности, постоянно комическое поведение Петра Молибоги. Сценарий С. Герасимова и Ю. Германа. Герман – автор ещё нескольких произведений направления советского романтизма. О молодых современниках, врачах советского времени. Таких фильмов хотя и немного было снято в те годы, но они всё же

были. Книг и фильмов Больше в те годы представлено книг и фильмов для переосмысления прошлого: дореволюционного и революционного. Но именно советское романтическое довоенное искусство прошло годы испытаний и теперь интересно нашим современникам. В это время ярким примером кадрового романтического потенциала культуры было назначение на должности редакторов выпускников вузов, так например «отец» майора Пронина, Лев Овалов, был назначен редактором крупного журнала сразу после окончания медицинского факультета и получения диплома врача. Аналогично и в киноискусстве: директором киностудии становится молодой Иван Пырьев.

Таким образом, советский романтизм первой волны навеян революционным преобразовательным духом, коммунистическим и социалистическим преображением страны и мира на основе справедливости, исключения эксплуатации человека человеком, свободы, бытового и социаль-ного равенства, покорения природы и при этом патриотической настроенности для защиты новой Советской власти.

Вторая волна советского романтизма наступила с середины 1950-х годов и длилась приблизительно до начала 1980-х. Эта волна совпала с волной европейского романтизма. Причина, почему она наступила, проста. После Второй мировой войны и Великой Отечественной в СССР подросло поколение молодёжи, рождённое в конце тридцатых и сороковых годах. Перед ними не было сдерживающих консервативных настроений погибшего и умершего старшего поколения. Молодёжь, стремившаяся к прогрессу и восстановлению экономики, была поддержана коммунистической партией, которая после войны дала свободу искусству и возможность работать молодёжи. Коммунистическая партия и советское правительство обеспечили бесплатное образование. Клубы самодеятельной песни – бардовское движение – началось с учёных физиков, инженеров. Да, была попытка бульдозерной выставки художников – романтических авангардистов. Но при этом романтический плакат советской эпохи того периода есть выражение выплеска художников. Новое направление в искусстве – это киноиндустрия, знаменита тем, что в это время создавалась масса романтических фильмов на тему войны и советские фильмы молодых кинематографистов получали награды на мировых кинофорумах: «Весна на Заречной улице», «Я шагаю по Москве», «Летят журавли», «Девчата»...

В это же время подросла масса молодых композиторов с консерваторским образованием (чего только стоит одно только упоминание имени Александры Пахмутовой), создавших не один десяток песен романтического направления в эти годы. А кинокомедии Леонида Гайдая, в которых действует молодёжь, студенты, с неповторимой музыкой Александра Зацепина – это же тоже романтизм. Детский хор Всесоюзного радио под руководством В. Попова. Широкое распространение вокально-инструментальных ансамблей с романтическими песнями. Какие неповторимые стихи и музыка! А это всё создавала творчески свободная молодёжь с классическим консерваторским образованием. А поэтические

вечера в политехническом музее. Поэты Н. Рубцов, Р. Рождественский, А. Вознесенский, В. Высоцкий, В. Боков... Направление в поэзии было самое широкое народно-лирическое и авангардно-научное.

Можно с полной уверенностью сказать: в XX веке в советское время было два чётких периода романтизма в искусстве, которые принесли большой культурный самобытный пласт в общекультурное российское достояние. При этом произведения в русле направления советского романтизма имели собственный оригинальный сюжет на основе композиционного решения социалистического реализма.

К 1980-м годам эпоха советского романтизма постепенно уходит, так как те, кто были романтиками или уже ушли из жизни, или спились, или просто физиологически перешли по психологии из молодых в старшую возрастную группу. Да и критики повзрослели. Не было тех катаклизмов очищения от старой гвардии в искусстве. Подрастающее поколение к концу семидесятых и к началу восьмидесятых приходило уже на занятые места. Редакторы издательств, журналов, начальники киностудий, филармоний – всё это уже была старая гвардия, закосневшая на прошлом, прошедшая и битая художественными критиками и идеологами партаппарата. И молодым парням негде было воплощать свои идеи. Комсомол уже не мог оттягивать пар романтиков на себя, так как среди них были те, которым далеко за тридцать лет. И редакторские места в молодёжных журналах были заняты лауреатами премий с возрастом за тридцать. Это проявилось стихийными неуправляемыми романтическими точками кристаллизации, такими, как, например, «Грушинский фестиваль» в Куйбышевской области, квартирными концертами ВИА и рок – групп. Частично это решалось разрешением создания рок-клубов и рок-лабораторий в Свердловске и Ленинграде. И мы видим, что те музыканты, поддержанные и обтёсанные критикой, стали основой культуры, оригинальными музыкальными представителями в 1990-х и первые годы XXI века. Но на такую большую страну это было мало. Не удивительно, что молодёжь активно восприняла призыв текста песни В. Цоя «Мы ждём перемен» в фильме С. Соловьева «Асса». Романтизм подросшего послевоенного поколения просто загонял молодое поколение 1980-х романтиков годов в уголовную струю, не давая выхода молодой энергии, а также их художественных произведений к своему читателю, слушателю. Единственным молодёжным журналом была «Юность» во главе с редактором А. Дементьевым. В эти годы творческой молодёжи негде было приложить себя, молодёжь (романтики) была не против Советской власти, но им перекрыли «кислород» рамками государственной бюрократии, сформировавшимся социалистическим реалистическим консерватизмом и уже постаревшим поколением, переросшим психологию молодости.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

УДК 94 (478) DOI: 10.24045/conf.2017.1.10

ВОЗНИКНОВЕНИЕ БЕССАРАБСКОГО ВОПРОСА В 1917–1918 ГОДАХ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭТИХ СОБЫТИЙ В ИСТОРИОГРАФИИ И МЕМУАРАХ РУМЫНСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Бенюк В. А.,
кандидат исторических наук,
доктор политических наук, профессор,
ректор,
Молдавский государственный институт международных отношений,
Кишинёв, Республика Молдова;
Назария С. М.,
кандидат исторических наук,
доктор политических наук, профессор,
Молдавский государственный институт международных отношений,
Кишинёв, Республика Молдова;
Спрынчанэ М. В.,
кандидат исторических наук, доцент,
Молдавский государственный институт международных отношений,
Кишинёв, Республика Молдова

Аннотация. *Приход к власти большевиков в России вызвал страх и ненависть у западных элит. Правители королевской Румынии опасались, что декреты «О мире» и «О земле» вызовут новую волну революционных выступлений русских солдат и окажут влияние и на румынских рабочих и крестьян. Но в российских революционных событиях румынская олигархия усмотрела и свои выгоды – возможность реализации «проекта Великой Румынии». Однако после захвата Бессарабии для Румынии началось самое тяжёлое: необходимо было придать аннексии края хотя бы видимость законности с точки зрения международного права.*

Ключевые слова*: бессарабский вопрос, интервенция, захват/оккупация, дипломат, союзники, соглашение.*

THE EMERGENCE OF THE BESSARABIAN QUESTION IN 1917-1918 AND INTERPRETATION OF THESE EVENTS IN THE HISTORIOGRAPHY AND MEMOIRS OF ROMANIAN POLITICIANS

Benyuk V.A,.
Candidate Of historical sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Rector
Moldova State Institute of International Relations
Chisinau, Republic Moldova

Nazariya S.M.,
Candidate Of historical sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor
Moldova State Institute of International Relations
Chisinau, Republic Moldova
Spińčane M.V.,
Candidate Of historical sciences,
Associate professor
Moldova State Institute of International Relations
Chisinau, Republic Moldova

Abstract. Rising to power of the Bolsheviks in Russia caused both fear and hatred in circles of Western elites. Governors of royal Romania were afraid that decrees «On the World» and «On the ground» will cause a new wave of revolutionary action of Russian soldiers and will have an impact on Romanian workers and peasants. But the Romanian oligarchy saw also the benefits in the Russian revolutionary events, like: the ability to implement the «project of the Great Romania». However, capturing Bessarabia the heaviest began for Romania: it was necessary to give though a semblance of legality to annexation edge in terms of international law.

Key words: Bessarabian question, intervention, capture/occupation, annexation, diplomat, allies, agreement.

Победа Октябрьской революции в России вызвала страх и ненависть капиталистического мира. Вот как молдавский историк И. Левит оценивает данную ситуацию относительно румынских правящих кругов: «Как и руководители других буржуазных стран, правители королевской Румынии были потрясены известиями о… приходе к власти в России большевиков. Они не без основания опасались, что декреты II Всероссийского съезда Советов о мире и земле вызовут новую волну революционных выступлений русских солдат и окажут влияние и на румынских рабочих и крестьян» [1, с. 77-78].

По сути, идентичны и выводы американского историка К. Хиткинса: «Возможные последствия [мартовской] революции для румынских солдат и крестьян вызвали реальное беспокойство в правительственных кругах. Многие политики боялись быстрого распространения эпидемии из России за Прут... Но появилась новая опасность. В конце лета 1917 года российские революционные события грозили дезорганизацией фронта и подрывом социальной и политической стабильности в [Запрутской – авт.] Молдове. В то время как уставшие от войны русские солдаты всё более радикализировались, поддаваясь обещаниям социально-экономической справедливости, король и Брэтиану боялись, что подобные идеи подорвут решимость румынских солдат-крестьян воевать. Ноябрьская большевистская революция лишь углубила кризис» [2, P. 418].

Однако в российских революционных событиях румынская олигархическая элита усмотрела и свои выгоды – возможность реализации «проекта Великой Румынии». Вот что по этому поводу писал в своих послевоенных

мемуарах тогдашний румынский министр И.Г. Дука: «Разложение русского фронта не пугает меня, наоборот – радует. Когда Россия рухнет, мы сможем быстро захватить Бессарабию, а так как, с Россией или без неё, в конечном итоге победу одержат союзники, в конце войны мы захватим также и Трансильванию, и таким образом из этих сражений и из этих потрясений родится то, что мы опасались видеть даже в самых смелых снах: объединение всех румын от Днестра и до Тисы» [3, P. 273].

Интервенты нашли союзника в лице российской контрреволюции и правящих элит соседних стран, включая Румынию. 23 декабря 1917 года была заключена тайная англо-французская конвенция «о районах будущих операций британских и французских войск на территории России» [4, с. 28-29], [5, с. 60], [6, с. 72], [7]. Это был раздел России на зоны влияния. В английскую зону входили Кавказ и казачьи области рек Кубань и Дон, во французскую – Украина, Бессарабия, Крым. Однако ещё 8 ноября английский кабинет на своём экстренном заседании обсуждал вопрос о возможности выступления румынской армии против большевиков в контакте с восставшим казачьим атаманом А.М. Калединым [8, с. 169].

На данном заседании румынский посол подтвердил готовность своего правительства выступить совместно с этим белогвардейским генералом против Советской власти. В тот же день советник президента США В. Вильсона по международным вопросам полковник Хауз на совещании с английским премьер-министром Д. Лл. Джорджем и министром иностранных дел Его Величества А. Бальфуром рекомендовал «посоветовать Румынии сотрудничать с любыми союзными сражающимися [антисоветскими – авт.] силами, территориально наиболее близкими к» России [8, с. 169].

10 ноября 1917 г. президент Вильсон лично поощрил Румынию на антисоветскую борьбу, пообещав взамен поддержку её притязаний на Бессарабию на предстоящей мирной конференции [9, с. 11]. Правда, сделал он это в слишком общей форме, что разочаровало румынского премьера И. Брэтиану, жаждавшего территориального приращения Румынии за счёт Бессарабии. Так, «в ноте, отправленной 28 ноября в Яссы, [Вильсон – авт.] пообещал, что приложит всё своё влияние во имя единой Румынии в качестве свободной и независимой нации» [10, P. 40].

Идею совместной с генералом А.М. Калединым борьбы королевской Румынии против большевиков поддержало и французское правительство Ж. Клемансо [11, P. 103]. Оно официально одобрило предложение румынского посла в Париже использовать находившихся на территории России трансильванских военнопленных для борьбы с Советской властью. Естественно, что без согласия западных союзников правящая Румынией королевская клика никогда бы не решилась на оккупацию Бессарабии.

Однако не следует забывать, что положение правительства И.И.К. Брэтиану было довольно сложным в связи с фактическим выходом России из войны, в то время как Румыния по договору 1916 г. с Антантой обязана была сражаться против германского блока «до конца». «Но страх полного поражения и оккупации противником всей территории страны в случае дальнейшего

разложения русской армии и ухода её с занимаемых позиций на фронте вызвал у румынских правящих кругов очередной прилив желания заключить сепаратный мир с немцами и их союзниками» [1, с. 79-80], [3, P. 13], [12, P. 377], [13, P. 174], [14, P. 8].

А тем временем под влиянием Декрета о мире русские солдаты, не дожидаясь окончания войны, на своих участках вели переговоры с противником о перемирии. 17/30 ноября генерал А. Авереску записал в дневнике: «Русские уже начали на многих участках фронта переговоры о перемирии, кое-где оно даже было заключено» [15, P. 245]. В этом контексте И. Дука отмечал, что «генерал Щербачёв сообщил Брэтиану, что более не владеет ситуацией и поставлен перед дилеммой или оставить командование, или самому предложить перемирие». Боясь дальнейшей радикализации русской армии, Дука писал: «В этих условиях продолжать отказываться от подписания перемирия означало бы иметь через несколько дней на территории нашей страны русскую анархию и наступление немцев, т.е., полный и окончательный разгром. Наоборот, подписание перемирия означало выиграть время, дать возможность Щербачёву сохранить командование... и рассчитывать со временем или на создание единого фронта с украинцами и А.М. Калединым, или на политические изменения внутри России» [3, P. 18], [14, P. 13].

При этом румынские правители ни на секунду не сомневались, что они «до конца» выполнили свой долг перед Антантой и даже «спасли» её от разгрома, поэтому после поражения Германии союзники просто «обязаны» выполнить все данные ими Румынии обещания. Подобный тезис совершенно откровенно озвучивался ясским правительством и в те дни, и впоследствии – в мемуарах румынских деятелей [3, P. 13-14], [16, P. 311-323]. И. Левит пришёл к выводу, «что поспешность, с которой румынское правительство добивалось перемирия с австро-германским блоком, объяснялась и расчётом на то, что в создавшейся ситуации удастся присоединить Бессарабию к Румынии» [1, с. 91].

Этот вывод подтверждает и Дука: «Во время Бухарестских мирных переговоров было завершено и объединение Бессарабии. Говорю: завершилось, так как, когда разваливалась Россия, объединение стало виртуально достижимо». Он также писал, что Бессарабия была тем «минимумом», на который рассчитывали в тот момент румынские правящие круги [3, P. 34, 104], [14, P. 26].

На заседании правительства И. Брэтиану доложил присутствующим «о требовании Щербачёва и союзников вступить в борьбу с большевиками и добавил: союзные послы заявили, что это будет самой большой услугой, которую мы сможем в данный момент оказать делу союзников, стремящихся воссоздать румыно-украинский фронт. Брэтиану добавил затем, что готов принять это предложение, но с чётким условием, что оно станет последней услугой, которую Румыния в состоянии оказать союзникам. После этого он, Брэтиану, освободится от всяких обязательств перед союзниками, которые

не должны отказать ему в праве подписать сепаратный мир» [3, P. 42] – сообщал И.Г. Дука.

В сложившихся обстоятельствах в проведении военной операции по захвату Восточной Молдовы реальную помощь Румынии оказали и Центральные державы. Прекратив боевые действия на Румынском фронте, немцы и австрийцы позволили румынам снять часть войск с передовой и направить их в Бессарабию. По «горячим следам» об этом писал ещё французский журналист Клод Ане: «Румыния договорилась с Центральными державами и получила их молчаливое согласие на захват Бессарабии» [17, P. 42].

26 ноября (9 декабря) 1917 г. командующий русским Румынским фронтом генерал Д.Г. Щербачёв и румынский генерал А. Лупеску подписали в г. Фокшаны от имени Румынии перемирие с командованием австро-германских войск. Это высвободило румынские войска и позволило 4–9 (17–22) декабря обезоружить часть российских большевизированных частей [11, P. 1024], зверски убив при этом советского военного комиссара фронта С.Г. Рошаля.

7/20 декабря по итогам совещания со своими министрами и военными, а также с французским, английским, американским и итальянским посланниками, И. Брэтиану сообщил, что союзники требуют от румынской армии активного включения в борьбу с большевиками. В свою очередь, премьер добивался, чтобы союзные державы санкционировали заключение Румынией сепаратного мира с Германией и её союзниками при сохранении в силе основных статей её договора 1916 г. с Антантой [3, P. 43], [14, P. 33, 34].

Решение правительства о начале военных действий против советских войск было принято и в ночь на 9 декабря утверждено королём. В 6 часов утра румынские войска при поддержке казаков и гайдамаков нанесли удар по небольшому большевистскому гарнизону в Соколе вблизи Ясс и ликвидировали его [3, P. 46-52]. М. Джувара, впоследствии ставший видным румынским дипломатом, писал об этих событиях: «В ответ на просьбу представителей Антанты, которые письменно заявили, что эта операция явится последним военным вкладом, который они вправе ждать от Румынии, румынская армия открыто включилась в военные действия против большевистских войск, занимавших тогда всю территорию Молдовы и Бессарабии» [Цит. по: 1, с. 132].

Получив известия об аресте Военно-революционного комитета Румынского фронта и об убийстве С. Рошаля, о захвате румынами Леова и ряда бессарабских сёл на левобережье Прута и о расстреле членов Леовского ревкома, НКИД РСФСР 16/29 декабря 1917 г. обратился к румынскому правительству через его посла в Петрограде К. Диаманди с нотой протеста. Однако удовлетворительного ответа на неё не последовало, и тогда Советское правительство 31 декабря предъявило по радио ультиматум Румынскому правительству о прекращении подобных действий, наказании виновных и предупредило, что «неполучение ответа на это наше требование в течение 24 часов будет рассматриваться нами как

новый разрыв, и мы будем тогда принимать военные меры, вплоть до самых решительных» [18, с. 66-67, 79], [19, P. 9-10], [20, с. 12-13].

Так как и после этого ничего не изменилось, по указанию В.И. Ленина 31 декабря 1917 г. / 13 января 1918 г. весь состав дипломатической и военной миссии Румынии во главе с К. Диаманди был взят под стражу и заключён в Петропавловскую крепость. В Одессе были взяты под стражу румынский консул и персонал консульства. 1/14 января 1918 г. дуайен дипломатического корпуса в Петрограде посол США Фрэнсис в сопровождении группы дипломатов посетил Председателя Совнаркома Ленина, сделал ему заявление по поводу ареста румынского посланника и вручил меморандум за подписью дипломатов 20 стран [21, с. 23], [19, 22, с. 19], [23, с. 87].

Правительство Румынии, чувствуя поддержку Антанты и Центральных держав, 4/17 января приняло решение начать необъявленную войну с Россией, и уже через три дня его войска перешли реку Прут. Правда, сами союзники пытались скрыть истинные цели этой акции. Так, французский посланник в Яссах Сент-Олер 5/18 января телеграфировал консулу в Кишинёве Сарре: «Все мои коллеги, все посланники других союзных держав и я сам уполномочены заявить Вам официально, что вступление румынских войск в Бессарабию является чисто военной мерой… По этой причине вступление румынских войск в Бессарабию не может оказать влияния… на будущую судьбу этой страны» [24, с. 207]. Понятно, что эти слова должны были ввести в заблуждение молдавскую общественность и всё население края, выступавших тогда почти единогласно против вторжения на территорию Бессарабии румынских войск и за сохранение Молдовы в составе России. На деле это служило словесным прикрытием румынской интервенции против Советской России, а Бессарабию Антанта рассматривала в качестве «платы» румынской олигархии за борьбу с большевизмом.

10/23 января ЦИК Румчерода сделал официальное заявление французскому, английскому и румынскому консульствам в Одессе, в котором квалифицировал действия королевского правительства как «вероломное нарушение международного права» и просил дипломатов «предпринять шаги к тому, чтобы румынское правительство вывело немедленно свои войска из пределов Российской Федеративной республики». На следующий день была обнародована нота протеста ЦИК Румчерода правительству Румынии. Ответ консулов сводился к идее, что «ничего серьёзного не произошло» [25, с. 59-62].

Идя на антисоветскую интервенцию, румыны оголяли фронт против австро-германских войск, однако командование последних во главе с фельдмаршалом А. Макензеном заверило их, что вверенные ему армии не предпримут наступления на фронте. При этом немцы для скорейшего достижения своих целей использовали политику «кнута и пряника»: с одной стороны, предлагали румынам Бессарабию в обмен на скорейшее подписание выгодного им сепаратного мира, включая уступку Добруджи, с другой – шантажировали их снятием дивизий с фронта и направлением

их в Бессарабию в нарушение условий Фокшанского перемирия [26, P. 204, 210, 219, 273, 283, 295], [27, P. 7-8].

14/27 февраля 1918 г. в ходе переговоров Румынии с австро-германским блоком немцы «неофициально заверили» румын в тождестве их позиций в отношении Советской власти: «Русская анархия привела к созданию своего рода братства. Вы боретесь против большевизма в Бессарабии; мы вступили на Украину с той же целью» [26, P. 356-357]. Во время тех же переговоров с немцами, пытаясь добиться более выгодных условий мира, новый румынский премьер А. Авереску заявил германскому министру иностранных дел Кюльману, что «вообще Бессарабия заражена большевизмом, и присоединять её к королевству опасно». На это Кюльман цинично ответил: «Вам достаточно расстрелять каждого десятого и восстановить порядок» [28, с. 14]. Однако правящая клика Румынии, «умиротворяя» Бессарабию, и без немецких советов следовала именно по данному пути.

Согласно подписанному Румынией с Центральными державами в Буфте 5/18 марта 1918 г. прелиминарному мирному договору, численность румынской армии серьёзно ограничивалась, в то время как в Бессарабии румынскому правительству была предоставлена полная свобода действий и численность его войск и вооружения здесь не лимитировались [10, P. 48, 29].

Вот как оценивает данную ситуацию ван Мёрс: «Кроме отказа от Южной Добруджи и некоторых незначительных территорий на западной границе, Румынии навязывалась демобилизация армии. Но всё же мирный договор в Буфте включал (секретное) соглашение об аннексии Бессарабии. Немцы дали добро на аннексию Бессарабии в обмен на право переброски собственных войск через Бессарабию для оккупации Украины». Ниже автор отмечает, что «румынское владычество над Бессарабией было обеспечено.., в первую очередь, немецкой оккупацией Украины» и тем фактом, что «Красная Армия находилась на расстоянии в 1000 км от Кишинёва, а новое румынское правительство получило одобрение Берлина на аннексию Бессарабии» [30, P. 87, 89].

Академик А. Лазарев считал, что, «заключив прелиминарный договор с Центральными державами, Румыния получила возможность не только нарушить советско-румынское соглашение от 5-9 марта 1918 года об эвакуации румынских войск из Бессарабии в течение двух месяцев, но и закрепиться в оккупированном крае, а также участвовать вместе с австро-германскими, а затем с французскими войсками в военных действиях против Советской власти на территории левобережной Молдавии и юга Украины» [23, с. 175, 177-178]. Американский историк Ш. Дэвид Спектор приходит к идентичному выводу по данному вопросу, отмечая, что по Бухарестскому миру «судьба Бессарабии не упоминалась, однако было получено добро на захват провинции» [10, P. 49].

Западные страны стремились представить румынское вторжение как «вынужденное» и «гарантировали» его временный характер. Так, 21 февраля 1918 года, от имени дипломатических представителей держав Согласия, дуайен дипломатического корпуса при румынском правительстве барон

Фашиотти отправил официальную ноту всем союзным консулам и представителям в Одессе, оригинал которой был передан советским властям. В ней отмечалось: «Что касается Бессарабии, то вы помните, что вмешательство румынских войск является военной оккупацией безо всякого политического характера, предпринятой в полном согласии с союзниками и бессарабскими властями с очевидной гуманитарной целью обеспечить продовольствие русских и румынских войск, а также и гражданского населения» [28, с. 239, 264], [31, P. 109]. Т.е. страны Антанты официально обещали эвакуировать румынские войска из Бессарабии, подразумевая её российской территорией.

12/25 января 1918 г., за день до вступления румынской армии в Кишинёв, её командующий генерал Презан заявил в воззвании к населению Бессарабии, что румынские войска вступили в край по приглашению Сфатул Цэрий в целях охраны оружейных и продовольственных складов и обеспечения заготовки и перевозки провианта для снабжения русских и румынских войск Румынского фронта [32, P. 194-195, doc. CXLIII]. Он лицемерно опровергал слухи о том, будто Румыния хочет оккупировать Бессарабию.

Вслед за разрывом дипломатических отношений в тот же день СНК РСФСР констатировал «состояние войны» между Румынией и Россией, подчеркнув, что «румынская олигархия открыла военные действия против Российской Республики» [18, с. 89-90]. В постановлении Румчерода от 23 января / 5 февраля 1918 г. говорится: «Ввиду того, что румыны обманным образом попали в Россию, оккупировали Бессарабию, разграбив в ней сёла и города, ввиду того, что Совет Народных Комиссаров, исчерпав все возможные средства, прервал всякие сношения с Румынией, ЦИК Румчерода постановил считать себя на положении войны с Румынией» [22, с. 53]. 11/24 февраля Румчерод потребовал у румынской стороны немедленной эвакуации её войск с территории между Прутом и Днестром, но получил отказ на это требование [33, P. 164], [34, P. 153].

Правительство Ленина не признало румынскую оккупацию Бессарабии и вновь потребовало эвакуации румынских войск. Дело в том, что в январе-феврале 1918 г. были разгромлены Центральная Рада и атаман А.М. Каледин. Это серьёзно улучшило положение Советской республики, войска которой вышли к Днестру.

Не следует также забывать об усилившемся дипломатическом давлении немцев на правительство И. Брэтиану, при том, что союзники, поддерживая антисоветские действия румынской олигархии, согласия на заключение сепаратного мира ещё не давали. Более того, 20 января (2 февраля) 1918 г. посланники стран Антанты вручили премьеру коллективное письмо, в котором отвергали идею сепаратного мира: «Наши правительства подтвердили… свою уверенность в том, что Румыния… будет продолжать борьбу с той же энергией, как и в прошлом, и не отделит своей судьбы от судьбы союзников» [1, с. 303] – подчёркивалось в этой ноте.

Понимая, что согласия своих союзников на сепаратный мир с австро-германским блоком им не получить, И. Брэтиану и Таке Ионеску решили уйти в отставку, передав бразды правления и «честь» подписания унизительного сепаратного мира германофилу А. Маргиломану. 23 января (5 февраля) 1918 г. новое правительство сформировал генерал А. Авереску. В его задачу входило затянуть переговоры с немцами и создать у Антанты впечатление в «неизбежности» заключения Румынией сепаратного мира [14, P. 57], [15, P. 285-286]. Но и он этого не добился.

5/18 февраля состоялась встреча А. Авереску с А. Макензеном, в ходе которой немцы выдвинули румынам следующее «выгодное обеим сторонам» условие: «Вся румынская армия получает свободу рук для военных действий против большевиков, соответственно против петроградского правительства, до тех пор, пока последнее не подпишет мира с Центральными державами и Румынией» [27, P. 37]. Фельдмаршал заверил премьера, что Румыния сможет сохранить «армию в состоянии мобилизации и использовать её в Бессарабии для борьбы с большевиками. Не исключено, – писал Авереску, – что нам будет оказана помощь путём взаимодействия в России» [15, P. 291].

В этот же день возобновилось немецкое наступление на Восточном фронте и, развиваясь всё шире, поставило Российскую республику в тяжелейшее положение [35, с. 339]. Воспользовавшись этим, румыны форсировали Днестр в районе Рыбницы, развернули наступление в направлении Воронково, однако были наголо разгромлены. Выход революционных советских войск к Днестру, продолжение сопротивления бессарабцев оккупации края, немецкое давление и отказ союзников разрешить заключение сепаратного мира, – все эти факторы привели к тому, что первоначально игнорировавшее советские протесты румынское правительство обеспокоилось и повело себя в отношении РСФСР иначе.

По инициативе В.И. Ленина СНК образовал и направил в Одессу «Высшую автономную коллегию по русско-румынским делам», которой было поручено ведение всех дел, касающихся взаимоотношений России с Румынией [18, с. 111]. В результате переговоров между представителем Советского правительства Х. Раковским и главой румынского правительства А. Авереску при посредничестве представителей западных союзников, – французского эмиссара Аркье и канадского полковника Д. Бойля, – 5–9 марта 1918 г. было подписано советско-румынское соглашение, в котором указывалось: «Румыния обязуется покинуть Бессарабию в течение 2 месяцев… В Бессарабии остаётся отряд в 10000 человек для охраны румынских складов и железных дорог. Сразу после подписания соглашения охрана порядка в Бессарабии переходит в руки местной городской и сельской милиции» [20, с. 26-28].

23 февраля / 8 марта румынская сторона заявила, что «считает с сегодняшнего дня конфликт улаженным» [20, с. 207], [24, с. 215]. Даже стоящий на крайних националистических позициях академик И.М. Опря (правда, противореча себе же на той же странице [36, P. 241]) признаёт, что «в результате данного обмена нотами обе стороны посчитали конфликт исчерпанным» [36,

P. 241]. По мнению этого историка, в феврале 1918 г. Авереску принял требования об очищении Бессарабии «за исключением условия, предусматривающего немедленное освобождение Бендер» [36, P. 240]. Здесь же автор отмечает, что соглашение предполагало необходимость освобождения всех арестованных в России румын и всех россиян, арестованных в Румынии.

Исчерпанным считали конфликт и советские представители. 26 февраля / 11 марта они телеграфировали об этом в Совнарком [18, с. 207], [24, с. 215], [25, с. 144-147]. 21 марта генеральный консул Румынии в Москве Н.Г. Герен повторно информировал Наркоминдел РСФСР о ликвидации «возникшего между румынским правительством и советской властью конфликта». Всё это свидетельствовало о признании и одобрении достигнутой договорённости, о том, что как у главы румынского правительства А. Авереску, так и у дипломатов Антанты его законность и необходимость его выполнения не вызывали никаких сомнений.

Однако из-за ухудшения военного положения Советской Республики, вызванного германским наступлением по всему фронту, румынские правящие круги проигнорировали выполнение взятых на себя обязательств. Однако, отмечает американец Ш.Д. Спектор, «Румыния и не собиралась выполнить свои обязательства (по «конвенции Раковский – Авереску» – авт.), тем более, что менее чем через месяц появилась возможность формального присоединения Бессарабии. Данная возможность была предоставлена оккупировавшими Украину немцами и отступлением большевиков» [10, P. 48]. Согласился с ним даже румынский академик И.М. Опря, признавший, что начатое немцами наступление на Украине стало основной причиной невыполнения румынской стороной взятых на себя обязательств [36, P. 243].

Но с точки зрения международного права подписание этого документа означало официальное признание румынским правительством незаконного характера оккупации Молдавской республики. Именно за признание этого, де-факто и де-юре, И. Дука подвёрг критике А. Авереску: «Можно себе представить, какой аргумент он дал большевикам против нас, ибо мы сами официально подтвердили в официальном акте, что оккупация Бессарабии явилась незаконной... Задаю себе вопрос и сегодня, как стало возможным, чтобы генерал Авереску подписал подобный документ? ...Истинно и то, что эта несчастная ошибка является единственным актом, который Россия может предъявить нам в бессарабском вопросе, и я опасаюсь, что в один прекрасный день это создаст нам серьёзные проблемы» [3, P. 92], [14, P. 75].

Летом 1918 г. тогдашний румынский министр иностранных дел К. Арион с трибуны парламента резко критиковал А. Авереску за то, что тот «заключил мир с Раковским и с Россией на условии очищения Бессарабии». Пытаясь доказать необоснованность этого шага, он самоуверенно утверждал, что «Россия не возродится снова», а следовательно, подписывать с ней дипломатические документы не имело смысла. На это А. Авереску ответил: «Россия больна, без сомнения, она очень больна, но Россия не исчезла, и она выздоровеет. Нам, маленькой державе, не пристало пользоваться этим состоянием паралича, в котором находится сосед» [1, с. 335], [37, с. 51], [38, с. 273].

Однако в наши дни в румынской историографии господствуют абсолютно другие интерпретации данного документа: будто бы в нём чётко и без всяких оговорок не предусмотрен отвод румынских войск и присутствуют какие-то тезисы с «двойным пониманием». Так, Фл. Константиниу пишет об этом соглашении, что только «советская сторона интерпретировала его в качестве обязательства вывода румынских войск из Бессарабии» [39, P. 289]. И. Опря утверждает, что договорённость от 5-9 марта «не обязывала румынского премьер-министра к эвакуации своих войск из Бессарабии» [36, P. 187]. А молдавский историк Л. Пэдуряк считает, что «указанное «соглашение» не имело юридической силы» [40, P. 27]. Почему «не имело», она не поясняет.

Правда, другой известный историк, Г. Брэтиану ещё в 1943 г. писал по этому поводу: «Было даже заключено соглашение, по которому румынским войскам следовало срочно покинуть Бессарабию (немедленное оставление Бендер-Тигины отвергалось), за исключением охраны железных дорог и румынских складов, и не допускалось никакое вмешательство во внутреннюю политику страны... Данное чисто техническое соглашение не имело никакого политического характера: Румыния не стремилась влиять на дела молдавской республики и ограничивалась защитой своих военных интересов» [41, P. 57].

Таким образом, он признаёт, что суть договора между Авереску и Раковским состояла в обязанности Румынии очистить Бессарабию от своих войск и то, что данное соглашение подтверждало тот факт, что Румыния не обладала никакими правами на наш край и он никак не принадлежал ей. В этом смысле Брэтиану против своей воли признаёт именно политический характер «соглашения Авереску-Раковский». А тезис о румынских «исторических и этнических правах» на Бессарабию, о её якобы «румынском характере» появился позже и имел целью «узаконить» аннексию Пруто-Днестровского междуречья бухарестской полуфеодальной олигархией.

Объективны оценки описываемых нами событий, принадлежащие ряду западных историков. Американец Л. Фишер писал, что, «захватив Бессарабию, которая являлась русской территорией, румынское правительство совершило военный акт. Большевики отомстили, разорвав 13 января 1918 г. отношения с Румынией и арестовав румынского посланника Диаманди в Петрограде» [Цит. по: 23, с. 93]. Тот же автор отмечает, что Россия «не признала румынского суверенитета в отношении Бессарабии, захваченной Румынией в январе 1918 г., когда большевистская Россия была слабой» [42, P. 163].

Болгарский профессор Г. Генов отмечал в 1940 г., что Первая мировая война «завершилась неблагоприятно не только для побеждённых, но и для России. Румыны воспользовались этим обстоятельством и захватили всю Бессарабию, хотя, накануне вступления Румынии в войну два соседних государства взаимно гарантировали свою территориальную целостность. Бессарабское население стремилось в 1917 г. к созданию независимого государства, однако Румыния проигнорировала это и путём насилия аннексировала Бессарабию» [43, P. 24].

Француз Франсуа Фейто в том же духе утверждал, что «румыны захватили Бессарабию и Буковину, являвшимися русскими землями» [44, P. 23-24]. Его соотечественник М. Ваисс придерживается мнения, что в 1918 году Румыния оторвала Бессарабию от России [45, P. 340]. Позиция немца (румынского происхождения) А. Зуги также не отличается от вышеприведённых: «Военные акции в Бессарабии со стороны Румынии можно… рассматривать как противоречащие международному праву, поскольку румынские войска вторглись на территорию другого государства без объявления войны… Разрыв дипломатических отношений с Румынией со стороны России правомерен с точки зрения международного права» [46, S. 50].

И в заключение следует отметить, что в румынской националистической историографии тенденция к реалистическому освещению и анализу действительности присутствует лишь очень относительно, зато господствует стремление к отражению событий с «патриотических» позиций. Данная констатация относится в первую очередь к историографии именно бессарабского вопроса. «В контексте написания румынской истории «объективность» понимается как «соответствие румынским национальным интересам», а это означает, что мои выводы могут разочаровать румынских читателей» [30, P. 409], – сетует голландец ван Мёрс. Даже румынские дипломаты, историки и мемуаристы межвоенного времени писали намного объективнее и правдивее современных авторов.

Источники и литература:

1. Левит И.Э. Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). – Кишинёв: Центральная типография, 2000.
2. Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ş., Teodor P. Istoria României. Bucureşti, Editura Enciclopedică, 1998.
3. Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1916-1919). Bucureşti, Editura Machiavelli, 1994.
4. Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919-1920 гг.) – М.: Госполитиздат, 1949.
5. История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 1. М.: Международные отношения, 1967.
6. История внешней политики СССР. Т. 1. – М.: Наука, 1976.
7. Соловьев О. Ноябрь 1917 г. Как Англия и Франция делили Россию // Межд. жизнь.- 1997. – № 10. – С. 95-110.
8. Архив полковника Хауза. Т. 3. – М.: Соцэкгиз, 1939.
9. Гиршвельд А. О роли США в организации антисоветской интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке // Вопросы истории. – 1948. – № 8. – С. 3-22.
10. Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. Diplomația lui I.C. Brătianu. Iaşi, Institutul European, 1995.
11. 1918 la Români. Documente externe. Vol. 2. Bucureşti, Editura Ştiinţifică şi Enciclopedică, 1983.
12. Iorga N. Istoria românilor. Vol. 10. Bucureşti, 1938.
13. Iorga N. Memorii. Vol. 1. Bucureşti, Editura „Naţională-Ciornei”, 1939.
14. Duca I.G. Amintiri politice. Vol. 3. München, Jon Dumitru-Verlag, 1982.
15. Averescu A. Notiţe zilnice din război. Vol. 2. 1916-1918 (Războiul nostru). Bucureşti, Editura Militară, 1992.

16. Kirițescu C.I. Istoria războiului pentru întregirea României. 1916-1919. Vol. 2. Bucureşti, Editura Ştiinţifică şi Enciclopedică, 1989.
17. Anet C. La revolution russe. L'Ukraine traitée separement. Paris, 1919.
18. Документы внешней политики СССР. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1957.
19. Relaţiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. Bucureşti, Editura Enciclopedică, 1999.
20. Советско-румынские отношения 1917–1941. Документы и материалы в двух томах. Т. 1: 1917-1934. – М.: Международные отношения, 2000.
21. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. – М.: Политиздат, 1970.
22. За власть Советскую. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917-1920). Сборник документов и материалов. – Кишинёв, 1970.
23. Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1974.
24. Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрёстке европейской дипломатии. Документы и материалы. – М.: ИНДРИК, 1996.
25. Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции (1917–1920). Сборник документов и материалов. – Кишинёв: Картя молдовеняскэ, 1967.
26. Marghiloman A. Note politice. Vol. 2. Bucureşti, Editura Machiavelli, 1994.
27. Studii şi materiale de istorie contemporană. Vol. 1. Bucureşti, Editura Academiei R.P.R., *1956*.
28. Виноградов В.Н. Румыния в международных отношениях (ноябрь 1917 – ноябрь 1918) // Вопросы истории. – 1968. – № 10. – С. 3-22.
29. Нотович Ф.И. Бухарестский мир, 1918. – М.: Соцэкгиз, 1959.
30. Meurs W.P. von. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. Chişinău, Editura Arc, 1996.
31. Nanu F.C. Politica externă a României. 1918-1933. Iaşi, Institutul European, 1993.
32. Ciobanu Şt. Unirea Basarabiei. Studii şi documente cu privire la mişcarea naţională din Basarabia în anii 1917-1918. Bucureşti, Cartea românească, 1929.
33. Politica externă a României. Dicţionar cronologic. Bucureşti, Editura Ştiinţifică şi Enciclopedică, 1986.
34. Cernovodeanu P. Basarabia. Drama unei provincii istorice româneşti în context politic internaţional (1806-1920). Bucureşti, Albatros, 1993.
35. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. – М., Политиздат, 1969.
36. Oprea I. România şi Imperiul Rus. 1900–1947. Vol. 1. Bucureşti, Albatros, 1998.
37. Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940. – М.: Вече, 2010.
38. Виноградов В.Н. Румыния в годы первой мировой войны. – М.: Наука, 1969.
39. Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. Bucureşti, Univers enciclopedic, 1997.
40. Pădureac L. Relaţiile româno-sovietice (1917–1934). Chişinău, Prut Internaţional, 2003.
41. Brătianu Gh. I. Basarabia. Drepturi naţionale şi istorice. Bucureşti, Editura Semne, 1995.
42. Fisher L. Russia's Road from Peace to War. 1917–1941. New York, Sage Publications, 1969.
43. Dobrinescu V. Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939–1947). Iaşi, Institutul European, 1995.
44. Fejtö F. Histoire des démocraties populaires. Vol. 1. Paris, Éditions du Seuil, 1969.
45. Vaïsse Maurice. Dicţionar de relaţii internaţionale. Secolul XX. Iaşi, Polirom, 2008.
46. Suga A. Die volkerrechtliche Lage Bessarabiens in der geschichtlichen Entwickland des Landes. Bonn, [s.n.], 1958.

Referenses

1. Levit I.Je. Moldavskaja respublika (nojabr' 1917 – nojabr' 1918). – Kishinjov: Central'naja tipografija, 2000.
2. Bărbulescu M., Deletant D., Hitchins K., Papacostea Ş., Teodor P. Istoria României. Bucureşti, Editura Enciclopedică, 1998.
3. Duca I.G. Memorii. Vol. 4. Războiul (1916-1919). Bucureşti, Editura Machiavelli, 1994.
4. Shtejn B.E. «Russkij vopros» na Parizhskoj mirnoj konferencii (1919-1920 gg.) – M.: Gospolitizdat, 1949.
5. Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij i vneshnej politiki SSSR. T. 1. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1967.
6. Istorija vneshnej politiki SSSR. T. 1. – M.: Nauka, 1976.
7. Solov'ev O. Nojabr' 1917 g. Kak Anglija i Francija delili Rossiju // Mezhd. zhizn'. – 1997. – № 10. – S. 95-110.
8. Arhiv polkovnika Hauza. T. 3. – M.: Socjekgiz, 1939.
9. Girshvel'd A. O roli SShA v organizacii antisovetskoj intervencii v Sibiri i na Dal'nem Vostoke // Voprosy istorii. – 1948. – № 8. – S. 3-22.
10. Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. Diplomația lui I.C. Brătianu. Iaşi, Institutul European, 1995.
11. 1918 la Români. Documente externe. Vol. 2. Bucureşti, Editura Ştiinţifică şi Enciclopedică, 1983.
12. Iorga N. Istoria românilor. Vol. 10. Bucureşti, 1938.
13. Iorga N. Memorii. Vol. 1. Bucureşti, Editura „Națională-Ciornei”, 1939.
14. Duca I.G. Amintiri politice. Vol. 3. München, Jon Dumitru-Verlag, 1982.
15. Averescu A. Notițe zilnice din război. Vol. 2. 1916-1918 (Războiul nostru). Bucureşti, Editura Militară, 1992.
16. Kirițescu C.I. Istoria războiului pentru întregirea României. 1916-1919. Vol. 2. Bucureşti, Editura Ştiinţifică şi Enciclopedică, 1989.
17. Anet C. La revolution russe. L'Ukraine traitée separement. Paris, 1919.
18. Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 1. – M.: Gospolitizdat, 1957.
19. Relațiile româno-sovietice. Documente. Vol. 1. Bucureşti, Editura Enciclopedică, 1999.
20. Sovetsko-rumynskie otnoshenija 1917-1941. Dokumenty i materialy v dvuh tomah. T. 1: 1917-1934. – M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2000.
21. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 50. – M.: Politizdat, 1970.
22. Za vlast' Sovetskuju. Bor'ba trudjashhihsja Moldavii protiv interventov i vnutrennej kontrrevoljucii (1917-1920). Sbornik dokumentov i materialov. – Kishinjov, 1970.
23. Lazarev A.M. Moldavskaja sovetskaja gosudarstvennost' i bessarabskij vopros. Kishinjov:Kartja moldovenjaskje, 1974.
24. Vinogradov V.N., Ereshhenko M.D., Semenova L.E., Pokivajlova T.A. Bessarabija na perekrjostke evropejskoj diplomatii. Dokumenty i materialy. – M.: INDRIK, 1996.
25. Bor'ba trudjashhihsja Moldavii protiv interventov i vnutrennej kontrrevoljucii (1917-1920). Sbornik dokumentov i materialov. – Kishinjov: Kartja moldovenjaskje, 1967.
26. Marghiloman A. Note politice. Vol. 2. Bucureşti, Editura Machiavelli, 1994.
27. Studii şi materiale de istorie contemporană. Vol. 1. Bucureşti, Editura Academiei R.P.R., 1956.
28. Vinogradov V.N. Rumynija v mezhdunarodnyh otnoshenijah (nojabr' 1917 – nojabr' 1918) // Voprosy istorii. – 1968. – № 10. – S. 3-22.
29. Notovich F.I. Buharestskij mir, 1918. – M.: Socjekgiz, 1959.
30. Meurs W.P. von. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. Chişinău, Editura Arc, 1996.
31. Nanu F.C. Politica externă a României. 1918-1933. Iaşi, Institutul European, 1993.
32. Ciobanu Şt. Unirea Basarabiei. Studii şi documente cu privire la mişcarea națională din Basarabia în anii 1917-1918. Bucureşti, Cartea românească, 1929.

33. Politica externă a României. Dicţionar cronologic. Bucureşti, Editura Ştiinţifică şi Enciclopedică, 1986.
34. Cernovodeanu P. Basarabia. Drama unei provincii istorice româneşti în context politic internaţional (1806-1920). Bucureşti, Albatros, 1993.
35. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 35. – M., Politizdat, 1969.
36. Oprea I. România şi Imperiul Rus. 1900-1947. Vol. 1. Bucureşti, Albatros, 1998.
37. Mel'tjuhov M.I. Bessarabskij vopros mezhdu mirovymi vojnami. 1917-1940. – M.: Veche, 2010.
38. Vinogradov V.N. Rumynija v gody pervoj mirovoj vojny. – M.: Nauka, 1969.
39. Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. Bucureşti, Univers enciclopedic, 1997.
40. Pădureac L. Relaţiile româno-sovietice (1917-1934). Chişinău, Prut Internaţional, 2003.
41. Brătianu Gh. I. Basarabia. Drepturi naţionale şi istorice. Bucureşti, Editura Semne, 1995.
42. Fisher L. Russia's Road from Peace to War. 1917-1941. New York, Sage Publications, 1969.
43. Dobrinescu V. Fl., Constantin I. Basarabia în anii celui de-al doilea război mondial (1939-1947). Iaşi, Institutul European, 1995.
44. Fejtö F. Histoire des démocraties populaires. Vol. 1. Paris, Éditions du Seuil, 1969.
45. Vaïsse Maurice. Dicţionar de relaţii internaţionale. Secolul XX. Iaşi, Polirom, 2008.
46. Suga A. Die volkerrechtliche Lage Bessarabiens in der geschichtlichen Entwickland des Landes. Bonn, [s.n.], 1958.

УДК 94 DOI: 10.24045/conf.2017.1.11

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПОСЛЕВОЕННОЕ РАЗВИТИЕ ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ (1945 – 1949 гг.)

Нефедов В.В.,
кандидат исторических наук,
вице-президент Фонда развития русской культуры,
Москва, Россия

Аннотация. *В статье автор анализирует деятельность Социалистической единой партии Германии по развитию культуры в послевоенный период на территории Восточной Германии. Политика руководства СЕПГ в области культуры, по мнению автора, предполагала не только уничтожение чуждых ей художественных форм, но и воспроизводство собственных культурных ценностей, соответствовавших её официальной «социалистической идеологии», создание художественных специфических идеалов, стимулирование и активизацию культурной жизни в ГДР. Новое направление в культурной политике послевоенной Германии имело определённую социальную* ***установку****: раскрытие социальных тем умственного и производственного труда, крестьянина и крестьянского быта, женщины и её роли в обществе и т. д.. На основе анализа автор утверждает, что культурные изменения предполагали не только создание благоприятных условий для потребления культуры гражданами, но и активную творческую деятельность самих людей в области культуры не только непосредственную, но и представительную.*

Ключевые слова: *Социалистическая единая партия Германии, культура Германии, послевоенная Германия, культурная политика в Восточной Германии, История Германии.*

IMPACT OF THE IDEAS OF THE OCTOBER REVOLUTION ON THE POSTWAR DEVELOPMENT OF EASTERN GERMANY (1945–1949)

Nefedov V.V.,
Candidate Of historical sciences,
Vice-president of the Foundation for the Development of Russian Culture,
Moscow, Russian Federation

Abstract. In the article the author analyzes the activities of the Socialist United party of Germany for the development of culture in the postwar period in Eastern Germany. The policy of the SED leadership in the field of culture, in the author's opinion, involves not only the destruction of alien art forms, but also the reproduction of their own cultural values, to correspond with her official «socialist ideology», the creation of specific artistic ideals to promote and enhance cultural life in the GDR. A new direction in cultural policy in post-war Germany had a certain social orientation: social disclosure of the mental and productive labour of the peasant and of peasant life, the woman and her role in society, etc. Based on the analysis the author argues that cultural change involves not only the creation of favorable conditions for the cultural consumption of the citizens, but also active creative activity of the people themselves in the field of culture.

Key words: The Socialist Unified Party of Germany, the culture of Germany, post-war Germany, cultural policy in East Germany, the History of Germany.

Коммунистические партии, возникшие в большинстве своём после Октябрьских событий 1917 г. в России, всегда рассматривали культуру как важное орудие в борьбе за умы людей, за воспитание их в духе марксистско-ленинской идеологии. Они исходили из известного тезиса о том, что в каждой культуре есть две культуры – «буржуазная» и «пролетарская».

В Германии ситуация осложнялась тем, что помимо «классической буржуазной культуры» в годы господства нацизма (1933–45), когда происходили «искажения и извращения немецкого характера», в стране сложилась и особая разновидность культуры – нацистская культура, так называемый «коричневый Парнас», когда «пропагандировали демагогические лозунги», а общество «было тогда морально отравлено».

Следовательно, после окончания второй мировой войны КПГ, а с 1946 года – СЕПГ должны были решать двойную задачу – искоренения нацистской культуры и преодоления влияния «классической буржуазной культуры». Было ясно, что вторая задача кратно сложнее, и решить её будет чрезвычайно трудно. Писатель Т. Манн полагал, что «сотрудничеством с фашизмом, за редкими делающими честь исключениями, занимался весь

немецкий народ». Свыше пяти тысяч учёных, писателей и художников были изгнаны из страны или отправлены в концлагеря.

Восточногерманское государство, о создании которого было официально объявлено в октябре 1949 года, добилось определённых успехов во многих областях культуры – это феномен, научное объяснение которому до сих пор не дано. За короткое время в республике, как отмечает литературовед Л. Симонян, её граждане прошли путь «от фальшивой веры к безверию и от безверия к истинной вере».

Политика государства в области культуры определялась высшим руководством Социалистической единой партии Германии, поэтому истоки успехов и неудач ГДР в развитии культуры следует искать в политике СЕПГ, которой предстояло стать в республике «партией порядка».

В Восточной Германии за короткое время был совершён переход от нацистской по духу и содержанию культуры к культуре, пропагандировавшей идеи социализма и коммунизма, как «лучшего будущего всего человечества», в их советском и ульбрихтовском понимании.

Между этими антиподами должен был бы лежать период общедемократической культуры, отражающий духовную жизнь всех социальных слоёв и политических сил общества, но его в Восточной Германии не было. Это – уникальный случай для Западной Европы, так как речь идёт о части одной из ведущих континентальных держав. Этот опыт быстрой «перестройки» содержания культуры можно рассматривать как универсальный; его можно применять и сегодня при смене правящих режимов.

Культура и литература ГДР складывались постепенно из трёх потоков:

1) из творчества возвратившихся в республику эмигрантов – деятелей культуры;

2) из творчества тех, кто, не теряя человеческого достоинства, сумел пережить годы нацизма (как правило, не имея ни права, ни возможности проявлять себя);

3) из творчества молодых деятелей культуры, пришедших в неё после 1945 года.

Интерес к культурной сфере общества «советской Германии» сопряжён с общими моментами, связанными с взаимоотношением культуры и государственной власти, с функционированием культуры в рамках государства. Интересы и идеалы культуры и государства разнонаправлены, но государство почти всегда стремится использовать культуру в своих интересах, как инструмент политического влияния. Особенно это было характерно для просоветских режимов. Писатель И. А. Бунин риторически спрашивал у большевиков: «где начинается известная доля искренности», чтобы «теперь управлять миром, ходом всей культуры, права, чести, совести, религии, искусства», а «Русские ведомости» писали: «Страх за самое существование нашей культуры встаёт во всём своём ужасе».

Изучение опыта прошлого в связи с этим особенно актуально, так как практически во всех государствах имеются проблемы и несовпадения интересов между политической и культурной сферой. Культурная жизнь Во-

сточной Германии, непосредственно связанная с культурной политикой правящей партии и государства, в реальности оказывалась явлением куда более сложным, многоплановым, неоднозначным и слабо изученным. В силу очевидных причин культурная политика СЕПГ подчас изучалась «односторонне» – некоторые исследователи акцентировали внимание на её деструктивных проявлениях. Деструктивные, то есть «разрушительные», свойства способствовали дестабилизации социальной системы, создавали социальную напряжённость, дискредитировали новый социум, то есть «систему социализма», в глазах общественного мнения, подтачивали изнутри и способствовали, в конечном итоге, её разрушению.

Но политика руководства СЕПГ в области культуры предполагала не только изгнание и уничтожение чуждых и несвойственных ей художественных форм, но и воспроизводство собственных культурных ценностей, соответствовавших её официальной «социалистической идеологии», создание художественных специфических идеалов, стимулирование и активизацию культурной жизни в ГДР. Эта сторона культурной жизни слабо освещена, а потому её изучение представляет определённый интерес для историков.

Культурные особенности Восточной Германии оказались довольно живучими. Шелуха политики опала, а культурные явления остались. «Очищенные» и идеализированные культурные формы (кино, театральные постановки, архитектурные сооружения и другое) служат источником представления се-годняшних людей о «социализме цветов ГДР», который «был противоречивым общественным состоянием».

Эта идеализация имеет весьма неоднозначный характер и служит базой воспроизводства левых движений в Европе. Поэтому показать сущность и характерные черты культуры ГДР и политики СЕПГ в области культуры, тесно связанной с советской идеологией – это задача учёных, занимающихся данной проблематикой. Следует подчеркнуть, что исследование культурных феноменов, возникших в обществе ГДР, позволяет понять и оценить важнейший момент – психологический аспект воздействия, не всегда мирного, осуществлявшийся не только в просоветских государствах, но и странах Запада.

Знакомство с «официальной» культурой ГДР показывает, что она проповедовала не только насаждаемый искусственно культ созидания нового социума, но и сложный комплекс идей и образов, имевших определённую социальную направленность, выразившуюся в раскрытии социальных тем умственного и производственного труда, крестьянина и крестьянского быта, женщины и её роли в обществе и так далее.

Культурные преобразования подразумевали в Восточной Германии соединение народа и официальной культуры, одобренной руководством СЕПГ, изменение субъекта культурного процесса – человека, путём его вовлечения в творческую деятельность. Культурные изменения предполагали не только создание благоприятных условий для потребления культуры гражданами, но и активную творческую деятельность самих людей в области культуры не только непосредственную, но и представительную.

Преодоление культурного наследия нацизма и масштабное внедрение в жизнь восточногерманского общества культуры государства с плановой экономикой и тоталитарной политической системой было и остаётся поучительным примером того, как за относительно короткий срок можно добиться существенных перемен в культурной ориентации немалой части населения страны. Эти перемены способствовали тому, чтобы послевоенное поколение восточных немцев в значительной мере прониклось идеями созидания нового социума. Этот уникальный опыт с поправкой на национальную специфику может быть использован и сегодня в странах, которые встают на путь кардинальных перемен и меняют вектор политического развития.

Интересны задачи, которые выдвигались СЕПГ на первый план в деле духовного развития граждан республики:

1) создание новой культуры;

2) воспитание новой интеллигенции;

3) бережный подход к тем культурным ценностям, которые были созданы предыдущими поколениями.

Содержание культурных реформ в новом социуме Восточной Германии, те задачи, которые выдвигались в ходе их осуществления, диктовали вывод о том, что они являлись общей закономерностью во всех странах советского блока.

Не всегда позитивный, опыт общественного развития СССР и ГДР подтвердил, тем не менее, вывод о том, что осуществление культурных преобразований в области идеологии и культуры и создание многочисленной привилегированной интеллигенции, преданной интересам КПСС и СЕПГ, – одна из общих составляющих частей становления и развития данных стран. Необходимость культурных преобразований была обусловлена не только недостаточностью культурного развития народных масс в рамках прежнего общества, но и качественно новыми задачами, вставшими в Восточной Германии после 1945 года.

Несмотря на сходность процессов, культурные преобразования в ГДР имели свои особенности. Это не всегда учитывалось учёными СССР при анализе конкретного опыта – как нельзя было игнорировать обязательный всеобщий характер культурных процессов для всех стран советского влияния, так нельзя было забывать и о национальных особенностях осуществления культурных мероприятий. В связи с этим особый интерес представляет исследование процесса становления и развития культуры ГДР, проходившей на протяжении четырёх десятков лет под руководством СЕПГ. Опыт внедрения советских рецептов в Восточной Германии заслуживает особого внимания.

Ведь это была часть страны, имевшей высокий уровень культуры в прошлом, богатые парламентские и демократические традиции, страны, пережившей трагедию нацистского периода, уничтожавшего на кострах лучшие достижения немецкой культуры, а образование и науку поставившего на службу гитлеровскому правительству в целях завоевания мирового господства.

Процесс культурной жизни ГДР был тесно связан с развитием экономики, политики и международных условий существования республики, в первую очередь, с многочисленными контактами с СССР. Этот процесс преобразований в области культуры ГДР под руководством СЕПГ имел свои национальные черты и особенности. Осуществление преобразований облегчалось грамотностью населения; наличием материальной базы культуры и кадров интеллигенции; существованием культурного наследия; возможностью использования опыта «старшего брата» – Советского Союза – и его помощи в культурном развитии; официальной поддержкой политики СЕПГ в области культуры всеми партиями Национального фронта республики. Профессор К. фон Байме заметил, что «направление трансформации в стране в решающей мере зависит от её политических, экономических, да и культурных элит».

В то же время имелись существенные факторы, затруднявшие преобразования в сфере культуры – это, прежде всего, влияние западной культуры, распад гуманистической культуры в период господства нацизма; почти полное отсутствие идеологических предпосылок для социалистической культуры, что в значительной мере затрудняло и использование интеллигентов старой школы для «революционно-демократической» культуры.

Одна из существенных особенностей культурного развития в ГДР состояла в том, что оно происходило в условиях существования двух Германий.

Поэтому позитивный образ Восточной Германии, как «новой «ударной бригады»», был нужен не только правящей элите ГДР и СССР – как «самого выдающегося актива мировой революции» – он был нужен большинству советских людей, так как он свидетельствовал о правильности пути, выбранного СССР – быть «всегда вместе со своими братьями – народами стран социализма».

Й. Вальтер сделал вывод: «ГДР была экспортным политтоваром с клеймом «Сделано в СССР», нуждающимся в его защите, и бывшим вассалом и прилежным эпигоном своего сюзерена». Это была легитимация советского пути развития извне, с учётом восточными немцами, по мнению философа А. Г. Дугина, «многовековой имперской традиции, духовной специфики русского народа».

Превосходство СССР, по мере развития «нашего друга ГДР», постепенно сокращалось и превращалось в отношения экономического, политического, культурного партнёрства, хотя мнение «старшего брата» по-прежнему имело первостепенное значение. ГДР «олицетворяет исторический прогресс и национальное будущее Германии», – писали советские учёные в 1960-е годы.

Тем самым ГДР выступала как воплощение сознательного и подсознательного советского стремления к лучшей жизни. История сотрудничества ГДР и СССР, «друзей, товарищей, партнёров», демонстрирует возможность – пусть хотя бы ограниченного – примирения двух народов после только что закончившейся войны.

К числу особенностей развития Восточной Германии, которые в значительной степени осложняли проведение преобразований по советскому об-

разцу, относился тот факт, что всё культурное строительство, как и государственное строительство в целом, приходилось проводить в условиях существования двух самостоятельных частей бывшего германского государства с различными социально-экономическими системами. В то же время использование опыта СССР, наличие дружественного сообщества стран Варшавского договора, позволило избежать целого ряда трудностей.

В СССР огромное значение придавали проблеме взаимодействия научно-технических преобразований и культурных реформ. Но исходным пунктом и решающим условием культурных преобразований считалось завоевание политической власти «рабочим классом» и установление «диктатуры пролетариата».

Ленин не раз акцентировал внимание на том, что необходимо решительно покончить с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную ежедневную работу по управлению в состоянии только выходцы из привилегированных господствующих классов. Важнейшей предпосылкой привлечения рабочих и крестьян к управлению государством руководитель Октябрьского переворота, считал развитие культуры: «По нашему представлению, государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы всё знают, обо всём могут судить и идут на всё сознательно».

Отмечая особенности руководства искусством и литературой, Ленин подчёркивал необходимость партийного руководства культурным развитием, чтобы не допустить его многовариантности, хаоса и стихийности, чтобы обеспечить определённые условия для расцвета культуры и самодеятельности граждан.

Культурные преобразования – это коренной переворот в духовном развитии стран, составная часть решительных реформ, это результат сознательных действий людей, которые изучают закономерности культурного развития. Они осуществлялись и происходили в СССР и странах советского блока в качестве сознательного управляемого и планомерного процесса на основе политики правящих партий, ставивших в центр своей политики «марксизм-ленинизм» и назывались «культурная революция». Эти реформы включали в себя, прежде всего:

1) создание новой системы образования и просвещения;

2) перевоспитание старых кадров и формирование интеллигенции нового социума;

3) создание культуры, свободной от частнособственнических взглядов;

4) перестройку быта;

5) преодоление влияния старой идеологии и утверждение марксистско-ленинской идеологии.

Осуществляя руководство развитием культуры, правящие партии в странах советского блока были вынуждены привлекать на свою сторону часть старой интеллигенции, не всегда разделявшей их «культуртрегерские» порывы и вынужденной приспосабливаться под новые партийные установки; формировать новую интеллигенцию.

ГДР под руководством СЕПГ стремилась обеспечить ликвидацию диспропорций в потреблении и производстве культурных ценностей между всеми гражданами страны, социальными группами, нациями, мужчинами и женщинами; пыталась не только создать условия для пользования своими гражданами благами культуры, но и превратить их в активных участников культурного процесса; обеспечить материальную базу культуры, подготовку её работников; концентрировать силы и средства для ускоренного развития культуры в том направлении, в котором было наиболее заинтересовано руководство СЕПГ; воспитывать у граждан республики «пролетарский интернационализм». Все эти задачи были одним из условий взаимовлияния культур стран Восточной Европы, как этап в создании «единой коммунистической мировой культуры».

Руководство СЕПГ в полной мере использовало в республике известный советский тезис, согласно которому культура должна быть «социалистическая по своему содержанию и национальная по форме». В связи с этим большой интерес представляет вопрос о том, каким образом СЕПГ, при наличии формально многопартийной системы, осуществляла свою монопольную роль на всех этапах государственности ГДР и во всех областях жизни общества, в том числе в области культуры.

Руководство СЕПГ принимало во внимание указание Маркса о том, что «политика партии рабочего класса в области культуры» является составной частью общей её политики, что «культура, если она развивается стихийно, а не направляется сознательно, оставляет после себя пустыню».

ЦК СЕПГ, по примеру руководства КПСС, ставил в центр своей культурной политики следующие основные принципы:

1) рабочий класс (а на деле – партийно-государственная верхушка ГДР) должен был осуществлять руководящую роль в области культуры – так же, как и в области экономики и политики;

2) работники искусства должны быть тесно связаны с жизнью рядовых граждан;

3) главной задачей общества в Восточной Германии провозглашалось создание предпосылок для формирования «социалистической немецкой нации».

Наряду с гуманистическими традициями в немецкой культуре (И. В. Гёте, Ф. Шиллер, Г. Гейне и другие), в ней существовали и праворадикальные течения. Огромную роль для складывания идеологии германского империализма сыграли воззрения Ф. Ницше, Х. С. Чемберлена, Ф. Ратцеля и других.

Ницшеанство, расистские теории и геополитика стали впоследствии основными источниками идеологии германского нацизма. Одной из причин усиления консервативных тенденций в общественной жизни Германии в 1920-х – начале 1930-х годов являлся раскол в среде рабочих и интеллигенции страны. В. Р. Пик в 1935 г. ошибочно полагал, что «возросшая активность пролетариата в классовой борьбе увеличила его притягательную силу», а немецких социал-демократов называли тогда «левые» социал-фашисты».

В дальнейшем всё это было использовано в теории и практике немецкого нацизма, или «фашизма – этой философии уничтожения и разрушения личности». Поэт Х. Бауман в 1933 г., в период «фашистского потемнения Европы», сочинил известный нацистский марш со словами: «Сегодня Германия – наша, а завтра – весь мир!». Господство нацизма привело к тому, что после его крушения в наследство немецкому народу остались тяжкие разрушительные последствия во всех сферах общественной жизни Германии, в том числе и в области культуры и идеологии.

27 июня 1945 г. И. Бехер направил военному коменданту Большого Берлина письмо, в котором изложил основные программные положения Культурбунда («Союза деятелей культуры по демократическому обновлению Германии»): искоренение нацистской идеологии и морали, выявление всех исторических фактов, породивших в Германии милитаризм и нацизм, воспитание нового образа мышления и поведения, возрождение гуманистических традиций немецкой культуры. В тот же день приказом Главноначальствующего СВАГ был утверждён состав Центрального управления народного образования и культуры.

По согласованию со СВАГ был установлен срок начала занятий – 1 октября 1945 года. 25 августа 1945 г. был опубликован приказ № 40 о порядке возобновления работы школ и учреждений культуры. Этот приказ наметил чёткую перспективу дальнейшего развития данных органов. Всего по численному составу работников культуры в советской зоне оккупации к концу 1945 г. был заметен рост по сравнению с 1939 годом.

Приказ Главноначальствующего Советской военной администрации 8 сентября 1945 г. предписывал немедленное уничтожение нацистской литературы «в целях быстрейшего искоренения идей нацизма и милитаризма». Писатель Л. Ренн призывал быстро избавиться от «расового безумия Гитлера, которое стремилось захлестнуть весь мир». В то же время Ренн советовал литераторам Восточной Германии не бояться этой темы, поднимал вопрос о необходимости в большой реалистической литературе осветить «изнутри» путь солдата гитлеровской армии, показать, как в этом солдате зарождались сомнения в истинности идеалов, за которые он сражался.

18 октября 1945 г. был опубликован совместный призыв левых сил (включая руководство КПГ и правление СДПГ) о проведении школьной реформы и мероприятий в области культуры. Для выработки проекта реформы была создана комиссия. К маю 1946 г. работа над законопроектом была завершена; после согласования его с партиями антинацистского блока, земельными и провинциальными управлениями он был обнародован. Главная цель образования и культуры формулировалась в данном законе следующим образом:

«Немецкая демократическая культура должна воспитывать из молодёжи самостоятельно мыслящих и обладающих чувством ответственности за свои действия людей, которые способны и готовы целиком поставить себя на службу всего народа. Её задача как проводника культуры состоит в том, чтобы воспитывать молодёжь свободной от нацистских и милитаристских

взглядов, в духе миролюбивого и дружественного сосуществования народов и подлинной демократии, в духе истинного гуманизма». В законе подчёркивалось, что культурное воспитание является исключительно делом государства.

Маркс ранее писал в «Капитале», что высшей целью коммунистического общества становится развитие человеческой личности. Развитие гармоничное, в котором физическое совершенство сочеталось бы с высокой образованностью; широкая культура – с трудолюбием; благородные моральные качества – с чувством гражданского долга. При этом составители закона принимали во внимание слова Ленина, что целью партии является обеспечение «полного благосостояния и свободного всестороннего развития в с е х членов общества».

Помнили и слова Ленина, которые приводила К. Цеткин: «Молодёжи особенно нужны жизнерадостность и бодрость. Здоровый спорт – гимнастика, плавание, экскурсии, физические упражнения всякого рода, разносторонность духовных интересов, учение, разбор, исследование, и всё это по возможности совместно!». Эти и подобные им идеи позднее нашли в ГДР своё отражение в формировании личности «социалистического немца». Ленин писал, что надо «смелее вербовать молодёжь, не боясь её. Время военное. Молодёжь решит исход всей борьбы». В духе этих ленинских слов «Neues Deutschland» подчёркивала, что «развитие исторического сознания молодёжи – дело всего общества. Оно касается всех без исключения».

В восточной части Германии были осуществлены важные перемены и в области высшего образования. Изданный 4 сентября 1945 года приказ СВАГ № 50 предписывал в области высшего образования и культуры осуществлять «подготовку таких кадров, которые были бы способны на практике проводить демократические принципы». Характеризуя роль представителей СВАГ, принимавших участие вместе с немецкими антинацистами в его реализации, президент Центрального управления народного образования и культуры П. Вандель отмечал, что советские люди показали себя с лучшей стороны как «подлинные представители первого в мире рабоче-крестьянского государства». 15 октября 1945 г. Йенский университет первым из всех вузов возобновил деятельность всех своих факультетов.

Подводя итог культурно-образовательному развитию, Немецкая экономическая комиссия отмечала в своём постановлении 31 марта 1949 г.:

«В Советской зоне уже сейчас работают 19 высших учебных заведений против всего 13 в 1939 году. Более четверти всех учащихся наших вузов – дети рабочих и крестьян. В 1948 г. было выдано стипендий на сумму, в 100 раз превышающую расходы на стипендии в кайзеровской Германии и в 15 раз те же расходы в Веймарской республике». Постепенно к 1949 г. проявления новой культуры стали появляться во всех областях общественной жизни советской зоны. Повсеместно открывались театры и концертные залы.

Ещё 14 мая 1945 г. генерал Н. Э. Берзарин обсуждал с деятелями искусства и руководителями театров вопрос об открытии берлинских театров. 6 июня 1945 г. состоялось новое совещание с деятелями искусства. Позднее

западногерманская газета «Frankfurter Illustrierte» писала: «Поразительной представляется помощь русских в области культуры, вопреки всем, кажущимся непреодолимыми, трудностям, темп восстановления деятельности учреждений культуры прямо-таки захватывает дух».

В Берлине в 1945 г. прошли первые послевоенные выступления советских артистов. Л. А. Русланова пела для советских воинов у поверженного рейхстага и у Бранденбургских ворот. Вскоре в Берлине выступили И. С. Козловский и И. И. Масленникова, которые пели произведения Р. Вагнера – так советские власти позиционировали идею, что «искусство выше политики». Масленникова отметила, что «после моих концертов у немецкой публики в глазах не было ни ненависти, ни злобы, ни боязни. Полагаю, свою миссию на немецкой земле я выполнила сполна».

Вскоре в Берлине возобновил свою работу «Театр ам Шифбауэрдамм», на сцене которого в «Матросах из Каттаро» Ф. Вольфа выступил певец с «вечно молодым голосом» Э. Буш. Хореограф И. А. Моисеев вспоминал, что «с 1945 года, за рубежом наш ансамбль стали называть, послом мира и добра», начали мы в Финляндии, потом продолжили в Восточной Германии. Энергия наша, дарившая радость, красоту и профессиональный блеск, пробивала любую «броню» и растапливала любой лёд недоверия, а ведь перед этим мы воевали и с финнами, и с немцами!».

Был налажен выпуск газет. 15 мая 1945 г. появилась первая газета «Tägliche Rundschau», 21 мая – «Berliner Zeitung» – орган берлинского магистрата. Вечером 12 июня вышел первый номер газеты «Deutsche Volkszeitung» – орган центрального правления КПГ, а затем и «Das Volk» – орган центрального правления СДПГ. С самых первых номеров они много внимания уделяли становлению новой немецкой культуры.

Население советской зоны вновь получило доступ к шедеврам немецкой и мировой культуры. Как подчеркнул дирижёр Э. Э. Клас, этому способствовала «Россия, которая победила самое страшное животное. Так я думаю о фашизме». Причём, как отметили О. В. Пролесковский и Л. Е. Криштапович, «жертву, которую советский народ принёс на алтарь Победы, нельзя калькулировать по-бухгалтерски». Президент Общества историков ГДР, доктор наук, профессор Г. Шеель сделал вывод: «Победа антигитлеровской коалиции коренным образом изменила мир». Коммунист-подпольщик Э. Ханке вспоминал, что в мае 1945 г. он «был счастлив почувствовать силу нашей партии. Нам предстояла борьба за новую, лучшую Германию». А. Норден писал: «Национальное богатство страны уничтожено, имя её опозорено».

В. Бредель отмечал, что в мае 1945 г. в Германии «жизнь остановилась, как маятник сломанных часов. В Берлине царил кладбищенский покой». Бредель в конце мая 1945 г. отправил письмо жене: «В Ростоке мы наладили работу городского театра. В Штральзунде тоже. Певицы и танцовщицы рыдали, узнав, что Красная Армия снова открыла их театр, закрытый до этого Геббельсом. На Хиддензее я установил контакт с несколькими актёрами и велел взять под охрану библиотеку и рукописи Герхарда Гауптмана. Это были насыщенные делами, но прекрасные дни». Поэт

В. Штейнбах 1 мая 1946 года откликнулся стихотворением: «Пусть реет над нами символ грядущего – красное знамя». Эта помощь со стороны советских людей была искренней, дружеской и в этом своём качестве отличалась от отношения других союзников к местному населению: «К немцам американцы относились, как к неграм».

Начало кинопроизводства в Восточной Германии было связано с деятельностью группы «Filmaktiv», созданной в конце 1945 года. В её состав вошли: актёр Х. Клеринг, драматург Ф. Вольф, деятель образования П. Вандель, кинорежиссёры К. Метциг, В. Штаудте, Г. Кларен, писатель Х. Фаллада и другие. По инициативе этой группы, поставившей целью создание нового антинацистского киноискусства и объединившей коллектив творческих работников, было начато восстановление разрушенных киностудий, налажены производство и прокат фильмов. Советская военная администрация, советские литератор А. Л. Дымшиц и режиссёры А. Н. Андриевский, Г. В. Александров, И. З. Трауберг и другие оказали большую помощь восточногерманским кинематографистам.

Антинацистская тема стала на долгие годы основной в творчестве мастеров её киноискусства. Уже в картинах «Брак в тени» (1947 г., режиссёр Метциг) и «Дело Блюма» (1948 г., режиссёр Э. Энгель) обличалась бесчеловечная, расистская политика правителей гитлеровского рейха. В фильме «Ротация» (1949 г., режиссёр Штаудте, в советском прокате фильм назывался «Коричневая паутина») исследовался механизм обработки масс нацистской пропагандой. В экранизации романа Г. Манна «Верноподданный» (1951 г.) режиссёр Штаудте в остросатирической форме изобразил антигуманизм и приспособленчество, милитаристский дух кайзеровской Германии. Из материалов Нюрнбергского процесса, ставшего «заслуженным финалом для гуннов XX века», сценаристы Ф. Вольф и Ф. Гехт почерпнули сюжет фильма «Совет богов» (1950 г., режиссёр Метциг), повествовавшего о зловещей роли, которую сыграли владельцы концерна «ИГ Фарбениндустри» в приходе к власти Гитлера.

Судьбам простых людей были посвящены фильмы «Пёстроклетчатые» (режиссёр Метциг) и «Хлеб наш насущный» (режиссёр З. Дудов) – оба фильма появились на экранах Восточной Германии в 1949 году. В эти же годы были поставлены различные по жанру картины. Среди них можно выделить сатирическую комедию «Удивительные приключения господина Фридолина Б.» (1948 г., режиссёр Штаудте), экранизации – «Бобровая шуба» (по Г. Гауптману, 1949 г., режиссёр Энгель), «Воццек» (по Г. Бюхнеру, 1947 г., режиссёр Кларен), «Коринна Шмидт» (по роману Т. Фонтане «Фрау Жени Трайбель», 1951 г., режиссёр А. Поль), «Вандсбекский топор» (по А. Цвейгу, 1951 г., режиссёр Ф. Харнак), «Парижская карьера» (по роману О. де Бальзака «Отец Горио», 1952 г., режиссёры Кларен и Х. Г. Рудольф), «История маленького Мука» (по В. Гауфу, 1953 г., режиссёр Штаудте).

Ряд фильмов был посвящён истории революционного движения в Германии, современной тематике, изображению новой, послевоенной жизни: «Где-то в Берлине» (1946 г., режиссёр Г. Лампрехт), «Мост» (1949 г., режис-

сёр Поль), «Судьбы женщин» (1952 г., режиссёр Дудов) и другие. Значительной части этих фильмов были присущи схематизм в трактовке сложных проблем современности и умозрительность; тем не менее, они вполне отвечали идеологическим заданиям СЕПГ. На специальной конференции СЕПГ, посвящённой вопросам кинематографии, были намечены меры по развитию киноделa в ГДР, в частности, идейная подготовка творческих кадров.

2 октября 1945 г., приказом № 85 СВАГ обязала Центральное управление народного образования и культуры осуществить конкретные меры по учёту и охране музейных ценностей и возобновлению деятельности музеев.

На пленуме ЦК СЕПГ в феврале 1946 г., посвящённом вопросам литературы, В. Пик говорил: «Мы должны создать предпосылки и гарантии для того, чтобы благородные идеи лучших представителей нашего народа, идеи, которые мы находим у величайших гениев всех времён и народов, идеи настоящего, глубокого гуманизма и истинной свободы и демократии, идеи взаимопонимания между народами и общественного прогресса стали определяющей силой в нашей культурной жизни». Член КПГ А. Аккерман писал, что «к культуре относятся равным образом и книга, и произведение искусства, и канализация, и жилищное строительство». В феврале 1946 г. увидел свет первый номер журнала «Einheit», который в дальнейшем позиционировал себя как «журнал теории и практики научного социализма», много уделявший внимания культурной политике СЕПГ. Он был подготовлен в сотрудничестве КПГ и СДПГ.

Так выглядела общая картина культурной жизни в Восточной Германии к моменту образования СЕПГ. 21 апреля 1946 г. в Берлине была создана Социалистическая единая партия Германии, «передовой отряд немецкой демократии», на основе объединения КПГ и СДПГ советской зоны оккупации.

Из числа советских офицеров и гражданского персонала СВАГ, владевших немецким языком, были созданы лекторские группы в Берлине и во всех землях советской зоны. К примеру, в университетских аудиториях, перед студентами и преподавателями читались лекции по историографии, психологии, педагогике, филологии, истории ВКП(б) и о «социалистическом реализме».

Ещё одной формой культурной политики руководства СЕПГ стали поездки в СССР немецких делегаций деятелей культуры (апрель – май 1948 г.) и учёных (сентябрь 1948 г.). Участники делегаций подбирались СВАГ и СЕПГ из числа проверенных членов СЕПГ, а также «прогрессивных» деятелей других партий и беспартийных, зарекомендовавших себя как друзья СССР.

Программа пребывания планировалась принимающей советской организацией и Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). Она рассчитывалась таким образом, чтобы охватить важнейшие сферы жизни советского общества: промышленность (плановое хозяйство, стахановское движение), сельское хозяйство (совхозы и колхозы), науку и образование (от яслей до высшей школы и АН СССР), искусство (от Большого театра до музея М. Горького, беседы с деятелями культуры), быт и отдых советских людей (посещение

квартир, санаториев, пионерских лагерей, демонстраций и праздников, поездка на метро).

В то же время учитывались и индивидуальные запросы членов делегаций, их специализация. В отдельных случаях в программу включались посещения мест, связанных с минувшей войной (музей обороны Ленинграда, экскурсия в Сталинград). В большинстве случаев посещение Москвы, как «города коммунистического завтра», и Мавзолея В. И. Ленина было обязательным.

Высшие руководители республики обычно отпуска за рубежом проводили только в СССР и соцстранах, тем самым подавая пример своим гражданам. Турпоездки по СССР со второй половины 1950-х годов начинались с Брестской крепости. В своё время – в 1957 г. – её посетил В. Ульбрихт, и регулярно – военнослужащие ГСВГ. Э. Шиллинг, редактор газеты «Junge Welt», посетил Хатынь: «История учит нас, что война не является законом природы, а мир не есть дар свыше».

Среди тех, кто выбрал местом своего жительства советскую зону, были «активисты первого часа» – И. Бехер, Л. Ренн, А. Зегерс, Г. Марховица, Б. Брехт, Г. Майер, А. Цвейг, В. Бредель, Ф. Вольф, Б. Келлерман, Э. Вайнерт, С. Гейм и другие.

А. Зегерс говорила позднее: «Меня часто спрашивают: почему после войны я приехала в ту часть Германии, которая тогда была советской зоной, а не в родные края, на Рейн? Вот мой ответ: потому что я могла найти здесь отклик, о котором писатель мечтает. Потому что здесь существует тесная взаимосвязь между словом и жизнью. Потому что здесь я могу выразить то, во имя чего я живу». Б. Келлерман дополняет: «Рад, что на склоне лет нахожусь хотя и в разрушенной стране, но среди людей с потрясёнными душами».

Литературовед Майер назвал это десятилетие, «procul dubio», полной ожиданий «эпохой грюндерства», когда по известному выражению композитора Р. Вагнера, вокруг звучала «музыка будущего». С 1947 по 1949 гг. в Берлине выходил литературно-публицистический журнал «Ost und West», издававшийся А. Канторовичем по советской лицензии. В июне 1948 г. на XX Копенгагенском конгрессе международного союза писателей была воссоздана германская секция Пен-клуба.

И. Бехер на I съезде немецких писателей ещё в 1947 г. подчёркивал, что литература должна воздействовать на жизнь своими специфическими средствами, что без учёта этой специфики нельзя полностью использовать её огромные возможности; что, с другой стороны, своеобразие литературы надо изучать не ради неё самой, а связывая её задачи с потребностями общественной борьбы. Задачи литературы на востоке Германии, по мнению Бехера, «дать народу новые песни, соответствующие тем новым чувствам и новым мыслям, которые ныне владеют народом, и в первую очередь молодёжью».

С течением времени литераторы республики, учитывая известные слова М. Горького о том, что «литератор – глаза, уши и голос класса», всё больше участвовали в выработке новых критериев искусства, соответствующих

характеру восточногерманского общества. В октябре 1948 г. Ф. Вольф на одном из собраний немецких писателей выдвинул в своём докладе лозунг: «Писатели – на предприятия! В деревню!». Сам писатель отправился в Грайфсвальдский район – в итоге этой поездки родилась задорная, художественно яркая комедия, отразившая многообразие явлений в немецкой деревне первых послевоенных лет, – «Бургомистр Анна» (1950 г.), по мотивам которой был поставлен художественный фильм (режиссёр Х. Мюллер).

Первостепенная роль научного подхода при последовательном соблюдении требований так называемой «социалистической партийности» всегда была существенной чертой марксистского литературного процесса в республике.

После 1945 г. в литературной жизни Восточной Германии началась борьба за реализм, спор с иными взглядами на культуру и искусство, которые поощрялись в западных зонах оккупации. Борьба за реализм, которую вели литераторы на востоке страны, была отражением политической борьбы. КПГ, – а потом СЕПГ – поддерживали литературу, связанную с традициями, отражавшими жизнь простых рабочих людей, становление нового некапиталистического социума.

В 1948–49 гг. острую дискуссию в советской зоне оккупации вызвал вопрос: «Как оценивать произведение искусства?». Сторонники «искусства для искусства» считали возможным судить о художественных произведениях, основываясь лишь на психологических предпосылках.

Одновременно выдвигались теории, утверждавшие необходимость «абстрактного искусства» или «магического реализма». Марксистская критика, прежде всего И. Бехер, Ф. Вольф, П. Рила, резко выступила против этих теорий. В «Neues Deutschland», «Aufbau», «Tägliche Rundschau», при поддержке советских деятелей культуры, таких, как А. Дымшиц, антинацистская критика изложила свои мнения на эти точки зрения и выступила в защиту реализма – при этом споры о литературе не ограничивались только эстетическими вопросами, речь шла о непримиримых жизненных позициях, отражавшихся в искусстве.

Важная задача критики состояла в том, чтобы вернуть читателю гуманистические произведения мировой литературы. Особое значение приобретало при этом знакомство с советской литературой, которая помогала находить некоторые ответы на коренные вопросы жизни.

А. Зегерс на I съезде писателей Восточной Германии выступила в поддержку преобразований в просоветском духе. Она назвала это «новой возможностью» для писателей Германии, освобождённой от нацизма: «Писатель может теперь направлять свою волшебную лампу, свой талант на ту точку, которая важнее всего как общественное явление. Он может осветить эту точку так ярко, что его соотечественники, его потрясённый и потерявший веру народ, волей или неволей взглянут на то, что для всех важнее всего».

Во вновь созданных издательствах «Dietz» и «Aufbau» стали выходить произведения советских писателей, мастеров «социалистического реализма». Печать Восточной Германии обращала внимание читателей на «Мать» Горь-

кого, на романы Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина», на поэзию Маяковского, роман Н. Островского «Как закалялась сталь» – книгу, которая нашла огромный отклик у молодёжи в ГДР, ставшей «страной-подростком». Таким образом, писатели Восточной Германии не ограничивались полемикой с некоммунистическими литературными течениями – их главная задача была конструктивной: заложить основы, говоря известными словами И. Р. Бехера, нового «общества литературы» («Literaturgesellschaft»).

Перед писателями возникали сложные задачи: на важнейшую из них указал в 1948 г. видный партработник СЕПГ А. Абуш: «Широкий поток новой литературной продукции не возникает по заказу; он нуждается в заботливом поощрении». Абуш отмечал существование «пагубного разрыва между литературной теорией и современной критикой». Недостаточная разработанность проблем литературы XX века вела порой к механическому и слишком прямому переносу критериев классической литературы на современный литературный процесс, к нарушению важного принципа марксистской критики – принципа исторической конкретности.

Ещё в 1925 г. была принята резолюция ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы», в которой подчёркивалось, что борьба за идеологию в литературе должна стать борьбой за подлинно художественную литературу, близкую и «понятную миллионам», что «партия в целом отнюдь не может связать себя приверженностью к какому-либо направлению в области литературной формы ».

В конце 1940-х годов об этой резолюции вспоминали явно недостаточно. Во многом это было связано с воздействием многочисленных работ известного литератора Д. Лукача, ограниченность которых не была в те годы вполне понятна. Вплоть до начала 1950-х гг. Лукач занимал господствующее место в литературном процессе республики. Нечётко представляя себе историческую роль рабочих, что вело к ошибочной оценке «социалистического реализма» и к установлению немарксистских нормативных эстетических критериев, Лукач недооценивал историческую обусловленность возникновения каждого произведения искусства, конкретные условия и закономерности его появления. В полемике с взглядами Лукача в последующее время особенно важную и плодотворную роль сыграли выступления И. Бехера, Б. Брехта, Ф. Вольфа и А. Зегерс.

2 сентября 1948 г. на совещании писателей и работников искусства – членов СЕПГ Ульбрихт, имевший вид «интеллектуала-либерала», выступил с установочной речью, которая стала двухлетним планом развития для деятелей культуры. Он, в частности, отметил, что немецкие писатели «находятся в плену мелкобуржуазного индивидуализма», а большинство деятелей культуры, состоящих в СЕПГ, «находится под сильным влиянием формализма». 2 апреля 1949 г. Ульбрихт выступил на II конгрессе молодых активистов в Эрфурте, где призвал молодёжь «больше читать, больше учиться, чтобы лучше трудиться, овладевать великим культурным наследием, чтобы иметь возможность получать удовольствие, пользуясь великой сокровищницей культуры». Фактически он почти повторил слова стаханов-

ки, агронома М. С. Демченко: «Будем учиться, будем работать, и у нас будет всё», тем более, что «советская страна перешла к мирному строительству без кризисов и потрясений».

Известные слова К. Аденауэра: «Лучше половина Германии полностью, чем целая Германия наполовину» – отражали процесс раздела страны: появились «Германия капиталистов, фашистских заправил и Германия миллионов немецких рабочих и крестьян».

В то же время де-факто уже до осени 1949 г. не было единой Германии. К примеру, 26 апреля 1949 г. заместитель заведующего 3-го Европейского отдела И. И. Ильичёв в своём ответе на приглашение из Финляндии на Лесной конгресс, адресованное восточным немцам, в котором жители восточной Германии были названы представителями «восточной зоны Германии», поправил эту формулировку, написав: «представители советской зоны оккупации».

После окончания Второй мировой войны, по мнению Б. С. Орлова, «через четыре года идеологическая трещина, разделившая окончательно два блока – западный и восточный – прошла через Германию». 7 сентября 1949 г., по неоднозначному мнению Я. Б. Шрайбмана, «в страхе перед антифашистско-демократическими преобразованиями, которые проводились в Восточной Германии», была образована ФРГ с временной столицей в Бонне. Генерал Л. Д. Клей, глава администрации американской зоны оккупации Германии, заявил, что вопрос о создании ФРГ был решён самими немцами.

СЕПГ вырабатывала свою концепцию в области политики и культуры в тесном взаимодействии со СВАГ. По-другому быть не могло: только СВАГ обладала административными и правовыми возможностями проведения реформ в советской зоне. Но успех их реализации во многом зависел от СЕПГ. Тем не менее, эта партия не была просто «штурмовым отрядом» советской военной администрации. В своих действиях она обладала определённым минимумом самостоятельности и сама могла решать целый ряд вопросов. Более того, принимая принципиальные решения, СВАГ не могла не учитывать мнение СЕПГ, да и информация о фактическом положении дел поступала в советскую военную администрацию из партийных источников. Конечно, решающее слово оставалось за СВАГ, но как оно будет произнесено, где и какие будут расставлены акценты – это, в определённой мере, зависело от ЦК СЕПГ.

Таким образом, под влиянием идей Октябрьской революции, после победы советского народа в Великой Отечественной войне, в период с апреля 1946 г. по октябрь 1949 г. руководство СЕПГ провело определённую работу, связанную с формированием и дальнейшем складыванием основной концепции по вопросам проведения культурной политики в Восточной Германии. Важную помощь руководящей партии в советской зоне оказывал Культурбунд. Была проведена существенная работа по привлечению на свою сторону части прогрессивной интеллигенции, в дальнейшем активно помогавшей стать СЕПГ правящей партией в ГДР.

УДК 93+94 DOI: 10.24045/conf.2017.1.12

ОСВЕЩЕНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА В СОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЕ

Дякин Я.А.,
бакалавр
по рекламе и связям с общественностью,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия

Аннотация. *В статье автор анализирует особенности освещения в советской центральной и региональной прессе суда над фашизмом в Нюрнберге. Материалом для анализа являлись публикации в центральных периодических печатных изданиях (газеты «Известия», «Правда», «Красная звезда») и в областной газете Пензенской области «Сталинское знамя». Хронологические рамки исследования – ноябрь 1945 года – октябрь 1946 года.*

Ключевые слова: *Нюрнбергский процесс, суд над фашизмом, советская пресса, послевоенная пресса, «малые Нюрнбергские процессы».*

COVERAGE OF THE NUREMBERG TRIALS IN THE SOVIET CENTRAL AND REGIONAL PRESS

Dyakin Ya.A.,
Bachelor of Arts
Penza State University, Penza, Russian Federation

Abstract. In the article the author analyzes the features of the coverage in the Soviet central and regional press of the trial of fascism in Nuremberg. The materials for the analysis were publications in the central periodicals («Izvestia», «Pravda», «Krasnaya Zvezda») and in the print media of the Penza region (the newspaper «Stalinskoe znamya »). The chronological framework for the study was November 1945 – October 1946.

Keywords: the Nuremberg trial, the court over fascism, the Soviet press, postwar press, «small the Nuremberg trials».

Какова бы ни была международная политическая конъюнктура, но победа СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., несомненно, связывается с теми коренными социально-экономическими и политическими изменениями в жизни страны, локомотивом которых стала Великая Октябрьская социалистическая Революция.

В 1916 году исполнилось 70 лет последнему акту этой мировой трагедии – окончанию Нюрнбергского процесса, международного военного трибунала над нацистскими преступниками, первого в мировой истории международного суда над преступлениями государственного масштаба.

Но сама возможность этого суда во многом является заслугой СССР и не только в смысле военного вклада в победу над третьим рейхом. Представители СССР последовательно отстаивали идею создания Международного трибунала, тогда как представители американской, английской сторон предлагали казнь нацистских преступников на основании административного

решения. 14 октября 1942 года в заявлении Советского правительства говорилось: «Советское правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии» [6].

Итоговое Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции об открытом судебном преследовании и наказании военных преступников было принято при самом активном участии советских юристов. Стоит отметить и вклад российских учёных в его подготовку, прежде всего А.Н. Трайнина, члена советской делегации на Лондонской конференции. У. Чэнлер, обосновывая идею уголовной ответственности за агрессию, писал в ноябре 1944 г., что «СССР в течение последних 20 лет стоит во главе наций мира в их усилиях поставить войну вне закона» и приводил в качестве примера работы А.Н. Трайнина. Общее представление о Советском Союзе в международном общественном мнении изменилось после Нюрнберга. Рейхсминистр вооружений и боеприпасов Германии А. Шпеер в своих воспоминаниях писал о советских офицерах, участвовавших в допросах: «Те люди сильно поколебали мое стереотипное представление о русских» [8, с. 576].

Нюрнбергский процесс был гласным и открытым: в зал суда было выдано 60 тысяч пропусков, 250 из 350 мест было отведено представителям СМИ. Печать, радио, кино сделали возможным для миллионов людей во всем мире следить за ходом этого беспрецедентного в истории суда.

В рамках нашей темы мы обращаемся к проблеме освещения Нюрнбергского процесса и «малых Нюрнбергских процессов» во время хода судебных заседаний советскими СМИ.

Анализировались периодические издания материалов центральной периодики, среди которых газеты «Известия», «Правда», «Красная звезда», издания местного уровня, такие, как газета «Сталинское знамя», в хронологических рамках с ноября 1945 по октябрь 1946 гг.. Исторические источники данного вида позволяют выявить цель и задачи государственной политики в области освещения Нюрнбергского процесса, а также проследить эволюцию формирования средствами массовой информации представлений о суде над главными военными преступниками.

Первое сообщение непосредственно о Нюрнбергском процессе относится к 20 октября 1945 г. Оно вышло под заголовком «К судебному процессу над главными военными немецкими преступниками». В статье приводилось краткое содержание обвинительного заключения, перечислялись представители обвинения от четырёх держав, 24 военных преступника, преступные организации, все преступные деяния, инкриминируемые подсудимым, должности подсудимых. Сама статья была посвящена первому заседанию Международного военного трибунала в Берлине (18 октября 1945 г.).

Выделим основные элементы освещения процесса, характерные для всех уровней прессы.

Согласно результатам анализа советской газеты «Правда», было выявлено, что, начиная с 21 ноября 1945 года, издание публиковало статьи, посвящённые судебному процессу немецких военных преступников в Нюрнберге вплоть до 2 октября 1946 года [3]. Следует выделить общие моменты публикаций за весь год – это единый заголовок процесса в каждом номере: «Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге», а также тот факт, что все тексты издания были написаны строго, сухо, в официальном стиле, без применения эмоциональных средств, что, казалось бы, должно составлять пафос и стилистическую характеристику освещаемых событий в рамках публицистического жанра. В период с ноября 1945 года по март 1946 года «Правда» публиковала информацию о ходе судебного процесса каждый день с максимальной задержкой в 1-2 дня. Объём публикации равнялся 80% статей одной полосы. В 20% – это ½ полосы, однако, в марте объём информации по судебному процессу существенно снизился до двух больших колонок на печатной полосе. В декабре 1945 года в период с 22 по 26 число не было никакой информации по Нюрнбергскому процессу в связи с агитационной работой по партийным выборам СССР.

В апреле разрыв между публикациями увеличился до 2-4 дней с тем же объёмом, что и в марте, однако, начиная с мая, информации по Нюрнбергскому процессу стало меньше (сократилась до одной колонки в 60% случаев). Наименьшее количество публикаций приходится на лето 1946 года. Так, в июне и августе всего было опубликовано 11 статей, посвящённых судебному процессу над немецкими военными преступниками. На июль приходится восемь статей, однако, их объём составлял порядка 5-10% от общего объёма печатной полосы. В сентябре количество статей о судебном процессе составило семь штук. Из них пять текстов – это слова главного советского обвинителя по делу о главных немецких преступниках Р.А. Руденко. 2 октября газета опубликовала приговор по Нюрнбергскому процессу и впоследствии более данная тема не поднималась в издании.

Более разнообразную информацию представляют публикации газеты «Известия» [1]. С ноября 1945 года по июнь 1946 года в ней было опубликовано значительное количество материалов по судебному процессу в Нюрнберге с максимальным разрывом в 1-2 дня между статьями. Отличием от других газет является наличие иллюстративного авторского материала из зала суда в некоторых статьях: шаржей Бориса Ефремова под названием «Фашистский зверинец». В феврале одна статья была посвящена цитированию главного обвинителя от СССР по делу о главных немецких преступниках Руденко Р.А.

С июля 1946 года разрыв между статьями составлял 3-5 дней. Информация по делу подавалась в сухом официально-деловом стиле и очень сжато, имея, в основном, характер цитирования. Из девяти статей в августе семь было посвящено речи Руденко в Нюрнберге, составляющей от 80% и более объёма печатной полосы издания. Весь сентябрь транслировалась речь Руденко Р.А. 1 и 2 октября газета опубликовала приговор по делу главных немецких преступников. 5 и 6 числа было опубликовано мнение

одного из четырёх судей на Нюрнбергском процессе, судьи от СССР, заместителя председателя Верховного Суда Советского Союза, генерал-майора юстиции И.Т. Никитченко. Мнение советского судьи являлось выражением несогласия советской стороны с несколькими пунктами приговора:

- оправданием немецкого государственного деятеля и дипломата Ф. фон Пепена, пропагандиста и радиоведущего Ганса Фриче, рейхсминистра Я. Шахта, с чрезвычайно мягким наказанием для рейхсминистра Р. Гесса;

- отказом Международного Трибунала от признания преступными организациями правительственного кабинета, генерального штаба и высшего командования германских Вооружённых сил.

Данное издание отличается от остальных тем, что помимо информации о Нюрнбергском процессе, часто мелькали тексты о суде над югославским генералом Дражи Михайловичем, обвиняемым в сотрудничестве с нацистами, а также о японских преступниках.

Как и другие официальные издания, газета «Красная звезда» с ноября 1945 по май 1946 года на постоянной основе публиковала статьи, посвящённые судебному процессу в Нюрнберге [2]. Отметим, что в газете параллельно печатались публикации с заголовками «Судебный процесс по делу о немецко-фашистских зверствах в … области» (во всех областях, где находились немецкие войска). Частота публикаций по Нюрнбергскому процессу составляет 1-2 дня. В марте-апреле не было выпуска газеты. В июне по делу о немецких зверствах не было практически никакой информации (восемь статей за месяц, из них две объёмом в 10% от всей полосы). Июль и август также по количеству информации от тиража за месяц по делу составляет 30% от объёма. Начиная с 30 июля, издание печатало статьи с речью главного обвинителя от СССР Руденко Р.А. Главным отличием «Красной Звезды» от остальных изданий является тот факт, что 30% номеров сентября были посвящены Нюрнбергскому процессу и речи Руденко Р.А., то есть разрыв составляет в среднем 1-3 дня.

1 и 2 октября издание опубликовало приговор по делу в Нюрнберге. 5 и 6 числа было опубликовано особое мнение члена Международного Военного Трибунала товарища И.Т. Никитченко.

Как и газета «Известия», «Красная звезда» отводила большое внимание делу о Михайловиче и его сообщниках, суду над японскими преступниками в период с июня по август 1946 года [1, 2].

На местном уровне освещение событий Нюрнбергского процесса носило тот же официальный характер, что и в центральной прессе. Обратимся к материалам официального органа Пензенского обкома и горкома ВКП (б) и Совета депутатов трудящихся – газете «Сталинское знамя» в рамках интересующего нас периода [4]. В первые дни Нюрнбергского процесса газета «Сталинское Знамя» не уделила большого внимания данному вопросу. С момента начала суда за ноябрь лишь в одном номере была опубликована информация на всей полосе печатного издания. В последующем освещение Нюрнбергского процесса в газете «Сталинское знамя» происходило в двух видах: в виде сообщений ТАСС с места событий, либо в виде политического обозрения, что

характерно для практически всех местных изданий [7]. Сообщения ТАСС печатались в разделе «За рубежом» и всегда имели один заголовок «Процесс главных немецких военных преступников в Нюрнберге». Освещались таким образом заседания Международного военного трибунала, при этом отмечаем, что все материалы носили информационный, а не аналитический характер. Структура информации имела постоянный вид: указание числа и времени суток очередного заседания, далее предоставлялась повестка дня, освещался подробно ход самого заседания и решения трибунала по заявленным вопросам. Такие сообщения могли делаться ежедневно.

В разделе «За рубежом» осуществлялось освещение хода Нюрнбергского процесса в виде политического обозрения, в котором оговаривалась значимость процесса с юридической, политической и исторической точек зрения. Здесь же освещались основные международные события, предоставлялось мнение иностранной прессы о событиях Нюрнберга, а так же присутствовали ссылки на «международное общественное мнение». «Общественное мнение» и его содержание не подтверждалось какими-либо фактами, но сами являлись подтверждением выводов политического обозревателя. В таких международных обзорах Нюрнбергскому процессу всегда давались очень высокие оценки, что, конечно, не только публицистический и пропагандистский приём, но и отражение сути этого беспрецедентного события.

Отметим, что данным материалам уделялось особое внимание, и они находились на особом контроле: в газете «Сталинское знамя» (Пенза) колонку «За рубежом» курировал ответственный редактор Н.И. Страхов в 95% выходов публикаций и его заместители М.Ф. Родионов, а также В.И. Кузнецов. Согласно проведённому анализу периодического издания, с декабря 1945 года по май 1946 года, газета активно транслировала все первые новости Нюрнбергского процесса с максимальной задержкой в два дня. При этом тексты статей занимали от 50% до 100% от общего объёма полосы издания. Следует заметить, что с мая издание за месяц пять раз сокращало статьи до всего одной колонки [4].

Начиная с июня 1946 года, практически все статьи о судебном процессе в Нюрнберге являлись по размеру не более 40% от общего объёма полосы. Стали появляться заголовки с тонким шрифтом/курсивом, тем самым, показывая, что на этот промежуток времени данный процесс не является самым важным и актуальным для периодического издания. Разрыв в публикациях составлял от двух до трёх дней. В августе объём статей сократился до 10% в абсолютном большинстве публикаций. За весь сентябрь по Нюрнбергскому процессу вышло всего четыре публикации. На сентябрь 1946 года приходилась Парижская мирная конференция, которая занимала большую часть объёма полосы «Сталинского знамени». Те статьи, которые вышли в сентябре – это речь главного обвинителя от СССР Руденко Р.А. 2 октября был оглашён приговор по Нюрнбергскому процессу. За этим последовала статья от 6 октября 1946 года под названием: «Особое мнение члена Международного Военного Трибунала от СССР тов. Никитченко по поводу решения трибунала».

Язык и стиль всех изданий и публикаций в них отличается лингвистической и синтаксической сдержанностью, тяготеет в большей степени к официально-деловому, а не к публицистическому стилю, что резко контрастирует с журналистскими публикациями военного времени. Повышающая риторика в большинстве случаев отсутствует. Большинство публикаций как по площади, так и по количеству были отданы информационным сообщениям ТАСС, позволяющим на основе представленного материала самостоятельно делать соответствующие выводы о событиях в Нюрнберге, а не колонке «За рубежом», преподносившей готовые выводы.

Отметим очевидную при простом контент-анализе частоты выходов материалов особенность: снижение интенсивности подачи информации в моменты наиболее значимых решений по Нюрнбергскому процессу, что отмечается и другими исследователями [7]. Несмотря на глобальную значимость процесса не только в рамках прошлой и текущей ситуации, но и её потенциального влияния на будущее международных отношений, на наш взгляд, ему уделялось недостаточно снимания. Причина этого вряд ли однономерна, несомненным является влияние на данную ситуацию комплекса факторов (внутренних и внешних). Кроме того, сам характер новостной прессы подразумевает постоянную сменяемость актуальных событий. По актуальности с Нюрнбергским процессом конкурировали внешнеполитические материалы Совета Безопасности ООН относительно мирного урегулирования проблем в Греции, Индонезии и Индии; освещение и осмысление весьма неоднозначной речи У. Черчилля в Фултоне, обострение советско-американских отношений и т.п. Во внутренней политике: выборы в Верховный Совет СССР и публикации результатов этих выборов, речь И. В. Сталина и её обсуждение, новые законопроекты и решения Верховного Совета и т.п.

Снижение внимания к ходу судебного процесса в Нюрнберге отчётливо фиксируется с весны 1946 года как в центральной, так и в местной прессе: прекращаются ежедневные информационные сообщения в советских центральных газетах о ходе Нюрнбергского процесса. Их возобновление приходится на октябрь 1946 г., что связано с заключительным этапом заседаний Международного Военного Трибунала в Нюрнберге. Публикуются информационные сообщения относительно вердиктов трибунала немецким военным преступникам, а также приведения данных приговоров. По времени данное явление отчётливо совпадает с охлаждением отношений между СССР и его союзниками по антигитлеровской коалиции: совместная работа в рамках Международного Трибунала не стала началом доброжелательных союзнических отношений. Условным рубежом в характере освещения Нюрнбергского процесса можно считать 5 марта 1946 г. – речь У. Черчилля в Фултоне, предопределившая последующую многолетнюю конфронтацию СССР и западных стран и ознаменовавшая начало «холодной войны». После этой исторической речи интерес к Нюрнбергскому процессу в официальной центральной и местной прессе СССР заметно ослабевает.

Еще одним аспектом освещения в прессе стали так называемые «малые Нюрнбергские процессы» [5]. Это были первые в мире открытые

судебные процессы над нацистами и их пособниками. До 1943 года никто в мире не имел такого опыта. К тому же для осуществления правосудия требовалось освободить места преступлений и свидетелей, пленить самих преступников. Первым сделать всё это смог Советский Союз, но тоже не сразу.

Открытые судебные процессы в 1943 году в Краснодаре и Харькове стали первыми в мире такого рода судами. Советский Союз постарался обеспечить мировой резонанс: заседания освещали иностранные журналисты и лучшие писатели СССР (А. Толстой, К. Симонов, И. Эренбург, Л. Леонов), снимали операторы и фотографы. За процессами следил весь Советский Союз – отчёты заседаний публиковались в центральной и местной прессе, там же размещалась реакция читателей. О процессах издали брошюры на разных языках, их читали вслух в армии и тылу. Почти сразу были выпущены документальные фильмы «Приговор народа» и «Суд идёт», их показывали советские и зарубежные кинотеатры. А в 1945-1946 годах документы Краснодарского процесса о «душегубках» («газенвагенах») были использованы международным трибуналом в Нюрнберге [5].

Наиболее тщательное расследование велось в рамках обеспечения открытых процессов над военными преступниками в конце 1945 – начале 1946 гг. в восьми наиболее пострадавших городах СССР. По директивам правительства на местах были созданы специальные оперативно-следственные группы УМВД-НКГБ, они изучали архивы, акты ЧГК, фотодокументы, допросили тысячи свидетелей разных областей и сотни военнопленных. Первые семь таких процессов (Брянск, Смоленск, Ленинград, Великие Луки, Минск, Рига, Киев, Николаев) осудили 84 военных преступника (большинство из них казнены через повешение). Поскольку эти процессы совпали с началом Нюрнбергского трибунала, их сравнивали не только газеты, но также сторона обвинения и защиты. Так, в Смоленске государственный обвинитель Л.Н. Смирнов выстраивал цепочку преступлений от нацистских главарей, обвиняемых в Нюрнберге, до конкретных 10 палачей на скамье подсудимых: «Как те, так и другие являются участниками одного и того же сообщничества». Адвокат Казначеев (участник Харьковского процесса) также говорил о связи преступников Нюрнберга и Смоленска, но с другим выводом: «Знак равенства не может быть поставлен между всеми этими лицами». Завершились восемь советских процессов 1945–1946 года, завершился и Нюрнбергский трибунал. Но среди миллионов военнопленных ещё оставались тысячи военных преступников. Поэтому с весны 1947 года по согласованию между министром внутренних дел С. Кругловым и министром иностранных дел В. Молотовым началась подготовка ко второй волне показательных процессов против немецких военнослужащих. Следующие девять процессов в Сталино (Донецке), Севастополе, Бобруйске, Чернигове, Полтаве, Витебске, Новгороде, Кишинёве и Гомеле, состоявшиеся по постановлению Совета Министров от 10 сентября 1947 года, приговорили 137 человек к срокам в Воркутлаге [5].

Последним открытым судом над иностранными военными преступниками стал Хабаровский процесс 1949 года над японскими разработчиками

биологического оружия, которые испытывали его на советских и китайских гражданах. На Международном трибунале в Токио эти преступления не расследовались, поскольку некоторые потенциальные обвиняемые получили у США неприкосновенность в обмен на данные опытов. После смерти Сталина все иностранцы, осуждённые на закрытых и открытых процессах, были переданы в 1955–1956 годах властям своих стран.

С 1947 года вместо отдельных открытых процессов Советский Союз стал массово проводить закрытые. Уже 24 ноября 1947 г. вышло распоряжение МВД СССР, Министерства юстиции СССР, Прокуратуры СССР N 739/18/15/311, по которому предписывалось рассматривать дела обвиняемых в совершении военных преступлений на закрытых заседаниях военных трибуналов войск МВД по месту содержания подсудимых (то есть практически без вызова свидетелей) без участия сторон и приговаривать виновных к заключению сроком на 25 лет исправительно-трудовых лагерей [5].

Источники и литература:

1. Известия Советов депутатов трудящихся СССР. – Ноябрь-декабрь 1945 г. – январь – октябрь 1946 гг.
2. Красная звезда. Центральный орган народного комиссариата обороны Союза ССР. – Ноябрь-декабрь 1945 г. – январь – октябрь 1946 гг.
3. Правда. Орган Центрального Комитета и МК ВКП (б). – Ноябрь-декабрь 1945 г. – январь-октябрь 1946 гг.
4. Сталинское знамя. Официальный орган Пензенского обкома и горкома ВКП (б) и Совета депутатов трудящихся. – Ноябрь-декабрь 1945 г. – январь-октябрь 1946 гг.
5. Асташкин Д. Советский Нюрнберг// Военное обозрение. – 2015. – 22 декабря. [Электронный ресурс]. – http://topwar.ru/88172-sovetskiy-nyurnberg.html (Дата обращения – 17.05. 2017).
6. Нюрнбергский процесс и проблемы международной законности // Материалы конференции. (9-10 ноября 2006 года). – М., 2006.
7. Чернобривец И.Г. Историческая память о Нюрнбергском процессе в СССР 1945-1949 // Всероссийский конкурс на лучшую работу по русской истории: «Наследие предков – молодым». [Электронный ресурс]. – http://ist-konkurs.ru/raboty/2011/1352-istoricheskaya-pamyat-o-nyurnbergskom-protsesse-v-sssr-1945-1949-gg (Дата обращения 29.04.2017)
8. Шпеер А. Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. 1930-1945. – М.: Центрполиграф, 2005.

Referenses

1. Izvestija Sovetov deputatov trudjashhihsja SSSR. – Nojabr'-dekabr' 1945 g. – janvar'-oktjabr' 1946 gg.
2. Krasnaja zvezda. Central'nyj organ narodnogo komissariata oborony Sojuza SSR. – Nojabr'-dekabr' 1945 g.- janvar' – oktjabr' 1946 gg.
3. Pravda. Organ Central'nogo Komiteta i MK VKP (b). – Nojabr'-dekabr' 1945 g. – janvar' - oktjabr' 1946 gg.
4. Stalinskoe znamja. Oficial'nyj organ Penzenskogo obkoma i gorkoma VKP (b) i Soveta deputatov trudjashhihsja. – Nojabr'-dekabr' 1945 g.– janvar' - oktjabr' 1946 gg.
5. Astashkin D. Sovetskij Njurnberg// Voennoe obozrenie. – 2015. – 22 dekabrja. [Jelektronnyj resurs]. – http://topwar.ru/88172-sovetskiy-nyurnberg.html (Data obrashhenija – 17.05. 2017).

6. Njurnbergskij process i problemy mezhdunarodnoj zakonnosti // Materialy konferencii. (9-10 nojabrja 2006 goda). – M., 2006.
7. Chernobrivec I.G. Istoricheskaja pamjat' o Njurnbergskom processe v SSSR 1945–1949 // Vserossijskij konkurs na luchshuju rabotu po russkoj istorii: «Nasledie predkov – molodym». [Jelektronnyj resurs]. – http://ist-konkurs.ru/raboty/2011/1352-istoricheskaya-pamyat-o-nyurnbergskom-protsesse-v-sssr – 1945–1949-gg (Data obrashhenija 29.04.2017)
8. Shpeer A. Tretij rejh iznutri. Vospominanija rejhsministra voennoj promyshlennosti. 1930–1945. – M.: Centrpoligraf, 2005.

УДК 7.03 DOI: 10.24045/conf.2017.1.13

«И КОГДА КРАСКА ВЫСОХНЕТ, ОНА ПРЕВРАТИТСЯ В ПОРОХ»: МЕКСИКАНСКИЙ МУРАЛИЗМ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗОВ РЕВОЛЮЦИИ

Милаева О.В.,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры
«Философия и социальные коммуникации»,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия

Думнов В.Б.,
студент юридического факультета,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия

Аннотация. *В статье рассматривается мексиканская школа монументальной живописи (мексиканский мурализ*м*), созданная художниками Д. Риверой, Х. Ороско, Д. Сикейросом и др. Стиль мурализ*м *представлен авторами в качестве революционного искусства, отразившего основные события и образы эпохи в Мексике 1920–60-х годов. Особое внимание авторами уделено творчеству Диего Риверы, его монументальным росписям здания Министерства просвещения.*

Ключевые слова: *Диего Ривера, монументальное искусство, мурализ*м*, революционное искусство, искусство Мексики, современное искусство.*

«WHEN THE PAINT WILL DRY OUT, IT WILL TURN INTO GUNPOWDER»: MEXICAN MURALISM AS A REFLECTION OF THE IMAGES OF THE REVOLUTION

Milaeva O. V.,
Candidate Of historical sciences,
Associate professor of «Philosophy and social communication» department
Penza State University, Penza, Russian Federation
Dumnov V.B.,
Student of the Faculty of Law,
Penza State University, Penza, Russian Federation

Abstract. The article examines the Mexican school of monumental painting (Mexican muralism), created by artists D. Rivera, H. Orozco, D. Siqueiros, etc. The style of muralism is presented by the authors as a revolutionary art that reflected the main events in Mexico in the 1920s and 60s Years. Special attention is paid to the creativity of Diego Rivera, his monumental paintings of the building of the Ministry of Education.

Key words: Diego Rivera, monumental art, muralism, revolutionary art, the art of Mexico, contemporary art.

Масштабные исторические события всегда находят свой отклик в искусстве. И в этом отношении революционные события силой своего влияния на общество способны породить даже особые направления и стили в искусстве: таково влияние Великой французской революции на развитие стиля романтизм во Франции, Великой Октябрьской социалистической революции на развитие соцреализма в СССР, революционных событий в Мексике начала XX века на возникновение такого монументального стиля как мурализм.

В 1910–1917 гг. в Мексике развивался процесс буржуазно-демократической революции, направленной против диктатуры уже престарелого каудильо Порфирио Диаса и гнёта иностранного капитала, а в 1919 г. была основана (не без влияния Великой Октябрьской социалистической революции в России) Коммунистическая партия Мексики. Мексика периода 1920–1960-х гг. – это постоянно меняющиеся правители (за 40 лет сменилось 12 президентов); сменяющие друг друга буржуазные революции, заканчивающиеся всегда одним и тем же – «перелицовкой» существующего режима под фигуру нового «вождя», который вдруг почему-то снимал свою красную маску «революционера» и превращался в душителя революции. Крупные стачки (текстильщиков, горняков), народные выступления жестоко подавлялись: руководителей крестьянских восстаний (Э. Сапату, П. Вилья и др.) убивали, участников мятежей вешали на телеграфных столбах [4].

В эту эпоху социальных потрясений в изобразительном искусстве Мексики 1920-1930-х гг. появились новые течения в реалистической и модернистской живописи, которые по-своему отражали события, происходившие в стране. В этом смысле замечательны полотна Роберто Монтенегро – архитектора, символиста, сюрреалиста. В этой же стилистике написаны картины Марии Изкуиэрдо, Леоноры Каррингтон и Фриды Кало. Весьма интересны работы мастеров мексиканского модернизма постреволюционного, а потом промышленного периода Хесуса Ферейры и Мануэля Браво, ритмические абстракции Карлоса Мериды и Мигеля Коваррубиаса. Мощно заявляла о себе и мексиканская графика, расцвет которой начался с создания в 1937 г. «Мастерской народной графики», яркими представителями которой были Леопольдо Мендес, Альберто Бельтран и Артуро Гарсия Бустос. Диего Ривера, Давид Альфаро Сикейрос и Хосе Клементе Ороско тоже известны как графики. Все они продолжили традиции социально-активного искусства Хосе Гваделупе Посады, каждый по-своему

используя характерные для мексиканской графики монументальность и символичность [1].

Но широко признанной во всем мире, как одно из самых ярких проявлений новаторства в реалистическом революционном искусстве 1920–1960-х гг., стала мексиканская школа монументальной живописи или мексиканский муализм, созданная художниками Диего Риверой, Хосе Клементе Ороско, Давидом Альфаро Сикейросом, Руфино Тамайо, Хесусом Герреро Гальваном, Мигелем Коваррубиасом и др. [2].

Единая стилистика мурализма позволила «трём грандам мексиканского искусства» – Диего Ривере, Хосе Клементе Ороско и Давиду Альфаро Сикейросу создать разноплановый образ революционного времени, несмотря на идейно-тематические и изобразительные отличия в творчестве [7].

Ривера создавал свои мурали как цветные ковры в их древнем значении рассказа об истории народа. Он основывался преимущественно на сопоставлениях декоративных фактур и приёмов, повторах ритма и цвета, рельефно выступающих в его затейливых ковровых композициях. И это была всемогущая сила, гигантская пластическая магия. Сикейрос верил в художественную пропаганду и агитацию. И сами по себе его мурали были выражением его жизненного кредо: «Есть белое и чёрное, есть жизнь и смерть, есть деньги и нищета. И когда краска высохнет, она превратится в порох».

В муралях Ороско удивительно сочетаются жёсткая живописность и декоративность цветовых решений. Он ни в коем случае не пытается создать нечто умиротворяющее и красивое. Его сюжеты всеохватны, полны конфликтов, в которых нет места победе. В его фресках человек не имеет надежды на спасение, но живёт, страдает, существует. Своими работами Ороско всегда стремился шокировать, активизировать зрителя, побуждая его понять, что правда всегда горька, и, чтобы добиться справедливости, надо многим жертвовать.

Часто в художественном отношении мурализм сравнивают с европейским авангардом, однако это вызывает сомнения с точки зрения его идейно-тематического комплекса. Создатели школы мурализма были современниками и участниками мексиканской революции 1910–1917 гг., в ходе которой велась гражданская война против диктатуры, за свободу и права простых людей Мексики. Это сформировало их отношение к жизни, к своему народу, их идейные позиции. И их путь в искусстве был «совсем иным, чем у художников европейского авангарда» [8].

Начиная творческую деятельность, муралисты поставили перед собой в качестве главной задачи создание монументального и героического искусства, гуманистического и народного, ориентированного на великих мастеров прошлого и культуру доиспанской Америки, т.е. главными источниками их творчества явились национальная живопись аборигенов, населявших территорию Мексики, живопись итальянского Возрождения и современное европейское искусство [3].

Сама суть мексиканского мурализма имеет очевидное сходство с социалистическим реализмом (соцреализм), который появился в эпоху СССР:

борьба за свободу против политических структур и механизмов, против людей, возглавляющих эти структуры, делающих народ Мексики рабом существующей политической системы.

Различия между мурализмом и соцреализмом находятся в основном, в плоскости изобразительной техники: социалистическая живопись всё же была максимально реалистичной, мексиканская монументальная живопись – это смесь образов, символов, аллегорий и даже сюрреализма.

Активная художественная позиция дополнялась у представителей школы монументальной живописи и политической деятельностью. В начале 1922 г. был создан Синдикат революционных живописцев, скульпторов и технических работников, провозгласивший главной задачей искусства служение делу революции [6]. Руководители Синдиката Д. Сикейрос, Д. Ривера, Х. Герреро были избраны членами ЦК Мексиканской коммунистической партии. Издававшаяся Синдикатом иллюстрированная газета «Мачете» вскоре стала официальным органом компартии.

Развитие во времени стиля мурализм отразило всю противоречивость послереволюционного развития страны через призму художественного восприятия. По образам росписей Ороско, Риверы, Сикейроса можно проследить, как менялось отношение художников к действительности: от почти безоговорочной веры в возможность перестройки мексиканского общества в первых фресках до разочарования и горечи от несбывшихся надежд в их работах более позднего времени. У каждого из мастеров разочарование выразилось по-своему: Ороско пришел к болезненной экспрессии, Ривера – к намеренной стилизации, Сикейрос – к повышенной динамике, усложнению композиции, запутанности изобразительного языка. Их последователи отошли от решения средствами настенной живописи социальных проблем, оставляя за ней в основном декоративную функцию.

И, тем не менее, искусство трёх великих мексиканских мастеров, рождённое революцией, продолжает оставаться призывом к борьбе за гуманистические идеалы, к активному отношению к жизни, к борьбе за величайшую человеческую ценность – свободу.

В рамках нашей статьи мы обращаемся к монументальному творчеству одного из признанных мастеров мексиканского мурализма Диего Риверы. Ривера был и художником, и политическим и общественным деятелем левого толка, коммунистом; работал по всему миру: от Мексики и США до Италии, Франции, Испании и СССР; был очень многожанровым художником: от портретов и пейзажей до монументальных фресковых работ; его художественная манера имеет диапазон: от повествовательной до плакатной.

В творческой биографии Риверы можно выделить различные периоды. Самое начало пути в Испании (1907–1910 годы), когда художник осваивает академическую живопись в каноническом понимании («Пикадор» (см. Приложение 6). Но уже в этот период Риверу не устраивает живопись как копирование натуры, как «цветная фотография». Он понимает, что копирование «точь-в-точь» – не познание жизни, не соперничество с ней, а, значит, не его искусство.

1911–1914 годы Ривера отдаёт работе в неоимпрессионистских традициях. В этот период художник отходит от фотографической точности в своих работах и применяет уже европейские техники, ставя перед собой задачу: в кратчайший срок преодолеть расстояние, отделяющее его от тех рубежей, которых достигло современное искусство – он изучает «научный импрессионизм», осваивает пуантилизм. («Дом на мосту» (см. Приложение 7). Затем начинается период, который условно можно назвать кубистическим, художник приобретает вкус к пластической организации формы, способность придавать картине ясный, структурный характер, («На шахтах Толедо», портреты). Но предпочитает реализм, художнику становится тесно в рамках станковой живописи, его всё больше тянет к большим пространствам.

Путь Риверы к монументальной живописи был долгими поисками своего «я», с отказом от уже, казалось бы, найденного и востребованного. Но именно в монументальной живописи он достиг небывалых высот и международного признания.

После поездки в Италию в 1921 г. Ривера возвращается в Мексику и приступает к работе по выполнению государственных заказов на росписи стен – в Национальной подготовительной школе, в Министерстве просвещения, в Национальной школе земледелия в Чапинго, в Национальном дворце, в Департаменте здравоохранения, во дворце Кортеса в Куэрнаваке, успевая работать в Синдикате революционных живописцев, скульпторов и технических работников и в ЦК Мексиканской коммунистической партии [1].

В 1927 г. Ривера был приглашён в СССР по поводу 10-ой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, где принял участие в создании интересной и творчески-перспективной группы «Октябрь», включавшей в себя художников, архитекторов, искусствоведов и деятелей кино СССР: А. Дейнеку, М. Я. Гинзбурга, С. М. Эйзенштейна, Л. М. Лисицкого, а также известного немецкого графика и фотографа Джона Хартфильда.

В 1930 г. Ривера уехал в США, где выполнил фрески в Вечернем клубе Биржи (Лос-Анджелес) и в Калифорнийской школе изящных искусств. В 1931 г. прошла выставка его работ в Нью-Йорке, а в 1932 и 1933 гг. соответственно, Ривера выполнил росписи в Детройтском музее и в Рокфеллеровском центре (Нью-Йорк), что было названо «мексиканским вторжением» в культуру США.

В 1934 г. Диего вновь работает на родине, расписывая фрески в отеле «Реформа», в Мексиканском кардиологическом институте, в отеле на Прадо, отвлёкшись (1940 г.) на большую роспись для Международной выставки в Сан-Франциско.

В 1949 г. проходит выставка работ Диего Риверы в Мехико в честь 50-летия творческой деятельности художника.

Последние годы своей жизни Ривера, идя навстречу требованиям новой, по-настоящему национальной архитектуры, смело сочетающей ультрасовременные конструкции с формами древнего зодчества, модернизировал арсенал

технических средств, стал чаще, чем раньше, прибегать к декоративным решениям [5].

Остановимся на самой известной и грандиозной как по замыслу, так и по исполнению монументальной работе Диего Риверы, ставшей фокусом его художественного и исторического восприятия родины, «портретом Мексики»: росписи здания Министерства просвещения в 1920 годах. Главная идея художника состояла в том, что на стенах, принадлежащих им по праву, должное место займут простые сыновья и дочери Мексики, его роспись станет громадным зеркалом, в котором увидит себя мексиканский народ. В художественном отношении – это очищение монументальной живописи от излишнего символизма, надуманных аллегорий, от второстепенных деталей; приоритет мощных, обобщённых и лаконичных образов.

Здание Министерства Просвещения, спланированное военным инженером Мендесом Ривасом, напоминало отдалённо чопорную архитектуру испанского монастыря в виде замкнутого прямоугольника в плане. Огромный внутренний двор разделён архитектором на две неравные части соединительным переходом, начинающимся на уровне второго этажа. По стенам двора вдоль всех трёх этажей протянуты открытые галереи, забранные аркадами и колоннами. Серая поверхность стен разрезана перекрытиями галерей на три параллельных ленты, опоясывающие двор. Каждая лента, в свою очередь, рассекается на множество отдельных панелей вертикальными створками бесчисленных дверей, ведущих во внутренние помещения. Эти голые панели, причудливо обрамлённые арками, столбами и балюстрадами, требовали от художника красочных росписей, способных оживить архитектуру.

И Ривера решает поспорить с архитектурой, увидев в бесконечных панелях на галереях как бы чистые страницы, которые он, заполнив своими изображениями, превратит в некую книгу, живописно повествующую о важном, об эпическом – о жизни мексиканского народа.

Всю поверхность стен Ривера делит на две части – Двор Труда (меньшая по размерам часть) и Двор Празднеств.

Композиционно росписи во Дворе Труда расположены следующим образом, следуя идее восходящей линии от базы к надстройке. Индустриальному и сельскохозяйственному труду посвящается пространство нижнего этажа; второй и третий этажи занимают развивающиеся на плечах этого труда наука и искусство.

Та же триада характерна и для Двора Празднеств: нижний этаж – массовые праздники, средний этаж – праздники интеллектуального характера, верхний этаж – самый символический – посвящение народной Песне, которая передаётся от поколения к поколению, выражая собой надежды и мечты народа.

Ривера использует пространственную ориентацию здания (стены Двора Труда) по трём сторонам света – север, запад, юг с целью представить географическое разнообразие и богатство страны. Во Дворе Труда, по обе стороны от главного входа, размещены парные фрески, на каждой из которых – по три женщины из Теуантепека (южный край Мексики): одна с корзиной

фруктов на голове, другая с глиняным кувшином, третья стоит на коленях перед огромной чашей. Их резко очерченные фигуры кажутся в то же время почти неотделимыми от тропического пейзажа, статичные позы естественны и пленительны, тёмные лица полны сосредоточенности и покоя. Эти первые фрески, где господствует чёткий контур и чистый насыщенный цвет, становятся для Диего своего рода эталоном. В них он как бы формулирует те изобразительные принципы, которыми намерен руководствоваться на протяжении всей работы над росписью.

Не случайно именно эти фрески открывают риверовскую живописную эпопею. Теуантепек – благословенный край, занимающий узкую полоску земли между двумя океанами и до недавних пор отрезанный непроходимыми зарослями от внешнего мира, край, где была необычайная в своей простоте жизнь, замкнутая в кругу изначальных человеческих нужд; жизнь, смысл которой заключался лишь в ней самой. В образы «утраченного рая» (таким увидел Теуантепек Ривера во время путешествия по стране) он вложил мечту о грядущем, когда на высшей ступени общественного развития возродится гармоничный и радостный мир, завоёванный человечеством в кровопролитной борьбе.

На западной стороне малого двора Ривера помещает росписи, сюжетами для которых послужили воспоминания из родного Гуанахуато о труде шахтёров на серебряных рудниках.

На первой фреске «Спуск в шахту», двигаясь из глубины двумя расходящимися и вновь сближающимися вереницами (справа – с кирками и лопатами за плечами, слева – согнувшиеся под грузом крепёжных балок), рудокопы шагают вниз по ступеням, встречаются на переднем плане и опять поворачивают в глубину, к отверстому зеву шахты, которое вот-вот поглотит первого из них.

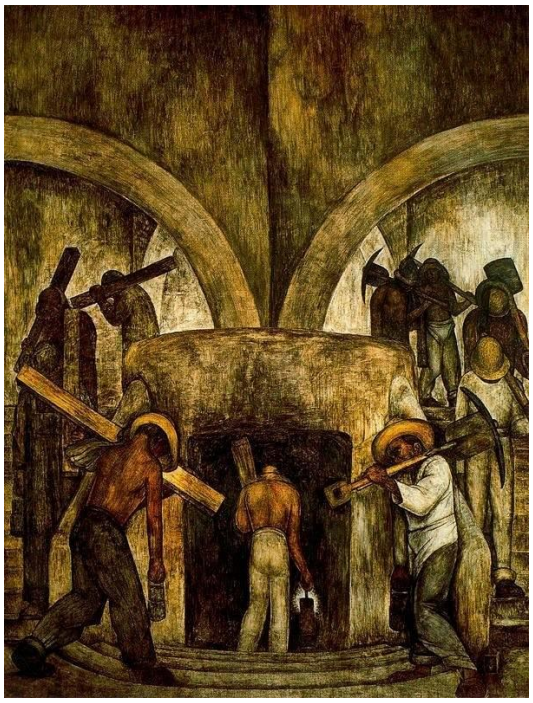

Рис.1 *Д. Ривера. «Спуск в шахту»*

Их лиц почти не видно, неуклюжие тела изуродованы непосильной работой, и, кажется, будто весь мир навалился тяжестью на этих людей. На соседней фреске показан «Подъём из шахты» (см. Приложение 17). Один рудокоп едва показался в чёрном колодце, другой, взобравшись по столбу с перекладинами, ступает на широкую доску, перекинутую через провал, а третий, обыскиваемый надсмотрщиком, стоит на середине доски, раскинув руки и уронив голову на грудь. На фоне сурового пейзажа застыл он, словно распятый, безмолвно взывая к справедливости.

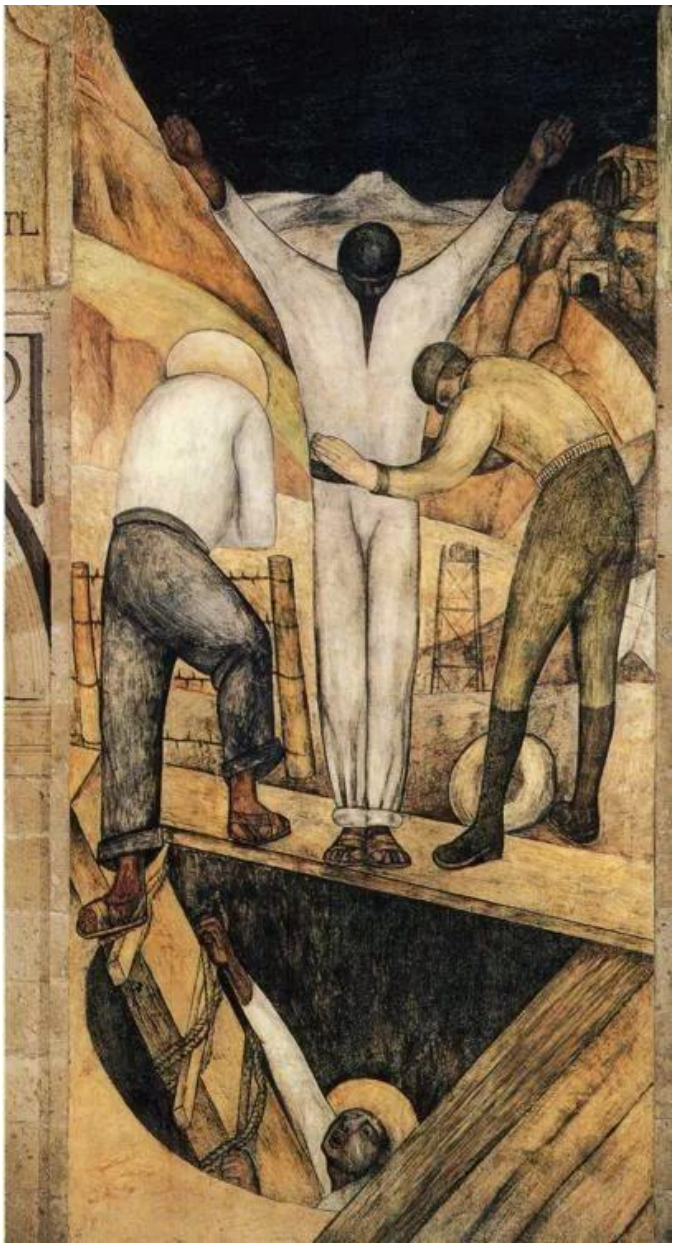

Рис. 2 *Д. Ривера. «Подъем из шахты»*

Художник намеренно развил и углубил здесь ассоциацию со сценой распятия – измождённый человек подвергается унизительному досмотру и его обрекают на эти крестные муки жадные богачи. Но его рудокоп – не только жертва несправедливого строя, он – один из тех, кто призван навсегда покончить с этим строем.

На следующей фреске рабочий и батрак по-братски обнимают друг друга – Ривера агитирует таким образом за единение тружеников города и деревни.

Со стен во Дворе Труда смотрят красильщики и гончары, ткачи, горняки, пеоны, срезающие тростник и перетаскивающие мешки с зерном. Ривера показывает даже сахарный завод (на трёх пространственных планах с тремя рядами фигур и тремя стадиями производственного процесса) и литейный цех, где двое рабочих управляются с громадным ковшом расплавленного металла, озаряющего их жарким, зловещим светом; их лица смуглы и напряжены, спины согнуты и распрямлены, движения размерены, согласованы и целесообразны, а схвачены они в самый выразительный момент.

Художник открывает истинную красоту в повседневной борьбе этих людей за утверждение своей человеческой сущности, в их объединённых усилиях, заставляющих природу служить человеку. Его фрески звучат, словно гимн трудовому народу Мексики – творцу всех богатств страны. Но гнев и боль слышатся в этом гимне, так как воспетый им труд подневолен, а плоды его присваиваются другими.

И Ривера показывает выход – тут же, на стенах первого этажа появляются люди, восставшие против угнетателей, за землю и свободу.

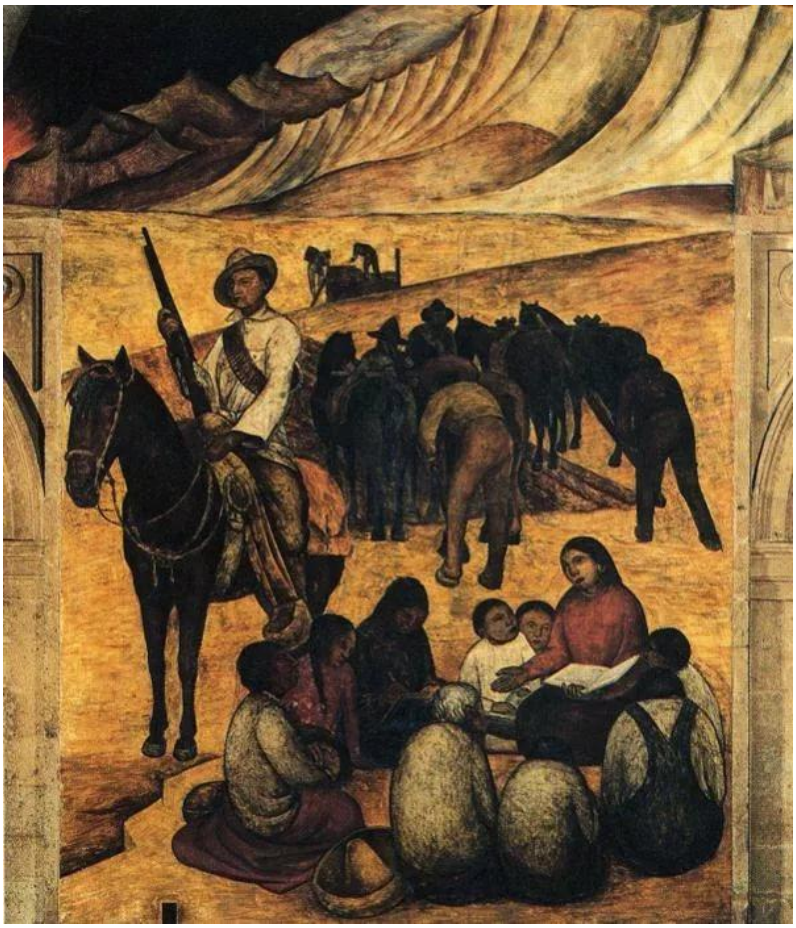

Рис. 3 *Д. Ривера. «Сельская школа»*

Один из главных действующих лиц фрески «Сельская школа» – молодой партизан, верхом на коне, сжимая в руке винтовку, охраняет покой крестьян, усевшихся в кружок, – они сосредоточенно и благодарно слушают учительницу.

Ещё откровеннее фреска «Гибель пеона», на которой вооружённые повстанцы, спешившись, обступили товарища, привязанного к столбу и замученного врагами.

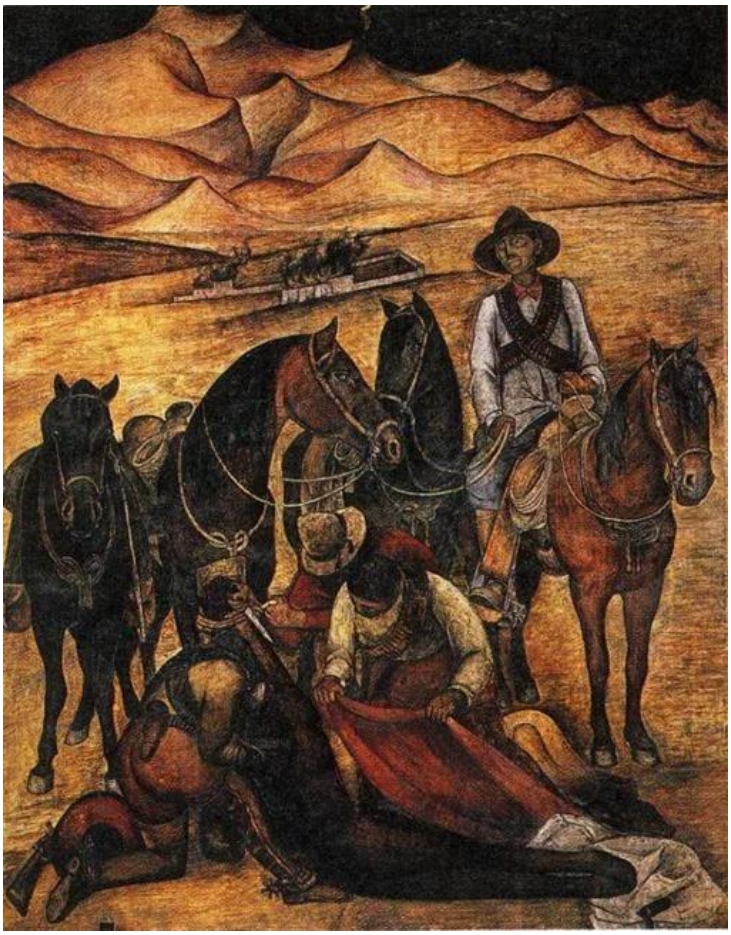

Рис. 4 *Д. Ривера. «Гибель пеона»*

Очертания безжизненно обмякшего тела, полулежащего на земле, скорбные позы нагнувшихся к нему людей вызывают в памяти сцену снятия с креста. Но здесь эта ассоциация полностью подчинена бунтарской идее фрески, всем своим образным строем зовущей к отмщению. Недаром на заднем плане уже полыхает помещичья усадьба.

Особое внимание обращают на себя фрески третьего этажа, посвящённые духовной культуре народа, где Ривера изобразил портреты борцов за свободу Мексики (Куаутемока, Сапату, Пуэрто), ставших героями народного эпоса, окружив их светоносным ореолом.

На внутренних стенах, обступающих парадную лестницу, на всём её протяжении с первого до третьего этажей, художник даёт своего рода обобщающий портрет родной страны, который постепенно возникает перед глазами зрителя, подымающегося по лестнице. Перетекая со стены на стену,

развёртывается панорама природных зон, сменяющих друг друга: подводный мир океана, жаркие прибрежные области, плодородные склоны, равнина центрального плато, дремлющие вулканы. А в образах людей, населяющих эти зоны, художник олицетворяет различные стадии исторического процесса – от примитивного строя индейских племён до современного общества с его противоречиями и борьбой.

На нижних панелях лестничной клетки Диего изобразил подземные воды и морские глубины, водолазов, искателей жемчуга. Выше начинается тропический лес, где могучие стволы перевиты лианами, на ветвях качается фантастическая птица и обнажённые женщины выглядывают из листвы, доверчиво и невинно выставляя напоказ дразнящую красоту своих тел. Диего в этой фреске написал первобытный рай детства человечества, от которого веет безмятежным покоем.

Поднимаясь всё выше по стенам, окружающим парадную лестницу, Ривера бросает вызов своим противникам: он пишет картины каторжного труда пеонов под присмотром вооружённого до зубов плантатора; пишет рабочего, крестьянина и солдата, объединившихся в борьбе за справедливый строй; пишет пролетариев, которые хоронят павшего собрата, склоняя над ним красные знамёна. А на самом верху помещён коллективный портрет – архитектора, скульптора, живописца, которым увенчивает роспись стен вокруг парадной лестницы.

Не зная, сумеет ли он закончить свою работу (постоянно меняющаяся обстановка в стране, нападки мексиканской и заграничной прессы), близкий к отчаянию художник пишет автопортрет, на котором он, уже не молодой, грузный, безмерно усталый, привалился к стене и смотрит перед собой потухшим, почти невидящим взглядом.

Рис. 5 *Д. Ривера. Автопортрет*

Но именно этот автопортрет, о котором тогдашний министр просвещения Касауранк сказал: «Перед нами философ. Да, сеньоры, философ с кистью в руках» [5], дал право Ривере продолжить работу во втором дворе министерства – Дворе Празднеств.

Стены первого этажа он превратил в живописную энциклопедию народных празднеств, знакомых с детства, рождённых революцией, виденных в различных уголках страны. Он написал ритуальную пляску индейцев вокруг костра – танец Оленя и Охотника, олицетворяющий борьбу между жизнью и смертью; изобразил День мёртвых в городе и в деревне; весенний Праздник цветов; сожжение картонных Иуд в страстную субботу; торжественный Праздник маиса, которым принято отмечать завершение жатвы.

А в центре каждой из трёх стен он поместил по большой композиции, занимающей несколько соседних панелей и соединяющее их пространство над дверями: «Раздача земли крестьянам», «Деревенский рынок» и «Первомайский праздник трудящихся».

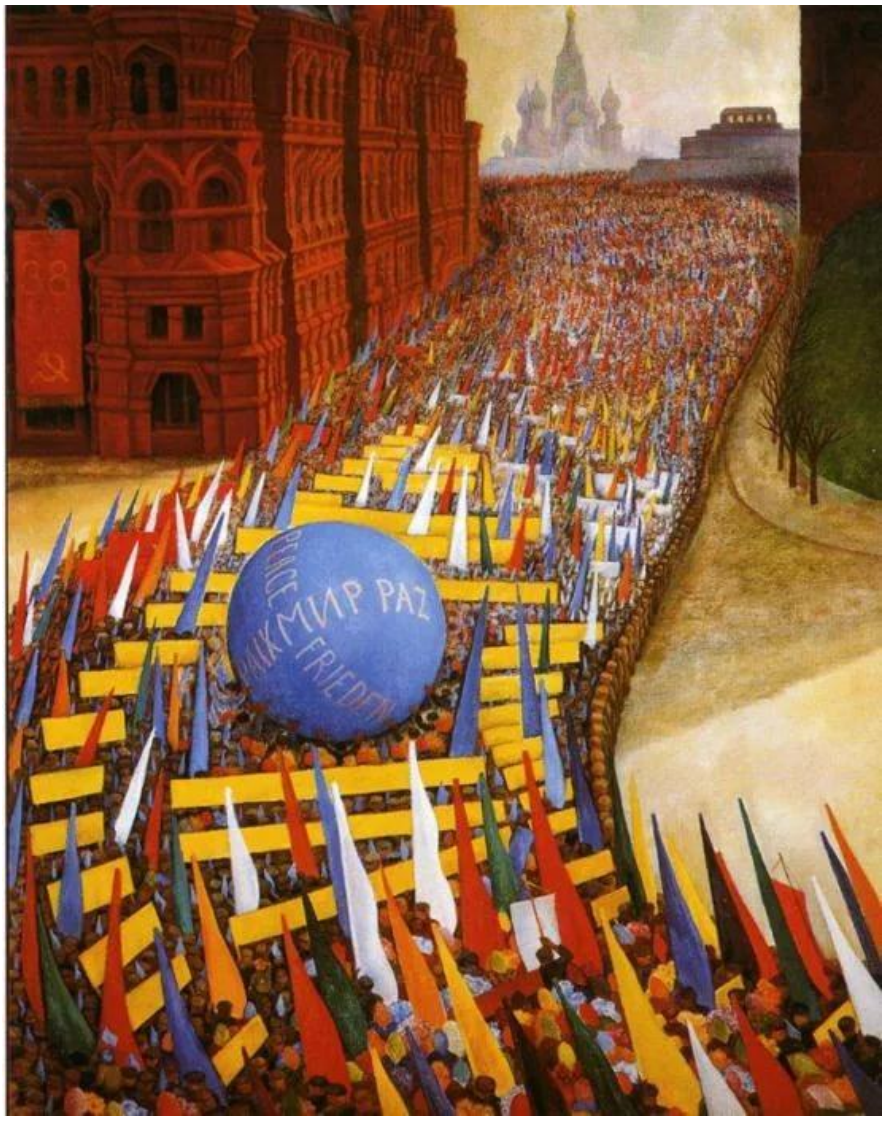

Рис. 6 *Д. Ривера. «Первомайский праздник трудящихся»*

Во фресках, написанных им здесь, важнейшая роль принадлежит текстам революционных песен, так как Песня – главное «действующее лицо» этой части росписей, а картины лишь её иллюстрируют. Это – новаторский шаг художника. Художник превращает фрески во Дворе Празднеств в средства прямой политической агитации, откровеннее, чем когда-либо, использует приёмы плаката и даже карикатуры. Под строками народной песни, вьющимися по стенам третьего этажа, возникли картины, призванные без околичностей обнажить самую суть развернувшейся борьбы: угнетённые против угнетателей, бедняки против богачей.

По-лубочному наглядно противопоставлены здесь два этих мира, первому из которых художник отдаёт всю свою любовь, а ко второму относится с уничтожающим презрением. Его линия, плавно и бережно очерчивающая мускулистые фигуры тружеников и женственно-округлые формы их подруг, становится резкой, острой и язвительной, когда вырисовывает вялые от безделья господские тела, обезображенные чревоугодием и распутством. Ривера ставит тех и других в схожие житейские ситуации, тем самым ещё сильнее подчёркивая коренное различие между ними.

«Народная трапеза». За грубым деревянным столом, уходящим в глубину фрески, – мужчины и женщины, старик и подростки. Их позы спокойны и торжественны, светящиеся мыслью взгляды обращены к сидящему во главе стола рабочему, преломляющему хлеб.

«Обед в буржуазной семье». Почти та же композиция, похожее размещение фигур, но эти фигуры словно закоченели в тупом самодовольстве, лица исполнены жадности и высокомерия, и даже плачущий ребёнок на первом плане не вызывает симпатии.

«Завтрак миллиардеров». Снова стол, за которым безжизненными куклами восседают Форд, Рокфеллер, Морган и прочие некоронованные короли Америки, написанные с достаточным портретным сходством. На столе – статуя Свободы, уменьшенная до размеров салонной безделушки, бутылка шампанского, бокалы… Главное яство – телеграфная лента с показателями биржевых курсов, которая выползает из аппарата и извивается в пальцах у миллиардеров, суля им новые барыши.

«Ночь бедняков». Сражённые усталостью, прижавшись друг к другу, спят крестьяне, их жёны и ребятишки, которых Ривера изображает с особенной, словно впервые прорвавшейся нежностью.

Пролетарий, солдат и учительница бодрствуют, охраняя их сон от врагов, чьи искажённые злобой лица выглядывают из листвы на заднем плане.

«Ночь богачей». Щёголи во фраках накачивают вином полураздетых шлюх, жирные спекулянты договариваются о сделках.

А сверху, насмешливо и грозно, глядят на них революционные солдаты, опоясанные патронташами, нависая над этой оргией как неумолимое напоминание.

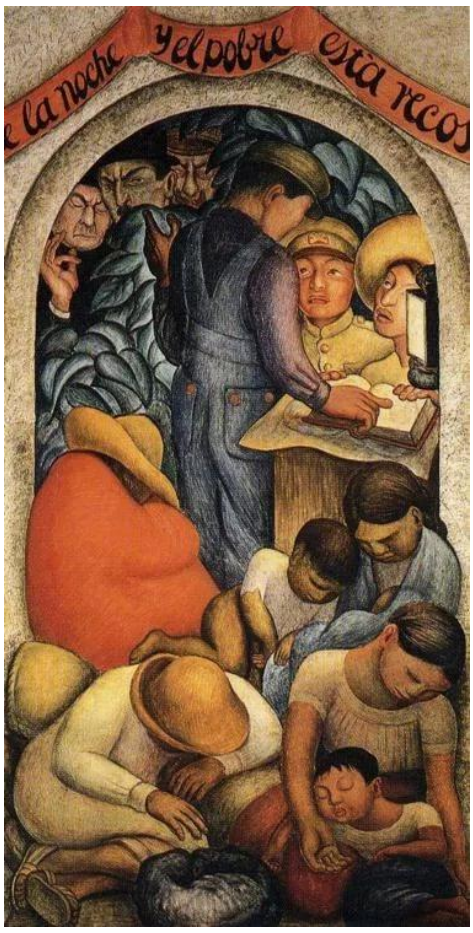

Рис. 7 Д. *Ривера. «Ночь бедняков»*

Рис. 8 Д. *Ривера. «Ночь богачей»*

Фреска «Лжемудрецы» посвящена прекраснодушным реформаторам, либералам, пацифистам. В них художник видит замаскированных, а потому особенно зловредных приспешников империализма и пишет их в карикатурной манере.

Но перед Диего стоит ещё одна очень трудная, казалось бы, превышающая возможности живописца, задача – изобразить Будущее Мексики – социалистическую революцию и справедливый строй, который она установит. И не в виде аллегорий, а в виде живых сцен с участием всё тех же обыкновенных людей (крестьян, солдат, рабочих), которые проходят через всю его грандиозную панораму.

И он решает её так: вдоль последней, южной стены третьего этажа Диего «протягивает» изгибающуюся бесконечную ленту, по светло-серому фону которой выписаны яркие, по-детски крупные буквы, складывающиеся в слова бесхитростной песни самодеятельного автора и прославляющие с неподдельным чувством пролетарскую революцию.

А ниже, не иллюстрируя песню буквально, но как бы перекликаясь с нею, переводя провозглашённые в ней элементарные требования на язык пластических образов, Ривера пишет свои агитационные фрески: рабочих и батраков, расхватывающих винтовки под красным знаменем с изображением серпа и молота; грозную баррикаду, где отстреливаются мужчины-бойцы, а женщины перевязывают раненых и подносят патроны; победивший народ, поганой метлой выметающий буржуазию и её прихвостней; пролетариев, овладевших фабриками и взламывающих сейфы богачей. И так до конца, до той картины, на которой взметается ввысь целый сноп голосующих рук, подкрепляя спокойную убеждённость идущих сверху слов.

В центре фрески «Раздача оружия беднякам» Диего изображает худенькую фигурку черноволосой девушки с густыми сросшимися бровями, в юнгштурмовике, с пятиконечной звездой на груди. Левой рукой она придерживает связку штыков, а правой протягивает винтовку рабочему. Моделью ему послужила 18-летняя художница – Фрида Кало.

За четыре с половиной года работы Диего выполнил 124 фрески, не считая декоративных изображений, расписал своей рукой свыше полутора тысяч квадратных метров поверхностей стен. В начале 1929 года Ривера положил последний мазок, закончив исполинскую роспись, закончив свой «Портрет Мексики», добившись главного – под его кистью родилось не собрание фресок, а единый художественный организм. Уже эти росписи ввели Диего Риверу в ряд великих мастеров монументальной живописи, недаром доктор Атль первым дал определение работам Диего Риверы – «мексиканское Возрождение» [5].

Освободительные революционные идеи создали новое монументальное мексиканское искусство – мексиканский муализм. 1920–1960-е гг., в которые вдохновлённые мексиканской революцией, коммунистическими идеями и торжественной атмосферой равенства и братства творцы муализма ощутили острую необходимость в новых художественных формах. Новое движение было направлено на прославление нового Героя современности: рабочего

класса и крестьянства, как центрального образа нового революционного мира. Работы муралистов поражают масштабом, смелостью замысла, новизной, динамизмом, неожиданностью творческого порыва, амбициями, размахом, неуёмной фантазией и титаническим трудом.

Одним из ярчайших представителей этого движения стал Диего Ривера, основная часть жизни которого была посвящена монументальной живописи. В его росписях, безусловно, как уже отмечалось, существует параллель с творчеством мастеров Возрождения, которые умели монументализировать повседневную жизнь, приобщая её к мифам – античным и христианским, а светоносный ореол бессмертных легенд позволял им одухотворять и возвышать пастухов, крестьянок и горожан. Но Ривера достиг сходных результатов, вдохновляясь не мифами, а великими освободительными идеями, выстраданными человечеством в многовековой борьбе.

Источники и литература:

1. Hans F. Secker. Diego Rivera. – Berlin, 1957.
2. Власов В.Г. Роспись // Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: в 10 т. – т. 8. – СПб.: Азбука-классика, 2008.
3. Жадова Л.А. Монументальная живопись Мексики. – М.: Искусство, 1956.
4. Каретникова И.А. Диего Ривера. – М.: Искусство, 1966.
5. Осповат Л.С. Диего Ривера. – М.: Молодая гвардия, 1969.
6. Полевой В.М. Двадцатый век. Изобразительное искусство и архитектура народов мира. – М.: Советский художник, 1989.
7. Поляков В.В. История мирового искусства. Изобразительное искусство и архитектура XXв. – М.: Б. и., 1993.
8. Сикейрос Д.А. Художник и революция // Вопросы литературы. – 1964. – №4.

Referenses

1. Hans F. Secker. Diego Rivera. - Berlin, 1957.
2. Vlasov V.G. Rospis' // Novyj jenciklopedicheskij slovar' izobrazitel'nogo iskusstva: v 10 t. – t. 8. – SPb.: Azbuka-klassika, 2008.
3. Zhadova L.A. Monumental'naja zhivopis' Meksiki. – M.: Iskusstvo, 1956.
4. Karetnikova I.A. Diego Rivera. – M.: Iskusstvo, 1966.
5. Ospovat L.S. Diego Rivera. – M.: Molodaja gvardija, 1969.
6. Polevoj V.M. Dvadcatyj vek. Izobrazitel'noe iskusstvo i arhitektura narodov mira. – M.: Sovetskij hudozhnik, 1989.
7. Poljakov V.V. Istorija mirovogo iskusstva. Izobrazitel'noe iskusstvo i arhitektura XXv. – M.: B. i., 1993.
8. Sikejros D.A. Hudozhnik i revoljucija // Voprosy literatury. – 1964. – №4.

РЕВОЛЮЦИЯ И ТЕОРИЯ СОЦИАЛИЗМА: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

УДК 101.1:316 DOI: 10.24045/conf.2017.1.14

НООСФЕРНЫЙ СОЦИАЛИЗМ: ТРАДИЦИОННЫЕ КОРНИ ДУХОВНОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Дорошин Б. А.,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии,
Пензенский государственный технологический университет,
Пенза, Россия

Аннотация. *В статье рассматриваются парадигмальные основания концепции ноосферного социализма. Отмечаются черты его соответствия специфике генезиса идейных течений, характерных для эпохи постмодерна. Определяется соотношение ноосферного социализма с некоторыми течениями левого сектора экологического движения на Западе. Раскрывается преемственность между духовным измерением ноосферного социализма и рядом понятий и концепций христианской философии и языческого мировоззрения.*

Ключевые слова: *социализм; революция; язычество; христианство; ноосфера; антропокосмизм.*

NOOSPHERIC SOCIALISM: TRADITIONAL ROOTS OF SPIRITUAL DIMENSION

Doroshin B. A.,
Candidate Of historical sciences,
Associate professor of Philosophy department
Penza State Technological University
Penza, Russian Federation

Abstract. In the article, the paradigmatic foundations of the conception of noospheric socialism are considered. The features of its correspondence to the specifics of the genesis of the postmodern ideological streams are noted. The correlation of noospheric socialism with certain streams of the left sector of ecological movement in the West is determined. Continuity of the spiritual dimension of noospheric socialism to a number of concepts and conceptions of Christian philosophy and pagan worldview is revealed.

Key words: socialism; revolution; paganism; Christianity; noosphere; anthropocosmism.

Одним из важнейших аспектов исторического значения свершившейся в России в октябре 1917 г. социалистической революции является осуществлённый ею и производными от неё трансформациями переход российской цивилизации на индустриальную, ориентированную парадигмой

модерна стадию общественного развития. Комплекс преобразований, образующий собой советский проект и всю совокупность так или иначе обусловленных им вариаций реального социализма, можно считать попыткой наиболее радикального и авангардного воплощения данной парадигмы, поскольку «идеология марксизма – это модерн, стремящийся преодолеть, превзойти самого себя» [5, с. 141], что проявилось, в частности, в масштабах и последовательности усилий по секуляризации различных сфер жизни.

Текущая постиндустриальная, ориентированная парадигмой постмодерна стадия общественного развития наступила в России с переходом к постсоветской буржуазной демократии, тяготеющей к сочетанию вестернизационных трендов с некоторыми элементами советского и дореволюционного прошлого. Отличаясь в целом идейным эклектизмом, данная стадия обнаруживает и тенденцию к более или менее органичному синтезу отдельных производных различных парадигм. Представляется, что данный контекст в немалой степени обусловливает и специфику новейших разработок в области социалистической мысли. К числу таковых относится, в частности, концепция ноосферного социализма.

В русле свойственной постмодерну десекуляризации ноосферный социализм оформляется как духовный, развивающий традиции не только марксизма, но и русского космизма, а также отечественной религиозной философии. Развивая сформулированный Н. А. Бердяевым подход к пониманию Великой Октябрьской социалистической революции как не только интернациональной и универсалистической, но и как глубоко национальной и всё более национализируемой, крупнейший теоретик ноосферного социализма А. И. Субетто предлагает именовать её, наряду с общепринятым, ещё и словосочетанием «Великая Русская» [15] (вероятно, по аналогии с «Великая Французская»). Данный «полу-ребрендинг» соответствует такой значимой, с точки зрения неразрывно связанной с ноосферным социализмом концепции устойчивого развития, особенности постсовременных международных отношений, как диалектика глобализации и регионализации (глокализация) [12].

Признавая Октябрьскую революцию 1917 г. началом становления социалистического бытия в явном виде, открывшим первую волну планетарной социалистической цивилизационной революции XX в., А. И. Субетто постулирует в качестве её продолжения в XXI в. ликвидацию мировой финансово-спекулятивной системы как мировую антиимпериалистическую революцию и начало второй волны планетарного социалистического революционного процесса.

В качестве его актуальнейшей причины указывается первая фаза глобальной экологической катастрофы, в духе космистской гипотезы о реакции суперорганизмов, понимаемой как проявление критики капитализма со стороны природы и Универсума, подведшая человечество к смене парадигм и Эпохи Великого Эволюционного Перелома к ноосферному социализму – не только духовному, но и экологическому, аккумулирующему человеческую

волю к воссоединению с целостностью космоса [15], а в свете последнего могущему быть охарактеризованным и как антропокосмический.

Экологический аспект ноосферного социализма выражает его взаимосвязь с возникшими на Западе в последние десятилетия XX в. экосоциализмом, экокоммунизмом, экоанархизмом и глубинной экологией, границы между которыми во многих случаях размыты.

Из этих течений духовному измерению ноосферно-антропокосмического подхода наиболее соответствует последнее, в наибольшей степени акцентуирующее необходимость внутренних изменений в человеке, его системе ценностей и отношений к природе на основе перехода от антропоцентризма к биоцентризму (или экоцентризму), культивирования экологического сознания, которое не признаёт никаких границ в мире как между биологическими видами, так и между человеком и остальным миром [20].

Это предполагает формирование природоцентристской нравственности как совокупности этических норм и правил, но прежде всего – духовных человеческих качеств, образующих наиболее глубокий и фундаментальный пласт детерминации как этих норм и правил, так и всего поведения людей [1] в их взаимодействиях с природой, что подразумевает наибольшую близость глубинной экологии духовному измерению ноосферного социализма в его экологическом аспекте.

Вместе с тем отечественная концепция ноосферного социализма, будучи генетически связанной в спектре вышеназванных западных течений прежде всего с неомарксистским экосоциализмом, проявляет наряду с устремлённостью к антропокосмической целостности и свойственный данному течению антропоцентризм [20]. В целом же мировоззренческую парадигму ноосферного социализма можно, следуя в духе подхода, сформулированного В. Н. Лосским [10], определить как антропоцентрический антропокосмизм.

Одним из проявлений антропоцентричности ноосферно-социалистического учения является придание им среди достижений социализма главного значения человеку советского типа с его высокой, хотя и секулярной, духовностью, формировавшейся великой отечественной литературой, советскими песней, кинематографом и системой образования, героикой гражданской войны и подвижничеством ударного труда, наиболее ярко выраженного в романе Н.А. Островского «Как закалялась сталь», демонстрирующем новый смысл жизни в самоотдаче Общему Делу, предвосхищённому космистом Н.Ф. Фёдоровым и позволившему советскому человеку победить в Великой Отечественной войне, в кратчайшие сроки восстановить народное хозяйство, развить до передового уровня науку и технику и первым начать освоение космоса.

Другим проявлением антропоцентричности ноосферного социализма, имеющим в то же время ещё более отчётливый антропокосмический пафос, выступает формируемое в его рамках понимание модернизации как общественного развития на передовой технологической и социально-экономической базе, имеющего главной целью человека, раскрытие его творческого потенциала и реализацию его глобальной миссии, состоящей в гармонизации

социоприродных отношений, превращении коллективного Разума человечества в биосферный и космопланетарный управляющий разум, поднимающийся на высоту Ответственности за сохранение жизни на Земле.

Поскольку именно с этой перспективой ноосферно-социалистическое учение связывает достижение человеческим разумом его действительного качества [15], то сам человек грядущего может быть отождествлён со всей ноосферой как разумной социоприродной духовно-материальной целостностью. Правомерность такой ассоциации находит основания аргументации в свою пользу уже в некоторых особенностях понимания человека в марксистском изводе парадигмы модерна. Прежде всего, это акцентуирование в нём классовой сущности человека, его укоренённости в классе и массе; постулирование в качестве субъекта истории не индивидуума, но класса как своеобразного коллективного индивидуума, представляющего через отражение в своём классовом сознании и преобразование своей деятельностью «всемирную телесность» материи. Г. Лукач прямо утверждал, что пролетариат как мессианский класс и архетипический репрезентант всего подлинно человеческого олицетворяет собой диалектическое снятие противоположности объекта и субъекта, протяжённости и эго. Некий прообраз становящейся ноосферы можно обнаружить в романах А. Платонова «Чевенгур» и «Котлован», в действии которых сама мировая материя начинает говорить о себе в странных формах, происходит некое сплавление субъекта и объекта. Индивидуальный рассудок как «буржуазное явление» отбрасывается, телесность приобретает освобождённый характер, растворяются границы не только между статусами и ролями людей, но и между их социально-экономической деятельностью и природным ходом вещей – люди пашут снег, солнце работает и т. п. [5]. Это художественное выражение архетипических проявлений сознания, воодушевлённого идеями большевизма, как бы опосредует во времени и последовательности сменяющихся парадигм устремлённую в постсовременное будущее идею управляемой социоприродной коэволюции и брезжущую во мгле архаики постмодерна изначальную религию антропокосмического со-бытия человека и мира с присущими ей воззрениями о тотемическом единстве людей определённого сообщества друг с другом и всеми составляющими его среды обитания, одушевлённости и разумности природных феноменов (в т. ч. из-за оборотничества и реинкарнации в них людей), а также о широких возможностях управления этими феноменами посредством магии [14].

Религиозно-мифологические представления вообще и первобытные – в первую очередь, крайне значимы для осмысления ноосферного социализма как духовного и экологического, наиболее ранним прототипом которого был первобытный коммунизм [8]. Показательно в данном контексте, что один из энтузиастов возрождения дохристианских славяно-русских верований Любомир, представляющий направление, определяемое как экологическая религия и родовой коммунизм, считает наиболее естественной по духу для язычества всех народов России интеграцию с экологическим движением, левыми и «зелёными» партиями, и прямо отождествляет представляемое им

язычество с экологическим социализмом. В качестве примера тенденции к такой интеграции он указывает на предвыборную программу КПРФ на выборах 2 декабря 2007 г., содержавшую многие положения из программы так и не зарегистрированной партии «Зелёная Россия», в составлении которой он принимал активное участие [11].

Триединство «социализм – язычество – экология» зарождалось ещё в период с конца XIX в. – 1933 г. в Германии. Изучение и популяризация немецкими социалистами древнеевропейского прошлого с его традициями прямой демократии даже способствовали образованию потребительских кооперативов и паевых предприятий. В леворомантической песне того времени «Пролетарские друзья природы» образ свежего открытого воздуха, на котором древние германцы проводили свои племенные собрания, используется как символ народовластия и чистоты жизни в единстве с природой. Один из социалистических авторов в 1926 г. писал о закономерности возрождения рабочим классом древних празднеств, в частности приуроченных к зимнему состоянию, в которых он видел провозвестие коммунизма, поскольку антропокосмически отождествлял возрождение солнца с подъёмом революционного движения. Причастные к этому движению исследователи произвели рассмотрение языческих традиций, относящихся к 1 мая, а также языческой символики, особое значение в которой придавали огню как важнейшей церемониальной стихии народных собраний, в т. ч. приуроченных к Вальпургиеву дню (первомайских), олицетворению социального объединения, социалистической трудовой коммуны [18]. С учётом же мифов о роли огня как божественного первоначала мироздания, отголоском которых является представление Гераклита о революционных циклах бытия космоса, понимаемого как огонь, «мерами загорающийся, и мерами потухающий» [19, с. 37], а также футурологической идеи «лучистого человечества» К. Э. Циолковского [12, с. 99], символическое значение, приписываемое огню немецкими социалистами неоязыческого толка, может быть поставлено в контекст ноосферно-антропокосмического дискурса.

Восходящая к эпохе присваивающего хозяйства, когда люди были не способны чётко отграничить себя и свои производительные силы от природы, модель универсума как материально-духовного зооантропоморфного существа, в качестве полярных бинеров которого представлялись вселенский уровень макрокосма и антропно-индивидуальный уровень микрокосма, связанные выступающим в качестве тернера мезокосмом социума [9], [7], опосредуется в качестве прототипа ноосферной антропосоциокосмической целостности ещё некоторыми религиозными и философскими концептами, моделирующими подобного рода единства.

В качестве непосредственной производной от архаической модели универсума можно рассматривать русскую национальную идею, основанную на чувствах всеобщности и братства, обусловливающих представление о всех людях, как «неделимом целом» и «органах их общего мира», которая предполагает спасительную актуализацию этой его сущности посредством мессианского подвижничества русских. В. Шубарт полагал «источником

питания» этой идеи «тёмную первобытную основу русской души», а материально-эмпирическими детерминантами – 1) патриархальный уклад землепользования и общину, трактовавшиеся И. С. Аксаковым и А. И. Герценом как форма хозяйствования всечеловека; 2) созерцание земли и неба, способствующие возрастанию чувства братства, осознания Бога и воли к единству со Вселенной [17, с. 132, 142, 194–195, 203, 216].

Если политико-династическая форма русской идеи реализовалась в Священном Союзе через защиту имперской мощью России правящих домов Европы, политико-этническая – через панславизм, а политико-социальная – через большевистскую устремлённость к мировой революции; то религиозно-философская форма выразилась в поисках «хорового принципа» бесконфликтной интеграции свободы отдельной личности со всеобщим единением, выражение которого было обретено в сформулированной А. С. Хомяковым категории «русская соборность», понимаемой как «синтез единства и свободы в любви». Данная вариация русской идеи актуализировала развитое на христианском Западе в средние века понимание общества как Церкви, построенного на многообразии в единении духовного сообщества и мистического Тела Христова [17, с. 204, 142–143].

Такое понимание обрело новую интерпретацию на Западе в постиндустриальную эпоху (вкупе с усмотрением в последней черт «нового средневековья» и неофеодализма) применительно к человечеству, объединяемому сетью электронных коммуникаций [6] и адаптирующемуся к информационному буму во многих случаях ценой дефицита осмысленности, глубокого понимания мира и событий, в нём происходящих [1]. Представляемый в связи с этим характеризуемый метафорами хорала, собора, неоплатонического космоса и ангельской иерархии коллективный разум или ноосфера, мыслится интегрируемым посредством её в единый организм не только само по себе, но и с окружающим искусственным и природным миром, а также реализующим таким образом одухотворение материи, в пределе охватывающее Вселенную.

Основоположник данной интерпретации – синтезировавший католический мистицизм с наукой, а также идеи божественного промысла, эволюции и научно-технического прогресса иезуит и естествоиспытатель П. Тейяр де Шарден апологизировал тоталитарные режимы XX в. как эволюционно закономерные и призывал к скорейшему пожертвованию индивидуальными сознаниями через плавильный котёл духовной коллективизации и социализации во имя не только предотвращающего анархию единства, но и последующего более высокого уровня дифференциации, многообразия выбора и богатства спонтанности [6]. Это приближает его учение о ноосфере не только к социализму и возникшему на его основе в России ноосферизму, но и к снятию противоречий индивидуализма и коллективизма в русской соборности, а космоэсхатологическая телеология тейяровской концепции позволяет усматривать в ней своеобразное развитие идеи С. Н. Булгакова о «метафизическом коммунизме» мироздания [15, с. 46].

Для более полного осмысления истоков и составляющих духовного измерения ноосферного социализма необходимо принять в расчёт ещё некоторые категории, в равной или большей степени соответствующие по содержанию понятию «ноосфера» (в зависимости от его понимания):

1) антропосфера – мир, следующий за человеком, являясь как бы его природой, что обеспечивается связью «человека-образа» с его первообразом – Богом, согласно изложению православного догматического богословия В. Н. Лосским [10, с. 459];

2) пневматосфера – т. е. духовная сфера, включающая, согласно П. А. Флоренскому как рациональное, так и внерациональное [4];

3) психосфера – сфера сознания человеческого общества на планете, подчинённой формуле «интеллект + душа + дух», согласно некоторым концепциям, ориентированным на новую общенаучную парадигму [3].

Таким образом, многие составляющие ноосферного социализма, и прежде всего – его духовного измерения, восходят своими корнями к ряду взаимосвязанных или же обнаруживающих существенные параллели концепций и понятий религиозно-философской мысли, выражающих аспекты христианского и языческого мировоззрения, производные от антропосоциокосмической модели универсума эпохи первобытного коммунизма.

Данный вывод представляется особенно значимым в контексте диалектико-материалистического представления о спиралевидности процесса развития, а также исходного значения перешедшего в политическую терминологию из астрологической понятия «революция», буквально «возвращение» (космического объекта в прежнее местоположение) [13]. В данном случае революцию можно понимать как возврат (в соответствии с принципом «всё новое – хорошо забытое старое») человечества на новом витке его развития к важнейшим мировоззренческим основам традиционной культуры. Учитывая же наибольшую развитость предпосылающих ноосферный социализм взглядов и учений в России, – это, прежде всего, основы традиционной культуры её населения, в т. ч. наиболее раннего этапа, с которым сторонники теорий о восточноевропейском центре возникновения Homo Sapiens и бытования протоцивилизаций на севере Евразии (гиперборейской, аркаимо-синташтинской и т. п.) связывают происхождение важнейших этнических и духовных составляющих человеческой цивилизации.

Источники и литература:

1. Антипов М. А. Клиповое мышление как атрибут техногенного общества // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Периодическое научное издание. Серия: Социально-гуманитарные науки. – Пенза: изд-во Пенз. гос. технол. ун-та. – 2015. Т. 2. № 6 (28). – С. 20–28.
2. Антипов М.А., Исполатова А.А. Нравственная деградация как актуальная проблема современного общества // Социосфера. – 2012. – № 2. – С. 11–13.
3. Волков С.Н. Восприятие мнимой реальности как субъективная выразительность и её негативные черты в контексте безопасности жизнедеятельности // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Периодическое научное издание. Серия:

Технические науки. Безопасность деятельности человека – Пенза: изд-во Пенз. гос. технол. ун-та. – 2016. – № 02(30) – С. 222–227.
4. Володина О.В. Ноосферно-антропокосмическая направленность решения глобальных проблем // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4 (64). Т. 2. – С. 150–153.
5. Дугин А. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. – М.: Евразийское Движение, 2009.
6. Дэвис Э. Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху / Э. Дэвис; пер. с англ. С. Кормильцева, К. Бачининой, В. Харитонова. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008.
7. Жарова О.С. К вопросу методологических подходов в оценке семиосферы сознания (от аномального к фольклорному) // Европейский журнал социальных наук. – 2011. – № 5. – С. 21–28.
8. Зеленцова М.Г., Павлова Е.С. Социально-нравственные аспекты ноосферы // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки» . – 2010. – Вып. 2. Т. 1. – С. 132–135.
9. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян / Сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. – М.: Мысль, 1996.
10. Лосский В.Н Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / Пер. с фр. мон. Магдалины (В. А. Рещиковой). – СТСЛ, 2012.
11. Любомир. К новому жизнеустройству через экорелигию. Содружество Природной Веры «Славия». [Электронный ресурс]. – http://diosvet.livejournal.com/tag/%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 23.04.2017).
12. Мантатов В. В. Ключи от глобального кризиса: устойчивое развитие и ноосферный социализм. Интелрос. [Электронный ресурс]. – http://www.intelros.ru/readroom/vestnik-rossijskogo-filosofskogo-obshhestva/vestnik-1-57-2011/print:page,1,11632-klyuchi-ot-globalnogo-krizisa-ustojchivoe-razvitie-i-noosfernyj-socializm.html (дата обращения: 27.04.2017).
13. Павлова Н. Революция и другие слова-ловушки. ПРАВОСЛАВИЕ.RU. [Электронный ресурс]. – http://www.pravoslavie.ru/66820.html (дата обращения: 14.03.2017)
14. Першин Ю.Ю., Ахмадишина В.И. Архаическое сознание и религиозность человека: очерки по археологии религии / Ю. Ю. Першин, В. И. Ахмадишина; науч. ред. В. И. Разумов. – Омск: Социокосмос, 2012.
15. Субетто А.И. Ленин, Октябрьская революция и ноосферный социализм – символы развития в XXI веке / Под науч. ред. д.ф.н., проф. Л. А. Зеленова. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012.
16. Чижевский А.Л. Теория космических эр // Грёзы о Земле и небе. Антология русского космизма. – СПб.: Художественная литература, 1995. – С. 87–101.
17. Шубарт В. Европа и душа Востока. – М.: Русская идея, 2000.
18. Язычество в рабочем движении. ВОПРОСИК. [Электронный ресурс]. – http://voprosik.net/yazychestvo-v-rabochem-dvizhenii/ (дата обращения: 04.03.2017).
19. Яковлева Л.Е., Яковлева Л.И., Радул Д.Н. Хрестоматия по западной философии: Античность. Средние века. Возрождение. – М.: Астрель, 2003.
20. Яо Л.М., Ганиев М.Н., Хайруллова О.В. Теоретические аспекты взаимодействия общества и природы // Вестник Казанского технологического университета. – 2006. – № 6. – С. 281–289.

Referenses

1. Antipov M. A. Klipovoe myshlenie kak atribut tehnogennogo obshhestva // XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastojashhego pljus. Periodicheskoe nauchnoe izdanie. Serija: So-

cial'no-gumanitarnye nauki. – Penza: izd-vo Penz. gos. tehnol. un-ta. – 2015. T. 2. № 6 (28). – S. 20–28.
2. Antipov M.A., Ispolatova A.A. Nravstvennaja degradacija kak aktual'naja problema sovremennogo obshhestva // Sociosfera. – 2012. – № 2. – S. 11–13.
3. Volkov S.N. Vosprijatie mnimoj real'nosti kak sub#ektivnaja vyrazitel'nost' i ejo negativnye cherty v kontekste bezopasnosti zhiznedejatel'nosti // XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastojashhego pljus. Periodicheskoe nauchnoe izdanie. Serija: Tehnicheskie nauki. Bezopasnost' dejatel'nosti cheloveka – Penza: izd-vo Penz. gos. tehnol. un-ta. – 2016. – № 02(30) – S. 222–227.
4. Volodina O.V. Noosferno-antropokosmicheskaja napravlennost' reshenija global'nyh problem // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 4 (64). T. 2. – S. 150–153.
5. Dugin A. Postfilosofija. Tri paradigmy v istorii mysli. – M.: Evrazijskoe Dvizhenie, 2009.
6. Djevis Je. Tehnognozis: mif, magija i misticizm v informacionnuju jepohu / Je. Djevis; per. s angl. S. Kormil'¬ceva, K. Bachininoj, V. Haritonova. – Ekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura, 2008.
7. Zharova O.S. K voprosu metodologicheskih podhodov v ocenke semiosfery soznanija (ot anomal'nogo k fol'klornomu) // Evropejskij zhurnal social'nyh nauk. – 2011. – № 5. – S. 21–28.
8. Zelencova M.G., Pavlova E.S. Social'no-nravstvennye aspekty noosfery // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Serija «Gumanitarnye nauki» . – 2010. – Vyp. 2. T. 1. – S. 132–135.
9. Losev A.F. Mifologija grekov i rimljan / Sost. A. A. Taho-Godi; obshh. red. A. A. Taho-Godi i I. I. Mahan'kova. – M.: Mysl', 1996.
10. Losskij V.N Ocherk misticheskogo bogoslovija Vostochnoj Cerkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie / Per. s fr. mon. Magdaliny (V. A. Reshhikovoj). – STSL, 2012.
11. Ljubomir. K novomu zhizneustrojstvu cherez jekoreligiju. Sodruzhestvo Prirodnoj Very «Slavija». [Jelektronnyj resurs]. – http://diosvet.livejournal.com/tag/%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F (data obrashhenija: 23.04.2017).
12. Mantatov V. V. Kljuchi ot global'nogo krizisa: ustojchivoe razvitie i noosfernyj socializm. Intelros. [Jelektronnyj resurs]. – http://www.intelros.ru/readroom/vestnik-rossijskogo-filosofskogo-obshhestva/vestnik-1-57-2011/print:page,1,11632-klyuchi-ot-globalnogo-krizisa-ustojchivoe-razvitie-i-noosfernyj-socializm.html (data obrashhenija: 27.04.2017).
13. Pavlova N. Revoljucija i drugie slova-lovushki. PRAVOSLAVIE.RU. [Jelektronnyj resurs]. - http://www.pravoslavie.ru/66820.html (data obrashhenija: 14.03.2017)
14. Pershin Ju.Ju., Ahmadishina V.I. Arhaicheskoe soznanie i religioznost' cheloveka: ocherki po arheo¬logii religii / Ju. Ju. Pershin, V. I. Ahmadishina; nauch. red. V. I. Razumov. – Omsk: Sociokosmos, 2012.
15. Subetto A.I. Lenin, Oktjabr'skaja revoljucija i noosfernyj socializm – simvoly razvitija v XXI veke / Pod nauch. red. d.f.n., prof. L. A. Zelenova. – Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2012.
16. Chizhevskij A.L. Teorija kosmicheskih jer // Grjozy o Zemle i nebe. Antologija russkogo kosmizma. – SPb.: Hudozhestvennaja literatura, 1995. – S. 87–101.
17. Shubart V. Evropa i dusha Vostoka. – M.: Russkaja ideja, 2000.
18. Jazychestvo v rabochem dvizhenii. VOPROSIK. [Jelektronnyj resurs]. – http://voprosik.net/yazychestvo-v-rabochem-dvizhenii/ (data obrashhenija: 04.03.2017).
19. Jakovleva L.E., Jakovleva L.I., Radul D.N. Hrestomatija po zapadnoj filosofii: Antichnost'. Srednie veka. Vozrozhdenie. – M.: Astrel', 2003.
20. Jao L.M., Ganiev M.N., Hajrullova O.V. Teoreticheskie aspekty vzaimodejstvija obshhestva i prirody // Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta. – 2006. – № 6. – S. 281–289.

УДК 101.1: 316 DOI: 10.24045/conf.2017.1.15

КЛАССИЧЕСКОЕ ЕВРАЗИЙСТВО И РУССКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА

Исаева О.С.,
кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры «Философия и социальные коммуникации»,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия

Аннотация. *Статья посвящена крупному философскому направлению – классическому евразийству. Автор анализирует феномен революции в философии евразийцев. Рассматриваются взгляды евразийских мыслителей на революционные события 1917 г., конечный итог которых сводится евразийцами к установлению эпохи веры.*

Ключевые слова: *классическое евразийство, революция, европеизация, православное христианство.*

CLASSICAL EURASIANISM AND THE RUSSIAN OCTOBER REVOLUTION OF 1917

Isaeva O.S.,
Candidate of Philosophy,
Senior Lecturer
Of «Philosophy and social communication» department
Penza State University, Penza, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to a large philosophical direction – classical Eurasianism. The author analyzes the phenomenon of revolution in the philosophy of Eurasians. Discusses the views of the Eurasian thinkers on the revolutionary events of 1917, the final outcome of these events should lead to the establishment of the era of faith.

Key words: classical Eurasianism, revolution, Europeanization, Orthodox Christianity.

Февральская революция 1917 года в России – событие неоднозначное и противоречивое. Как правило, по своему существу любая социальная революция являет собой переворот в жизни каждого человека, порой резкое и не всегда понятное ему изменение хода его жизни, мыслей, ценностей либо мировоззрения в целом. Поэтому революция всегда несёт в себе слёзы, боль, страхи, борьбу, смерть и кровь. Ведь смена общественного устройства, формы государственного правления зачастую предполагает насильственную ломку привычных устоев, традиций, взаимоотношений в обществе. Что касается положительных моментов революционных событий, то они заключаются в осуществлении целей и ожиданий тех, кто в конечном итоге одерживает победу и приходит к власти. А это, зачастую, не всегда та часть общества, которая стояла у основ их организации, испытывая благие намерения реорганизовать социум. Исход революции – это результат борьбы –

идеологий, взглядов, людей, а итоги революции часто стихийны, непредсказуемы и не оправдывают ожиданий тех, кто всей душой верил ее лозунгам. В обществе всегда есть те, кто в результате революционных перемен теряет, а не приобретает. Русская революция 1917 года была такой. Одни лишились всего, другие возвысились и упивались властью.

Одним из самых грустных, необратимых, на наш взгляд, последствий событий 1917 г. стала массовая эмиграция русской интеллигенции. Талантливые, неординарные, иногда ещё очень молодые учёные вынуждены были покинуть свою Россию. Они оказались в изгнании, на чужбине, где очень многим приходилось скитаться, не находя понимания. Тем не менее, большинство уехавших из России мыслителей продолжало активно писать и публиковаться. Философия русского зарубежья является органичной и, вместе с тем своеобразной частью как русской, так и мировой философской мысли.

Одним из философских направлений, сформировавшихся в русском зарубежье, явилось классическое евразийство, чьи идеи и взгляды актуальны и по сей день. Евразийство явилось пореволюционным движением и философским направлением, увидевшим в революционных событиях нечто конструктивное, положительное. «Закончившая императорский период революция отнюдь не дикий и бессмысленный бунт… Ещё менее русская революция является организованным группой злоумышленников … переворотом», - писали евразийцы [2, с. 52]. Евразийцы восприняли революцию как некое созидание, а не только лишь разрушение, как освобождение России от оков европеизации, навязанной ей Петром I. Революция есть «глубокий и существенный процесс, который даёт последнее и последовательное выражение отрицательным тенденциям, исказившим дело Петра, но вместе с тем открывает дорогу и здоровой государственной стихии» [2, с. 52]. Европеизация России привела, согласно евразийцам, к трагическому разрыву между культурой народа и культурой правящего слоя. Классические евразийцы считали революцию реакцией на кризис европеизированной русской культуры, и именно поэтому они видели в ней не конец и крах российской истории, а начало, исходную точку для создания самобытного, собственного культурного мира России, отличающегося и от европейского, и от азиатского. В России-Евразии (так называли классические евразийцы будущую Россию – государство, воздвигнутое территориально на месте СССР) будет создана новая евразийская культура, не являющаяся механическим смешением других культур, а основанная на своеобразии исторических, географических, духовных и экономических характеристик континента Евразия. В своем учении евразийцами был разработан социальный проект будущей России-Евразии [3].

Классические евразийцы утверждали, что само евразийство вообще невозможно понять, не учитывая факта революции как такового. Сами о себе в своём программном документе евразийцы писали: «Евразийство есть российское пореволюционное политическое, идеологическое и духовное движение»; и далее также: «Евразийство есть единственная значительная

пореволюционная система мировоззрения и действия» [1, с. 285; с. 287]. Все остальные «внутренне-русские» течения и направления, возникшие в послереволюционное время, в том числе и коммунизм, евразийцы определяли только как дореволюционные.

В чем же заключается, по мнению классических евразийцев, сущность Октябрьской революции 1917 года? Русскую революцию по внутреннему, заложенному в неё, но не раскрытому ею смыслу, евразийцы определяют как евразийскую. Именно утверждение и раскрытие этого смысла в жизни и будет завершением революционных событий. В основу всего своего учения классические евразийцы положили религиозные постулаты – постулаты православной веры. Именно вера является неким остовом евразийства, вера выступает одной из скоб, прочно связывающих все евразийское учение в единое нерушимое целое. Православное христианство должно, согласно евразийским мыслителям, буквально пронизывать все сферы общественной и народной жизни, охватив все части здания русской культуры. Русская культура послепетровского периода была «внерелигиозна», церковь зависела от государства и была вне культурного развития и культуры вообще. В наступивший затем период правления коммунистов духовная опустошенность безрелигиозной культуры достигла, с точки зрения евразийцев, наивысшей точки своего развития. И потому, утверждают евразийцы, в ответ на это должна последовать «решительная реакция» [9, с. 378]. И опять-таки читаем в декларации евразийцев: «Евразийство утверждает себя прежде всего как система мировоззрения и действия, которые в последнем счёте исходят из религиозных предпосылок и являются религиозно обоснованными» [1, с. 288].

Разработанная классическими евразийцами система является пореволюционной, утверждают сами мыслители, поскольку содержит следующие противоречия: с одной стороны, русская революция представляет собой процесс религиозный, подразумевающий «искание последней правды на земле и стремление во что бы то ни стало её осуществить» [1, с. 288]. С другой, революция по своим теоретическим учениям оказалась безбожной, безрелигиозной, и даже более: она явилась богоборческой и противорелигиозной. Если смотреть с точки зрения политической, то революция выступала как процесс освободительный, в результате которого широкие народные массы должны были сбросить с себя гнёт старого режима и зажить вольной жизнью. Но на деле получилось, что революция породила политический строй ещё более деспотический, чем тот, что был прежде. По сути своей российская революция была индивидуалистической, что означало попытку как отдельного человека, так и целых народов эмансипироваться от принудительных связей со стороны государства, утвердив таким образом, свою независимость от прежнего общественного устройства, своё «самочинное бытие». Но в реальности, по своим социально-политическим идеалам российская революция оказалась коллективистической и привела к «глубокому поглощению личности обществом, единичного – универсальным» [1, с. 288]. Социальный идеал русской революции как явления пролетарски-интернационалистического заключался в стремлении нивелировать существующие классовые, групповые, социальные

и национальные противоречия и построить «деклассированное и денационализированное» общество людей. Основное социальное качество, которое должно объединять людей этого общества – это общий социальный труд. В действительности же итогом революционных событий 1917 г. в России явилось построение Советского государства, добровольно и открыто проводящего принцип национального самоопределения. Также, отмечают евразийцы, система советов не смогла уничтожить социальные различия, существующие между различными группами населения: беднями, середняками, кулаками; квалифицированными и неквалифицированными рабочими, советскими служащими и специалистами. И всё же русская революция, хотя она, согласно классическим евразийцам, и служила коммунистическому интернационалу, проводила в жизнь евразийскую внешнюю политику, при этом она защищала интересы «того культурного целого, которое носит имя Россия-Евразия» [1, с. 288].

Все противоречия русского революционного процесса, о которых говорилось выше, могут быть разрешены и сняты, по глубокому убеждению евразийских мыслителей, только благодаря стремлению евразийцев наполнить пафос революции религиозной идеей, освободив её от связи с воинствующим атеизмом. Евразийцы утверждают существование в мире Божественного начала и невозможность существования самого евразийства без веры в религиозный смысл мира.

В целом же, классические евразийцы оценивали русскую революцию 1917 г. как отрицательное явление. Они прекрасно видели и понимали, что революция – это страшное явление, даже не смотря на то, что евразийство, наверное, единственное из направлений, увидевших в революции положительный момент. Один из основоположников классического евразйиства П.П. Сувчинский писал, что революция – это русская катастрофа, а сам процесс революции – «кровавый, безумный и нелепый как процесс войны» [8]. Мыслитель также утверждал, что в результате революционных событий 1917 г. произошло «религиозное возбуждение русского сознания», что носило массовый характер [7, с. 206]. «Яд коммунизма и прикосновение к реальному злу, – писал мыслитель, – ответно, в качестве противоядия, подняли страстный порыв религиозного возбуждения и наново поставили пусть перед меньшинством, основные проблемы религии, церкви и веры» [7, с. 207].

Один из видных деятелей евразийства, философ Л.П. Карсавин считал революцию неприятным и гнусным явлением, но неизбежным время от времени. В сущности, Л.П. Карсавин определял революцию как «длительный процесс вырождения правящего слоя, уничтожения его национальною государственною стихией и создания нового правящего слоя» [4, с. 158]. В учении о революции Карсавина представлен совершенно иной подход к пониманию природы и причин революции. Его точку зрения разделяли и другие евразийские мыслители. Большой интерес составляет его религиозно-метафизическое осмысление русской революции [5].

П.Н. Савицкий в работе «Евразийство как исторический замысел» также указывал на связь будущего России после революции с верой и религией, отмечая не последнюю роль в осуществлении этого будущего именно евразийства. Он писал: «Проблема русской революции есть тот основной стержень, около которого движется их (евразийцев – О. И.) мысль и их воля… нынешний этап революции не есть последний её этап. Они (евразийцы – О.И.) готовят следующую её фазу» [6, с. 98]. «И евразийцы решительно отвергают коммунистический тезис о существовании какого-то бы то ни было противоречия между религиозным началом и новым социальным строем. Как раз наоборот: новый строй обретёт полноту и устойчивость в тот момент, когда просветится внутренним религиозным светом» [6, с. 112].

Таким образом, революция 1917 г. для евразийцев – это закономерное явление в русской истории, здоровая реакция на гибель европейской культуры и европеизации России в принципе. Суть революционных преобразований евразийцы, как и всю дальнейшую судьбу и ход исторического развития России, связывают с религией и Православной верой. Сама революция, по их мнению, должна была способствовать установлению эпохи веры, но установившаяся коммунистическая власть проповедовала атеизм. Поэтому последний этап развития революции они связывали с воплощением в жизнь собственных – евразийских проективных разработок, основой которых и выступает Православное христианство.

Источники и литература:

1. Евразийство: декларация, формулировка, тезисы // Вестник Челябинского университета. Сер. 10, Востоковедение. Евразийство. Геополитика. – 2003. – № 2 (3). – С. 282-306.
2. Евразийство (опыт систематического изложения) // Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 13-78.
3. Исаева О.С. Метафизические основания социального проекта евразийцев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Научно-практический журнал. Гуманитарные науки. – 2012.– № 1 (21). – С. 47-55.
4. Карсавин Л.П. Феноменология революции // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. – М.: Беловодье, 1997. – С. 141-201.
5. Кошарный В.П. Л.П. Карсавин: историко-философские предпосылки и метафизические основания трактовки русской революции // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 21–33.
6. Савицкий П.Н. Евразийство как исторический замысел // Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 98-112.
7. Сувчинский П.П. К преодолению революции // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. – М.: Беловодье, 1997. – С. 205-223.
8. Сувчинский П.П. Эпоха веры [Электронный ресурс]. – http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod-PPS-epoxavery.php
9. Трубецкой Н.С. К украинской проблеме // История. Культура. Язык. – М.: Прогресс, 1995. – С. 362-380.

Referenses

1. Evrazijstvo: deklaracija, formulirovka, tezisy // Vestnik Cheljabinskogo universiteta. Ser. 10, Vostokovedenie. Evrazijstvo. Geopolitika. – 2003. – № 2 (3). – S. 282-306.

2. Evrazijstvo (opyt sistematicheskogo izlozhenija) // Kontinent Evrazija. – M.: Agraf, 1997. – S. 13-78.
3. Isaeva O.S. Metafizicheskie osnovanija social'nogo proekta evrazijcev // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Nauchno-prakticheskij zhurnal. Gumanitarnye nauki. – 2012.– № 1 (21). – S. 47-55.
4. Karsavin L.P. Fenomenologija revoljucii // Russkij uzel evrazijstva. Vostok v russkoj mysli. – M.: Belovod'e, 1997. – S. 141-201.
5. Kosharnyj V.P. L.P. Karsavin: istoriko-filosofskie predposylki i metafizicheskie osnovanija traktovki russkoj revoljucii // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. – 2009. – № 1 (9). – S. 21–33.
6. Savickij P.N. Evrazijstvo kak istoricheskij zamysel // Kontinent Evrazija. – M.: Agraf, 1997. – S. 98-112.
7. Suvchinskij P.P. K preodoleniju revoljucii // Russkij uzel evrazijstva. Vostok v russkoj mysli. – M.: Belovod'e, 1997. – S. 205-223.
8.Suvchinskij P.P. Jepoha very [Jelektronnyj resurs]. - http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod-PPS-epoxavery.php
9. Trubeckoj N.S. K ukrainskoj probleme // Istorija. Kul'tura. Jazyk. – M.: Progress, 1995. – S. 362-380.

УДК 101.1:316.614 DOI: 10.24045/conf.2017.1.16

Н.А. БЕРДЯЕВ: ОПЫТ ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Кириллов Г.М.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации»,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия

Аннотация. *В статье проанализировано содержание понятия «персоналистическая революция» в диалогическом ключе, обозначены его онтологические основания. Поднят вопрос об истоках мистического революционаризма Н.А. Бердяева. Автор приходит к выводу, что термин «персоналистическая революция» следует считать метафорой, за которой стоит «изменение принципов, на которых покоится общество».*

Ключевые слова: *персоналистическая революция, экзистенциализм, персонализм, онтология, мистический революционаризм.*

N.A. BERDYAEV: THE EXPERIENCE OF PERSONALISTIC REVOLUTION

Kirillov G.M.,
Candidate of Philosophy,
Associate professor of «Philosophy and social communication» department
Penza State University, Penza, Russian Federation

Annotation. The article analyzes the content of the concept of «personalistic revolution» in a dialogical way, its ontological ground is indicated. The question of the origins of the mystical revolutionism of N. Berdyaev was raised. The author comes to the conclusion that the term «personalistic revolution» should be considered a metaphor behind which «changing the principles on which society rests» is meant.

Key words: personalistic revolution, existentialism, personalism, ontology, mystical revolutionism.

Переживаемое нами время, характеризующееся социальной напряжённостью, в чём-то созвучно эпохе революций, свершившихся столетие назад, хотя причины этой напряжённости существенно иные. Представляется, что опыт русской интеллигенции, слушавшей «музыку революции» и пытавшейся по-своему понять её смысл, актуален и для дня сегодняшнего. Фигура русского мыслителя Н.А. Бердяева представляется в этом контексте особенно значимой, поскольку он, не принадлежа ни к одному из враждующих лагерей, пытался сохранить независимую точку зрения на происходившие драматические события. Его философия во многом противоречива, в чём-то эклектична, но её отличает неподдельный нравственный пафос, то, чего не хватает современным авторам.

В центре внимания настоящей статьи понятие «персоналистическая революция», предложенное русским философом. Этой теме посвящено уже немало работ, но окончательного мнения о том, что подразумевает русский философ под этим понятием, а также о том, можно ли считать самого Бердяева своего рода революционером, пока не сложилось. Так, украинский философ В. В. Попков, отмечая, что Бердяев «был противником любой социальной революции» [4, с. 211], вместе с тем приходит к парадоксальному выводу о том, что идеи мыслителя сродни идеям «новых левых», а также «сетевым революциям», прокатившимся по ряду стран Восточной Европы и Ближнего Востока. Исследование А.В. Горохова посвящено влиянию идей Н.А. Бердяева на французских экзистенциалистов и, прежде всего, Э. Мунье. Данная работа заслуживает более пристального внимания, поскольку содержит попытку реконструкции онтологических основ бердяевского онтологизма. Автор отмечает, что для личности, по Бердяеву, важна укоренённость её в бытии как залог «духовно-душевно-телесного единства» [2, с. 115]. Персоналистическая революция, как полагает Бердяев, – залог освобождения человеческого духа от отчуждения и объективации, жертвой которых он становится в индустриальном обществе. Преодоление объективации и одиночества личность может обрести в экзистенциальном поле межличностных отношений с Другим на уровне «Я» и «Ты», которые должны стать прообразом социальности нового типа. Вместе с тем Горохов подчёркивает, что революцию Бердяев оценивает эсхатологически и мистически. Иное дело – его французские единомышленники, чья социально-политическая деятельность действительно повлияла на бурные процессы 1860-ых годов, в том числе и на студенческие протесты. Думается, самое время передать слово самому Бердяеву, который, давая характеристику воззрениям А.И. Герцена, отмечал: «Самая трудная революция, которая никогда ещё не была сделана и которая была бы радикальнее всех революций, – это революция персоналистическая, революция во имя человека, а не во имя того или иного общества. По-настоящему, глубинно революция есть изменение принципов, на которых покоится общество, а не кровопролитие того или иного года и дня» [1, с. 345]. Бердяев убеждён, что подлинной революционностью может обладать только личность. Это неслучайно: для

Бердяева личность, равно как и свобода, – основные приоритеты. Мыслителя по праву причисляют к персоналистам. Однако, по мнению О.В. Марченко, персонализм можно понимать двояко: с одной стороны, как персонализм субъективистского типа, который рассматривает в качестве личности человеческий субъект, помещая его в центр мира, с другой, – можно представить персонализм как стремление мыслить иное как личность, то есть учение о личностном характере бытия. Примером первого варианта как раз и может служить персонализм Н.А. Бердяева в его учении о «Я» и мире объектов, основанном на диалектике Божественного и человеческого. В атеистическом варианте это будет «апофеоз беспочвенности», переходящий в сартровское «ад – это другой». Персонализм во втором смысле присущ русской религиозной философии в целом, на что указывал В.Ф. Эрн. По мнению Эрна, персонализм есть одна из основных тенденций оригинальной русской философии. «Мудрость слова не может быть дана помимо личности», – подчёркивал философ [5,с. 88]. Что касается массы, то она по своей природе всегда консервативна. Не приходится удивляться, что революция, осуществляемая массами, всегда антиперсоналистична по своему характеру. Возникает вопрос, можно ли назвать «сетевые революции» последних десятилетий «персоналистическими»? Представляется, что ответ на этот вопрос может быть только отрицательным, поскольку общение, опосредованное средствами массовой коммуникации, и общение в социальных сетях вряд ли можно считать межличностным. Здесь уместно сослаться на мнение специалиста в области массовых коммуникаций Н. Лумана, который подчёркивал, что при массовой коммуникации, «благодаря посредничеству техники», невозможна интеракция, то есть непосредственное общение» [3, с. 10]. В качестве посредника в этом случае выступают не люди, а массмедиа. Бердяев видит в революции стихийное явление наподобие природного катаклизма или тяжёлой болезни. Речь у философа идёт о переоценке ценностей, которая может произойти в случае гибели существующего социального порядка, который сам без посторонней помощи копает себе могилу. Считая, что революцией можно назвать лишь явления природы, Бердяев отрицательно относится к русской революции, называя её «отвратительной», лишённой «нравственного ореола». Мыслитель сокрушается, что в результате революционных событий русские люди пострадали духовно и материально. В стихии революции не родилось ни одной живой души, не родился новый человек. Несмотря на произошедшие изменения, души людей остались рабьими. Не следует ждать от радикальных изменений блага, надеяться на то, что революция может быть разумной и доброй. Любая революция, по мнению Бердяева, – это в первую очередь «смута» и «великое несчастье». Давая оценку революции в России, мыслитель использует выразительные метафоры, яркие эпитеты, подчёркивая, что революция в целом «отравила» Россию злобой и «напитала кровью». Однако, предвосхищая дальнейшие, не менее губительные последствия, русский философ подчёркивает, что чувством ненависти спасти Россию нельзя, так как «контрреволюция может напоить её новой кровью». Философ полагает, что спасти Россию может только любовь к русской земле и к русской душе. Раз-

рушение, злоба, обиды – всё это порождает негативную реакцию, возвращает к старой жизни. Революционаризм Бердяева мистический, а не посюсторонний и потому утопический. Тем не менее, мечты об отмирании государства можно обнаружить во многих идеологиях, от анархизма до либерализма, в этом Бердяев отнюдь не одинок. Вопрос, который не может не занимать нас сегодня, может ли в нынешней, далёкой от политических и философских идеалов социальной реальности, качественно иных межличностных отношений, экзистенциальная коммуникация уровня «Я-Ты» в духе Н.А. Бердяева повлиять на характер взаимодействий на макроуровне. Главным же уроком для нас является экзистенциальный опыт самого философа, свидетельствующий о том, что человек может быть достаточно сильным и цельным как личность, чтобы оказаться выше социальных катаклизмов. Ему необходимо сохранить свою индивидуальность и способность к самодетерминации, не впадая при этом в крайности революции и реакции. Но это, видимо, тема уже для другого разговора.

Источники и литература:

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994.
2. Горохов А.В. Н. А. Бердяев и Э. Мунье (Два опыта построения персоналистической философии) Вече. Альманах русской философии и культуры, 2009. Выпуск 19. – С. 114-120.
3. Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: Праксис, 2005.
4. Попков В.В., Аль-Кузаи Джабер Сакран Н. Бердяев о революции в аспекте проблем современной эпохи. / Науковий вісник Одеського національного економічного университету. – С. 189-196.
5. Эрн, В. Ф. Сочинения. – М.: Правда, 1991.

Referenses

1. Berdjaev N.A. Filosofija svobodnogo duha. - M.: Respublika, 1994.
2. Gorohov A.V. N. A. Berdjaev i Je. Mun'e (Dva opyta postroenija personalisticheskoj filosofii) Veche. Al'manah russkoj filosofii i kul'tury, 2009. Vypusk 19. – S. 114-120.
3. Luman N. Real'nost' massmedia. – M.: Praksis, 2005.
4. Popkov V.V., Al'-Kuzai Dzhaber Sakran N. Berdjaev o revoljucii v aspekte problem sovremennoj jepohi. / Naukovij visnik Odes'kogo nacional'nogo ekonomichnogo universitetu. – S. 189-196.
5. Jern, V. F. Sochinenija. – M.: Pravda, 1991.

УДК 101.1: 316 DOI: 10.24045/conf.2017.1.17

ТЕХНОУТОПИЗМ КАК КИБЕРКУЛЬТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Антипов М. А.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Пензенский государственный технологический университет
Пенза, Россия

Аннотация. *Автор рассматривает различные теории социализма. Особое внимание уделено теории техносоциализма. Техносоциализм автор трактует как построение социально справедливого общества на основе применения достижений научно-технического прогресса. Отдельно автор рассматривает теорию технoутопизма и цифрового утопизма, связанную с субкультурой работников сферы IT и фанатов интернета, а также с движениями хиппи, сторонников психоделических средств, битников и т.п. Делается утверждение о трансформации социально-экономических отношений вследствие развития интернет-технологий, когда важнейшим ресурсом становится информация. Свободный доступ к информации абсолютно всех людей является, по мнению теоретиков киберлибертарианства, условной реализацией идеи всеобщего равенства.*

Ключевые слова: *социализм, технократизм, интернет, коммуникационные технологии, киберкультура.*

TECHNOLOGICAL UTOPIANISM AS A CYBERCULTURAL MOVEMENT

Antipov M.A.,
Candidate of Philosophy,
Associate professor of Philosophy department
Penza State Technological University
Penza, Russian Federation

Abstract. The author considers various theories of socialism. Particular attention is paid to the theory of technological socialism. This theory the author interprets as building a socially just society through the application of achievements scientifically-technical progress. Separately, the author considers the theory of technological utopianism and digital utopianism associated with the subculture of IT sector and fans of the Internet, and with the movements of hippies, supporters of psychedelic substances, etc. Made the statement about the transformation of socio-economic relations due to the development of Internet technologies, when the most important resource is information. Free access to information by all the people is, according to theorists cyber libertarians, a conditional realization of the idea of universal equality.

Key words: Socialism, technocracy, the Internet, communication technologies, cyberculture.

Человечество в лице философов, а позднее и представителей общественных наук, на всем протяжении своего существования мечтало о достижении социальной справедливости в распределении важнейших ресурсов, необходимых для удовлетворения потребностей, о создании условий

для всестороннего развития человека и достижения всеобщего счастья. Значительный пласт интеллектуального наследия, посвящённого данной проблематике, составляют социалистические теории и концепции, к самым первым из которых можно отнести утопию Платона. Кроме Платоновской утопии, которую можно отнести к социальным проектам социалистического толка, можно отметить такие сочинения, как «Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Утопия» Т. Мора, «Новый закон справедливости» Джерарда Уинстенли [5], «Теория четырёх движений и всеобщих судеб» Ш. Фурье и другие.

Затем социализм перешёл на более реалистическую, научную или околонаучную основу в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса.

В современной теории социализма выделяется такая форма капиталистической экономики, как либеральный глобализм, означающий мировое господство транснационального капитала [6].

Самой известной попыткой построения социализма в общественной действительности является создание и существование СССР, оценки успешности которой в контексте истории нашей страны и мировой истории колеблются от либеральных до коммунистических и социалистических, и единое мнение здесь отсутствует и явно никогда не будет достигнуто.

Развитие теории социализма имеет длительную историю, классических представителей как за рубежом, так и в нашей стране, где данное учение оставило значительный след и имеет своих сторонников и по сей день. Но особое место среди самых разнообразных «левых» теорий занимает так называемый техносоциализм, который является результатом отбора и седиментации идей различных классиков социализма, в которых так или иначе прослеживаются технодетерминистские мотивы, когда построение социально справедливого общества, в котором достигнуто счастье для всех, увязывается с научно-техническим прогрессом.

Крайними по отношению к социализму являются либертарианские концепции, абсолютизирующие свободу человека и непосягаемость на право частной собственности. В 70-е годы XX века в рамках технократизма возник такой феномен интеллектуальной и общественной жизни, как цифровой утопизм, связанный, с одной стороны, с субкультурой работников сферы IT и в частности интернет-приложений, а также фанатов интернета, а с другой, с движениями хиппи, сторонников психоделических средств, битников и т.п. Интернет-фанаты считали мировую глобальную сеть средством обеспечения свободы, понимаемой как беспрепятственная возможность высказывать собственные мнения, выражать свои надежды, мечты и идеалы относительно общественного устройства. Также интернет – это сфера создания сетевых сообществ единомышленников, которым не нужно опасаться репрессивных действий со стороны властей. Одним словом, интернет расценивался некоторыми его апологетами как сфера достижения полной свободы от властного давления государственных бюрократических структур, аппарата принуждения, манипуляций сознанием.

Одним из выразителей подобных идей стал киберлибертанец Джон Перри Барлоу, основатель Electronic Frontier Foundation – группы, боровшейся

за гражданские права компьютерных пользователей. Данный автор утверждает, что интернет изменил экономические отношения, сделав важнейшим ресурсом информацию. Используя аналогию с материальным товаром, он утверждает, что информация благодаря мировой информационной сети продаётся, словно вино без бутылок. Если раньше информационные продукты нуждались для своего существования в материальных носителях – виниловых дисках, компакт-дисках, аудиокассетах и т.п., то в пространстве интернета она существует и распространяется как таковая, без записи на тот или иной материальный субстрат [1].

Таким образом, происходит трансформация не просто экономических отношений, меняются ценностные основания культуры.

Можно согласиться с подобной киберлибертанской установкой на свободный доступ к тем информационным продуктам, которые выкладываются в свободный доступ их авторами. Не это ли воплощение давних идеалов о равенстве? Ведь если сейчас важнейшим благом становится информация, то свобода пользования ею и означает достижение всеобщего равенства и справедливости. Информационная концепция общественного развития представляет из себя триаду, первой и второй компонентами которой являются стадии традиционная и индустриальная, а финальной – информационная. С ней имеются соответствия в целом ряде трёхчастных периодизаций истории, в т. ч. А. Цешковского, Г. Гегеля, Д. Вико и И. Флорского, также характеризующихся (и во многом сугубо утопически) как преисполненных равенства и социальной гармонии [3].

Каким бы ни было будущее киберцивилизации – утопическим или же, наоборот, как оно представляется в антиутопиях, где самые новаторские коммуникационные технологии используются для манипуляций сознанием, формирования потребительских установок и ориентаций на консюмеристские псевдоценности, социальная жизнь кардинально поменялась под воздействием цифровых технологий. Можно считать техноутопические идеи иллюзорным самообманом, а можно рассматривать их как самые прогрессивные мечтания человечества, но мы склонны усматривать за ними технодетерминистские мотивы, восходящие к взглядам М. Маклюэна, в соответствии с которыми коммуникационные сети превращают мир в единую «глобальную деревню» и актуализируют, будучи технотронным воплощением мифологического символизма волос (а также волн и волшебства), шерсти, пряжи, нитей и паутины с их семантикой взаимосвязи различных элементов мира, знание о которых обеспечивает власть [4, с. 214], проблему распределения власти знания между «старейшинами» и «народным сходом» этой глобальной неоархаической общины.

В целом же, если в утопических проектах будущего, будь они социалистического, или либерального толка, находится место цифровым технологиям и киберпространству, то можно утверждать о наступлении эры киберцивилизации, когда информационные сети, и прежде всего интернет, опоясывают весь земной шар.

Символично, но в годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, которая столетие назад прошла под лозунгами о равенстве и справедливости, в наше время на Земле сформировалось единое цифровое пространство, интегрирующее всё человечество, сформировавшее некий коллективный разум, о котором писали Джон Перри Барлоу, Марк Дери, Джеймс Лавлок и другие адепты киберкультуры [2].

Это, конечно, не мировая революция, о которой столько писалось и говорилось К. Марксом и его последователями, но развитие интернет-технологий ознаменовало собой переворот в системе коммуникации в обществе, когда у человечества появились невиданные ранее возможности обмена самыми различными информационными ресурсами и достижения иных уровней информационной свободы.

Источники и литература:

1. Барлоу Джон Перри Продажа вина без бутылок: Экономика сознания в глобальной Сети. Интернет-ресурс. http://lib.ru/COPYRIGHT/barlou.txt
2. Дери М. Скорость убегания: Киберкультура на рубеже веков / Марк Дери; [пер. с англ. Т. Парфеновой]. – Екатеринбург: Ультра.Культура; М.: АСТ МОСКВА, 2008. – 478, [2] с.
3. Дорошин Б. А. Диалектическая триада как алгоритм истории: архаические корни и актуальное значение классических периодизаций // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. технол. Ун-та, 2013. – № 11(15). – Т. 1. – С. 181–188. Серия: социально-гуманитарные науки.
4. Дорошин Б. А. Основные архетипы социальной элиты в мифологических представлениях народов Поволжья // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2010. – № 2 (23). – С. 209–217.
5. Новый закон справедливости 26 января 1649г./ Памфлеты диггеров // интернет-ресурс. http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/eng/digger.htm Дорошин Б. А. Основные архетипы социальной элиты в мифологических представлениях народов Поволжья // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2010. – № 2 (23). – С. 209–217.
6. Соркин Марк. К вопросу о теории социализма. Интернет-ресурс. http://ledokol-ledokol.livejournal.com/160281.html

Referenses

1. Barlou Dzhon Perri Prodazha vina bez butylok: Jekonomika soznanija v global'noj Seti. Internet-resurs. http://lib.ru/COPYRIGHT/barlou.txt
2. Deri M. Skorost' ubeganija: Kiberkul'tura na rubezhe vekov / Mark Deri; [per. s angl. T. Parfenovoj]. – Ekaterinburg: Ul'tra.Kul'tura; M.: ACT MOSKVA, 2008. – 478, [2] s.
3. Doroshin B. A. Dialekticheskaja triada kak algoritm istorii: arhaicheskie korni i aktual'noe znachenie klassicheskih periodizacij // XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastojashhego pljus. – Penza: Izd-vo Penz. gos. tehnol. Un-ta, 2013. – № 11(15). – T. 1. – S. 181–188. Serija: social'no-gumanitarnye nauki.
4. Doroshin B. A. Osnovnye arhetipy social'noj jelity v mifologicheskih predstavlenijah narodov Povolzh'ja // Vestnik Povolzhskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby. – 2010. – № 2 (23). – S. 209–217.
5. Novyj zakon spravedlivosti 26 janvarja 1649g./ Pamflety diggerov // internet-resurs. http://www.agitclub.ru/museum/revolution1/eng/digger.htm Doroshin B. A. Osnovnye arhetipy social'noj jelity v mifologicheskih predstavlenijah narodov Povolzh'ja // Vestnik Povolzhskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby. – 2010. – № 2 (23). – S. 209–217.
6. Sorkin Mark. K voprosu o teorii socializma. Internet-resurs. http://ledokol-ledokol.livejournal.com/160281.html

УДК 101.1:316.614 DOI: 10.24045/conf.2017.1.18

ОБРАЗ РОССИИ В ТРУДАХ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Мартынова О.А.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации»,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия

Аннотация: *статья посвящена взглядам К. Маркса и Ф. Энгельса на прошлое, настоящее и будущее России, её особенности и роль в мире. Выявляются основные проблемы истории России, которым уделяли внимание основоположники марксизма, систематизируются взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на современное положение России, на её место на мировой арене. Прослеживается степень объективности и фактическая обоснованность взглядов мыслителей.*

Ключевые слова: *марксизм, К. Маркс, Ф. Энгельс, Россия, философия истории, славяне, русская дипломатия, история России.*

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE WORKS OF K. MARX AND FR. ENGELS

Martynova O.A.,
Candidate of Philosophy,
Associate professor of «Philosophy and social communication» department
Penza State University, Penza, Russian Federation

Abstract: the article is devoted to the views of K. Marx and Fr. Engels on the past, present and future of Russia, its peculiarities and role in the world. Identifies major problems in the history of Russia, which paid attention to the founders of Marxism, sistematizirovat the views of K. Marx and FR. Engels on the current situation of Russia, its place on the world stage. Traces the degree of actual objectivity and the validity of the views of thinkers.

Key words: Marxism, Karl Marx, FR. Engels, Russia, philosophy of history, Slavs, Russian diplomacy, the history of Russia.

К. Маркс и Ф. Энгельс являются знаковыми фигурами в идеологии социализма. Их теория легла в основу социалистической революции в России. В России советского периода их труды активно изучались и послужили основой таких дисциплин, как научный коммунизм, диалектический материализм, исторический материализм; теория общественно-экономических формаций легла в основу советской исторической науки. Однако, по словам Н.А. Бердяева, революция в России произошла «во имя Маркса, но не по Марксу» [1]. Известно, что основоположники марксизма по разным причинам не видели Россию во главе социалистического движения. По их словам, «ненависть к русским была и продолжает ещё быть у немцев их первой революционной страстью… «беспощадная борьба не на жизнь, а на смерть» со славянством, предающим революцию, борьба на уничтожение и беспощадный терроризм – не в интересах Германии, а в интересах революции» [2, с. 306]. Известны

также их уничижительные высказывания о характере и способностях русских, например, об их «почти беспримерной способности к торговле в её низших формах, к использованию благоприятных обстоятельств и к неразрывно связанному с этим надувательству: недаром ведь ещё Пётр I говорил, что один русский справится с тремя евреями» [3, с. 539]. В свете подобных противоречий представляется интересной проблема отношения К. Маркса и Ф. Энгельса к России, их представления о её прошлом и будущем, об её позиции на мировой арене. Стоит отметить, что в данном вопросе К. Маркс и Ф. Энгельс были единомышленниками; сам Ф. Энгельс в работе «Внешняя политика русского царизма» отмечал, что, описывая негативное влияние русского царизма на развитие Европы, продолжает дело покойного друга.

Знания и мнение К. Маркса и Ф. Энгельса о России основывались на разнообразных источниках. Они были в курсе новостей о Крымской и русско-турецкой (1877–1878 гг.) войнах. Безусловно, они опирались на труды русских революционеров, с которыми полемизировали: М.А. Бакунина, П.Л. Лаврова, П.Н. Ткачева. Анализируя социально-экономическое положение России, Ф. Энгельс ссылался на «Сборник материалов об артелях в России» и работу Флеровского «Положение рабочего класса в России». Статьи для американской энциклопедии, посвящённые войне 1812 г., они писали, опираясь на мемуары Толя, которые считали лучшим изложением указанных событий. В.Н. Котов в лекциях «К. Маркс и Ф. Энгельс о России и русском народе» отмечает, что «среди прочитанных К. Марксом и Ф. Энгельсом книг имеются сочинения Карамзина, Соловьева, Костомарова, Беляева, Сергеевича и ряда других историков [4]. Правда, это не находит документального подтверждения; в «Хронологических заметках» К. Маркс излагает события европейской, а не русской истории. Таким образом, знания К. Маркса и Ф. Энгельса о России основаны на разнообразных источниках, но их вряд ли можно назвать глубокими и основательными.

Первое, что бросается в глаза при изучении взглядов основоположников марксизма на Россию – стремление подчеркнуть различия между русскими и европейцами. Так, говоря о русской истории, К. Маркс только на начальной её стадии – Киевской Руси – признаёт сходство с европейской. Империя Рюриковичей (название Киевская Русь он не употребляет) является, по его мнению, аналогом империи Карла Великого, а её стремительное расширение – «естественным следствием примитивной организации норманнских завоеваний… причем необходимость дальнейших завоеваний поддерживалась непрерывным притоком новых варяжских авантюристов» [5]. Из текста явствует, что К. Маркс считал данный период русской истории не этапом развития именно русского народа, а одним из частных случаев действий германских варваров, наводнивших в те времена Европу. Лучшим доказательством этой мысли философ считает то, что практически все киевские князья возводились на престол силой варяжского оружия (правда, он не приводит конкретных фактов). Влияние на этот процесс славян К. Маркс полностью отвергает, признавая славянским государством только Новгородскую республику. Когда верховная власть перешла от норманнов к славянам,

империя Рюриковичей закономерно распалась, а монголо-татарское нашествие окончательно уничтожило её остатки. С тех пор пути России и Европы разошлись. Рассуждая о данном периоде русской истории, К. Маркс показывает в целом достоверное, но довольно поверхностное знание её событий: так, он пренебрегает даже таким известным фактом, что хана, установившего монголо-татарское иго на Руси, звали не Чингисхан, а Батый. Так или иначе, «колыбелью Московии было кровавое болото монгольского рабства, а не суровая слава эпохи норманнов» [5]. Пропасть между Россией и Европой не смогла заполнить деятельность Петра I, которую К. Маркс назвал стремлением «цивилизовать» Россию. Немецкие земли, по словам К. Маркса, «в изобилии снабдили его чиновниками, учителями и фельдфебелями, которые должны были вымуштровать русских, придав им тот внешний налёт цивилизации, который подготовил бы их к восприятию техники западных народов, не заражая их идеями последних» [5]. В своем стремлении показать непохожесть русских на европейцев основоположники марксизма заходят достаточно далеко. Так, в письме Ф. Энгельсу К. Маркс одобрительно отзывается о теории профессора Духинского о том, что «великороссы не славяне… настоящие московиты, то есть жители бывшего Великого княжества Московского, большей частью монголы или финны и т. д., как и расположенные дальше к востоку части России и её юго-восточные части… название Русь узурпировано московитами. Они не славяне и вообще не принадлежат к индогерманской расе, они intrus, которых требуется опять прогнать за Днепр» [6, с. 106]. Говоря об этой теории, К. Маркс берёт в кавычки слово «открытия», что показывает, что он не принимает её за непреложную истину. Однако далее он достаточно чётко обозначает своё мнение: «Я бы хотел, чтобы Духинский оказался прав и чтобы, по крайней мере, этот взгляд стал господствовать среди славян» [6, с. 107].

Говоря о России, основоположники марксизма отмечают и её экономическую отсталость. В работе «О социальном вопросе в России» Ф. Энгельс точно и обоснованно подмечает основные тенденции и проблемы развития пореформенной российской экономики: концентрацию земли в руках дворянства; поземельный налог, выплачиваемый крестьянами; огромную наценку на выкупаемую крестьянами землю; расцвет ростовщичества и финансового мошенничества; расстройство финансовой и налоговой системы; коррупцию; разрушение общины на фоне усиленных попыток государства сохранить её; малограмотность рабочих, способствующую эксплуатации их труда; беспорядок в сельском хозяйстве, нехватку земли у крестьян и рабочей силы у помещиков. На основании приведённых данных мыслитель делает неутешительный, но справедливый вывод: «нет другой такой страны, в которой при всей первобытной дикости буржуазного общества был бы так развит капиталистический паразитизм, как именно в России, где вся страна, вся народная масса придавлена и опутана его сетями» [3, с. 540].

Наряду с экономической отсталостью России К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают её военную слабость. По словам Ф. Энгельса, Россия практически

неприступна в обороне в силу своей обширной территории, сурового климата, бездорожья, отсутствия центра, захват которого обозначил бы исход войны, и стойкого, пассивного населения; однако, когда речь заходит о нападении, все эти достоинства превращаются в недостатки: обширная территория затрудняет передвижение и снабжение армии, пассивность населения оборачивается безынициативностью и инертностью, отсутствие центра порождает беспорядки. Подобные рассуждения, безусловно, не лишены логики и основаны на знании истории войн, которые вела Россия, однако Ф. Энгельс делает в них существенные фактические ошибки. Так, он полагает, что Россия занимает территорию «с исключительно однородным в расовом отношении населением» [7, с. 16]. Трудно сказать, по каким причинам мыслитель игнорировал многонациональность населения страны: он просто не владел подобной информацией или считал её несущественной в данном вопросе. Кроме того, Ф. Энгельс проявляет некоторую ограниченность, говоря, что Россия уязвима только со стороны Европы.

Основоположникам марксизма присуще желание умалить военные успехи России и значение её побед. Так, излагая историю освобождения России от монголо-татарского ига, К. Маркс ни словом не упоминает о Куликовской битве. По его словам, «когда татарское чудовище наконец испустило дух, Иван явился к его смертному одру скорее как врач, предсказавший смерть и использовавший её в своих интересах, чем как воин, нанёсший смертельный удар» [5]. Участие России в войнах с Наполеоном классики марксизма считают средством реализации захватнических планов России, в частности, по разделу Германии. Остается без внимания тот факт, что действия русской армии (в частности, самоубийственный переход армии под предводительством Суворова через Альпы) спасали Австрию и Пруссию от полного разгрома и завоевания и осуществлялись как раз в их интересах. Свое видение антинаполеоновских войн Ф. Энгельс описывает следующим образом: «Её (Россию) могут устроить только такие войны, когда союзники России должны нести основное бремя, подвергать свою территорию, превращённую в театр военных действий, опустошениям и выставлять наибольшую массу бойцов, в то время как русские войска выполняют роль резервов, которые щадят в большинстве боёв, но на долю которых во всех крупных сражениях выпадает связанная со сравнительно небольшими жертвами честь решать окончательный исход дела; так это и было в войне 1813–1815 годов» [7, с. 16-17]. Даже план кампании 1812 г. по стратегическому отступлению русской армии разработал, по его словам, прусский генерал Фуль, а М.Б. Барклай-де-Толли был единственным генералом, не поддавшимся бесполезной и глупой панике и предотвратившим попытки спасти Москву. Здесь налицо откровенное пренебрежение историческими фактами, что выглядит странным с учётом того, что К. Маркс и Ф. Энгельс написали серию статей о данной войне для американской энциклопедии, ссылаясь на мемуары К.Ф. Толя, воевавшего на стороне России. Неприязнь к России оказывается настолько велика, что отношение к её участию в антинаполеоновских войнах выражается в весьма оскорбительной форме: «русские и поныне ещё по-

хваляются тем, что они своими бесчисленными войсками решили падение Наполеона» [2, с. 300].

Будучи невысокого мнения о военной мощи России, русскую дипломатию К. Маркс и Ф. Энгельс считали её сильнейшей стороной, а внешнеполитические успехи – важнейшим достижением на мировой арене. Внешнеполитическая стратегия России (допетровскую Россию К. Маркс называет Московией) выросла «в ужасной и гнусной школе монгольского рабства» [5], что диктовало определённые методы дипломатии. Московские князья, основатели нового государства Иван Калита и Иван III переняли у монголо-татар тактику подкупа, притворства, использования интересов одних групп против других. Они втирались в доверие к татарским ханам, настраивали их против своих противников, использовали противостояние Золотой Орды с Крымским ханством и новгородского боярства с купечеством и бедным населением, амбиции римского папы – в целях укрепления светской власти над православной церковью. Князь «должен был превратить в систему все уловки самого низкого рабства и применять эту систему с терпеливым упорством раба. Открытая сила сама могла входить в систему интриг, подкупа и скрытой узурпации лишь в качестве интриги. Он не мог ударить, не дав предварительно яда. Цель у него была одна, а пути её достижения многочисленны. Вторгаться, используя обманным путём враждебную силу, ослаблять эту силу именно этим использованием и, в конце концов, ниспровергнуть её с помощью средств, созданных ею же самой» [5]. Далее русские цари активно использовали наследие московских князей. В работе «Внешняя политика русского царизма» Ф. Энгельс со смесью неприязни и восхищения подробно описывает тончайшую дипломатическую игру, которую вела русская дипломатия в эпоху Екатерины II и Александра I (правда, не забыв подчеркнуть немецкое происхождение всех великих дипломатов). Россия, по его словам, замечательно играла на противоречиях между крупнейшими европейскими державами – Англией, Францией и Австрией. Она могла безнаказанно вмешиваться во внутренние дела всех стран под предлогом защиты порядка и традиций (если играла на руку консерваторам) или просвещения (если нужно было подружиться с либералами). Именно Россия во время американской войны за независимость впервые сформулировала принцип вооружённого нейтралитета, впоследствии активно используемый дипломатами всех стран (на тот момент эта позиция ослабила морское превосходство Англии). Она активно использовала националистическую и религиозную риторику для расширения своего влияния в Османской империи: вторгалась на её территорию под предлогом защиты славян и православной церкви, провоцировала восстания покорённых народов, которые, по убеждению Ф. Энгельса, жили совсем не плохо. При этом Россия не боялась поражений, так как Турция была заведомо слабым соперником. Путём подкупов и дипломатических интриг Россия долгое время поддерживала раздробленность Германии и держала в зависимости Пруссию. Возможно, это и является одной из причин неприязни К. Маркса и Ф. Энгельса к России. Именно Россия, по мнению Ф. Энгельса, стёрла Польшу с карты мира, отдав её часть

Австрии и Пруссии. Этим она убила двух зайцев: ликвидировала беспокойного соседа и надолго подчинила себе Австрию и Пруссию. «Кусок Польши был той костью, которую царица бросила Пруссии, чтобы заставить её смирно сидеть целое столетие на русской цепи» [7, с. 23]. Таким образом, вину за уничтожение Польши мыслитель целиком сваливает на Россию, забыв упомянуть о заинтересованности Пруссии и Австрии.

Россия, по словам мыслителей, постоянно вынашивает захватнические планы. Целью московских князей было подчинение русских земель, делом жизни Петра I – укрепление на Балтийском побережье (именно поэтому, по мнению К. Маркса, он перенёс столицу на вновь завоёванные земли), Екатерина II и её наследники стремятся к захвату Константинополя, чтобы контролировать Чёрное и часть Средиземного моря. К этому мыслители прибавляют завоевательные войны на Кавказе. Наряду с расширением экономического влияния они видят у подобной политики ещё одну цель. Для поддержания царской власти и власти дворянства России необходимы постоянные внешнеполитические успехи, которые создают иллюзию сильного государства и отвлекают народ от внутренних проблем (тем самым освобождая власть от необходимости их решать). Подобная тенденция характерна для всех стран, но К. Маркс и Ф. Энгельс показывают её именно на примере России. В критическом запале основоположники марксизма рассматривают факты несколько односторонне. Так, они сильно преувеличивают слухи о благоденствии сербских крестьян под гнётом турок; умалчивают об опасности, которая грозила России со стороны Польши и Литвы (эти страны к XVIII веку уже не могли всерьёз угрожать России, но всё же были постоянным источником беспорядков); не сообщают подробности жизни кавказских народов под властью Персии и игнорируют тот факт, что многие из них, например, Грузия, сами просили Россию о помощи (возможно, они просто не владели этой информацией).

Но всё же основной причиной отрицательного отношения К. Маркса и Фр. Энгельса к Российской империи является её непримиримая ненависть к революции и прогрессивным изменениям в обществе. Ненависть эта вытекает как из самой природы деспотической власти, так и из низкого уровня развития общества. В России борьба деспотизма против свободы имеет длительную историю. Ещё Иван III, по словам К. Маркса, понял, что непременное условия существования единой сильной Московии – уничтожение русских вольностей, и бросил силы на борьбу против остатков республиканской власти на окраинах: в Новгороде, Польше, казачьей республике (не совсем понятно, что имел в виду К. Маркс, говоря о ней). Поэтому он «сорвал цепи, в которые монголы заковали Московию, только для того, чтобы опутать ими русские республики» [5]. Далее Россия успешно извлекала выгоду из европейских революций: благодаря Великой французской революции она смогла подчинить своему влиянию Австрию и Пруссию и уничтожить Польшу (сопротивление поляков отвлекло Россию от Франции и помогло революционерам). Борьба против Наполеона, в которой Россия играла решающую роль, также была борьбой против революционной Франции; после

победы Россия заручилась поддержкой восстановленной монархии. По этой же схеме Россия приобрела союзников и расширила сферу своего влияния после революций 1848 г. Заключив с Пруссией и Австрией Священный Союз, Россия стала оплотом реакции в Европе. Подавляя революции в Европе, Россия усиливает своё влияние на её правительства, ликвидирует потенциальную опасность для себя, а также отвлекает собственный народ от внутренних проблем. Если учесть, что К. Маркс и Ф. Энгельс считали социалистическую революцию закономерным итогом развития Европы, становится понятно, почему они считали, что Россия своим вмешательством нарушает естественный ход развития европейских стран и для победы рабочая партия должна бороться не на жизнь, а на смерть с русским царизмом.

Говоря о видении России К. Марксом и Фр. Энгельсом, необходимо отметить ещё одну существенную деталь: противопоставление правительства и народа. В любой стране, в том числе и в России, правительство очень редко отстаивает народные интересы. Монголо-татарское иго способствовало усилению московских князей, но иссушило душу народа. Пётр I «перенесением столицы порвал те естественные узы, которые связывали систему захватов прежних московитских царей с естественными способностями и стремлениями великой русской расы. Поместив свою столицу на берегу моря, он бросил открытый вызов антиморским инстинктам этой расы и низвел её до положения просто массы своего политического механизма» [5]. Дипломатическими играми XVIII – XIX вв., поднявшими Россию до небывалого могущества, занимались иностранцы на русской службе: Поццо-ди-Борго, Ливен, К.В. Нессельроде, А.Х. Бенкендорф, Медем, Мейендорф и др. под руководством немки Екатерины II и её наследников. Русский народ, по мнению основоположников марксизма, вынослив, храбр, стоек, но пассивен, поглощён частными интересами. Благодаря этим свойствам народа русская армия непобедима в том случае, когда исход боя решают сомкнутые массы. Однако умственный застой народа и низкий уровень развития общества приводит к тому, что народ не имеет собственной воли и всецело доверяет легендам, которые распространяет власть. «В глазах вульгарно-патриотической публики слава побед, следующие одно за другим завоевания, могущество и внешний блеск царизма с избытком перевешивают все его грехи, весь деспотизм, все несправедливости и произвол» [7, с. 15]. Это приводило к тому, что русский народ, даже сопротивляясь несправедливости системы, никогда не восставал против царя. Подобная пассивность народа – необходимое условие успешной внешней политики, основанной на завоеваниях и подавлении прогресса.

Однако впоследствии К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к выводу, что после поражения России в Крымской войне мировоззрение народа изменилось. Народ начал критически относиться к власти, интеллигенция способствует распространению революционных мыслей, промышленное развитие становится все более важным для внешнеполитических успехов. Поэтому в России конца XIX века возможна революция: в предисловии к русскому

изданию «Манифеста коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс называют Россию передовым отрядом революционного движения в Европе. Мыслители не отрицают, что революция в России в силу особенностей развития страны пройдёт иначе, чем могла бы пройти в Европе: из-за того, что большая часть земли в России находится в общинном владении, русская революция будет по преимуществу крестьянской, а община станет ячейкой нового общества. Русская революция станет сигналом для революций в других европейских странах.

Социалистическая революция не только преобразует Россию, но и существенно изменит расстановку сил в Европе. Ф. Энгельс в 1890 г. обозначает существование в Европе двух военно-политических союзов: России с Францией и Германии с Австрией и Италией. Союз Германии, Австрии и Италии существует, по его словам, исключительно под влиянием «русской угрозы» на Балканах и Средиземном море. В случае ликвидации царского режима в России эта угроза исчезнет, т.к. Россия переключится на внутренние проблемы, агрессивная Германия, оставшись в одиночестве, не решится развязать войну. Европейские страны будут строить отношения на новой основе партнёрства и прогресса. Подобные рассуждения нельзя безусловно принять на веру. Ф. Энгельс перекладывает на Россию всю ответственность за предстоящую мировую войну и обходит вниманием стремление европейских стран к переделу колоний за пределами Европы, из-за которого война всё равно стала бы неизбежна.

Таким образом, во взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса прослеживается двойственность в отношении России. С одной стороны, они подчёркивают её несходство с Европой и отрицательную роль в развитии Запада, с другой стороны, их критика направлена на правительство, а не на русский народ. Кроме того, ход русской истории заставил основоположников марксизма пересмотреть своё отношение к России и признать её возможную роль в историческом прогрессе.

Источники и литература:

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма [Электронный ресурс]. – http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/duhi.txt
2. Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. – Т. 6. – М.: Политиздат, 1962.
3. Маркс К. О социальном вопросе в России // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. – Т. 18. – М.: Политиздат, 1962.
4. Котов В.Н. К.Маркс и Ф.Энгельс о России и русском народе. – М.: Знание, 1953 [Электронный ресурс]. - http://www.biografia.ru/arhiv/orossii02.html
5. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века [Электронный ресурс]. – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/diplomat_history/index.php
6. К. Маркс – Ф. Энгельсу в Манчестер // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. – Т. 31. – М.: Политиздат, 1962.
7. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. – Т. 22. – М.: Политиздат, 1962.

References
1. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma [EHlektronnyj resurs]. – http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/duhi.txt
2. EHngel's F. Demokraticheskij panslavizm // Marks K. i EHngel's F. Soch. Izd. 2. – T. 6. – M.: Politizdat, 1962.
3. Marks K. O sotsial'nom voprose v Rossii // Marks K. i EHngel's F. Soch. Izd. 2. – T. 18. – M.: Politizdat, 1962.
4. Kotov V.N. K.Marks i F.EHngel's o Rossii i russkom narode. – M.: Znanie, 1953 [EHlektronnyj resurs]. – http://www.biografia.ru/arhiv/orossii02.html
5. Marks K. Razoblacheniya diplomaticheskoj istorii XVIII veka [EHlektronnyj resurs]. – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/diplomat_history/index.php
6. K. Marks - F. EHngel'su v Manchester // Marks K. i EHngel's F. Soch. Izd. 2. – T. 31. – M.: Politizdat, 1962.
7. EHngel's F. Vneshnyaya politika russkogo tsarizma // Marks K. i EHngel's F. Soch. Izd. 2. – T. 22. – M.: Politizdat, 1962.

УДК 323.2+323.4+321.01 DOI: 10.24045/conf.2017.1.19

ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XX ВЕКА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И США: ОБЗОР ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

Сиушкин А.Е.,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры «Теория государства и права и политология»,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия

Милаева О.В.,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры
«Философия и социальные коммуникации»,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия

Аннотация. *Статья посвящена обзору основных концепций революции в науке XX века. Авторы акцентируют внимание на теоретизации причин революции в ходе развития научной теории на протяжении последнего столетия. В задачу включается рассмотрение предметного комплекса основных подходов к изучению революции, основных направлений проводимых исследований. В статье рассматриваются социально-психологические концепции, неомарксизм, политические концепции, системный подход, макросоциология и структурализм, методы математического моделирования социальных конфликтов.*

Ключевые слова: *теория революции, причины революции, революция, социальный конфликт, классовая борьба.*

THE THEORY OF THE SOCIAL REVOLUTION OF THE XX CENTURY IN WESTERN EUROPE AND THE USA: THE REVIEW OF THE MAIN DIRECTIONS

Siushkin A. E.,
Candidate of sociological Sciences,
Associate professor of State and Law Theory and Political Sciences department
Penza State University, Penza, Russian Federation

Milaeva O. V.,
Candidate Of historical sciences,
Associate professor of «Philosophy and social communication» department
Penza State University, Penza, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to a review of the basic concepts of revolution in the science of the 20th century. The authors emphasize the theorizing of the causes of the revolution in the development of scientific theory throughout the last century. The task includes the consideration of the subject complex of basic approaches to the study of the revolution, the main directions of research. The article deals with socio-psychological concepts, neo-Marxism, political concepts, system approach, macrosociology and structuralism, methods of mathematical modeling of social conflicts.

Key words: theory of revolution, causes of revolution, revolution, social conflict, class struggle.

Революция как социальный феномен является предметом изучения различных общественных наук. Существуют множественные теории и концептуальные модели революции, часто противоречащие друг другу и принимающие во внимание ограниченный набор социальных детерминант. Поэтому классифицировать все традиции и взгляды на данную проблему – достаточно непростая задача. В настоящей статье мы обращаемся к основным, на наш взгляд, направлениям и школам осмысления революции и причин революционных процессов, развивавшихся на протяжении конца XIX – начала XXI века, концентрируясь на научных школах, теориях революции Западной Европы и США. Основной своей целью авторы ставят рассмотрение в хронологическом порядке концептуализации понимания западноевропейской и американской философской, исторической, социологической наукой сущности революционных процессов, их причин. Задачей является рассмотрение предметного комплекса основных подходов к изучению революции, основных направлений проводимых исследований.

Концепция революции в её современном смысле относительно молода. Лишь в конце XVIII в. она складывается в привычном для нас виде и начинает использоваться в описании эпохальных прорывов, фундаментальных общественных преобразований. Хотя не будем забывать, что сам термин появился уже в XIV веке, но в то время он означал всего лишь вращательное движение, хождение по кругу. Николай Коперник озаглавил свою знаменитую работу «О вращении небесных тел»: «On the Revolutions of Celestial

Bodies» (1543). Значительно позже данное определение было заимствовано политической философией.

XIX век с его «диким капитализмом» – был также «золотым веком» для идеи революции, которая проникла в самые разные политические и социальные теории. С работами Карла Маркса концепция революции стала общеизвестной и вошла в научный и политический обиход не только как объект научно-философских изысканий, но и мощный идеологический инструмент критики капиталистической реальности, основание для альтернативного социального (коммунистического) проекта.

Если исходить из наиболее очевидного критерия – масштаб и глубина трансформации общественно-политических и экономических институтов (формации), – можно выделить два типа революций: политические (то есть смена политических элит, политического режима) и социальные (не только смена политических элит и режима, но и изменение всего общественного строя и его институтов, затрагивающая в перспективе и общественный ментальный уровень).

Фактически марксистская традиция, введя разделение революций на буржуазные и социалистические, рассматривала именно социальные революции. Основной посыл марксистской теории общественных революционных изменений: революция – не случайный эпизод массового насилия. Это классовый конфликт, объективно заданный обстоятельствами, связанными с разрывом между производительными силами и производственными отношениями, порождающий системные сбои в производстве и нарастание противоречий между классами.

Примером буржуазных революций являются Нидерландская революция XVI века, Английская революция XVII века, Война за независимость американских колоний, Великая французская революция, революции 1848–1849 годов в Европе. Основная цель буржуазной революции – замена феодализма капитализмом. Если она реализована не до конца, например не ликвидирует полностью феодальный способ правления (политические институты), это обычно влечёт за собой возникновение буржуазно-демократических революций, смыслом которых является приведение политической надстройки в соответствие с экономическим базисом. Примерами таких революций являются революции 1848 и 1871 годов во Франции, Война Севера с Югом (Вторая американская революция), революция 1905–1907 годов и Февральская революция 1917 года в России и тому подобные.

Социалистическая революция приводит к переходу от капитализма к социализму. Традиционный марксизм такой революцией считает Октябрьскую революцию 1917 года в России, народно-демократические революции конца 1940-х годов в Восточной Европе, Китайскую революцию 1949 года, Кубинскую революцию 1959 года и т. д. Однако целый ряд направлений в марксизме (неомарксизм, Франкфуртская школа, фрейдомарксизм и др.) отрицает социалистический характер этих революций, что объясняется развитием во второй половине XX века социальных конфликтов, не укладывающихся в систему и методологию марксистского анализа.

Так, покончившие с просоветскими режимами в Восточной Европе так называемые «бархатные революции» 1989–1991 гг., для сторонников марксистского подхода представляют собой определённую методологическую проблему. Действительно, данные «революции» часто осуществлялись уже находящимися у власти элитами (номенклатурой), которые в результате усилили свои позиции, присоединив к власти также и собственность. Совершение революции правящими классами плюс восстановление капитализма – такие изменения современные марксисты предпочитают именовать не «революцией», а «реакцией», «реставрацией» или даже контрреволюцией.

Не укладываются в описываемую традицию и «цветные революции» конца XX – начала XXI века. Известные события в странах Северной Африки и Ближнего Востока, на Украине, в Грузии, Киргизии также не привели к смене общественно-экономической формации, а лишь к смене политического режима и правящих элит. С этой точки зрения (разграничение «цветных» и классических революций) разделение революций на политические и социальные выглядит вполне оправданным: смена политического режима и правящих элит, но не формации в целом – это основной маркирующий признак «цветной революции», в отличие от «истинной» или классической.

Наличие пробелов и противоречий в марксистской теории революции, трансформация и усложнение социальных процессов породили необходимость дальнейшего развития научных исследований, связанных с теоретическим и практическим осмыслением революционных процессов.

В целом отметим, что развитие теории социальной революции в XX веке проходило в направлении от построения теоретических конструктов и создания масштабных теорий (начало XX века – 1970-е годы) к практико-ориентированным исследованиям на материале современных социально-политических событий (1990-е – начало XXI века). Значительное изменение претерпела и методология исследований: от применения общетеоретических методов до математического моделирования, прогнозирования и статистического анализа. В отношении направлений исследований можно фиксировать тенденцию дробления предметно-тематического комплекса: от разработки общей схемы развития революции и причинно-следственных связей, изучения психологии вождя и массы, к изучению отдельных сторон революции, причин и следствий, действий и интересов групп-участниц процесса, роли международных процессов и государственных институтов. Фактически теория революции в XX веке представляет собой постоянное расширение и усложнение поля научных исследований.

Отметим, что разногласия научных школ в отношении понимания революции (истинной или ложной) нивелируются только в одном моменте – всеми исследователями революция признаётся социальным конфликтом. Ещё одним общим моментом является понимание революции большинством представителей научных кругов не только как насильственной смены социально-экономического строя, но как гораздо более сложного комплекса проблем, приводящих к коренным изменениям во власти и обществе.

Среди многообразия накопленных на сегодняшний день теорий и научных школ изучения революционных процессов, рассмотрим наиболее значимые, привносящие новые понятия, методы, темы, аспекты в общее развитие теории революции.

Социально-психологические теории обращаются к сложным процессам мотивации, склоняющей людей к революционной мобилизации. Представители этих научных школ считают недостаточно полными исторические, политические и структуралистские концепции в связи с тем, что революция осуществляется людьми, а это приводит объективного учёного к необходимости «возвращения человека в революционное уравнение» [22, P. 206].

Начало этой теории можно найти в трудах А. де Токвиля [7]. Исследуя причины Великой французской революции, автор отмечает, что причины революции следует искать не в ближайшем по отношению к ней времени, а гораздо раньше. И основной причиной можно считать открытие перед массами/обществом перспектив более позитивных, чем возможности, предлагаемые существующим строем: в этом случае тяготы, которые переносились молча, становятся невыносимыми, способствуя радикализации настроений масс, что и служит почвой для социального взрыва. При этом Токвиль апеллирует не только к психологическому пониманию массами своего «относительного неблагополучия» в материальном отношении, в отношении развития жизненных перспектив, но и к нравственным ментальным особенностям народа, его осознанию собственного достоинства как нации. «Найдётся ли человек с душой настолько низкой, что предпочёл бы зависеть от капризов одного из себе подобных и подчиняться законам, установлению которых тот способствовал, если ему кажется, что его собственная нация обладает достоинствами, необходимыми для того, чтобы правильно распорядиться свободой? Полагаю, таких нет» [7, с. 12].

Отнюдь не как выражение «чаяний масс», стремление к мечте о свободе и справедливости, проявление достоинства народа оценивают революцию основоположники социальной психологии. Так, Г. Ле Бон в своей книге «Психология революции» [23], обращаясь к событиям Великой французской революции, связывает их с природной склонностью масс (именуемых «толпами»), особенно объединённых негативной целью, к проявлению иррациональности, агрессивности, к применению насилия. Ту же иррациональность в поведении толпы, «патологический» характер её действий отмечает другой основоположник социальной психологии – У. Макдаугалл. В том же контексте можно оценить работы З. Фрейда, считавшего революции невротичной формой группового поведения, несмотря на уважительное отношение к построению социализма в СССР как к одному из самых масштабных исторических экспериментов по усовершенствованию цивилизации [19]. Отметим ещё одну идею З. Фрейда, активно муссировавшуюся фрейдистской психологической научной школой, а именно психологию революционного лидерства. Фрейд утверждает, что лидеры и ведомые в процессе революции приобретают невротическую связь: «Группа представляет собой послушную орду, которая не может жить без хозяина. Она испытывает жажду подчинения,

которая вынуждает инстинктивно подчиняться любому, кто провозглашает себя своим хозяином» [20]. Исследования личностных качеств личностей исторических революционеров проводились К. Лейденом и К. Шмиттом, А. Уолферстейном [24], [25]. Вывод довольно однозначный: только авторитарные личности имеют потребности и убеждения, необходимые для успешного совершения революций. При этом чаще всего такие личности отягощены сформированными в результате воспитания и социализации многочисленными комплексами, выраженными в стремлении к власти, и оказывающими определяющее влияние на их мотивы и поступки. А масса им подчиняется, поскольку это её основная потребность. Мы разделяем точку зрения доктора психологических наук А.В. Юревича, высказывающего сомнения относительно логики такого утверждения: «революции часто направлены именно против хозяев, хотя нередко и увенчиваются сменой одних хозяев другими, причём худшими, нежели низвергнутые. Тем не менее, нельзя не признать и того, что революции, как правило, порождают вождей и предполагают некритическое подчинение им. А вопрос о том, что более характерно для революций – слепое подчинение лидерам или ниспровержение авторитетов, видимо, не имеет однозначного решения» [11].

Более поздним вариантом развития социально-психологической концепции, может служить теория относительной депривации (Дж. Дэвис, Т. Гурр) [14], [21]. Отметим, что она относится к ранней волне количественного анализа революций, пришедшегося на 1960-е годы. Основывалась она на использовании линейной регрессии (один из методов статистического анализа в математическом моделировании) с использованием глобальных данных по странам и годам, что в первую очередь касалось изучения проблем модернизации и теории депривации.

Понятие «депривация» означает расхождение между уровнем распространённых в обществе притязаний и мерой их действительной реализации. В формулировке Гурра, это «воспринимаемая разница между ценностными ожиданиями (вещами и условиями жизни, которых, как полагают люди, они заслуживают по справедливости) и ценностными возможностями (вещами и условиями, которые они в действительности могут получить)» [9, с. 378-379], [10, с. 571].

Иными словами, если люди бедны, но воспринимают это как должное, то революционного брожения не возникает. Лишь когда они начинают задаваться вопросом о том, что они должны иметь «по справедливости», но не имеют по каким-то причинам, появляется чувство относительной депривации, которое и приводит к революционным настроениям.

Как возникает этот синдром? Каково его происхождение? Очевидно, можно выделить три возможных варианта.

Первый заключается в том, что в результате возникновения новых политических доктрин, систем ценностей устанавливаются новые социальные стандарты, которые недоступны основной массе. Люди «озлобляются», поскольку чувствуют, что у них нет возможности изменить

свою жизнь, реализовать свои ожидания. Такую ситуацию часто называют «революцией пробудившихся надежд».

Второй вариант заключается в том, что надежды остаются примерно на том же уровне, но происходит существенное падение жизненных стандартов. Это может случиться, например, в результате экономического или финансового кризиса и неспособности государства обеспечить привычный уровень жизни. «Человек озлобляется сильнее в тех случаях, когда теряет то, что имеет, чем тогда, когда он утрачивает надежду приобрести то, что ещё не получил» [9, с. 379-380]. «Революция отобранных выгод» – так принято называть такую ситуацию – является ещё более распространённой, чем «революция пробудившихся надежд».

Третий вариант («революция крушения прогресса») гласит, что надежды и возможности растут параллельно в течение некоторого времени. Затем кривые неожиданно разделяются, причем надежды продолжают расти, а реальные возможности достижения блокируются. Последствия те же самые, что и в предыдущих случаях – ощущение острой социальной несправедливости и радикализация сознания масс.

Впоследствии, во второй половине XX века, в рамках психологических школ изучения революции был найден баланс: предметом научного анализа становятся групповые и личные интересы, мотивы революционного поведения в рамках теории коллективного действия, которые оцениваются исследователями как рациональные [26]. Многие современные теоретики революций принимают характерную для марксизма трактовку этого явления как рационального процесса или, по крайней мере, как рациональной реакции на иррациональные социальные обстоятельства [22].

Здесь уместно обратиться к исследованию моделей рационального выбора. Исследователи указывали на то, что индивидуумы, участвующие в восстаниях и протестных движениях, приобретают мотивацию, «рекрутируются и получают санкцию через уже существующие общины, к которым они принадлежат, но пробуждение специфически оппозиционной групповой идентичности зависит от действий революционных активистов и государства» [2, с. 87].

Упрочение оппозиционных убеждений в сознании индивидуумов, позволяющее сформировать оппозиционную идентичность взамен социальной, национальной, государственной и т.п. достигается за счёт ряда факторов. Среди них исследователи выделяют веру в эффективность протеста, которая подкрепляется частными победами и приобретениями революционной группы, несправедливость со стороны государства, свидетельства его слабости. Модели рационального выбора дают дальнейшее подтверждение этим выводам: нет противоречия с фактом коллективных действий; наоборот, анализ рационального выбора вместе с другими подходами используется для выявления процессов, посредством которых коллективные действия решают свои задачи, и общих характеристик таких решений. В основе всех этих решений лежат санкционирование и групповая идентификация [2, с. 88].

Модели рационального выбора объясняют и эскалацию революционной мобилизации. К ней приводят уверенность в относительной слабости режима и наличие других групп и индивидов, поддерживающих протестные действия. Информационное воздействие в этом случае имеет значение и является катализатором для тех групп, которые уже имели внутреннюю убеждённость в несправедливости существующего социально-государственного устройства, а солидарность с аналогичными по взглядам группами позволяет получить уверенность в своей силе и способности переломить неудовлетворительную ситуацию. Таким образом создаётся «эффект прицепа»: всё новые и новые группы принимают участие в действиях, момент для которых кажется все более благоприятным [2, с. 89].

К психологическим концепциям можно отнести и синтетический фрейдомарксизм. Его представители, изучавшие проблемы социальных революций, направили своё внимание на особенности формирования морали и ценностных ориентаций, характерных для революционных ситуаций, их причин и последствий. Весьма однозначной выглядит точка зрения В. Райха: революция не может победить, если она не сопровождается соответствующим изменением морали – сексуальной революцией. «Определить свободу – это то же самое, что определить сексуальное здоровье» [8].

Отметим, что все такого рода концепции ориентированы на один момент в протекании революционного процесса, его пик, связанный с насильственными действиями. Они слабо применимы к исследованию длительного революционного процесса, изучению причинно-следственных связей, им порождаемых. Другим недостатком социально-психологических концепций, как и большинства других, где главенствует психологический фактор, является то, что революции рассматриваются как проявление когнитивного диссонанса, при этом игнорируется социально-структурный контекст, различия во власти и статусе между различными общественными группами.

Объединить субъективные психологические факторы и факторы объективного социального развития, отказаться от примата экономики над социальной сферой пытались представители Франкфуртской школы. В качестве примера можно обратиться к работам Г. Маркузе, основанным на соединении концепции классического психоанализа и марксизма. Причиной революционных процессов, по мнению Маркузе, становится подавление личности окружающей её и господствующей над ней культурной средой. Он развивает свою концепцию на основе взаимодействия классических антагонизмов – «принципа удовольствия» и «принципа реальности», дополняя третьим принципом – «принципом производительности», который и опосредует два других в социально-экономической структуре общества. Третий принцип представляется в качестве господствующей репрессивной социально-исторической формы «принципа реальности» («прибавочная репрессия»).

«Принцип производительности» не связан с самоподдерживающимся в силу необходимости развития цивилизации принципом добровольного ограничения влечений, но имеет принципиально другой источник. Этот источник – современная социальная дифференциация общества, при которой

дополнительное подавление («прибавочная репрессия») распределяется заведомо непропорционально, а в пользу господствующего класса собственников средств производства.

Увеличение объёмов производственной деятельности (с целью увеличения прибыли господствующего класса) приводит к возрастанию сублимации сексуальной энергии подавляемого класса, что нарушает баланс в соотношении сил Эроса (созидания) и Танатоса (разрушения) в пользу последнего. Энергия инстинкта разрушения подкрепляется чувством социальной несправедливости, ведёт к неприятию сложившейся системы господства и подчинения и провоцирует рост социального напряжения, что чревато революционным взрывом. Частично выходом из замкнутого круга противоречия интересов может служить технический и технологический прогресс, который позволяет уменьшить временные и физические затраты людей в процессе труда, даёт обществу шанс отказаться от избыточного принуждения и задать новый вектор прогресса цивилизации в направлении саморегуляции инстинктов и влечений человека.

Однако это путь затратный и вступает в противоречие с интересами господствующего класса. Не производя изменений, этот класс стремится заменить прогресс расширением аппарата подавления на сферы, напрямую не включённые в процесс производства. Индивидам непосредственно и опосредованно прививаются ложные унифицированные потребности и интересы преимущественно потребительского толка. Раскрытие механизмов и причин формирования общества потребления можно встретить в работах Ж. Бодрийяра. Нас интересует, прежде всего, один момент: и Маркузе и Бодрийяр сходятся в оценке нерациональности избыточного потребления, в его навязывании «сверху», что в конечном итоге реализует одну и ту же цель – наращивание производства и получение прибыли. Эта иррационализация, подкрепляемая манипулированием массовым и индивидуальным сознанием через СМИ, снижает способность масс к критическому и независимому мышлению, к адекватной оценке ситуации в рамках обычной социальной жизни. Деятельность производственного аппарата при этом направляется не на выполнение своей прямой функции – обеспечение жизненных благ людей, а на защиту собственной власти и на осуществление тотального контроля над социальными группами. Это и является первопричиной репрессивного управления. В таком случае идеологическая и политическая окраска режима уже не важна: «за идеологической либеральной ширмой скрывается всё тот же контроль сознания и латентный фашизм» [1]. Условно декларируемые права и свободы, в некоторых обществах «возвращение к традициям и истокам», становятся «священными коровами», формально почитаемыми и уважаемыми, но в реальности являющимся лишь прикрытием для сохранения status quo с целью удержания господствующего положения и материальных благ правящим классом.

Таким образом, революционные действия «толпы», характеризуемые теоретиками социальной психологии начала XX века как «иррациональные»,

приобретают вполне осознанный рациональный мотив: мотив конфликтного противодействия иррационализации человеческих потребностей со стороны господствующих классов с целью расширения сфер социального контроля.

Не столь масштабными по охвату объекта анализа, но более предметными, представляются взгляды сторонников политического (элитаристского) подхода. Они рассматривают революцию как чисто политический феномен, возникающий из процессов, происходящих исключительно в политической сфере. Революция – это результат нарушения баланса сил между противоположными блоками политических элит в сфере борьбы за власть и управление государством. Массовые выступления представляются здесь только как отражение или симптом раскола в политической жизни общества. Так, в интерпретации американского историка и социолога Ч. Тилли революция – это осуществляемый с применением силы и опорой на поддержку населения переход контроля над государством от одного политического блока к другому. Революция совершается тогда, когда достаточно большие группы граждан отказывают в лояльной поддержке силам, господствующим прежде, и начинают поддерживать альтернативную группу, обретающую власть. При этом, наследуя некоторые постулаты теории коллективного действия, Тилли рассматривает революцию как коллективное действие, имеющее вполне определённую цель: свержение существующего социального порядка. Здесь требуется набор условий, которые способствуют успеху этих действий: групповая организация, мобилизация, наличие общих интересов участников коллективного действия, благоприятное стечение обстоятельств (фактор случайности). При этом, по мнению автора, наиболее благоприятные условия для развития протестных движений создают репрессивная государственная политика, архаичные формы и институты государственного управления, отсутствие в обществе институциональных форм выражения своего мнения.

Добавим, что наличие формальных институтов гражданского общества и имитация наличия свобод на фоне невозможности для общества оказать реальное влияние на принятие властных решений, отсутствие или имитация диалоговых форм взаимодействия власти и общества – та же благоприятная среда для мобилизации революционных настроений и приближения варианта насильственного развития событий.

Тилли различает революции и перевороты по глубине вызванных ими структурных преобразований в обществе. В долгосрочной перспективе к коренным преобразованиям приводят лишь революции, в ходе которых осуществился широкомасштабный переход власти от одного класса к другому, от одной коалиции к другой. Перевороты же, в рамках которых без значительного раскола происходит смена одних членов политической системы другими членами той же системы, почти никогда не производят значимых структурных изменений, несмотря на заявления о национальном обновлении, которые им всегда сопутствуют [4].

Политический подход, несомненно, испытал влияние марксизма, но он по своей сути более прагматичен, поскольку рассматривает революции не как

экстраординарные, исключительные явления, а скорее как продолжение политики другими средствами. Революции – разновидность, пусть и в крайней форме, нормального политического процесса, в котором различные группы стремятся реализовать свои цели путём завоевания власти. Главный недостаток подхода сформулирован самим Тилли: это – вероятностный характер всякого знания о революции, невозможность его теоретического обобщения: «У революций примерно столько же причин, как у автомобильных пробок» [6, с.6].

Системный подход под революцией понимает резкую и коренную трансформацию политической системы общества. Типичная причина такого системного кризиса – нарушение обратной связи и, как следствие, отсутствие должного взаимодействия с внешней средой. Что такое политическая система? Американский политолог Д. Истон считал, что её можно определить как совокупность социальных взаимодействий, посредством которых ценности авторитетным образом привносятся в общество и распределяются в нем. [15] Иными словами, политическая система обеспечивает управление обществом, что и является её главной задачей и функцией. Она регулирует производство и распределение социальных благ с помощью властных (прежде всего государственных) механизмов, а также упорядочивает политические отношения в обществе.

Данная система погружена в так называемую «среду», главными составляющими которой являются такие элементы, как экономика, культура, религия, социальная структура и т.д. Постоянно поддерживая связи с элементами внешней среды, политическая система воспринимает исходящие от них импульсы и при помощи регулирующих механизмов вырабатывает ответные реакции, постоянно приспосабливаясь к экзогенным условиям функционирования. Если такая связь нарушается, то возможен политический кризис, результатом которого может стать и насильственное изменение существующего политического режима. Например, в условиях экономического кризиса правительство многократно игнорирует поступающие от малоимущих слоев запросы на неотложное проведение реформ и улучшение своего бедственного положения, что по мере накопления критической массы недовольства такими действиями в определённый момент приводит к социальному взрыву.

Системный подход к пониманию рассматриваемой проблемы в целом представляется логичным, но в то же время и слишком абстрактным и схематичным, не предназначенным для анализа глубинных причин явления, а значит, и не позволяющим максимально точно понять суть революционных процессов.

Период конца 1970 годов характеризуется повышением интереса к масштабным историческим процессам и смещением центра изучения революционных процессов из Европы в США. При этом на смену «большим теориям», а на тот момент это довольно абстрактные теории модернизации и структурно-функциональная концепция, приходят макросоциологические теории,

наиболее развитые в отношении масштабов и направлений анализа, детализации изучаемых явлений и процессов.

Наибольшее признание получили работы в области теории революций и государственных распадов Р. Коллинза, Т. Скокпол, Д. Голдстоуна. Они пришли и на смену и уже упомянутому ранее количественному исследованию революций в рамках теорий модернизации и депривации, которые обнаружили свою несогласованность. А так же включили в свой арсенал наработки политической теории.

Концептуально революция в этих теориях органично вписывается в контекст классовых и групповых, государственных и интернациональных отношений. Факт осуществления революции является следствием структурных ограничений и длительной напряжённости в обществе и характеризуется специфическими отношениями между гражданами и государством. Именно этим теоретикам принадлежат подробные периодизации истории изучения революций и классификации теорий революций (Т. Скокпол, Д. Голдстоун). Себя авторы относят к теоретикам третьего поколения развития революционной теории (1970 – начало XXI века), а «венцом теории революции третьего поколения» признаются работы Т. Скокпол [2]. С этим трудно спорить, так как исследования Т. Скокпол [28] представляют собой наиболее систематизированную и комплексную методологию анализа революционных процессов, базирующуюся на результатах исследований современных ей авторов, а также на трудах предшественников (Товиля, Маркса, Тилли, Мура и др.). То есть в этом подходе объединены структурализм, теория социальных конфликтов, марксизм, теория политического конфликта, теория социального конфликта, теория рационального выбора, социально-психологический подход, теория системно-ценностного консенсуса.

Ей же принадлежит и наиболее признанное в научных кругах в настоящий момент определение социальных революций: «Социальные революции – это быстрые, фундаментальные трансформации общественного состояния и классовых структур; и они сопровождаются и частично проводятся через классовые восстания снизу». Скокпол выделяет и основные признаки, отличающие социальные революции от прочих проявлений протеста: от восстаний, бунтов, мятежей, переворотов (отсутствие структурных изменений государства), от политических революций (нет изменений социальных структур) и от индустриализации (отсутствие быстрых политико-структурных изменений).

Скокпол выделяет и несколько групп теорий объяснения свершения социальных революций. К таким типам она относит: марксистские теории (К. Маркс, В. Ленин, Н. Бухарин, Л. Троцкий, Мао Цзэдун, Г. Лукач, А. Грамши, Л. Альтюссер); агрегатно-психологические теории (Дж. Гешвендер, Г. Экштайн, Д. Шварц, Дж. Дэвис, Т. Гурр); теории консенсуса систем ценностей (Т. Парсонс, Ф. Уоллэйс, Н. Смелзер, Э. Тирякян, Ч. Джонсон); теории политического конфликта (А. Обершелл, В. Оверхольт, Д. Рассел, Ч. Тилли).

Наименьшее внимание автор уделяет «субъективному фактору» протекания революционных процессов, исключая его из числа базисных предпосылок революций. Скокпол считает для объективного анализа излишним повышенное внимание к личностному фактору (личность вождя революции), идеологическим конструктам (классовое сознание), частным организационным вопросам (партии или революционные организации). И в этом, как видим, она расходится с представителями политической теории.

Скокпол утверждает, что революционные предпосылки следует искать в контексте классовых и групповых отношений (национальных и интернациональных), а не в головах граждан, их менталитете или межличностных отношениях. Причины революции кроются в противоречиях между группами и нациями, занимающими различное положение, а не между интересами, взглядами или идеологиями отдельных революционеров. Такой подход в чём-то близок марксистскому, но он не постулирует смену общественно-экономической формации как цель революции.

Особое место исследовательница уделяет внешнему фактору – противоречиям между государствами, влиянию международного контекста на внутриполитические процессы: когда государство оказывается в невыгодном положении на международной арене, резко возрастает опасность внутренних конфликтов. Ситуация склоняется в пользу революции, когда национальное государство и существующий режим неспособны ответить на акты внешней агрессии.

Отметим, что Скокпол на материале анализа трёх революций (Великая французская революция, Октябрьская социалистическая революция, Китайская революция 1949 года) приходит к следующему выводу: революции возможны и даже неизбежны в сильно централизованных аграрно-бюрократических обществах. В результате удачно протекающей революции происходят фундаментальные структурные общественные трансформации, которые дополняют и усиливают друг друга, приводя к прогрессивному развитию: «Франция становится страной-завоевателем, Россия – индустриальной и военной супердержавой, Китай – политически независимым государством, ставшим на путь укрепления экономики, Мексика обретает политическую силу и т.д. » [3, с. 22].

Исследовательница утверждает в рамках характерной для рассматриваемой научной школы государственно-центричной модели, что революции – это необходимый элемент модернизации, если государство неспособно к конкурентной борьбе на международной арене, слабо во внутриполитическом отношении.

В этот же период теория социального конфликта развивает некоторые направления изучения революционных процессов. В качестве примера можно привести работы американского социолога Л. Козера. Он трактует общественное развитие, опираясь на учение об общественном развитии К. Маркса, как подвижное равновесие противостоящих сил, порождающих социальное напряжение и борьбу. При этом революции отводится роль основного рычага прогрессивных социальных изменений (что исторически

экспериментально подтверждается). Сама классовая борьба в большей степени, чем мирное развитие, выступает источником прогресса, а социальный конфликт – сердцевина исторического процесса [13].

Период 1980-х годов можно назвать последним периодом теоретизации проблем революции. Фактически, к началу XXI века говорить о развитии именно теории революции довольно затруднительно: исследования перешли в политологическую или практико-ориентированную плоскость.

В 1990-е годы основное внимание исследователей концентрируется вокруг локальных социальных конфликтов, что подтверждается и в теории международных отношений: масштабные конфликты уходят в прошлое. Основным объектом становится изучение социальных конфликтов, локальных конфликтов, гражданских войн, протестных движений на предметном материале стран третьего мира, или так называемых «nation in transit» (страны с «переходной» формой демократии, в основном страны бывшего соцлагеря). Выбор такого предмета объясним с точки зрения практической целесообразности: прогрессирующая эскалация такого рода конфликтов, начиная с середины 1980-х годов. Вполне очевидна и цель исследователей: разработка методологии прогнозирования развития конфликтов, способов их предотвращения или урегулирования.

С конца 1980-90-х годов в связи с развитием информационных технологий и программирования, оживились количественные исследования революций с применением методов математического моделирования, но уже не на базе исторического материала, а на базе текущих политических событий. С этой целью применялся статистический анализ больших чисел, впоследствии – алгебра логики. Эти методы позволяют дать формальное описание логической стороны процессов. Алгебра логики имеет дело с логическими переменными, которые могут принимать только два значения: «да» или «нет»/«истина» или «ложь». Как бы ни была сложна логическая связь между логической функцией и её аргументами, эту связь всегда можно представить в виде совокупности трёх простейших логических операций: НЕ, И, ИЛИ. Этот набор называют булевским базисом. При моделировании учитывается специфика каждой из анализируемых ситуаций и допускаются разнообразные конфигурации независимых переменных. После этого с помощью тех или иных алгоритмов вычисляется минимальный набор или наборы переменных, которые характеризуют конкретные результаты (в нашем случае – революционных процессов). При этом интерес к классическим революциям, причинно-следственным связям и следствиям снижается.

Возможности булевского анализа использовались при изучении нескольких десятков революций в странах третьего мира (Латинская Америка). И здесь в качестве примера можно привести результаты исследований Д. Форана [17], [18], Т.П. Уикхэма-Краули. Однако объективной картины такой метод не даёт, поскольку наблюдается сильная зависимость от набора переменных, который задаёт исследователь. Единственный бесспорный вывод: такой метод позволяет отделить удачные социальные революции от неудачных. И ещё такого рода исследования подтверждают отсутствие

специфического набора факторов, которые с необходимостью приводят к революции или делают её осуществление невозможным.

В 1990-е годы методом регрессивного анализа изучались социальные конфликты (гражданские войны и повстанческие движения) периода 1960-1990-х годов на территории Африканского региона. В качестве примера можно привести исследования оксфордских и аналогичные исследования стэнфордских учёных [12], [16]. Обратим внимание на то, что основными элементами гипотезы, проверяемой независимо друг от друга всеми исследователями, являлись следующие:

1. наличие связи между нарастанием количества гражданских войн и периодом окончания «холодной войны» и порождёнными ею изменениями в международной системе;

2. наличие связи между нарастанием количества гражданских войн и этническим и религиозным составом населения;

3. наличие связи между нарастанием количества гражданских войн и существованием в государстве жёсткого политического режима, проводящего политику дискриминации в отношении отдельных этнических и религиозных групп.

Подтверждения в этих аспектах гипотеза не нашла. Исследователи приходят к выводу, что такие факторы, как религиозные и этнические различия, не являются глубинной причиной перманентных социальных конфликтов (косвенное подтверждение это находит и в работах С. Олзак, которая изучала влияние расовых и этнических различий на эскалацию социальных конфликтов на американском материале) [27].

Не является ею, по результатам проводимых исследований, и дестабилизация политических режимов со стороны международных акторов. Политические действия государственных институтов, их режимные особенности и действия так же не есть первопричина радикализации социальных отношений. Время протекания, набор участников и их эпизодические действия не влияют на причины зарождения социальных конфликтов. Все эти параметры имеют значение как условия протекания конфликта, определяют его особенности, но не более.

Но что тогда?

Вернемся почти на 150 лет назад. Стоит вспомнить взаимодействие в процессе общественного развития базиса и надстройки в рамках марксистской концепции. Надстройка: государственные институты, идеология, религия, право и пр. Базис: экономическое развитие и возникающие при этом отношения и их следствия. Диалектика, как известно, такова, что базисные отношения определяют конфигурацию надстройки, но не наоборот.

И вот основной вывод учёных, подтверждённый независимым математическим анализом: основными факторами влияния на формирование и эскалацию социальных конфликтов являются слабое развитие экономики или застой в экономике, порождающий негативные социальные последствия; низкий доход на душу населения, высокий уровень социального неравенства. Выявлена также следующая закономерность: возрастание агрессивности политической

борьбы, социальной дестабилизации и радикализации по мере развития свободной экономической конкуренции.

Исторически это вполне подтверждаемо: тысячелетия отсутствия экономической конкуренции при разных формациях минимизировали социальные революции и конфликты. Время их нарастания относится как раз к периоду формирования капиталистических отношений, а пик наступает при «развитом капитализме», основа которого, как известно, – свободная конкуренция.

В рамках данной статьи мы не касаемся коллективных исследований внутрисоциальных конфликтов и стабильности в рамках глобальных исследований на базе ситуационного и количественного анализа учёных США под руководством Д. Голдстоуна. Несмотря на расширение методологии и поля исследований до глобальных масштабов, вывод прежний: не «духовность» определяет тенденции социального развития, а в той или иной форме уровень экономического развития.

Стоит отметить ещё один важный аспект теоретизации революционных процессов: привлечение к анализу концепции политической легитимности, поскольку кризис легитимности власти имеет место при любой революционной ситуации (что, кстати, отмечалось уже в работах Т. Скокпол). Легитимность следует, прежде всего, рассматривать как «факт совместного признания властью и населением общего смысла и направленности политического процесса в конкретных темпоральных границах» [5]. Поэтому при поиске индикаторов кризиса легитимности, а значит, и назревания революционного процесса, следует обратить внимание на присутствие в конкретном социуме консенсуса власти и населения по поводу значимых политических целей.

Такое целесогласование является жизненно необходимым для любого политического режима, его содержание должно периодически обновляться в соответствии с требованиями социально-политической конъюнктуры. Очевидно, что в условиях социальной турбулентности частота таких обновлений может быть достаточно высокой. Так, за время президентства В.В. Путина можно было наблюдать по крайне мере три варианта данного консенсуса. Первоначально, в начале 2000-х гг. консолидация власти и общества преимущественно основывалась на взятом курсе в сторону достижения политико-территориального единства государства, усиления политической вертикали («наведения порядка») и роста социального благополучия. В дальнейшем, когда эти цели были так или иначе достигнуты, власть какое-то время не могла чётко обозначить последующие варианты политического и социально-экономического развития страны, породив в обществе чувство «застоя» и отсутствия внятных политических перспектив. Предложенная идея «стабильности», в рамках которой была осуществлена президентская рокировка «правящего тандема», не была воспринята значительной частью населения как необходимая и диагностировалась ей как циничная попытка сохранения власти и консервации правящего режима. Закономерным итогом этого явились массовые протесты 2011-2012 гг., которые недвусмысленно продемонстрировали зарождение кризиса политической легитимности в стране. Взамен

неудачной идеологической концепции сегодня активно используется образ Запада, как «внешнего врага» в совокупности с пропагандой геополитических достижений правящего режима – присоединения Крыма, отстаивание позиций России в Сирии и т.д. Такой мотив усиления политической легитимности оказался гораздо более разделяемым массами, хотя, по нашему мнению, он не может быть долговечным и неизбежно потребует корректировки заявленного властью курса в сторону усиления социальной защищённости населения вне отказа от демократической модели развития страны.

Способность правящей элиты незамедлительно и адекватно реагировать на кризисы собственной легитимности – это единственный способ предотвращения революционной ситуации в государстве. Как показывает исторический опыт, неспособность правительства предложить обществу новые реалистичные варианты политического курса в совокупности с неоправданным и порой циничным желанием во что бы то ни стало удержать власть, почти неизбежно приводит к её насильственному свержению. Такое мы могли наблюдать, например, в 1905-1917 гг., когда обществу до последнего навязывалась архаичная идея самодержавия в условиях давно назревшей необходимости проведения буржуазно-демократических преобразований. Подобное было и в 1985-1991 гг.: взамен «застойной» модели жёсткого командно-административного управления экономической и политической сферами обществу кроме невнятного лозунга «перестройка, гласность, ускорение» по большому счёту не было предложено никаких новых разделяемых общенациональных альтернатив, что привело к быстрой потере власти правящей коммунистической партией, а в дальнейшем и к распаду СССР.

Таким образом, накопленный в рамках изучения феномена легитимности теоретический и эмпирический материал также может в определённой мере пролить свет на проблему выявления и систематизации многочисленных факторов возникновения феномена социальной революции.

Резюмируя, повторимся: начало XXI века пока не обнаруживает научных школ, продолжающих теоретизацию в области революционных процессов. Но можно очертить дальнейшие перспективы развития «четвёртого поколения теории революции», заимствуя высказывание Д. Голдстоуна, автора концепции «трёх поколений теории революции». «Ни одной общепризнанной теории четвёртого поколения ещё не создано, но контуры такой теории ясны. Стабильность режима в ней будет рассматриваться как неочевидное состояние и существенное внимание будет уделено условиям существования режимов в течение длительного времени; важное место займут вопросы идентичности и идеологии, гендерных проблем, связей и лидерства; революционные процессы и последствия будут рассматриваться как итог взаимодействия многочисленных сил. Что ещё более важно, не исключено, что в теориях четвёртого поколения будут сочетаться результаты ситуационных исследований, модели рационального выбора и анализ количественных данных, а обобщение этих теорий позволит охватить такие ситуации и события, о которых даже не упоминалось в теориях революции прошлых поколений» [2, с.103].

Источники и литература:

1. Бороненкова Я.С. Фрейдомарксизм Франкфуртской школы // Полигнозис. – 2011. – № 1. – С. 26-31.
2. Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения. // Логос 5 (56). – 2006. – С. 58-103. [Электронный ресурс]. – http://www.intelros.ru/pdf/logos_05_2006/goldstoun_58-103_logos.pdf (Дата обращения: 29.07.17).
3. Грязнова О.С. Тэда Скокпол: феномен революции в структуралистской перспективе // Человек. Сообщество. Управление. – 2007. – № 4. – С. 21-38.
4. Карасев Д.Ю. Теория революции Чарльза Тилли// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2012. – №4. – С. 176-189.
5. Сиушкин А.Е., Милаева О.В. К вопросу о критериях легитимности политического режима// Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – Выпуск 11(139). – С. 123-127.
6. Тилли Ч. Демократия// «Демократия как озеро» /Предисл. к рус. изд. Г. Дерлугьяна. М.: Ин-т общественного проектирования, 2007.
7. Токвиль А. Старый порядок и революция/пер. с фр. Л.Н. Ефимова.– СПб.: Алетейя, 2008.
8. Цит. по: Юревич А.В. Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т.3, №4. С. 110-132. [Электронный ресурс]. - http://psyfactor.org/lib/revolution2.htm#_ftn6
9. Цит. по: Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996.
10. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. СМ. Червонной. – М.: Логос, 2005.
11. Юревич А.В. Социальная психология революций. – Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т.3, №4. С. 110-132. [Электронный ресурс]. – http://psyfactor.org/lib/revolution2.htm#_ftn6
12. Collier P., Hoeffler A. On the Duration of Civil War. Journal of Peace Research, vol. 41, no. 3, 2004, pp.253-273 Sage Publications (London, Thousand Oaks, CA and New Delhi).
13. Coser L. A. Masters of sociological thought. 2 ed. N.Y. 1988.
14. Davies J.C. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. V. 27. 1952. P. 5-19.
15. Easton D. A System Analysis of Political Life. N.Y., 1965.
16. Fearon D. James, Laitin D. David // American political science review, vol. 97, no. 1, 2003, pp.75-90.
17. Foran, J. The comparative-historical sociology of third world social revolutions: why a few succeed, why most fail', in J. Foran (ed.) Theorizing Revolutions, London and New York: Routledge, pp. 227-67.
18. Foran, J. The future of revolutions at the fin-de-siècle', Third World Quarterly 18 (5):791-820.
19. Freud S. Civilization and its Discontents. New York: Norton, 1961.
20. Freud, 1959, p. 13Freud S. Group Psychology and the Analysis of the Ego. New York: Norton, 1959.
21. Gurr T. Why Men Rebel. Princeton: Princeton University Press, 1970.
22. Kimmel M.S. Revolution: a Sociological Interpretation. Philadelphia: Temple Univ. Press, 1990.
23. Le Bon G. The Psychology of Revolution. New York: Putnam's, 1913.
24. Leiden K, Schmitt K.M. The Politics of Violence: Revolution in the Modern World. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1968.
25. Wolferstein E.V. The revolutionary Personality: Lenin, Trotsky, Gandhi. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1971.
26. Olson M. The Logic of Collective action. New York: Schocken Books, 1965.
27. Olzak S. The dynamic of ethnic competition and conflict. Stanford, CA: Stanford University Press, 1992.
28. Skocpol Theda. Social Revolutions in the Modern World. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 1994.

Referenses

1. Boronenkova Ja.S. Frejdomarksizm Frankfurtskoj shkoly // Polignozis. – 2011. – № 1. – S. 26-31.
2. Goldstoun D. K teorii revoljucii chetvertogo pokolenija. // Logos 5 (56). – 2006. – S. 58-103. [Jelektronnyj resurs]. - http://www.intelros.ru/pdf/logos_05_2006/goldstoun_58-103_logos.pdf (Data obrashhenija: 29.07.17).
3. Grjaznova O.S. Tjeda Skokpol: fenomen revoljucii v strukturalistskoj perspektive // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. – 2007. – № 4. – S. 21-38.
4. Karasev D.Ju. Teorija revoljucii Charl'za Tilli// Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociologija i politologija. – 2012. – №4. – S. 176-189.
5. Siushkin A.E., Milaeva O.V. K voprosu o kriterijah legitimnosti politicheskogo rezhima// Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. – 2014. – Vypusk 11(139). – S. 123-127.
6. Tilli Ch. Demokratija// «Demokratija kak ozero» /Predisl. k rus. izd. G. Derlug'jana. M.: In-t obshhestvennogo proektirovanija, 2007.
7. Tokvil' A. Staryj porjadok i revoljucija/per. s fr. L.N. Efimova.– SPb.: Aletejja, 2008.
8. Cit. po: Jurevich A.V. Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2006. T.3, №4. S. 110-132. [Jelektronnyj resurs]. – http://psyfactor.org/lib/revolution2.htm#_ftn6
9. Cit. po: Shtompka P. Sociologija social'nyh izmenenij. – M.: Aspekt Press, 1996.
10. Shtompka P. Sociologija. Analiz sovremennogo obshhestva: Per. s pol'sk. SM. Chervonnoj. – M.: Logos, 2005.
11. Jurevich A.V. Social'naja psihologija revoljucij. - Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2006. T.3, №4. S. 110-132. [Jelektronnyj resurs]. - http://psyfactor.org/lib/revolution2.htm#_ftn6
12. Collier P., Hoeffler A. On the Duration of Civil War. Journal of Peace Research, vol. 41, no. 3, 2004, pp.253-273 Sage Publications (London, Thousand Oaks, CA and New Delhi).
13. Coser L. A. Masters of sociological thought. 2 ed. N.Y. 1988.
14. Davies J.C. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. V. 27. 1952. P. 5-19.
15. Easton D. A System Analysis of Political Life. N.Y., 1965.
16. Fearon D. James, Laitin D. David // American political science review, vol. 97, no. 1, 2003, pp.75-90.
17. Foran, J. The comparative-historical sociology of third world social revolutions: why a few succeed, why most fail', in J. Foran (ed.) Theorizing Revolutions, London and New York: Routledge, pp. 227-67.
18. Foran, J. The future of revolutions at the fin-de-siècle', Third World Quarterly 18 (5):791-820.
19. Freud S. Civilization and its Discontents. New York: Norton, 1961.
20. Freud, 1959, p. 13Freud S. Group Psychology and the Analysis of the Ego. New York: Norton, 1959.
21. Gurr T. Why Men Rebel. Princeton: Princeton University Press, 1970.
22. Kimmel M.S. Revolution: a Sociological Interpretation. Philadelphia: Temple Univ. Press, 1990.
23. Le Bon G. The Psychology of Revolution. New York: Putnam's, 1913.
24. Leiden K, Schmitt K.M. The Politics of Violence: Revolution in the Modern World. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1968.
25. Wolferstein E.V. The revolutionary Personality: Lenin, Trotsky, Gandhi. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1971.
26. Olson M. The Logic of Collective action. New York: Schocken Books, 1965.
27. Olzak S. The dynamic of ethnic competition and conflict. Stanford, CA: Stanford University Press, 1992.
28. Skocpol Theda. Social Revolutions in the Modern World. – Cambridge, England: Cambridge University Press, 1994.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ: ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

УДК 929 DOI: 10.24045/conf.2017.1.20

ПОРТРЕТ СЕМЬИ В ЗЕРКАЛЕ ВРЕМЕНИ

Персанова Е.М.,
кандидат педагогических наук, доцент,
Пенза, Россия

Аннотация. *Автор статьи рассматривает советскую эпоху через историю жизни своей семьи. Автор описывает, как Советская власть и последующее государственное строительство в СССР повлияло на судьбы её родителей и её жизнь. Затрагиваются послереволюционный период, Великая Отечественная война, период восстановления народного хозяйства, хрущевская оттепель, перестройка. Автор на примере своих родителей показывает особые качества советского человека: трудолюбие и уважение к труду, любовь к Родине, внимательное отношение к людям, готовность жертвовать личными интересами ради общего дела.*

Ключевые слова: *история семьи, советский человек, жизнь в СССР, труд в СССР.*

PORTRAIT OF A FAMILY IN THE MIRROR OF TIME

Persanova E.M.,
Candidate of pedagogical sciences,
Associate professor,
Penza, Russian Federation

Abstract. The author considers the Soviet era through the life story of his family. The author describes how Soviet authorities and the subsequent state-building in the USSR, affected the lives of her parents and her life. The author describes the post-revolutionary period, the Great Patriotic war, the period of recovery of the economy, Khrushchev's thaw, perestroika. The author, on the example of his parents, shows the special qualities of the Soviet man: diligence and respect for work, love for the Motherland, attentive attitude towards people, readiness to sacrifice personal interests for the sake of the common cause.

Key words: The history of the family, the Soviet man, life in the USSR, labor in the USSR.

Историческое время меняется. На долю каждого поколения приходится своя эпоха. Чем ближе дата столетия революции 1917 года, тем жарче споры об её итогах, и об очень странной аналогии тех времён с нынешними годами. Осмысление исторических итогов революции до сих пор будоражит умы. Нынешние власти призывают страну воспринимать революцию как историческую данность. Ни больше, ни меньше! Власть сама не понимает, чем же была эта революция на самом деле – трагедией, достижением, неизбежностью?

Нет нужды вдаваться в глубокий анализ ситуации, чтобы увидеть, что Россия в очередной раз в своей истории (такое повторяется примерно раз в столетие) стоит перед вопросом сохранения своей национально-

государственной независимости. История мировой цивилизации есть история борьбы народов за сферы влияния. Не прекратилась эта борьба и в наши дни. Напротив, мы живём в эпоху тотального передела сфер влияния.

Между тем распад СССР и дезориентация социально-политического и культурно-идеологического векторов общественной жизни привели к определённому вакууму в духовной сфере нашего Отечества. Бесцельное существование порождает так называемый экзистенциальный вакуум – ощущение бессмысленности и бесцельности бытия, ведущее к разрушению духовной сферы личности и нации. Но, как известно, свято место пусто не бывает: люди не могут жить без того, чтобы не верить во что-то, чтобы не стремиться к какой-то цели. Цель эта может быть коллективной и индивидуальной. Первая связана с построением общества, вторая – с достижением своего личного блага.

Какую цель человек выберет, как будет сочетать общие и индивидуальные интересы, во многом зависит от объективной ситуации, а также от целенаправленного воспитания, одним из направлений которого является патриотическое воспитание. Анкетирования по этой проблеме показывают, что многие школьники не могут даже объяснить понятие «патриотизм», «Родина», «Отечество». Молодёжь не знает даже истории своей семьи, в которой отражена история страны.

Войну с памятью развязывать нельзя. Беспамятство – страшный диагноз. В нашей семье такого беспамятства нет и не будет. Этому нас научили наши родители. Моим родителям, Персановым Михаилу Фёдоровичу и Лидии Михайловне, досталась своя эпоха.

Рис. 1. *Персанов М.Ф.*

Первый на селе…

Папа родился 5 марта 1919 года, всю жизнь прожил в селе Радищево Кузнецкого района. Мама родилась 30 октября 1921 года в Кузнецке. Оба моих деда были замечательными мельниками,
а бабушки – прекрасными хозяйками, которые всё умели и всё успевали делать; в семьях царила любовь. Эту теплоту очага переняли все потомки.

Папа закончил семилетку (совсем немногие сельские дети могли это делать до Октябрьской революции). После начальной школы ему пришлось ходить в школу в соседнее село Анненково. Долго в доме хранился его самодельный портфель. Выделанная кора липы составляла основу (бока) портфеля, ручки были из палочек, все крепления – из верёвки. В детстве я, играя в школу, использовала этот портфель с удовольствием. Он был лёгким, красивым, удобным и необычным, а, главное, он был папиным.

После окончания семилетки молодой паренёк Миша Персанов строил дорогу из булыжника от Кузнецка до Анненкова. Она просуществовала до 80-х годов прошлого века и стала основой для асфальтового покрытия. Она сыграла свою положительную роль. К нам в село всегда можно было проехать. По этой дороге папе много пришлось поездить, ведь он был первым шофёром на селе, одним из первых – в районе и области; в последний раз за руль садился в возрасте 92 лет.

Армейский водитель

В 1939 году М. Персанов был призван в армию, служил в Забайкалье в кавалерийской части. В армию стала поступать техника, а водителей не хватало. Папа вспоминает, как он стал армейским шофёром: «Всех построили на плацу. Командир отдаёт команду выйти из строя тем, у кого есть водительские права. Никто не вышел. Следующая команда: выйти из строя тем, кто умеет водить машину. Вышли трое, в их числе и я».

Я до сих пор пока только мечтаю побывать в местах службы папы, но я их очень хорошо представляю по его рассказам. И чистейший Байкал, и множество рыбы в нём, и горы, и перевалы, через которые на полуторках по бездорожью надо было пробираться, и вековая тайга, и многие другие картины природы и солдатской жизни стали частью моей жизни, воспринятой от папы.

Вместо демобилизации, срок которой приходился на 22 июня 1941 г., был фронт. Но прежде чем попасть туда, пришлось пережить Гороховецкие лагеря под Горьким, где папа проходил переподготовку на снайпера. Солдаты жили в ужасных условиях: полуголодное существование в сырых, неотапливаемых промёрзших землянках. Все рвались на фронт, пребывание здесь казалось бессмысленным.

Стать снайпером папе не довелось: прибыли представители военных частей («покупатели»), которым нужны были водители. Так папа попал в подразделение резерва Ставки Главного командования, которое использовалось при наступлении наших войск на направлениях главного удара для прорыва обороны противника.

Время не стёрло память о войне, о жизни. До последних дней (папа умер на 97 году своей жизни) он помнил, как вчерашний день, бои под Духовщиной, где полегло огромное количество солдат, его сослуживцев. Враг имел большое численное превосходство, закопался в хорошие укрепления, имел преимущество в расположении на местности. Командиры говорили солдатам: «Ключи возьмете в Духовщине, двери откроете в Смоленске». Взять сразу Духовщину не удалось – от полка оставалось 16 человек. И всё же ключи от Смоленска были получены.

Всех эпизодов войны, о которых помнил Михаил Фёдорович, не пересказать. Это, например, Белорусская операция – подготовительный этап к ней: доставка оружия через болота по бревенчатым настилам на сваях по ширине колёс. Чтобы чуть отогреть ноги, пристраивал сапог к педали газа, а ноги поочередно подсовывал под себя. В основном движение было но-

чью, без включённых фар. Если какая-то машина падала в болото, её не доставали: нельзя было тормозить движение. Вместе с машинами двигалась по этим настилам и пехота. Каждый солдат нёс по два ящика со снарядами, патронами. Многие от тяжести и усталости тоже сваливались в болото.

Михаил Фёдорович участвовал в освобождении следующих городов: Полоцка, Тельшой, Плунгян, Мяженкяй, Триликяй, Седа, Ворни, Кельни. О победе наших войск над Германией старший сержант Михаил Фёдорович Персанов узнал в Латвии. Но демобилизовался он только в 1946 году. В Прибалтике была трудная ситуация, действовали отряды «лесных братьев». Местные жители были разобщены, большинство искренне приветствовали советские войска, но были и те, кто не радовался их появлению (отравляли колодцы, воровали оружие и пр.).

За участие в Великой Отечественной войне Михаил Фёдорович награжден двумя медалями «За боевые заслуги», медалью «За победу над Германией», знаком «Отличный миномётчик», имеет две благодарности от Маршала Советского Союза Баграмяна, от Верховного Главнокомандующего Сталина.

В приказе по 249 миномётному полку 25 миномётной бригады 21-й Духовщинской артиллерийской дивизии о награждении первой медалью «За боевые заслуги» написано следующее: «Шофёра-слесаря паркового взвода 249 мин. полка кр-ца Персанова Михаила Фёдоровича за то, что он … в районе Кобылина во время огневого арт. налета пр-ка … не прекращал ремонта автомашины, повреждённой разрывом снаряда, быстро восстановил, проявил при этом мужество и отвагу, тем самым во время подвёз боеприпасы и дал возможность выполнить боевую задачу». В приказе о награждении второй медалью "Бригадира, старшего походной мастерской сержанта Персанова Михаила Фёдоровича» читаем: «Работая бригадиром по ремонту автомашин, отдавал все свои силы и знания на быстрейшее восстановление их. Неоднократно, находясь на боевых порядках дивизионов, производил ремонт автомашин, несмотря на артиллерийский обстрел противника, что способствовало наибыстрейшему выполнению боевых приказов полка».

В равных условиях – разные результаты

Вернувшись домой, папа увидел страшную картину: больные, полуголодные родители, которые не могли даже нормально стоять на ногах. Пошёл к председателю колхоза, выпросил полмешка зерна, которые и помогли его ослабленным родителям.

На следующий день папа вышел на работу на опытную станцию, где имелась полуторка, а шофёра не было. Опытное поле на территории села Радищево было создано ещё в 1911 году, позже появилась опытная станция, которая находилась в ведении Московской сельскохозяйственной академии. Опытные поля располагались по всему Поволжью, и папе много пришлось поколесить с директором и агрономами по сёлам, где избы ещё топились по-чёрному, полы были земляными. Он стал очевидцем укрепления хозяйств, улучшения благосостояния деревень, роста урожайности.

Много рассказывал о том, какую роль играет человеческий фактор: «Условия одинаковые, а результаты – разные».

Вступив в партию на фронте в 1943 г., папа никогда не предал своего решения, не отказался от своего выбора. Вспоминается ситуация, которой я была свидетельницей. Папа был тогда завгаром в колхозе (он перешёл в колхоз с опытной станции, как только там появилась первая машина и понадобился шофёр). Вскоре хозяйство пополнилось техникой, колхоз стал одним из лучших в области (его и сейчас не удаётся разрушить – жители не позволяют). И вот вдруг средь белого дня папа бледный приезжает на попутной машине домой, хватает свой мотоцикл «Ирбит» и мчится в Кузнецк к секретарю райкома партии В. Чистякову. Только по возвращении всё стало понятно. Оказывается, секретарь парткома колхоза Б.М. Дубровин сказал: «Михаил Фёдорович, надо сдать молоко и масло», папа ответил: «У нас корова в запуске». Ему в ответ: «А ты купи в магазине и сдай». Это и вызвало бурю эмоций у моего уравновешенного папы. Он никогда не терпел обмана. Порядочным человеком был и секретарь райкома Чистяков. После приезда папы был собран пленум райкома партии, который принял постановление не допускать никакого очковтирательства. Спустя некоторое время такое постановление было принято и Пленумом ЦК КПСС. Это лишнее свидетельство – историю делают люди.

Помнится время, связанное с Карибским кризисом, когда нависла угроза новой войны. Папа нас успокаивал: «Американец не будет с нами воевать, он найдёт мирные средства нас уничтожить». Логически и исторически верных суждений папы можно приводить множество. Папа, например, был не согласен со многими решениями в области внутренней политики, проводимой Н.С. Хрущевым. Но когда все начали его ругать, он говорил: «Посчитайте, сколько сделано хорошего в этот период, это всё перевесит. А найти человека, который не ошибается, невозможно, можете не пытаться». Он всегда умел правильно оценить конкретную ситуацию и усмотреть перспективу.

Девушка с длинными косами

Немало девушек заглядывалось на вернувшегося фронтовика, но он влюбился в приезжую девушку Лиду с длинными косами. Скоро они поженились. Приданое состояло из постельного белья, расшитого на машинке «Зингер» бабушкой Марией Васильевной и вышитого ею же полотенца из домотканого полотна. Эти реликвии у нас хранятся до сих пор.

Рис. 2. *Персанова Л.М. и Персанов М.Ф.*

Мама закончила педучилище в Кузнецке. После приезда в Радищево работать по специальности ей не пришлось: сначала стала секретарём сельсовета. В годы войны отвечала за военно-учётную работу, заботилась о семьях участников войны и погибших на фронте. Часто надо было ходить в Кузнецк – в военкомат, райисполком, а после работы каждый день (вернее, ночь) – на ток, в поле, на различные хозяйственные работы. Лепёшки из мёрзлой прошлогодней картошки или лебеды потихоньку от своей матери отдавала братикам, которых было четверо. Дело доходило до обмороков от усталости, бессонницы и голода. У местных жителей всё же были кое-какие запасы, скот, а приезжие этим пока не обзавелись. Но, по рассказам мамы, это её не угнетало: сутью её характера были сострадание и помощь близким. Я не помню случая, чтобы она не пригласила за стол пришедшего к нам в дом человека, даже незнакомого, случайно зашедшего. Папа оказывал помощь всем механизаторам и шофёрам (местным и заезжим): в случае поломки, для консультации все шли к дяде Мише, а приезжих односельчане посылали к Михаилу Фёдоровичу. И вот эти люди создали семью

Я стала первым ребёнком в семье, родилась семимесячной – мама бегала за овцами, которые не хотели идти домой, вот роды и начались раньше срока. Потом появился братик Вовочка (я его не помню, он умер в 9 месяцев от дизентерии). Сестра Лида появилась на свет через четыре года после моего рождения. А на сороковом году мама родила Валеру. Она ни разу не брала декретный отпуск: то было много работы в сельсовете, то она работала заведующей детплощадками и яслями, которые нельзя было оставить без надзора (детских площадок было три в разных концах села, и столько же яслей, но в других местах). В последние годы перед выходом на пенсию мама трудилась в музее А.Н. Радищева. В селе Лидию Михайловну

любили. До сих пор её помнят все (она умерла 6 июня 2007 г.), пользуются её списками военных лет, когда дело касается ветеранов войны и труда.

Из поколения трудоголиков

Поколение моих родителей – это трудоголики. Они работают, пока есть для этого малейшая возможность. Очень болят ноги, трудно ходить, но мотыжить картошку можно. Папа это так объяснял: «Ведь я потихоньку, на мотыгу опираюсь». Рвать траву в огороде или на даче тоже можно: «Я на коленях, и тряпку подстилаю». Мы возражаем, но не очень. Ведь это его потребность, его жизнь, его стремление быть полезным. Этому он учил всех окружающих.

Папа заканчивал свою трудовую деятельность опять шофёром. Он был уже пенсионного возраста, на должности завгара у него появился достойный преемник, которого он и рекомендовал председателю колхоза. Сам же попросился на автобус – подвозить детей в детский сад и в школу. Друзей у моего папы среди детворы всех возрастов появилось множество. Им он рассказывал о войне, о том, как учились, какими послушными были его дети, катал их после садика, если дома ещё никого из взрослых не было. Кого-то привозил и к нам домой. Их подкармливали, снабжали игрушками, показывали, как ремонтировать машинки, настоящий велосипед или мотоцикл. Как и с нами, он всегда был на равных с этими детьми.

А уж когда появились внуки (все мальчики), то они с трёх лет получали в руки настоящие топорики, молотки, прочие инструменты – и кипела работа на равных. И это при рабочем дне в 12-14 часов! Вместе с Валерой из всевозможных бросовых деталей папа лет тридцать назад собрал минитрактор, который до сих пор на ходу. Его использовали и используют для всяческих перевозок, вспашки, посева и уборки картофеля. Когда это изобретение себя оправдало, папа сказал моему мужу: «Я всю жизнь мечтал собрать самолёт, но теперь уже годов много». Кстати, сейчас старый трактор совершенствует внук Миша. Получается чудо техники.

На умение папы обращаться с детьми обращали внимание и руководители школы. Не раз они уговаривали его согласиться на почасовую работу: то в качестве учителя труда, то инструктором по вождению автомашин, тракторов. Дети его боготворили. О нарушении дисциплины не было и речи, а ведь он никогда в жизни ни на кого даже голоса не повысил. Просто некогда было дисциплину нарушать – всё время занято интересным делом.

Первыми с педагогическим талантом родителей ознакомились мы – дети Михаила Фёдоровича и Лидии Михайловны. Нас никогда не ругали, не заставляли что-то делать насильно, но всегда помогали выбрать правильное решение. Совсем маленькой мне позволяли садиться за руль машины, потом ездить на мотоцикле. Я хотела стать шофёром. Чтобы я не выбрала себе эту профессию, папа возил меня в Кузнецк знакомить с единственной женщиной-шофёром в комбинезоне, пахнущем бензином. «Дочка, лучше девочке быть врачом», - посоветовал папа после этой поездки. Каждый из детей выбрал свою профессию: мы с братом закончили педагогиче-

ский вуз, сестра получила среднее специальное образование, стала замечательным кондитером (благо образование в советский период жизни было бесплатным и лучшим в мире по оценке международной комиссии).

«Чтоб только о доме в ней пелось»

Мои родители никогда не жаловались, не жалели себя, не ругали свою страну, были довольны своей судьбой. Вот что рассказывали соседки-односельчанки: везёт как-то папа на своём автобусе женщин с работы – что-то пришлось разгружать в Кузнецке, а они сетуют на жизнь: денег мало, дети не помогают по дому, устаём и прочее. А он им: «Бабы, хватит ругаться! Лучше вспомните, как после работы шли домой пешком из-под леса, в шести километрах от села, с песнями». Пассажирки меняют тему, а через несколько минут и песня запевается.

Песня в нашем доме звучала постоянно. У мамы, как и у её братьев, был очень хороший голос. Моем посуду, копаем картошку, гости пришли – мы поём. Любимой в семье стала песня «Уезжал моряк из дома». Она малоизвестна, лишь однажды звучала по радио. Папа записал её со слов девушки, певшей в поезде, когда он после демобилизации возвращался домой. Папа немного играет на гармошке, он подобрал мелодию, и мы до сих пор её поем. Теперь я узнала историю этой песни «Морячка» и «насаждаю» её повсюду.

Я всегда восторгалась мастерством папы, его умением находить выходы из всех житейских ситуаций, а однажды открыла, что он ещё и романтик, что он хорошо видит красоту природы, любит весь окружающий мир. Вот несколько картинок. Покос: трава подсохла, надо собирать. Пшеничный овраг недалеко от дома, вокруг цветы, поют птички... Вдруг папа берёт из сена несколько высохших веточек полевой клубники вместе с ягодками, подносит к носу, передаёт мне: «Дочка, понюхай, посмотри вокруг, какая красота!».

Недавно он в очередной раз нас заставил удивиться: когда мы запнулись, забыв строчки из стихотворения А.С. Пушкина, папа прочитал его до конца. А когда я рассказала случай о неудачно подобранном подарке, он сказал: «Ну что ж, подарил пудру и одеколон, да пуда два колесной мази». Так хотелось, чтобы его оптимизм никогда не закончился.

УДК 929 DOI: 10.24045/conf.2017.1.21

«МЫ ДО КОНЦА ЗА ЭТО ВРЕМЯ ОТВЕЧАЕМ»

Новосельцева Н.А.,
отличник народного просвещения,
почётный гражданин города Пензы,
председатель кадровой комиссии
Пензенского областного комитета КПРФ,
Пенза, Россия

Аннотация. *Статья посвящена воспоминаниям автора о жизни и партийной деятельности своего отца – Киселева Александра Ивановича. Киселев А.И. был ветераном Великой Отечественной войны, подполковником Красной Армии, кавалером орденов «Боевого Красного Знамени», «Отечественной войны» I и II степени. Являлся секретарём Пензенского городского комитета КПСС, депутатом Пензенского городского Совета народных депутатов и членом исполнительного комитета. В статье приводятся биографические данные, сведения об обучении, участии в индустриализации, в Великой Отечественной войне, в послевоенном восстановлении народного хозяйства, организации партийной работы. В основу статьи положены воспоминания автора, персональные документы Киселева А.И., материалы прижизненных интервью.*

Ключевые слова: *история семьи, советский человек, жизнь в СССР, труд в СССР, история коммуниста, Пенза.*

«WE ARE BEAR RESPONSIBILITY FOR THIS TIME TO THE END»

Novoseltseva N.A.,
Honorable Person in National Education,
Honorary citizen of the city of Penza,
Chairman of the cadre commission
Of Communist Party of the Russian Federation
(Penza Regional Committee)
Penza, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to memories of the author about the life and activities of the party her father – Kiselyov Alexander Ivanovich. Kiselev A. I. was a veteran of the great Patriotic war, the Red Army Lieutenant Colonel, was awarded the order of the Red Banner, order of the Patriotic War First and Second class. He was the secretary of the Penza city committee of the CPSU, a deputy of the Penza City Council of People's Deputies and a member of the executive committee. The article gives biographical data, information on training, participation of industrialization, in the great Patriotic war, post-war reconstruction of national economy, organization of party work. The article is based on the author's memories, personal documents of AI Kiselev, materials of intravital interviews.

Key words: The history of the family, the Soviet man, life in the USSR, work in the USSR, the history of the communist, Penza.

Такая нам судьба дана…
Мы до конца за это время отвечаем.
Живём без отдыха и сна –
Такая нам, товарищ мой,
Судьба дана.
Р. Рождественский

За последние десятилетия мы стали свидетелями изощрённых усилий власть предержащих, направленных на искажение или уничтожение памяти о советской истории, Великой Октябрьской социалистической революции и даже правды о войне с фашистами в 1941–1945 гг.

Сначала это было ельцинско-чубайсовское переименование главного советского праздника в фарисейский «День согласия и примирения», а затем оно ознаменовалось путинско-сурковской отменой праздничного 7 ноября вообще. В указах и постановлениях всё можно отменить. Однако свет Октября по прошествии столетия так ярок и благотворен, что росчерком пера с ним не справиться. Но к этому далеко не всё свелось. Была задействована огромная пропагандистская машина и ей, к сожалению, удалось добиться того, что многие наши соотечественники поддались ей и считают нашу революцию антипатриотической, сознание других россиян опутано. Горько, но сдвинулся разум даже у тех, кто жил при Советской власти и кому, казалось бы излишне разъяснять значение Великого Октября. Но делать это следует обязательно. Да, у нас не было сотни сортов колбасы и у каждого личного автомобиля, как в Швеции и США, но у нас было нечто гораздо большее. Было больше справедливости… А она для советских людей всегда была выше всего на свете, выше денег и других материальных благ. И революция, и Великая Отечественная война 1941-1945 гг. произошли во имя справедливости.

За что КПРФ борется сегодня? За справедливость. За то, во имя чего 100 лет назад был свершён Великий Октябрь и ради чего ярким светом сияла миру самая справедливая на земле Советская Социалистическая держава. Её свет не погас. И он обязательно обозначит человечеству верный путь в будущее.

В обращении ЦК КПРФ «Время встать под знамёна Великого Октября» говорится: «Наша страна лишается исторической перспективы. Олигархические кланы вполне устраивает тот факт, что наша страна стала бензоколонкой и лесопилкой для Запада. Им не нужен талантливый, грамотный и умелый гражданин нашего отечества».

Хочется пригласить читателей к размышлениям на эту тему. Эти мысли побудили меня к написанию статьи о моём отце, его жизненном пути в борьбе за справедливость, используя воспоминания, родословную семьи Киселёвых, интервью журналистов, оценки простыми людьми его человеческих качеств, а ещё трудовую книжку, которая во многом, как говорят, обогатила мою память.

Мой рассказ – это честная память, и я могу твёрдо ручаться за это.

«Киселев Александр Иванович – настоящий коммунист-ленинец. Это типичный представитель поколения 30-40-х годов прошлого столетия, волевого, бескорыстного, мужественного, любящего народ и Родину, ради процветания которой готового пойти на любые жертвы. Таких, как Александр Иванович Киселев, любили люди за твёрдость убеждений, доброту и терпение. Таких бы, как он, да в Москву бы, в Центральный Комитет, тогда бы там и перевёртышей типа Горбачёва и Ельцина не было бы». Эти слова написаны в сборнике рассказов о войне «Помним и гордимся!» в 2015 году Геннадием Елизаровичем Горлановым, доктором филологических наук, профессором, заведующим кафедрой «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета, членом Союза писателей России.

Рис 1. *Киселев Александр Иванович*

Киселев А.И. – коренной пензяк. Родился 23 ноября 1903 года в многодетной семье сапожника. Он рос вместе со своей страной, верил в социализм, воспитывался комсомолом, коммунистической партией. Своим народом. И им без остатка отдал всю свою жизнь. А ещё он был альтруистом, горячо любящим свою Родину, с постоянной готовностью прийти на помощь людям в трудную минуту.

Наша семья была дружной. Мама с папой прожили вместе полвека и для нас, детей – Нины, Нинель, Владимира родители во всём были примером. Я до сих пор помню слова отца: «будьте честными в большом и малом, любите людей».

В будущем все его дети стали коммунистами и были верны партии до конца. Наш брат Володя умер в 2016 году в г. Северодонецке, где состоял в компартии Украины. Из семьи я осталась одна, что обязывает меня защищать сегодня настоящих советских людей, рождённых Октябрём. Умер папа в семьдесят два года от ишемической болезни сердца. Врачи сказали: «всё сердце в многочисленных шрамах – рубцах от инфарктов». И не мудрено, время для страны и каждой семьи было трудное. Но мы верили в светлое будущее, верили совершенно искренне. И мне, кажется, что хорошо жили в нём, хотя многого ещё добиться не удалось.

Как всё начиналось? В 1920 году Саша Киселёв вступил в комсомол и до 1922 года работал инструктором укома комсомола (уездного комитета). Бурная общественная, комсомольская работа, энтузиазм молодых, горячие споры, диспуты и, конечно, конкретные дела комсомольцев занимали всё свободное время.

В стране объявлен первый набор комсомольцев на флот. Александр по путёвке пензенского комсомола уезжает в легендарный Питер, в школу подводного плавания. Отлично учился и служил на флоте посланец комсомола: в Кронштадте, Ленинграде, Севастополе.

Окончив школу подводного плавания, класс электриков-подводников, он был зачислен в группу по подготовке старшин-электриков для подводных лодок Чёрного моря. А затем его направили в г. Севастополь, где он плавал до ноября 1925 года. Везде проявлял активность, большие организаторские способности, умение ладить с товарищами. Пятьдесят лет назад, давая интервью журналисту «Пензенской правды» А. Смайкину, папа рассказывал, как курсанты встретили смерть вождя революции В.И. Ленина: «Курсанты возвращались из тяжёлого похода. И, словно ножом в сердце, страшная весть: умер Ленин. Какими словами описать горе комсомольцев, чем измерить глубину их печали? Само собой пришло решение – в партию, ей – все силы, всю жизнь». Саша был верен этому решению до последних дней жизни.

В год ленинского призыва в партию, 1924, он был принят Ленинградской партийной организацией кандидатом в члены ВКП(б), а 19 октября 1925 года парторганизация Черноморского флота приняла его в члены ВКП(б).

Символично, что меня принимали в КПСС тоже в октябре месяце, но 1964 года. И отец давал мне рекомендацию в партию.

Курсы старшин-электриков, на которые были отобраны лучшие бойцы из школы подводников, вступили в ленинскую партию. И будто его, Сашину жизнь, подсмотрел и описал поэт:

Подшефный флот
подымай якоря,
В море
пора
подводным кротам.
«По морям,
по морям,
Нынче здесь,
завтра там [2, с. 488].

Нынче здесь – учёба на Балтике, завтра там – Севастополь, служба на Чёрном море. С тех пор города Кронштадт, Ленинград, Севастополь стали для папы родными и он часто посещал их. Дорогими и родными они стали и для нашей семьи.

Подводные силы Черноморского флота по нынешним временам могут вызывать улыбку – шесть подводных лодок. Однако тогда на недостаток работы подводники пожаловаться не могли. И здесь виски старшины Киселева припорошила первая седина. Это после того, как экипажу пришлось прилагать поистине героические усилия, чтобы поднять с грунта повреждённую лодку. Отличной оценки заслужил на флоте посланец пензенского комсомола. Ему предлагали остаться на сверхсрочную службу, поступить на командирские курсы. Но властно звали его родные края. И он вернулся в город своей юности.

Нельзя сказать, что молодой коммунист с большим восторгом принял в Губкоме партии назначение заведующим секцией Губотдела труда в Пензе. Эта работа казалась ему канцелярской. Но опасения оказались напрасными – А.И. Киселев попал в самую гущу событий.

Страна взяла курс на индустриализацию. И людям, которым предстояло строить, творить, дерзать, давал путёвку в жизнь коммунист Киселев. Он разбирался с каждым человеком, которого рекомендовал куда-либо на работу. От его внимательности и добросовестности зависели судьбы людей. Свободное время выпадало редко. А тут ещё пришлось, засучив рукава, броситься в драку с троцкистами. Одним из них оказался его начальник. А для этого он перечитал немало книг, прежде чем научился наносить ощутимые удары капитулянтам и маловерам.

Подробно изучив жизненный путь отца, поняла, что он был прекрасным организатором и партийным вожаком.

ЦК партии заметил его организаторский талант и посылал его туда, где было трудно и надо было налаживать или поправлять дела. В предвоенные годы А.И. Киселев все силы, всю свою энергию отдавал делу строительства социализма.

Верхний Ломов встретил Александра Ивановича пожарами. Горели хлебные скирды, с них огонь перескакивал на дома сельчан. Немало крови попортили поджигатели секретарю волостного комитета партии, нелегко было их выловить. Но секретарь поднял на это активистов, и уничтожение народного добра было прекращено. Так началась работа молодого партийного вожака в деревне. Село переживало коренную перестройку. Крестьяне объединялись в колхозы, в деревне претворялись в жизнь заветы Ильича. И на этом решающем участке борьбы оказался рядовой ленинского призыва Александр Киселев. Бурные сельские сходы, долгие задушевные беседы с крестьянами, создание сельских партийных ячеек, выстрелы из-за угла – месть озверевших кулаков… Сквозь всё это прошёл Александр Иванович, вырабатывая в себе качества руководителя, вожака, организатора масс. Здесь, в Верхнем Ломове у него родилась старшая дочь Нина. Папе пришлось работать и в Нижнеломовском райкоме ВКП(б) до ликвидации волости. После

этого его избрали секретарём партколлектива фабрики «Победа». В феврале 1930 г. Окружком ВКП(б) удовлетворяет его просьбу и переводит на работу в г. Пензу.

Здесь раскрываются его педагогические организаторские способности. После окончания в 1918 году Высшего начального четырёхклассного училища папа работал агентом уездного отдела народного образования. Был обществоведом средней школы № 7, заведующим школой-семилеткой и зав. школой № 6 (образцовой) при Пензенском велосипедном заводе. Одновременно его избрали секретарём партячейки гороно. В 1933 году он возглавляет образцовую школу ОФЗД № 1.

Получается, что мы, его дочери пошли по его стопам. Нина Александровна была удостоена звания «Заслуженный учитель РСФСР», Нинель Александровна – «Отличник народного просвещения», продолжила его дело по партийной линии. 52 года служу народу и КПСС-КПРФ.

Прошло немного времени, и А.И. Киселев в 1935 году по заданию ЦК участвует в работе по созданию Оренбургской области. Он избирается первым секретарём четырёх сельских райкомов партии: Буртинского Средне-Волжского края, Тепловского, Ново-Орского, Мордово-Боклинского, где я и родилась. И лишь младший наш брат родился в Пензе.

В Оренбургской области отец участвовал в организации и укреплении колхозов, совхозов, МТС, вёл большую работу по воспитанию трудящихся, выработке у них высоких морально-нравственных качеств.

В мае 1938 года папа был отозван в ЦК ВКП(б) на учёбу в Высшую школу парторганизаторов. В декабре 1939 г. он получает новое, очень ответственное поручение: быть первым секретарём Оргбюро по Ашхабадской области. Тогда в Туркмении предстояло создать пять областей. Здесь А.И. Киселев работал до ноября 1941 года первым секретарём Ашхабадского обкома и горкома партии.

Началась Великая Отечественная война с фашизмом. Папа рвался на фронт, настойчиво писал заявления, звонил в ЦК, «бомбил все инстанции», хотя имел бронь. И добился своего: добровольцем ушёл на фронт.

Решением ЦК отца направили на курсы военных комиссаров при Академии имени В.И. Ленина. Там его избирают секретарём парторганизации. Затем он был командирован на курсы военкомов в г. Белебей и по их окончанию в мае 1942 г. был назначен вторым членом Военного Совета вновь формирующейся 27-ой Армии. После преобразования армии в Гвардейскую А.И. Киселева отзывают из-под Сталинграда и назначают начальником политотдела 23-ей Гвардейской стрелковой дивизии, где он воевал до октября 1943 года и был контужен. И в эти военные годы партия посылает нашего отца туда, где нужна помощь.

Наши оппоненты до сих пор пытаются нам внушить, что страна не была готова к войне и кадры военных были слабые, как и высшее военное руководство и т.п.

Биография моего отца и его рассказы говорят об обратном. Невольно позавидуешь тому, как в годы войны велась работа с кадрами.

В ноябре 1943 года А.И. Киселева назначают на должность заместителя командира 7-ой Гвардейской Режицкой Краснознамённой стрелковой дивизии по политчасти и начальником политотдела этой дивизии. Она входила в состав 2-го Прибалтийского Фронта, Первой ударной Армии, которая освобождала Литву и Латвию.

Это всё статистика. А за ней: кровавые и жестокие бои, радость освобождения Прибалтики, мужество советских воинов, сотни тысяч погибших и 10 Сталинских ударов, которые решили исход войны. Папа не часто говорил о войне, больше о фронтовых друзьях. На войне были не только смерть и кровь, но и необыкновенная дружба, верность, самопожертвование. Мы подолгу рассматривали фронтовые фотографии, где перед боем солдатам и офицерам вручались партийные билеты и как комиссары личным примером вдохновляли воинов в бою.

В настоящее время об этих фактах умалчивают, комиссаров и политруков просто очерняют, оболган Верховный главнокомандующий И.В. Сталин, с именем которого шли в бой советские солдаты, оскверняются памятники советских полководцев, которые освобождали зарубежные страны.

Г.А. Зюганов на семинаре-совещании 28.01.17 г. говорил: «Мы обязаны показать, что только труд и справедливость сумели создать великое государство, одержать Победу, прорваться в космос, создать ракетно-ядерный паритет… И как только эти высокие идеалы, были преданы Горбачёвым, Яковлевым, Шеварднадзе, Ельциным, всё и посыпалось. И вот уже 25 лет страна кувыркается, встроившись в хвост американскому либерализму. Результат отрицательный. Хуже некуда. 80 тысяч производств и целые отрасли угробили» [1].

История – дама строгая. Она обязательно всё расставит по своим местам. В нынешней сложной международной обстановке мы не должны быть равнодушными и пассивными. Нам, коммунистам, нельзя останавливаться в борьбе за правду и справедливость. Активнее давать отпор всем фальсификаторам и антисоветчикам. Об этом хорошо говорилось на мартовском (2017 г.) пленуме ЦК КПРФ. Читая его материалы, вспомнила эпизоды из жизни нашей семьи.

Война закончилась. 1946 год. Мы живём по месту службы папы в г. Пярну Эстонской ССР. Я училась во втором классе и там была принята в пионеры. Сестра училась и закончила десятый класс.

Расскажу о двух случаях, которые очень долго я не могла понять, но они врезались в мою память навсегда. Едем с родителями на трофейной машине на рынок. Нас обстреливают «лесные братья», а местные продавцы молока вроде бы нас не понимают и не продают его нам. Сестра заканчивает десятый класс, но ей, как и другим детям военнослужащих, не выдают аттестаты зрелости, так как они не «смогли» сдать экзамены по немецкому языку. Так без аттестата зрелости и уехали в Пензу. Гораздо позже мы получили ответы на эти вопросы, но тогда это нам было не понятно. Отец всю послевоенную жизнь в Пензе вёл переписку с ребятами из нескольких районов Латвии, которые освобождала их дивизия. Им он отправил все военные

фотографии, свои воспоминания, так как сам не мог по состоянию здоровья ездить на встречи. Недавно я обнаружила три письма из г. Виляны Лудзенского района и города Латвийской ССР от председателя Совета музея боевой Славы Вилянской средней школы Михаила Липина с отчётом-информацией о шестой традиционной встрече ветеранов воинов-освободителей 7-ой Гвардейской Режицкой Краснознамённой стрелковой дивизии и 37-й СД, поздравление Лудзенского райкома партии с 35-й годовщиной освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Эта связь со школьниками Латвии грела душу отца, он всегда с удовольствием отвечал на их письма, а они ещё долго приходили и после его смерти.

В 1946 г. дивизию в г. Пярну расформировали. И снова, как в молодые годы на флоте, А.И. Киселев отказался от военной службы. Он был демобилизован в запас, и ЦК ВКП(б) направил его на работу в родную Пензу.

Подполковник Красной Армии Киселев А.И. за боевые заслуги награждён орденами Боевого Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, многими медалями. После войны он был награждён орденом «Знак почёта».

В Пензе его избирают секретарём Пензенского горкома партии (по идеологии), секретарём партколлегии обкома. Был он заведующим оргинструкторским отделом облисполкома, членом ревизионной комиссии обкома. Избирался депутатом Пензенского городского Совета народных депутатов и членом исполкома. И снова я вспоминаю, что тоже была секретарём по идеологии Пензенского горкома КПСС 9 лет (1983-1991 гг.)

Наступило время ухода отца на пенсию. Стал он пенсионером Союзного значения. Только не усидел дома, заскучал по работе, по людям. Коммунисты кирпичного завода избрали его своим партийным секретарём. И снова он в строю.

Работал он и в отделе кадров швейной фабрики имени К. Цеткин, где его очень любили наши женщины.

А.И. Киселев везде проявлял заботу о тех, кого незаслуженно обижали или наказывали. Думаю, что уход его на пенсию в 60 лет во многом связан с тем, что в высших эшелонах власти не для всех руководителей он был удобным человеком. Часто проявлял принципиальность, имел свою точку зрения и отстаивал её.

В последние годы жизни отец много сил и энергии отдаёт общественной работе в парткомиссии Ленинского райкома КПСС, являясь заместителем председателя комиссии. Частенько пошаливало сердце. Ходить домой на пятый этаж было трудно. И он нашёл выход: приглашал на разбор персональных дел товарищей домой. И сидя на кухне, в доброжелательной обстановке часами говорил с людьми. Конечно, не все дела решались положительно, но обиженных среди уходящих я не видела. У Александра Ивановича был талант слушать и слышать товарищей. Не всем это дано. От своей двоюродной сестры я узнала, что папа очень хотел, чтобы я продолжила его дело. Каким-то внутренним чутьём он увидел во мне «партийные задатки». И всю жизнь незаметно для меня готовил к тому, чтобы я заняла

его место на партийном поприще. Так и получилось в будущем. Сама того не ведая и не стремясь к этому, я выполнила его мечту, хотя мне нравилось работать учителем.

Когда папа умер, к нам в дом приходило много людей. Я слышала их шёпот: «на таких должностях работал, а дома одни книги». А я вспомнила наш отъезд из г. Ашхабада. Огромный кованый сундук был набит книгами. Больше ничего не отправляли багажом. Папа был очень щепетильным человеком в бытовых вопросах и требовал от нас не допускать никаких излишеств. Читатель может сказать: «хвалитесь». Нет, хочу сказать: «Я горжусь тобой, папа и тобой, мама!»

Лидия Ильинична Киселева, фельдшер-акушерка по профессии, как и папа, из многодетной семьи, объездила с ним многие города и сельские районы. Где было возможно – работала. По своей натуре мама была человеком очень добрым. Работала заведующей районным отделом здравоохранения в сельской местности, нянечкой в детских яслях фабрики «Маяк революции». Не гнушалась никакой работой. Люди отвечали ей также добрым взаимоотношением. Она всю жизнь называла себя беспартийным коммунистом. Был в её жизни поступок, которым гордилась вся семья.

1953 год. Умер И.В. Сталин. Скорбела вся страна и наша мама. Она сумела убедить отца, настояла, чтобы её отправили в Москву проводить в последний путь любимого вождя. Улетела она в самолёте с гусями (в прямом смысле этого слова). В столице ничего не увидела, кроме сплошного потока людей и горя на их лицах. Вернулась домой. Но это был благородный порыв мамы, достоянный уважения нашей семьи.

Меня как-то спросили: «Какие черты вы цените в своём отце?» Ответила сразу, особо не задумываясь: «Высокий профессионализм, эрудицию, любовь к людям и, если можно так сказать, дотошность в работе, и то, что он вселял в нас неугасимый оптимизм». Таких людей, как папа я воспринимаю, как лики света Октября. А к ним я отношу своих учителей по жизни, дорогих моему сердцу товарищей по борьбе за справедливость. Это Зубков Борис Фёдорович, Харитонов Константин Петрович, Варлашин Николай Владимирович, Уришов Константин Петрович, Дорош Виталий Георгиевич, Лизунов Александр Яковлевич, Курбатская Лариса Андреевна. Они служили и служат нам примером, как и те, на кого мы с ними равнялись в довоенное и военное время: Зоя Космодемьянская и Олег Кошевой, Николай Островский и Павел Корчагин, Александр Матросов и 28 героев-панфиловцев, Ульяна Громова и Сергей Тюленин, Юрий Гагарин и Юрий Седов, Андрей Кижеватов и Василий Афанасьевич Глазунов, дважды Герой Советского Союза, наш земляк.

Конечно, есть люди и не столь знаменитые, но тоже несущие в себе черты советской эпохи, и их я тоже воспринимаю, как свет Октября. Сегодня трудно даже мысленно перенестись на сто лет назад, когда в недрах нашего общества вызрела великая революция. Однако биографии советских людей помогут это сделать. Мы с вами жили в судьбоносное время и, можно сказать, отвечали на его вопросы, каждый по-своему. Верно говорят, земля

предков сама питает. Без истоков и корней человек не может устоять. Всех нас учили, что надо уметь постоять за правду, за справедливость, за Родину. Мы знаем, что такое трудовой энтузиазм, о котором всегда мечтали лучшие умы человечества, но он возможен только при социализме.

КПРФ – живой организм. В ней всегда есть противоречия. Вместе с тем, здоровая часть партии обязательно преодолеет все трудности. И мои товарищи по борьбе за справедливость, отстоявшие коммунистическую партию, будут укреплять её и сплачивать. Высокая дисциплина, ответственность, служение трудовому народу – этими принципами необходимо руководствоваться каждому и сегодня. Но надо обязательно сочетать великие идеи с заботой о ближнем. Любить всё человечество легко, а вот поддержать и помочь конкретным людям – это гораздо сложнее. Это я испытывала в жизни не раз. Что помогало – мои родители.

Мы идём к 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции под флагом дружбы, труда и справедливости.

Нам всегда хочется видеть рядом с собой людей благородных, честных, способных на совершение поступков, двигающих общество вперед к социализму. Пусть рядом с Вами будет больше таких людей!

Начав стихами Р. Рождественского, мы заканчиваем свои воспоминания призывом В. Маяковского:

Светить всегда,
Светить везде
До дней последних донца,
Светить –
И никаких гвоздей!
Вот лозунг мой –
И солнца! [3, с. 164].

Источники и литература:

1. Зюганов Г.А. Выступление на семинаре-совещании 28.01.2017 [Электронный ресурс]. – https:// msk.kprf.ru
2. Маяковский В.В. Владимир Ильич Ленин // Маяковский В.В. Стихотворения и поэмы. – Л.: Лениздат, 1971.
3. Маяковский В.В. Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче // Маяковский В.В. Стихотворения и поэмы. – Л.: Лениздат, 1971.
4. Смайкин А. Сердце зовёт в бой // Пензенская правда. – 1965. – 22 апреля.

Referenses

1. Zjuganov G.A. Vystuplenie na seminare-soveshhanii 28.01.2017 [Jelektronnyj resurs]. – https:// msk.kprf.ru
2. Majakovskij V.V. Vladimir Il'ich Lenin // Majakovskij V.V. Stihotvorenija i pojemy. – L.: Lenizdat, 1971.
3. Majakovskij V.V. Neobychajnoe prikljuchenie, byvshee s Vladimirom Majakovskim letom na dache // Majakovskij V.V. Stihotvorenija i pojemy. – L.: Lenizdat, 1971.
4. Smajkin A. Serdce zovjot v boj // Penzenskaja pravda. – 1965. – 22 aprelja.

УДК 82-8 DOI: 10.24045/conf.2017.1.22

ЮЛИЯ ДРУНИНА: ПОЭТ, ФРОНТОВИК, ЧЕЛОВЕК

Хисамутдинова Р.Р.,
доктор исторических наук,
профессор,
заведующая кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания,
Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

Аннотация. *В данной статье раскрывается образ Юлии Друниной как поэта, как фронтовика и как человека через её поэзию, которая была почти полностью посвящена военной тематике. Однако проблема войны у неё тесно переплеталась с темой любви. Военная повседневность и женская психология нашли наиболее широкое отражение во фронтовой поэзии Юлии Друниной. Её творчество можно без преувеличения назвать поэзией человеческого достоинства.*

Ключевые слова: *Юлия Друнина, военная поэзия, советская поэзия, Великая Отечественная война.*

YULILIYA DRUNINA: POET, VETERAN, HUMAN

Hisamutdinova R.R.,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
заведующая кафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории
Orenburg State Pedagogical University
Orenburg, Russian Federation

Abstract. In this article, the image of Julia Drunina as a poet, as a front-line soldier and as a person through her poetry, which was almost entirely devoted to military subjects, is revealed. However, the problem of war was closely intertwined with the theme of love. Military everyday life and female psychology found the widest reflection in the front-line poetry of Julia Drunina. Her work can be called without exaggeration the poetry of human dignity.

Key words: Julia Drunina, Military poetry, Soviet poetry, the Great Patriotic War.

У войны не женское лицо, но Великую Отечественную войну невозможно представить без участия в ней представителей слабого пола, совсем юных девушек, уходивших на фронт добровольцами прямо из школьной скамьи, из детства, чтобы защитить Родину: «Я ушла из детства в грязную теплушку, / В эшелон пехоты, в санитарный взвод», «Я пришла из школы в блиндажи сырые, / От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»./Потому что имя ближе, чем «Россия», / не могла сыскать» [1, с. 295], «Я родом не из детства – из войны. Прости меня – в том нет моей вины…» [1, с. 276]. Когда началась война, большое количество патриотично настроенных женщин и девушек по всей стране пришли в военкоматы, желая добровольно наравне с мужчинами встать на защиту Родины: «Какие удивительные лица военкоматы видели тогда! Текла красавиц юных череда – казалось, выпал

жребий им родиться в пуховиках «дворянского гнезда», – писала позже поэт-фронтовик Юлия Владимировна Друнина [2, с. 190].

Рис. 1 *Юлия Друнина*

В войне принимало участие свыше 800 тысяч женщин, которые добровольно или по мобилизации ушли на фронт. К их числу относится Юлия Друнина. При всей романтичности своего характера, так естественно совпавшего с чистотой помыслов её ровесников, она, кажется, почти не совершала необдуманных шагов. Её порыв непременно соотносился с точным осознанием конечной цели. Но, приняв решение, она уже не отступала. Выросшая в городе, «Я – горожанка./ Я росла, не зная,/Как тонет в реках/ Медленный закат./Росистой ночью,/Свежей ночью мая/Не выбегала я в цветущий сад» [1, с. 289], в интеллигентной московской семье (отец – учитель – «преподавал он физику ребятам» [2, с. 289], мать – библиотекарь), она вопреки воле родителей девчонкой в 18-летнем возрасте со школьной скамьи летом 1942 года ушла добровольцем на фронт. «Бросив книги и карандаш, встала девочка с парты этой и шагнула в сырой блиндаж» [1, с. 18], «Напрасно дочек умоляют дома, уж не властен материнский взгляд – у райвоенкоматов и райкомов тургеневские девушки стоят» [2, с. 190]. После тяжёлого ранения – осколок едва не перерезал сонную артерию, прошёл в двух миллиметрах от неё – эта тоненькая девочка с глазами кинозвезды, так похожая на Любовь Орлову, снова ушла на фронт добровольцем. Под обстрелы. В холод и грязь [4, с. 177].

Именно в военные годы начинается творческий путь кумира нескольких читательских поколений Советского Союза Юлии Друниной. Её творчество можно без преувеличения назвать поэзией человеческого достоинства. Это тот редкий случай, когда поэт пишет, как живёт, и живёт, как пишет. В её стихах нет зазора между автором и лирическим героем, между лирическим признанием и реальной жизнью. Военная тема постоянно занимает главное место в её творчестве. До конца своих дней старшина медицинской службы,

сама не избежавшая двух ранений, Друнина ощущала себя «связной между теми, кто жив и кто отнят войной». Поэтому даже в её многочисленных стихах о любви так часто возникает тема войны… Со временем у неё появляется всё больше стихов о любви, но значительная их часть тоже так или иначе переплетена с темой войны. «Всё просят девочки:/– Прочтите о любви! – /Все просят мальчики: /– Прочтите о войне! – /Но эти ипостаси, /Как ручьи, /В одну реку /Давно слились /Во мне… /Читаю о любви – /Там про войну. /Читаю о войне – / Там про любовь…» [1, с. 21].

Военную повседневность и психологию женщины на войне невозможно представить без фронтовой поэзии Юлии Друниной. Её первая военная дорога пролегла в Подмосковье, когда 17-летняя Юля, окончившая курсы медсестёр, но отправленная из столицы на рытьё окопов, во время вражеского авианалёта потерялась, отстала от своего отряда, оказалась в окружении, откуда выходила почти месяц с остатками одного из изрядно потрёпанных пехотных полков. Через два года на госпитальной койке она напишет стихотворение о том, что она испытала в те дни. Признаётся, что сначала оно получилось необычайно длинным, но в окончательном варианте осталось знаменитое классическое, навсегда вписанное в русскую поэзию, словно на медали отчеканенное, четверостишие девятнадцатилетней Ю. Друниной, написанное на фронте в 1943 г.: «Я только раз видала рукопашный, раз – наяву и сотни раз во сне. Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне» [1, с. 294]. Здесь всё – правда, всё – о себе, никаких мистификаций и художественных вымыслов.

Я думаю, то, что летом 1941 г. испытала при выходе из окружения, она отразила и в строках стихотворения «В сорок первом»: «Мы лежали и смерти ждали – /Не люблю я равнин с тех пор…/Заслужили свои медали/ Те, кто били по нас в упор, –/ Били с «мессеров» как в мишени» (1970 г.) [1, с. 154].

И вот на фронт прибывают девушки, робкие, невинные, только что от мамы: «Худенькой нескладной недотрогой я пришла в окопные края, и была застенчивой и строгой полковая молодость моя», «В семнадцать лет, кочуя по окопам, я увидала Родину свою», – напишет Юлия Друнина [1, с. 295, 273; 2, с. 10, 36]. Своё участие в войне она считала не заслугой, а удачей: «Нет, это не заслуга, а удача – стать девушке солдатом на войне, когда б сложилась моя жизнь иначе, как в День Победы стыдно было б мне» [1, с. 273, 278, 293; 2, с. 36]. «Стыдно было б мне» – эта фраза красной нитью проходит в воспоминаниях многих фронтовиков.

Она описывает, какое напряжение испытывали молодые девчонки, влюблённые в книги, звёзды, тишину, когда им приходилось «побледнев, стиснув зубы до хруста от родного окопа» оторваться и «бруствер проскочить под обстрелом должна…» [1, с. 25], чтобы оказать помощь раненым. «И за то, что снова до утра смерть ползти со мною будет рядом, мимоходом: – Молодец, сестра! – крикнут мне товарищи в награду. Да ещё сияющий комбат руки мне протянет после боя: Старшина, родная, как я рад, что опять осталась ты живою!» [2, с. 27], «Четверть роты уже скосило…/Распростёртая на снегу, /Плачет девочка от бессилья, /Задыхается:

«Не могу!/Тяжеленный попался малый, /Сил тащить его больше нет…/(Санитарочке той усталой /Восемнадцать сравнялось лет.)» (1973 г.), [2, с. 184]. «Её величают «сестрицей /Те, которых она волокла/На горбу./Проклиная судьбу./Сквозь пожар и пальбу» (1970 г.) [2, с. 158].

В фронтовых условиях невозможно было так обустроить свой быт, чтобы было тепло, уютно. Для женщин на фронте, как правило, существовали отдельные женские землянки, жили в них по 4-5 человек. «Только что пришла с передовой, мокрая, замёрзшая и злая, а в землянке нету никого, и дымится печка, затухая» [2, с. 27], «Показалась могилой / Землянка в четыре наката. / Умирала печурка. /Под ватник забрался мороз…» [2, с. 210]. Спали в землянках на деревянных нарах, на которые был накидан лапник, сено. Плащ-палатка служила простынёй, а накрывались шинелью. А чаще «сырой окоп – солдатская постель, а одеяло – волглая шинель. Укрылся как положено солдат: пола шинели – под, пола шинели - над» [2, с. 124].

Разбитые фронтовые дороги остались в памяти у фронтовиков, когда даже буксовали тракторы и тягачи. «Сквозь туман, сквозь дождей пелену батальоны идут на войну. Грозен топот тяжёлых сапог по грязище разбитых дорог» [2, с. 26].

У молодёжи юность была опалена войной: «Нет, это горят не хаты – /То юность моя в огне…»[2, с. 9]; «Нет, /В гимнастёрках, /Не в капронах/ И не на танцах, /А в бою, / В снегах, войною опалённых, /Ты /Юность встретила свою» (1960 г.) [2, с. 104], «Паренёк уходил на войну,/Покидая родную страну, – /В это время бои уже шли /За кордонами русской земли…/ Но случилось, что юность свою /Он отдал в самом первом бою» (1960 г.) [2, с. 109]. «Убивали молодость мою /Из винтовки снайперской. / В бою, /При бомбёжке / И при артобстреле…/ Возвратилась с фронта я домой /Раненой, но сильной и прямой –/ Пусть душа едва держалась в теле» [1, с. 36].

И молодые ребята, и молодые девчата, добровольцами и по мобилизации уходившие на фронт сразу после окончания школы, были очень похожи друг на друга. «Идут по войне девчата, / Похожие на парней» [2, с. 9], «Подстриженная под мальчишку, / Была я похожа на всех. / Похожа на школьников тощих, / Что стали бойцами в тот час» [1, с. 290], «Шинель до пят, обрита голова, до красоты ли тут, до щегольства» [2, с. 125].

Девчонки молодые, которые вынесли все тяготы солдатской жизни, после войны не понимали, как они это смогли выдержать. «До сих пор не совсем понимаю, как же я, и худа, и мала, сквозь пожары к победному Маю, в кирзачах стопудовых дошла» 1, с. 279]. «Я не привыкла, чтоб меня жалели, я тем гордилась, что среди огня мужчины в окровавленных шинелях на помощь звали девушку – меня…» [2, с. 90]. Но иногда их тоже покидало мужество: «Формировки,/ Походы, /Сраженья./ Как положено на войне…/Поздней осенью /В окруженье / Изменило мужество мне. /На повязке – алые пятна. /У костра меня бьёт озноб. / Я сквозь зубы сказала:/ – Понятно. / Положенье – Хоть пулю в лоб. / Что же, товарищи, /Отвоевались…/Хватит! / Больше идти не могу!.../ И такая, такая усталость, / Так уютно на первом снегу… / Наша

рота пошла в наступленье, / Все сметал орудийный шквал./ И седой командир отделенья/ Меня на руки бережно взял. / Плащ-палатка, как чёрные крылья, /Развевалась за ним на ходу. / Но рванувшись, / Глухо, / С усильем, / Я сказала: / – Сама пойду!» (1952 г.) [2, с. 59-60].

Усталость от войны была у всех, но наиболее остро ощущали это девушки. «Новогоднюю ночь/Третий раз я на фронте встречала. /Показалось – конца/ Не предвидится этой войне. /Захотелось домой, /Поняла, что смертельно устала./(Виновато затишье – /Совсем не до грусти в огне!)». Насколько ребята-мужчины пытались скрасить опасную, однообразную, тяжёлую фронтовую жизнь девушек, насколько они их жалели как своих сестрёнок, свидетельствует стихотворение Ю.Друниной «Ёлка», когда ребята из ротной разведки решили устроить ей праздник и принесли с боевого задания ёлку. «Не игрушки на ней,/А натёртые гильзы блестели, /Между банок с тушёнкой /Трофейный висел шоколад…/Рукавицею трогая /Лапы замерзшие ели, /Я сквозь слезы смотрела/ На сразу притихших ребят», «Я зарылась лицом /В эти детством пропахшие ветки…/Вдруг обвал артналёта/ И чья-то команда: ложись!/ Контратака!/Пробил санитарную сумку осколок, /Я бинтую ребят/ На взбесившемся чёрном снегу…». В её памяти осталась именно эта ёлка. «Сколько было потом/ Новогодних сверкающих ёлок!/Их забыла, а эту /Забыть до сих пор не могу…» (1976 г.)[2, с. 211-212].

Женщинам в силу их эмоциональности пережить смерть любимого человека, близких друзей, подруг было намного сложнее, чем мужчинам: «Машенька, связистка, умирала на руках беспомощных моих», «Девочка в шинели уходила от войны, от жизни, от меня. Снова рыть в безмолвии могилу, комьями замёрзшими звеня», «Мы не ждали посмертной славы, Мы хотели со славой жить… Почему же в бинтах кровавых Светлокосый солдат лежит», «А вечером над братскою могилой с опущенной стояла головой…Не знаю, где я нежности училась, – быть может, на дороге фронтовой…», «В пухлой белой перине лежат батальоны убитых солдат. Если даже вернётся весна, что для них может сделать она» [2, с. 148, 21, 41, 26].

Надо понимать, что основную часть Красной армии составляла молодёжь, поэтому между молодыми людьми вспыхивала любовь, иногда на всю оставшуюся жизнь. «Ко мне в окоп/ Сквозь минные разрывы / Незваной гостьей / Забрела любовь. / Не знала я, /Что можно стать счастливой / У дымных сталинградских берегов» [1, с. 25]. «В почерневшей степи Приднепровья, /Где сады умирали/ В орудийном огне, /Наградил меня Бог / Настоящей любовью, /Ведь бывало и так на войне» [1, с. 57]. «Ждала тебя. И верила. И знала: Мне нужно верить, чтобы пережить Бои, походы, вечную усталость, Ознобные могилы-блиндажи» (1943 г.) [2, с. 13]. С войны сохранилась любовь к никогда не называемому по имени погибшему Комбату. «В почерневшей степи Приднепровья, /Где сады умирали / И дымился металл, /На бегу, /Захлебнувшись кровью, /Мой любимый / Упал…» [2, с. 57]. «Отчего же такая стужа, /Словно кто-то не верит в май? /Словно я перестала верить, /Что в одну из весенних дат/ Неожиданно охнут двери / И, бледнея, войдёт солдат» (1945 г.) [2, с. 37],«Жизнь, скажи, разве я виновата, / Что на чёрный

запекшийся снег, / Как подкошенный рухнул когда-то, /Уронив пистолет, человек?/… С новой болью я снова пойму, /Что тебя мне никто не заменит, /Что верна я тебе одному» (1971 г.) [2, с. 164]. «Над ними ветра и рыдают и пляшут, /Бормочут дожди в темноте. /Спят наши любимые, мальчики наши, /А нас обнимают не те…Одни – помоложе, другие – постарше. /Вот только ровесников нет. /Спят наши ровесники, воины наши – /Им всем по семнадцати лет» [1, с. 282].

Несмотря на все испытания, которые выпали им на долю, эти совсем юные девушки сумели сохранить любовь и доброту к ближнему, к окружающей среде. «Я мальчиков этих жалела, как могут лишь сёстры жалеть» [1, с. 290], «Раз пробираясь партизанской тропкой, я поняла навек, что мы должны быть добрыми к любой травинке робкой» [1, с. 276].

Многие фронтовики в своих воспоминаниях и в интервью говорили о том, что перед боем наступала такая тишина, что слышно было абсолютно всё. Об этом очень ёмко сказала в своих стихах Юлия Друнина: «За минуту до боя очень тихо в траншее, за секунду до боя очень жизнь хорошеет. Как прекрасна травинка, что на бруствере, рядом! Как прекрасна!...Но тишь разрывает снарядом» [2, с. 88].

Именно тогда в памяти возникали, казалось бы, давно забытые молитвы и обряды. Не раз слышала от фронтовиков, что «на войне не бывает безбожников». Об этом написала Юлия Друнина в стихотворении «В сорок первом»: «Мы лежали и смерти ждали – /Били с «мессеров», как в мишени/..От отчаяния мы палили/(Все же легче чем так лежать)/По кабинам, в кресты на крыльях,/Просто в господа бога мать…/И молились мы, атеисты, /Чтоб нагрянули ястребки» [2, с. 154].

Удивительно, что в стихах Друниной нет никакого пафоса, театрального героизма. Не случайно, когда снимался советский фильм «А зори здесь тихие», молодые актрисы, чтобы почувствовать камертон искренности, правдивости и чтобы достоверно войти в образ своих героинь – девчонок-солдат, читали со слезами на глазах военные стихи Друниной. Из её строк можно с фотографической точностью узнать, какая мера напряжения, страдания и ужаса выпала в юности на долю наших матерей, которых теперь уже почти и не осталось в живых, а тогда, в общем-то, ещё совсем дети, какой страшной беде заглянули в глаза: Целовались./Плакали/ И пели./ Шли в штыки./И прямо на бегу/Девочка в заштопанной шинели/Разбросала руки на снегу (1944 г.) [1, с. 24]. Как прекрасна, как естественна эта вроде бы ничего страшного не предвещающая интонация первых строк: «Целовались. Плакали и пели…». И рядом, на стыке, на грани сознания безумия, всего два слова, от которых холодеет в жилах кровь: «Шли в штыки». Ещё страшнее, что это вывела на бумаге женская рука.

А достоверность этих стихов ещё и в том, что Юлия Друнина была награждена ни много ни мало орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Фронтовики знают, каков вес этих двух наград на войне, не каждый мужчина удостаивался такого признания ратных заслуг.

Каким мужеством и человеческой смелостью надо было обладать молодой девушке, чтобы первой в 1944 г. поднять тему о штрафниках и написать свой «Штрафной батальон» – не каждый бы сумел отважиться. О «штрафных батальонах» наша литература заговорила лишь в 1960-е годы [3, с. 347].

Штрафной батальон

Дышит
В лицо
Молдаванский вечер
Хмелем осенних трав.
Дробно,
Как будто цыганские плечи,
Гибкий дрожит состав.
Мечется степь –
Узорный,
Жёлто-зелёный плат.
Пляшут,
Поют платформы,
Пляшет,
Поёт штрафбат.
Бледный майор
Расправляет плечи:
– Хлопцы,
пропьём
Свой последний вечер! –
Глух паровозный крик.
Красное небо летит навстречу –
Поезд идёт
в тупик…

1944 г.

Осенью 1944 г. снова ранение и контузия. На полгода Юлию Друнину признают негодной к несению военной службы. И как раз через полгода окончилась война.

К этому времени Друнина уже стала студенткой литинститута. Просто выписавшись из госпиталя, пришла в середине учебного года в аудиторию и села среди первокурсников. Это вызвало смятение в учебной части, но никто не решился выгнать инвалида войны, награждённого орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Юле даже назначили стипендию.

Как вспоминает её первый муж поэт Николай Старшинов, Юля по редакциям не ходила, даже не знала, где многие из них находятся, и кто в них заведует поэзией. Лишь иногда, услышав, что я или кто-то из студентов собирается пойти в какой-нибудь журнал, просила: «Слушай, занеси заодно и мои стихи…». А между тем её фронтовые стихи, прочитанные на литературном

объединении при издательстве «Молодая гвардия», которым руководил прекрасный поэт и человек Дмитрий Кедрин, а потом и появившиеся в журнале «Знамя», произвели сильное впечатление в конце войны и сразу после её завершения. В 1948 г. вышел сборник «В солдатской шинели», Друнину приняли в Союз писателей [2, с. 7].

Юлия Друнина, говоря о тех людях, которые спасли мир от коричневой чумы XX столетия, пишет о том, что для участников войны жизненные ценности коренным образом поменялись, т.к. они видели смерть своих близких друзей, товарищей. Для них материальные ценности большую роль не играли: Я принесла домой с фронтов России/ Веселое презрение к тряпью – / Как норковую/ шубку я носила/ Шинельку обгоревшую свою. / Пусть на локтях топорщились заплаты, / Пусть сапоги протёрлись – не беда! /Такой нарядной и такой богатой / Я позже не бывала никогда…» [1, 288]. На следующий день после победного салюта, 10 мая 1945 года Юлии Друниной исполнился 21 год, но пережито было уже много: «Шли девчонки домой/ Из победных полков./Двадцать лет за спиной/ Или двадцать веков?/Орденов на груди все же меньше, чем ран./ Вроде жизнь впереди,/ А зовут «ветеран» [2, с. 155], и если чего и стеснялась она тогда (ни в коем случае не стыдилась), то «стоптанных сапог и своей шинели перемятой, пропылённой пылью всех дорог» [1, с. 271]. Представители фронтового поколения родились второй раз в День Победы: «Мы родились два раза. / И вторым был День Победы – / Как забудешь это? – / И с той поры, далёкой той поры /Нет для меня святее даты, нету! / Все наши праздники люблю и чту. /Но День Победы – это День Победы. / Душа летит в такую высоту – /Летит за невернувшимися следом…»[1, с. 33].

Любовь к Родине, любовь к России звучит во многих стихах Юлии Друниной; «О Россия! /С нелёгкой судьбою страна…/ У меня ты Россия, / Как сердце одна. / Я и другу скажу, / Я скажу и врагу – / Без тебя, / Как без сердца, / Прожить не смогу…» [1, с. 17].

Говорят, что причиной добровольного ухода из жизни было одиночество Друниной. Однако это – не вся правда, по мнению Г. Красникова[1, с. 310]. В посмертной записке она скажет: «Почему ухожу? По-моему оставаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире такому несовершенному существу, как я, можно только имея крепкий, личный тыл…». «Личного тыла», конечно, не было. После смерти своего мужа А. Каплера она до последнего своего рокового дня – 21 ноября 1991 года – так и не смогла заполнить зияющую пустоту в своём доме и сердце, потерявшем причал в другом родном сердце. Но причина всё-таки не только в этом. Она болезненно переживала события, которые происходили в стране, и распад СССР. В стихотворении «Заслуженный отдых» она пишет о ветеранах Великой Отечественной войны, вынужденных просить милостыню в подземных переходах: «Ветераны в подземных /Дрожат переходах. /Рядом старый костыль /И стыдливая кепка. /Им страна подарила/ «Заслуженный отдых», /А себя пригвоздила/ К бесчестию крепко. /Только как позабуду/ Отчаянных, гордых. /Молодых лейтенантов, /Солдатиков юных?.../Тихо плачут

монетки / В кепуре помятой. /Кепка с медью – /Осиновый кол на могиле, /Над могилою юности нашей /Распятой…» [1, с. 161]. Юлия Владимировна слишком осознанно и обдуманно готовила свой гибельный поступок. Об этом свидетельствуют её последние стихи («Мне сегодня бессонной ночью, Показалось, что жизнь прошла…», «Живых в душе не осталось мест… И крест поставить я не могу, И жить не смогу с тоскою…»). Но главные строки об этом в прекрасном (одном из последних) стихотворении «Судный час»:

…Как летит под откос Россия,
Не могу, не хочу смотреть!

Она уходила «с поля боя», где чувствовала себя одинокой в окружении предательства. Красавица, настоящий, а не «надувной» кумир нескольких читательских поколений, она могла прожить вполне счастливую жизнь. Но когда рухнула её страна, когда были преданы идеалы, за которые отдавала жизнь её юность, – она перестала чувствовать себя связной (Я порой себя ощущаю связной, Между теми, кто жив, И кто отнят войной…). Как пишет Г. Красников: «Связь времён и даже эпох распалась. Всё было не просто забыто, а бессовестно, грубо и цинично брошено на поругание и осмеяние».

Последние её стихи, написанные незадолго до самоубийств, начинались словами: «Безумно страшно за Россию…»[1, с. 311].

А свои решения она привыкла выполнять. Это не случайная вспышка отчаяния. Всё было предусмотрено и продумано до мелочей. Она написала едва ли не десять писем: дочери, внучке, зятю, подруге Виолетте, редактору своей новой рукописи, в милицию, в Союз писателей. В письмах никого ни в чём не винила. Всё было учтиво, всё было благородно и красиво.

Как поэт, как женщина, как человек Юлия Друнина была любима и обожаема в самых разнообразных читательских аудиториях Советского Союза. Радует то, что интерес к её стихам возрождается у молодёжи и в современной России.

Источники и литература:

1.Друнина Ю.В. Есть время любить: Стихотворения. – М.: Эксмо, 2008.
2. Друнина Ю.В. За минуту до боя. – М.; АСТ: Астрель, 2012.
3. Хисамутдинова Р.Р. Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945 годы): военно-исторические очерки. – Оренбург: изд-во ОГПУ, 2014.
4. Хисамутдинова Р.Р. Советский Союз накануне и в годы Великой Отечественной войны: учебное пособие к лекционному курсу. Оренбург: изд-во ОГПУ, 2015.

Referenses

1.Drunina Ju.V. Est' vremja ljubit': Stihotvorenija. – M.: Jeksmo, 2008.
2. Drunina Ju.V. Za minutu do boja. – M.; AST: Astrel', 2012.
3. Hisamutdinova R.R. Velikaja Otechestvennaja vojna Sovetskogo Sojuza (1941-1945 gody): voenno-istoricheskie ocherki. – Orenburg: izd-vo OGPU, 2014.
4. Hisamutdinova R.R. Sovetskij Sojuz nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: uchebnoe posobie k lekcionnomu kursu. Orenburg: izd-vo OGPU, 2015.

УДК 908 DOI: 10.24045/conf.2017.1.23

ВРЕМЯ БОЛЬШИХ ПЕРЕМЕН: СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СЕЛЕ МАИС ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Голова В.И.,
библиотекарь,
Пензенская область,
Россия

Аннотация. *Статья посвящена истории установления Советской власти в селе Маис Пензенской области. Автор уделяет внимание участию жителей села Маис в событиях Гражданской войны, освещает формирование партийной, комсомольской, пионерской организации; анализирует деятельность коммунистов по установлению связей с населением. Автор в статье рассказывает о советских активистах, которые активно вели воспитательную, культурно-просветительскую, политическую просветительскую деятельность в селе в период Гражданской войны и в 1920-е годы.*

Ключевые слова: *Октябрьская революция, установление советской власти, Пензенская губерния, история села Маис.*

THE TIME OF GREAT CHANGES: THE FORMATION OF SOVIET POWER IN THE VILLAGE OF MAIS PENZA PROVINCE

Golova V.I.
Librarian
Penza region, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the history of the establishment of Soviet power in the village of Mais Penza region. The author pays attention to the participation of the villagers Maize in the events of the Civil war, illuminates the formation of the party, the Komsomol, the pioneer organization; analyzes the activity of the Communists to establish relationships with the population. The author of the article talks about a Soviet activists who have actively engaged in educational, cultural, political activities in the village during the Civil war.

Key words: The October revolution, the establishment of Soviet power, Penza province, the history of the village of Mais.

Идут годы… В бесконечной череде лет есть особые периоды, которые никогда не сотрутся в памяти потомков. Такими были годы великих перемен, годы становления Советской власти. Эта статья написана по материалам архивов, которые запечатлели первые годы Советской власти в селе Маис Пензенской губернии, и по воспоминаниям старожилов села.

После свершения Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года в селе Маис, как и во всей стране, произошло немало событий. Жизнь крестьян и других жителей села резко изменилась. Пришла новая власть, истинно крестьянская – с иными основами, принципами. Её работой руководили свои же люди, наиболее энергичные и сознательные крестьяне, проникнутые духом уже возникшей рабоче-крестьянской власти, и это руководство осуществлялось уже не в интересах помещиков или буржуазии,

а в интересах самих крестьян. Волостной аппарат начал строиться так, что он стал близок населению и мог выявить и наилучшим способом удовлетворить все хозяйственные и культурные его потребности.

В селе Маис 4.03.1918 г. установилась Советская власть [2]. Но остатки буржуазно-помещичьей России, не желая расстаться со своим положением господства и эксплуатации, прилагали отчаянные усилия, чтобы вернуть себе прежнее положение. Грянула Гражданская война. Встал вопрос о защите рабоче-крестьянской власти и удержании основных завоеваний Октября. Общность интересов города и деревни – рабочих и крестьян – была налицо, и совместными усилиями все отчаянные попытки контрреволюции вернуть в деревню помещика, старшину и урядника были отбиты. Партия большевиков начала активный призыв в ряды красноармейцев. «Социалистическое Отечество в опасности!» – главный лозунг момента.

Активно откликнулись на этот призыв и жители села Маис. В мае 1919 года соратники партии и комсомола пошли защищать ещё молодую Советскую власть. Они геройски сражались на фронтах Гражданской войны. С честью прошли боевой путь Моисей Богданов, потерявший на войне ногу, Фёдор Салманов, Пётр Козлов, Иван Кочетов, Пётр и Иван Ефановы, Григорий Васильевич Ефанов, Степан Николаевич Казённов, Владимир Константинович Исаев (в качестве военного врача) и многие другие, бесстрашно бившиеся с врагами Советской власти и получившие ранения. Вот что пишет в своей автобиографии И.П. Ефанов: «19 мая 1919 года по призыву партии добровольно выбываю на фронт с 1-ым Пензенским Коммунистическим полком, назначаюсь инструктором-агитатором политотдела 5-ой Армии Восточного фронта до августа месяца. В августе с бригадой «Красных Коммунаров» в качестве политического руководителя бригады направляюсь на доукомплектование бригады в Москву. Но в связи с прорывом на Южном фронте банд Мамонтова, по распоряжению Реввоенсовета со ст. Рязань получаю назначение Кочетовка - Козлов на ликвидацию банды Мамонтова. 21 сентября после ликвидации банды прибываю с отрядом в г. Пензу». Затем Иван Петрович служил в боевой 25-й Чапаевской дивизии, на Петроградском фронте участвовал в ликвидации банд Юденича и т.д. По возвращении из Красной Армии трудился на разных партийных и хозяйственных работах. Это был настоящий коммунист.

О боевых действиях Степана Казённова стало известно из воспоминаний его брата Василия, описавшего весь жизненный путь Степана. В них есть такие строки: «Империалистической конец. Наступила Гражданская. Разница есть ли в войне? Для нас, может быть, нет, а Степан уже сидел на коне. Вместе с Будённым Семёном Михайловичем он вихрем носился в полях. Сбоку сабля, вверху шлем с околышем, на шее винтовка с ремнём, ноги в стременах. Нещадно косили Деникина, Врангеля! Близко совсем и сам Перекоп. Чёрная свора и Белая Армия утекали от красных в галоп…». Далее Василий рассказывает, что Степан был зачислен на курсы красных офицеров. Став командиром по окончании курсов, воевал дальше. Будучи ещё курсантом, командовал ротой, уничтожившей Юденича под Пулковом.

Затем были Кронштадт, Петроград. Степану Николаевичу довелось воевать на трёх фронтах: Империалистической, Гражданской и Великой Отечественной войн. Он получил множество наград за боевые заслуги.

Но вернёмся в 1918 год. В селе была организована партийная ячейка. В 1918 году создана комсомольская организация. К этому времени здесь уже работала небольшая, но крепко спаянная партийная организация в составе товарищей Н.С. Миронова, И.П. Ефанова, П.Е. Емелина. Во главе коммунистической ячейки стоял присланный губкомом Андрей Медянцев, рабочий из г. Пензы. Коммунисты села были непосредственными организаторами и руководителями первой комсомольской ячейки. Из сельской молодёжи они отобрали наиболее активных и преданных делу революции юношей, готовых за родную Советскую власть отдать свою жизнь. В комсомол вступили Василий Салманов, Николай Макаров, Григорий Денисов и другие молодые люди села. Все они были детьми бедняков, выходцами из трудовых крестьянских семей. Первым секретарём комсомольской ячейки был выбран Фёдор Салманов. Впоследствии он ушёл на фронт, чтобы защищать Советскую Власть от белогвардейских полчищ. Там он вступил в коммунистическую партию, а после демобилизации активно работал сначала на общественной работе в селе Маис, а затем на партийно-советской работе в других районах. Позже проживал в г. Куйбышеве. О многих фактах, известных со слов Фёдора Салманова, пишет А. Чернышов в своём письме учителю средней школы села Маис В.Ф. Ефанову. Он рассказал о том, как не щадили себя первые комсомольцы, как самоотверженно выступали они против многочисленных налётов кулацких банд, которые буквально терроризировали Маис и окрестные сёла в те грозовые годы. Например, в 1918 году в селе Кенчурка было антисоветское восстание. Свирепо расправившись с местными активистами, кулачьё вооружилось вилами и топорами и двинулось на Маис. На мосту через реку Инза на их пути встал отряд из юных комсомольцев. Они и отбили нападение кулацких бандитов.

В основном же комсомольцы проводили большую воспитательную и культурно-просветительную работу. В селе на Базарной улице в доме зажиточного крестьянина (кулака) Краснощёкова был создан клуб, где устраивались вечера отдыха для молодёжи, воспитательные и познавательные беседы, лекции эстетической направленности для жителей различных возрастных категорий, которые проводила дочь бывшего помещика библиотекарь Софья Михайловна Зварицкая. Своими силами комсомольцы построили Народный Дом, ставший настоящим центром всей культурно-просветительной работы. Был создан струнный оркестр. Многие из молодых людей профессионально играли на музыкальных инструментах и имели к тому времени специальную подготовку. Степан Николаевич Казённов виртуозно играл на скрипке, Михаил Николаевич Горбунов прекрасно владел игрой на балалайке и гармони, Фёдор Ефремович Едренин – также игрой на гармони. А С.М. Зварицкая вместе со Степаном Ефимовичем Горюновым и Василием Гавриловичем Ефановым играли главные роли во всех постановочных сценках-миниатюрах. Онито и проводили на сцене этого Народного Дома все культурные мероприятия,

в которых активное участие принимали Ф.Н. Ермаков, П.И. Козлов, И.Я. Кочетов и многие другие самодеятельные артисты.

Комсомольцы активно боролись с самогоноварением и разъясняли сущность и необходимость продразвёрстки. Оба этих направления работы были, бесспорно, очень непростым делом. Благодаря активистам, наверное, в селе Маис всё прошло относительно спокойно. С каждым годом влияние комсомола на сельскую молодёжь росло. В двадцатые годы ячейка насчитывала уже около двух десятков человек. Среди них были: Фёдор Ефанов, Василий Будрецов, Николай Помощников, Василий Антипин, Павел Ступин, Иван Тишин, Василий Чернов, Иван Лёвочкин, Василий Сафронов, Сергей Будрецов и другие. Из девушек первыми были Мария и Ольга Горюновы.

Многие из этих ребят были очень активными и инициативными комсомольцами, а Фёдор Ефанов выделялся особенными организаторскими качествами. В Маисской волости все знали этого высокого рыжеволосого парня, всегда весёлого и энергичного. Именно такие ребята задавали тон всему, чем жила молодёжь того времени. Впоследствии Фёдор Лукич Ефанов длительное время служил на руководящей комсомольской и партийной работе в Городищенском и Сызранском уездах, а потом в городе Самаре. Перед самой войной он работал в Куйбышевском обкоме партии, одним из первых пошёл на фронт и вскоре погиб, сражаясь за свою Родину, которой он посвятил всю свою жизнь без остатка.

Другим активистом был Иван Тишин. Родители его были бедные крестьяне. Председателем сельсовета он стал сразу после семи классов (20-е годы). В 1923 году ячейка поручила ему организовать в селе первый пионерский отряд. Ваня Тишин стал пионервожатым. Он устраивал походы, привлекавшие много детей, а ещё замечательные пионерские костры, наиболее любимые романтические и зажигательные мероприятия, чем все годы своей деятельности славилась Всесоюзная пионерская организация. Кроме того, было проделано много полезной работы: вместе с комсомольцами все представители юного поколения работали на субботниках, помогали старикам, организовывали концерты, ставили спектакли, выпускали стенгазеты. Об их делах даже был опубликован очерк в газете «Средне-Волжский комсомолец». Иван воевал, был награждён орденом Красной Звезды и многими медалями. В Маисской школе ему торжественно повязали красный галстук и назначили почётным пионером. Большинство комсомольцев первого призыва потом вступили в коммунистическую партию, а первые пионеры стали комсомольцами. Все они стали настоящими патриотами.

Интересен пример Ивана Жигунова. Сын бедного крестьянина, он рано познал нужду и лишения. Был скромным, застенчивым пареньком, хорошо учился, активно участвовал в работе своей организации. Перед самой войной работал секретарём в одном из сельских райкомов партии, в 1941 году был призван в Красную Армию и геройски погиб в бою с фашистами. На фронте погиб и брат Фёдора Ефанова Пётр. Судьба некоторых ребят неизвестна, точнее сказать, известно только начало их жизни. Иван Завьялов работал до войны в Инзенском райкоме комсомола, а Василий Голов – редактором районной

газеты в Оренбургской области. Все эти комсомольцы – И. Жигунов, П. Ефанов, В. Голов, И. Завьялов – активно участвовали в 1929-1930 годах в создании колхоза имени Сталина и его организационно-хозяйственном укреплении. Кроме них, работали и другие комсомольцы: Иван Милкин, Иван Салманов, Василий Ефанов, Иван Суркин, Фёдор Едренин, Настя Жалнина и другие. В 1929 году они организовали первую ударную комсомольскую бригаду по выделке кирпича для строительства скотных дворов и колхозных ферм. На заливе реки была построена плотина. Они проводили праздник Первой колхозной борозды. Любое дело вели они с молодым задором и весельем.

Первым пионером, что доподлинно известно, был Александр Ксенофонтович Чернышов. Родился он в 1913 году. В пионеры вступил в 1923г. В 14 лет уже стал председателем Маисского Волостного бюро, а 1928 году был выбран председателем Городищенского Уездного бюро юных пионеров-ленинцев. Работая в комсомольских организациях других районов, он приезжал в Маис и принимал участие в делах, проводимых молодёжью. В 1932 году о нём писали в краевой газете «Средне-Волжский комсомолец»: «Саша Чернышов – один из тех, кто с малых лет прошёл три почётных ступени своего развития. Он постепенно закалялся в борьбе за знания, в борьбе за новую жизнь. С тринадцати лет, будучи пионером, Саша уже руководил волостной организацией, в четырнадцать – уездной, а в шестнадцать лет подросток был переведён в партию как закалённый комсомолец». А.К. Чернышов – член комсомола с 1926 года, член партии с 1930 года. Он занимал ответственные комсомольские, профсоюзные и партийные посты. О своей семье он пишет так: «Лишились отца в голодный 1921 год мы, братья, из которых мне, самому старшему, было 8 лет. Остались на руках своей матери, потомственной батрачки, малограмотной, служившей до революции прачкой у помещиков Зварицких. Партия и Советская власть помогли нашей семье. Мама работала на общественной работе, была одной из первых женщин-делегатов в нашем селе. В 1926 году мать приняли в члены Коммунистической партии, а меня – в члены Ленинского комсомола. С этого времени начался новый период в жизни нашей семьи – период роста и активного участия в борьбе за дело партии. Мои младшие братья Сергей и Нил также были в свои годы пионерами, комсомольцами, затем вступили в коммунистическую партию. Все трое мы участвовали в Великой Отечественной войне 1941-1945годов».

Эти люди – пример того, как в российских глубинках появлялся человек нового типа: с активной гражданской позицией, смелый, преданный большому народному делу, сильной воли и честного разума. Впоследствии таких людей стали называть «советский человек». Они создали государственную экономику, подняли сельское хозяйство, а в грозные годы Великой Отечественной защитили страну – выстояли и победили.

Рассказ о первых пионерах не был бы точным, если обойтись только общей схемой описания. На самом деле становление пионерской организации проходило сложно, в постоянной борьбе. Сначала записалось пятьдесят человек. Ребят гоняли, дразнили, сочиняли частушки:

Пионеры – лодыри!
Царя, Бога продали!

Некоторым родители грозили: «Если пойдёшь в отряд, то уходи из дома». Из отряда ушли двадцать человек, но оставшиеся закалились в этой борьбе. Коммунисты руководили становлением отряда, но тем не менее на идейной почве возникали частые ссоры пионеров и внеотрядных ребят. Секретарь райкома партии М.В. Пилясов, вручая партбилет подростку, шестнадцатилетнему Чернышову, сказал: «Вот тебе партбилет, хотя и рано по возрасту, но держи его крепко, будь настоящим большевиком-ленинцем». «Будьте уверены!» – ответил Саша.

Жители села Маис помнят строгую, умную женщину Марию Алексеевну Будрецову. Она тоже была в числе первых активистов села. В 1930 году её приняли в комсомол, секретарём был Андрей Милкин. Мария училась в школе крестьянской молодёжи. Будучи школьницей, помогала организовывать колхоз «Большевистская искра» в деревне Кенчурка. После школы училась в Ульяновске на учительских курсах, работала пионервожатой, секретарём школы, пережила войну. У неё была трудная, но активная и насыщенная жизнь.

Советская власть круто изменила жизнь многих людей. Например, Иван Ефанов, родившийся в Маисе в 1892 году, был возчиком у богача-лесопромышленника, затем работал у местного купца, и ему, выходцу из бедной семьи, не сойти бы с этого пути, если бы не перемены в стране. В 1918 году Иван Петрович вступает в члены РКП(б), поступает учиться и далее принимает самое активное участие в жизни нашего села.

Шаров, Жигунов, первые комсомольцы, вспоминали о том, что у них большим шиком считалось носить специально пошитые костюмы: серые брюки, штормовка, гимнастёрка с ремнём и портупея. На груди красовался значок КИМ (Коммунистический Интернационал Молодёжи).

К концу 1920 года гражданская война в основном закончилась. Советская республика переходила к мирному труду. Положение было тяжёлым. Война, террор, насилие, голод сократили население страны на 13 млн. человек. Разрушилась прежняя система экономических связей. Глубочайший кризис охватил все стороны общественной жизни, в том числе промышленность, сельское хозяйство. Сократились посевные площади, понизились урожаи. Недоставало хлеба, спичек, соли. Разруха охватила и Городищенский уезд, в состав которого входил Маис. Все хозяйственные дела и заботы заслонила огромная беда – голод. И, хотя засуха поразила не всю Пензенскую губернию, значительная часть посевов сгорела от жары. Особенно плохо обстояли дела в Городищенском уезде. От бескормицы начался падёж скота. Руководитель опертройки Городищенского уезда М.Г. Долгов в своей докладной записке губисполкому сообщил, что «граждане едят хлеб из одних желудей, а если и есть …незначительный процент…овса, таковых… считают счастливцами. Лошадей же они кормят гнилой соломой, которую

берут с крыши своих бедных изб, так что, въезжая в какую-либо деревню, видишь истрёпанные крыши, как будто после сильного урагана».

Начались эпидемии тифа и гибель населения. Спасаясь от голода, жители стали покидать родные места. Чтобы как-то остановить людей, с девяти волостей полностью сняли продналог. В уезде прошёл съезд Советов, на котором был обсуждён вопрос «О помощи голодающим братьям Поволжья». Съезд призвал помочь голодающим и начался сбор средств для нуждающихся крестьян. В 1921 году многие дети стали сиротами, число беспризорников быстро увеличивалось. Засуха и недород привели к ухудшению дел в сельском хозяйстве. Сильный удар был нанесён по животноводству. Каждый выживал, как умел.

В октябре 1921 года Городищенский уезд был признан голодающим. По мнению краеведа Савина, авторитет В. И. Ленина как руководителя Советского государства был настолько велик, что, несмотря на трудности периода продразвёрстки, сельское население понимало, что фронт и город требуют помощи. В книге «Ленин и Пензенский край» [5, с. 97] он описывает эпизод приезда уполномоченного по продразвёрстке в одно из сёл Николо-Пёстровского уезда (Базарная Кеньша). Крестьяне помимо документов затребовали у него ответа на вопрос: «Действительно ли это разрешает сам Ленин?». Услышав утвердительный ответ, крестьяне отдали зерно беспрекословно. Этот факт общеизвестен.

Приближается юбилей – 100-летие со дня Великой Октябрьской социалистической революции.

Это важнейшее событие в истории не только нашего народа, но и всего человечества. Долгие годы эта дата торжественно отмечалась. Города и сёла были празднично украшены, проходили массовые демонстрации и торжественные парады. И все, от мала до велика, проникались величием Победы большевиков. У нас, тогда ещё детей, была гордость за то, что мы родились и живём в стране без эксплуатации, насилия и неравноправия. Память о годах советского времени, никогда не сотрётся из памяти, как и правда об этом величайшем событии.

Источники и литература:

1. Декреты Советской власти. Т.1 – М.: Политиздат, 1957.
2. Очерки истории Пензенской организации КПСС. – Саратов: Приволж. кн. изд-во (Пензен. отд-ние), 1983.
3. Пензенская область в цифрах и фактах. – Саратов: Приволж. кн. изд-во (Пензен. отд-ние), 1987.
4. Прокаев К. Под влиянием идей большевиков (Из истории установления Советской власти в сёлах Городищенского района) // Знамя труда. -- 1991. - 21 ноября.
5. Савин О.М. Ленин и Пензенский край. – Саратов: Приволж. кн. изд-во (Пензен. отд-ние), 1980.
6. Страницы былого/ Воспоминания участников революционных событий 1917-1918 гг. в Пензенской губернии/ Пенза: Пензенское кн. изд-во, 1957.

References

1. Dekrety Sovetskoj vlasti. T.1 – M.: Politizdat, 1957.

2. Ocherki istorii Penzenskoj organizacii KPSS. – Saratov: Privolzh. kn. izd-vo (Penzen. otd-nie), 1983.
3. Penzenskaja oblast' v cifrah i faktah. – Saratov: Privolzh. kn. izd-vo (Penzen. otd-nie), 1987.
4. Prokaev K. Pod vlijaniem idej bol'shevikov (Iz istorii ustanovlenija Sovetskoj vlasti v sjolah Gorodishhenskogo rajona) // Znamja truda. -- 1991. - 21 nojabrja.
5. Savin O.M. Lenin i Penzenskij kraj. – Saratov: Privolzh. kn. izd-vo (Penzen. otd-nie), 1980.
6. Stranicy bylogo/ Vospominanija uchastnikov revoljucionnyh sobytij 1917-1918 gg. v Penzenskoj gubernii/ Penza: Penzenskoe kn. izd-vo, 1957.

УДК 929 DOI: 10.24045/conf.2017.1.24

HOMO SOVETICUS: ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Милаева О.В.
кандидат исторических наук,
доцент кафедры
«Философия и социальные коммуникации»,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия

Аннотация. *Статья посвящена особенностям советского менталитета периода 1960-70-х годов. Автор сравнивает различные точки зрения на основные ценности и особенности поведения советского человека. В статье делается вывод, что homo soveticus – это не единый антропологический тип в СССР, а идеальный набор значимых для развития общества и человека нравственных качеств, которые стали целью в социальном и ментальном пространстве советского общества.*

Ключевые слова: *homo soveticus, труд в СССР, инженерно-техническая интеллигенция, квалифицированные кадры, советский человек, коллективизм.*

HOMO SOVETICUS: ORDINARY HISTORY

Milaeva O. V.,
Candidate Of historical sciences,
Associate professor of «Philosophy and social communication» department
Penza State University, Penza, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the Soviet mentality of the period 1960-70 s. The author compares various views on the basic values and behaviors of Soviet man. The article concludes that homo soveticus is not a single anthropological type in the USSR, but an ideal set of moral qualities that are significant for the development of society and human, which have become a goal in the social and mental space of Soviet society.

Keywords: homo soveticus, labor in the USSR, Engineering and technical intelligentsia, skilled staff , Soviet person, collectivism.

История, воспринятая в человеческом измерении, – это всегда определённый образ человека эпохи, находящийся в неразрывной с ней связи, порождённый самой эпохой. Рыцарь без страха и упрёка, экзальтированный

монах, титаны Возрождения, славный мушкетёр, изнеженный аристократ XVIII века, утонченный денди, рафинированный интеллигент, пламенный революционер…

Октябрьская революция 1917 года – одно из крупнейших по масштабам исторических событий XX века – не могла не породить нового человека – homo soveticus. Однако новому обществу даже при необычайно высоких темпах индустриальных и социально-политических изменений для этого потребовалось не одно десятилетие.

Поэтому вызывают недоумение попытки увидеть прототип советского человека – и уже с отрицательной оценкой – в форме «homo socialisticus», в высказываниях С. Булгакова о революционных солдатах и матросах: «…Признаюсь вам, что «товарищи» кажутся мне иногда существами, вовсе лишёнными духа и обладающими только низшими душевными способностями, особой разновидностью дарвиновских обезьян – homo socialisticus» [3]. Цитата относится к 1918 году, когда ещё никакого нового советского человека быть не могло. Напротив, это результат воспитания в «России, которую мы потеряли», одновременно репрессивной политики по отношению к основной массе народа и православной духовности. Вспомним Блока: «Почему дырявят древний собор? – Потому что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой. Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? – Потому, что там насиловали и пороли девок; не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? – Потому что сто лет под их развесистыми липами и клёнами господа показывали свою власть...» [2].

Но самой ходовой интерпретацией стало восприятие этого словосочетания через призму убийственней иронии. И этот термин – homo soveticus, – введенный профессором-эмигрантом А. Зиновьевым, имевший презрительно-насмешливую окраску, прочно укоренился в социальной психологии как квинтэссенция негативного, порождённого в человеке советским строем [6]. Сам Александр Зиновьев родился в крестьянской семье. Переселившись в Москву, его отец работал маляром. При этом будущий диссидент не только получил при Советской власти образование и поступил в Московский институт философии, литературы и истории (ИФЛИ), а будучи из него исключённым (за антисталинские высказывания: о ужас! за антисталинские высказывания не репрессирован, не расстрелян в страшном 1939 году!), но и, воюя в ВОВ в штурмовой авиации, был награждён орденом Красной Звезды. После войны Зиновьев окончил МГУ и работал в Академии наук СССР, был заведующим кафедрой логики философского факультета МГУ. Как видим, путь этого homo soveticus (а так он и себя называет) – из крестьян в московские профессоры, – значительно отличается от подоплёки известного «мифа о бревенчатой хижине» Э. Пессена в сторону не мифа, а реальности.

И реальность эта была такова, что в «прекрасной» России прошлого (Российской империи) крестьянский сын, сменивший статус на сына чернорабочего, рассчитывать на такое развитие событий вряд ли смог бы. Напомним, что жизнь дореволюционного крестьянства (а это самый

многочисленный слой, то есть непосредственно почти весь народ) оценивалась как суровая, жестокая и беспросветная. Вот, например, свидетельство В. Короленко: *«Вы свежий человек, натыкаетесь на деревню с десятками тифозных больных, видите, как больная мать склоняется над колыбелью больного ребёнка, чтобы покормить его, теряет сознание и лежит над ним, а помочь некому, потому что муж на полу бормочет в бессвязном бреду. И вы приходите в ужас. А «старый служака» привык.... Тиф? Да ведь это у нас всегда! Лебеда? Да у нас этой каждый год!»*

И речь ведь у авторов идет не о неординарном случае, а постоянном жестоком голоде в русской деревне. Для того чтобы получить хлеб, царское правительство принимало жёсткие конфискационные меры – экстренно увеличивало налоги в определённых районах, взыскивало недоимки, иногда просто изымало излишки силовым путём – полицейскими урядниками с отрядами казаков (как видим, продналог и продразвёрстка – не большевистское изобретение).

Бесправие как в государстве, так и в семье, навязанное невежество, будто бы соответствующее «низкой породе», тяжёлая работа с раннего детства, телесные наказания, невозможность вырваться из-под консервативных и довольно жёстких общинных отношений, бесправие женщин, высокая детская смертность и веками формируемое равнодушие к собственной судьбе, огрубение души вследствие невозможности развития для большинства выше уровня ЦПШ…

И за почти сорок лет после отмены крепостного права мало что изменилось. Апелляция к тому, что столыпинские реформы что-то могли изменить, подготовить эволюцию в социальных отношениях – обычный популизм. Аграрная экономика полуфеодального типа была к этому не способна.

Хлеб, которого не хватало крестьянам шел на экспорт, поскольку за него платили валютой, а на нее можно было покупать товары, которых, в промышленно отсталой России не было. Разговоры о том, что Россия кормила Европу и благоденствовала, мягко говоря, несостоятельны: при исключительном стечении погодных условий и самом высоком для царской России урожае 1913 года Российская Империя вывезла 530 млн. пудов всех зерновых, что составило 6,3% потребления европейских стран (8,34 млрд. пудов). При этом Россия боролась за свою долю на рынке, по свидетельствам дореволюционных экономистов, только очень низкой ценой, но не качеством. Развитой аграрной культуры тоже не было.

То есть речи не может быть даже о том, что Россия кормила не то что Европу, но и даже пол-Европы.

Но, возможно, доходы от продажи хлеба шли на развитие страны? На улучшение положения народа? Но нет, исследователи отмечают, что на расходы аристократии было потрачено 180 миллионов; 140 миллионов русские дворяне оставили за границей (noblesse oblige: курорты Баден-Бадена, казино, недвижимость в Европе). На модернизацию России «эффективные собственники» потратили одну шестую дохода (58 миллионов руб.) от продажи зерна, выбитого у крестьян. И другие «достижения» правящей «святой»

царской семьи: 2% в мировом производстве; 500 тракторов на всю Россию (в основном соха); 1,5 врача на 10 тыс. населения, 263 ребёнка из тысячи умирали; 80% безграмотного населения; 10 млн. учащихся на всю Россию, то есть 1, 7 на тысячу человек, в вузах обучались 127 тысяч человек.

Стоит ли задавать вопрос о возможностях и желании царского правительства провести быструю индустриализацию с такой системой управления? Ответ достаточно очевиден.

Для сравнения. После Октябрьской революции: повсеместная реализация плана ГОЭЛРО (в 1925 году электрификация уже превзошла уровень 1917 года); за пять лет из аграрной страны Россия превратилась в индустриальную; полная ликвидация безграмотности. К 1947 году число инженеров в СССР превысило аналогичный показатель в США, к 1941 году – 7 тысяч тракторов в год, к 1948 году – атомная промышленность, 1957 год – запуск спутника, 1961 год – первый полёт человека в космос, 1960 год – среднее и высшее образование стали бесплатными, 856 вузов, 5 миллионов студентов (сколько во Франции, ФРГ и Англии, вместе взятых), к 1980 году фундаментальная наука стала одной из наиболее развитых отраслей производства, в ней были заняты один миллион человек.

Традиционное возражение: прогресс на крови. Жизнь – всегда ценность, смерть – всегда трагедия. Но стоит вспомнить, что в Российской империи только из-за повышенной заболеваемости от голода, чрезвычайно слабо развитой медицины и гигиены за год умирало более 250 тыс. человек. За все 33 года правления Сталина в СССР, отягчённого последствиями Гражданской войны, классовыми противоречиями, несколькими войнами и их последствиями было приговорено к расстрелу по максимуму 643 тыс. человек (приведено в исполнение меньше, но возьмём даже эту цифру). Очевидно, что это число перекрывается всего 3-4 годами повышенной смертности в царской России. И это только одна статья пренебрежения «человеческим материалом».

Здесь неплохо бы вспомнить и некоторые другие факты. Опуская подробности жестокости по отношению к крепостным, которая шокировала иностранцев (так, Шарль Массон писал: «Я уже отмечал, как возмутительно в России обращение с людьми. Присутствовать хотя бы при наказаниях, которым часто подвергаются *рабы*, и выдержать это без ужаса и негодования можно только в том случае, если чувствительность уже притупилась и сердце окаменело от жестоких зрелищ»), обратимся к реалиям начала XX века. Отношение к народу никак не изменилось. Процитируем приказ министра внутренних дел П. Дурново киевскому генерал-губернатору (по поводу крестьянских волнений): «*...немедленно истреблять, силою оружия бунтовщиков, а в случае сопротивления – сжигать их жилища…».* И распоряжение тамбовского вице-губернатора полицейскому командованию: *«меньше арестовывайте, больше стреляйте…».* По отношению к крестьянам в XX веке применялись юридические нормы, которые не действовали для других слоёв населения. Либерал Столыпин таким образом разъяснил позицию царского правительства: «Правительство в целях самозащиты вправе «приостанавливать все

нормы права». Только по приговорам военно-полевых судов было повешено с августа 1906 по апрель 1907 1102 бунтовщика.

Ещё один упрек, который достается Советской власти, обобщённо состоит в следующем: «Советская власть подчиняла личность коллективу и интересам государства». Не станем говорить о том, что коллективизм сам по себе – высокая нравственная ценность; коллектив, а не индивид создал цивилизацию. Коллективистские ценности были заимствованы Советским государством и развиты на почве уже существовавших в русском менталитете коллективных образцов. При этом общинный коллективизм дореволюционного образца существенно отличается от советского. Основой крестьянского коллективизма являлось православие, которое после раскола христианства получив духовную независимость и избежав внутриконфессиональных противоречий, сделало упор на коллективность, мистицизм и иконопочитание. Для любителей «духовности» отметим, что православие держалось, в том числе и на репрессивных мерах. В Уголовном кодексе Российской империи 1845 года [1] имелись десятки уголовных статей за преступления против веры с невероятно суровой ответственностью, что довольно плохо вписывается в изначальную религиозность русского народа и концепцию его «духовного единения» с Церковью. Подчинение, смирение, почитание вышестоящего – вот те ценности, на которых держался крестьянский коллективизм. Советская же идеология связывала с коллективизмом иные ценности: альтруизм, товарищество, дружбу, преданность друзьям, социальное равенство.

Что касается государственного давления в плане ценностных ориентаций и соответствующего им поведения, то любое государство, развиваясь, ставит определённые цели перед обществом, вне зависимости от строя. И весь вопрос в том, что это за цели: масштабный проект модернизации и прогресса для общества или индивидуальная свобода открыть частную обувную лавочку/магазин/ресторан и комфортнее жить как предел мечты (что, конечно, неплохо, но масштаб не тот). Ценности и капитализма, и демократии, и социализма не генетически присущи человеку, эта та же система социального и государственного воспитания. И пока существует государство, оно будет участвовать в целеполагании развития общества и в формировании его системы ценностей.

Институциональные изменения после Октября 1917 года запустили процесс личностной трансформации человека, формируя черты нового типа. Сразу отметим, что единого типа «советского человека» не существовало никогда, как и свойственно развивающемуся обществу, идеал менялся в зависимости от общественных потребностей: в 1920-е годы – это революционер-разрушитель старого мира («железные» комиссары, «стальные» чекисты); 1930-е годы – созидатель Нового мира («индустриальный человек», «научно-организованный человек»). Впоследствии востребованным стал человек как часть государственного механизма (часто встречается термин «винтик»); к 1960-м годам – как раз тот тип идеала, о котором мы и говорим – homo soveticus – человек, сочетающий в себе «высокую идейность, широкую

образованность, моральную чистоту и физическое совершенство», но при этом ориентированный на коллективные и государственные ценности. Собственно, и этот идеал не нов: если мы возьмем труды античных философов и греческий идеал калокагатии, то мы увидим то же самое, как и приоритет общего над частным.

Конечно, вопрос о «человеке советском» стал дискуссионным во многих плоскостях, а точки зрения разнятся до полярных. Так, книга «Советские люди», выпущенная Политиздатом в 1974 г., объявила, что «Советский Союз стал родиной «нового, высшего типа человека разумного – Хомо Советикус».

Естественно, оппоненты черты эти оценивали не столь оптимистично, в диапазоне от «иронично до негативно». Приведём несколько цитат из работ учёных и публицистов, которые позволяют охватить спектр мнений в этом направлении. А. Зиновьев (о нём мы уже сказали): *«Взгляните на этого [советского] человека! Он неглуп и образован. Его никто не оболванивал, не запугивал, не развращал. Скорее наоборот, он сам это делал в отношении других людей, которые, однако, не считают себя оболваненными, запуганными, развращёнными. Советских людей вообще нет надобности подвергать такой обработке, так как они сами способны кого угодно оболванить, запугать, развратить. Это – их натура, и потому им приятно это делать как в отношении себя, так и других»*. [6].

М. Геллер, находившийся шесть (по другим сведениям семь лет) лет в лагерях, что, конечно, не могло не сказаться на оценке, так же описывает черты, которые присущи всем homo soveticus вследствие «социальной дрессировки», осуществляемой компартией: *«Психиатр и психолог Бруно Беттельгейм описал, используя собственный опыт узника Дахау и Бухенвальда, «поведение индивида и массы в экстремальных ситуациях». Его вывод: создание экстремальной ситуации - арест, избиения, пытки, заключение в лагерь – имеет целью «навязать заключенным детское поведение», ускорить трансформацию взрослых людей в послушных детей. Бруно Беттельгейм видимо не подозревал, что анализируя поведение палачей и жертв в германском концентрационном лагере, представлял одновременно основные этапы трансформации человека в Советском Союзе».* [4]. Ф. Эллис, профессор Лидского университета, дисквалифицированный за расизм, так себе представляет советского человека: *«…В результате формируется полный страха и лишённый интеллектуальной инициативности Homo soveticus, который является рупором для партийных идей и лозунгов, это не столько человеческое существо, сколько сосуд, который наполняется и опорожняется по указанию партии»* [9].

Нельзя в этой связи не вспомнить и знаменитое исследование бывшего главы партбюро Института конкретных социальных исследований, подвергшегося в 1969 году политической чистке и лишённого звания профессора, Ю. Левады «*Homo Post-sovieticus*». Вот примерный набор черт советского человека в его интерпретации: социальное лицемерие, патернализм, подозрительность и изоляционизм, «упрощённый» в своих представлениях

и запросах человек. Так, исследователь утверждал, что нового человека создано не было, но был создан новый тип приспособленца, готовый принять советскую реальность как безальтернативную данность. [8].

При этом отметим, что само исследование таких эмпирических данных не содержит, оно в целом посвящено адаптации бывших граждан Советского государства к новым условиям и системе, на что и направлен весь круг вопросов. Все остальные элементы (перечисление черт якобы свойственных советскому человеку и советской действительности) представляются аксиомами, хотя таковыми не являются. В целом, согласимся с мнением Е. Габовича, который отмечает, что в исследованиях Левады присутствует желание представить советское общество сложенным из людей определённого «антропологического типа», в противоположность западному обществу, где принято выделять разные типы.

В целом, большинство работ, дающих негативную оценку «советского человека», чрезвычайно похожи по содержанию, отличаясь нюансами и стилистикой. Все вместе они создают определённый узнаваемый образ абстрактного homo soveticus: образ бездушного, запуганного системой, коррумпированного и склонного к доносительству, полного страха и лишённого интеллектуальной инициативности, развращённого, без собственных убеждений «сосуда наполняемого и опорожняемого по указанию партии», склонного к созданию образа врага, к социальному лицемерию, безропотному подчинению, воровству, подозрительности, изоляционизму и пр.

Но когда люди начинают искать подобного среди своего ближайшего окружения подходящего возраста, или обращаются к истории семьи, то такого человека, как правило, не находится: ни деды, ни родители, ни братья и сёстры, ни близкие знакомые такими чертами, оказывается, не отличались.

Да и жизнь не была сплошным маршем в концлагерь/ очередную «стройку века» под советскими знамёнами с портретом Сталина наперевес. Но…это же квинтэссенция человека советского! В чем же дело?

И здесь всегда помогает обращение к конкретным человеческим примерам. И размышления на эту тему зачастую приведут к своей семье, которая, как и любая семья этого столетия, имеет отношение к советскому времени и советскому менталитету.

Говорить о формировании нового типа человека – *homo sovieticus*, который был бы полностью детищем советской системы, можно, на наш взгляд, начиная с конца 1950-х, в полной мере в 1960-е и 1970-е годы. Общее образование, воспитание, идеология, сложившаяся система социальных лифтов, связей и гарантий, наличие общей истории, культуры, социальных привычек, закреплённых в образе жизни – все эти элементы менталитета «человека советского» формируются с указанного времени. Так что я обращусь к примеру моей матери – Милаевой Веры Ивановны, которая относилась к поколению поздних шестидесятников, людей, родившихся между 1925-1950 годами. Её жизненный путь в той или иной степени для советских людей был обыкновенной историей.

Родилась Вера уже после войны, в 1947 году, в семье инвалида войны Никитина Ивана Степановича и библиотекаря районной библиотеки Никитиной Екатерины Иосифовны в г. Беднодемьяновске (сейчас г. Спасск). Ст. лейтенант Никитин потерял ногу в боях под Москвой в 1942 году, был комиссован, много позднее был награждён медалью «За оборону Москвы», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг». Но как коммунист и человек, имевший среднее специальное образование (техникум), был направлен на организационную работу: сначала в Пензу (дед был коренным пензяком), затем, женившись, перебрался в Беднодемьяновск. В последующее время занимал различные должности: от учителя черчения и директора вечерней школы до директора керамической фабрики. Отмечу, что, несмотря на то, что дед с 22 лет был коммунистом, дом не был увешан портретами Сталина, не цитировались в обязательном порядке труды классиков марксизма-ленинизма и торжественные сталинские речи, и притихающих разговоров не было при упоминании этого имени. Да, висел портрет Ленина, поскольку это был подарок от типографии, в которой работал отец бабушки.

Рис. 1 *Милаева Вера Ивановна*

Бабушка, окончив 10 классов в 1941 году, планировала учиться в Пензе и получить специальность агронома, но помешала, как и многим, война. Потом замужество и …дети, конечно. По меркам того времени семья не была многодетной – было всего трое детей, но стать агрономом Екатерине Иосифовне всё же не пришлось. В отличие от деда, бабушка никогда не была членом коммунистической партии, но и активной агитации, тем более давления со стороны деда не было никогда.

Трудолюбие и уважение к труду воспитывала и семья и школа. Школа во многом создавала первичную систему организации детской жизни, общественных и коллективных отношений, в ходе которых личность ребёнка формируется. Мама всегда вспоминала, что школа для них не была местом, где отсидел уроки – получил задание – выполнил – отчитался – забыл. Нет, она говорила, что именно там все приобретали друзей, с которыми впоследствии общались всю жизнь, навыки, которые нельзя получить только в семье. «Школа для нас не была местом демонстрации индивидуальных достижений или семейного дохода. Все в основном одевались и жили одинаково. Зато мы ценили другое: как ты учишься, какой ты друг, что ты прочитал, кем ты хочешь стать». Много позже, когда на телевидении стало много фильмов про американскую школу, особенно маму удивляли школьные проблемы американских подростков: травля одноклассников, проблема популярности, секс, «ненавижу читать». Она говорила, что, «видимо, у нас было такое несвободное общество, что проявления лимбической системы мозга и инстинкты зверящеров держались под надёжным контролем.

В то время было модно заводить друзей по переписке заграницей. У меня была подруга из Венгрии (переписывались на русском), из ГДР (переписывались на немецком) и ещё из Вьетнама (переписывались на русском), но и там таких проблем у школьников не было». Слово «ботан» мама вообще не понимала: если, по её словам, и был в то время у нас в школе целенаправленный идеологический элемент, так это культивирование интереса к чтению, книге. И это давало возможность советским детям такого расширения кругозора и развитие образного и логического мышления, какое недостижимо в эпоху клипового мышления и картинок; расширяло круг интересов детей, сельские ребята не были ограничены своим мирком, у них появлялись другие мечты, перспективы и стремления. В чтении же в некотором роде секрет грамотности советских людей – постоянное чтение развивает не только мышление, но и даёт навык и образ грамотной речи.

Мама всегда считала, что ей очень повезло – в их доме была своя библиотека, по тем меркам даже большая: кроме сочинений Ленина, Сталина, философских словарей и некоторых работ Маркса и Энгельса, учебников, книги Толстого, Горького, Зощенко, Аверченко, Загоскина и др. Там же была и Библия прабабушки. Никому читать её не возбранялось, «сосуд наполнялся и опорожнялся» не по «указанию партии», а в зависимости от детских склонностей и интересов. Другое дело, что особого интереса Библия не вызывала (в отличие от греческих мифов). Внеклассное чтение и летнее чтение задавали и вектор детских литературных интересов. Поэтому, по воспоминаниям мамы, они читали не только книги по школьной программе, не только военно-патриотические произведения, модные тогда истории о разведчиках, но и Дюма и Скотта, Буссенара и Сальгари, Сабатини, но в старших классах ей нравилась публицистика – Добролюбов и Чернышевский, статьи Л. Толстого, Белинский.

Ценность научного прогресса, связанного с развитием точных наук и техники, была одним из краеугольных камней социалистической идеологии, поэтому особое внимание уделялось в школе точным наукам. «Да, в истории и литературе была, скорее, схема. Но это для школьной программы. Читать другую литературу, обдумывать, размышлять над ней никто не запрещал. Да и впоследствии я думала, что сверхограничений на какую-то литературу не было. Самиздат, несмотря на полулегальное положение, никем особо не ограничивался, кто хотел, тот и читал Солженицына, Набокова, Бродского, Цветаеву. Да, собственно, в 70-х их не просто читали, а ставили на сцене, в том числе и в полупрофессиональных театрах. Твои тётя и дядя преспокойно репетировали Мандельштама для «Голоса поэта». Ну, то самое: «Мы живём, под собою не чуя страны…» И когда что-то было полутайной – был интерес и популярность их была выше, чем потом, когда это чтиво было во всех книжных. Если же автор сетует не на то, что его не читают, а на то, что не признают и не издают официально – это уже совсем другое».

В школе работали кружки юных физиков, кружки усложнённой математики и пр. «И, если я могла получить «двойку» по истории за ответ «буржуазия» на вопрос «Кто был классом-гегемоном и движущий силой

революции?», то формулы и доказательства помнила даже во сне». Уже тогда проводились всесоюзные олимпиады по физике и математике, чему было положено начало еще до войны академиком И.М. Гельфандом. Эти олимпиады можно считать одним из факторов успеха ядерного и космического советских проектов. В одной из таких олимпиад мама и принимала участие в 1963 году. «Нет, места я никакого не заняла, но уже тогда определилась, что хочу быть инженером и работать в космической отрасли». Но особенно запомнилась встреча с В.М. Брадисом. В рамках блиц-вопросов проверялись не только формульные знания, но и общий уровень осведомленности олимпиадников. И вот маме достаётся вопрос: когда впервые появились таблицы четырёхзначных логарифмов и натуральных тригонометрических величин (таблицы Брадиса)? «Я вполне уверенно ответила, что давно, ещё в прошлом веке. Профессор смотрит и спрашивает: «И что, этот изобретатель тоже был давно, в прошлом веке? Да, – отвечаю, – уже, наверное, умер». Сердито на меня посмотрел и говорит: «И, тем не менее, вот я живой и перед Вами сижу!».

А уж когда она получила первый раз за хорошую учёбу мечту многих советских детей – путёвку в «Артек» – это и гордость, и счастье, новое общение. «Мы в детстве мало куда выезжали с родителями, поэтому представление о людях – это в основном люди нашего городка…Я впервые увидела почти весь Советский Союз. И какие же мы все разные! И как интересно было знакомиться, играть в «Зарницу», решать сложные задачи вместе. Ведь огромный Советский Союз был географической абстракцией для нас в то время. И вот – такая возможность».

Довольно странно слышать об абстрактности советского образования. Школьные знания и знания, полученные в вузе, всегда помогали в жизни. Да советские люди сами делали ремонт и обустраивали жилище: высчитать количество требуемых обоев для оклейки комнаты до сантиметра – не вопрос, посчитать количество штукатурки – пожалуйста, рассчитать места для мебели, которой нет пока в наличии – тоже; количество краски с определённой толщиной покрытия пола – можно. Маму тоже такое утверждение удивляло: «Если речь идёт о знании, например, математики – в том числе, и высшей – то как раз оно было практическим. До того как сначала калькуляторы, затем компьютеры стали массовыми, и стали возможными массовые «численные» решения задач, в инженерной деятельности приходилось действительно применять математические формулы». И это ещё не говоря о том, что эти «абстрактные» знания представляли собой единую систему, на основании которой потом выстраивались уже чисто профессиональные умения.

Или то же, кажущееся сейчас полностью отвлечённым, знание литературы. Это формирование единого культурного пространства, культурных кодов коммуникации, на эту культурную базу можно ссылаться, речь звучит интереснее, язык обогащается.

Ну и, конечно, притча во языцех – профессионально-трудовое воспитание: школьников заставляли работать, хотели скорее сделать из них рабочих.

Вообще трудно найти общество, которое бы поощряло лень и бездействие. Но ранее труд, особенно физический, рассматривался как тяжёлая обязанность, свойственная представителям низших классов. В Советском Союзе концепция труда и человека труда принципиально меняется: трудовая деятельность рассматривается одновременно как функция созидательная (построение нового мира) и воспитательная (создание нового идеала человека для нового мира), труд становится этической категорией. Трудовое воспитание включало и производственное образование. Чтобы 15-летние юноши и девушки после 9 классов могли работать на производстве, закон обязывал школу обеспечить овладение школьниками профессией во время обучения, а также предусматривал обязательное участие школьников в общественно полезном, производительном труде. Как ни странно, но в Западной Европе и США такая модель практикуется, считается, что молодое поколение становится более ответственным, самостоятельным и независимым. При этом уходившие работать молодые люди впоследствии могли продолжить образование, благодаря созданной системе вечернего и заочного обучения.

Мама, как и большинство советских детей 1960-х, получила по окончании школы и свидетельство о профессиональном образовании с присвоением квалификации «портного по изготовлению лёгкого женского платья 3-й категории». И вот, пожалуйста, можешь учиться дальше или идти работать (нет, не чтобы заработать на обучение в вузе, которое, как известно, было уже бесплатным). Тем более по такой модной теперь специальности – почти модельер-дизайнер… Но молодежь шестидесятых не привлекал пошив одежды: техника, спутники, ракеты, космос, романтика дальних странствий, наука – вот куда они стремились.

СССР предоставлял для труда и образования широкие возможности. При этом требовались высококвалифицированные специалисты. А, значит, требовалось получить высшее профессиональное образование. В целом, развитие высшего образования в 1960-70-е годы шло ускоренными темпами. Подготовкой специалистов и проведением исследований в вузах СССР в 1972 г. было занято 366,2 тыс. научно-педагогических работников [5].

И даже районная школа предоставляла своим выпускникам такие возможности. «Из нашей районной школы вышли учёные и художники, литераторы, врачи, учителя, инженеры, среди которых оказалась и я» – так мама рассказывала на вечере, посвящённом 50-летию их школы, куда были приглашены выпускники прежних лет. «Увы, знаменитый Физтех в первый год поступления оказался мне не по зубам, я вернулась домой и, в ожидании года следующих вступительных испытаний, устроилась работать на швейную фабрику, поскольку ещё в школе получила рабочую квалификацию».

В следующем году Вера уже поступила в Пензенский политехнический институт на механический факультет. Через два года в связи с устройством на работу в Пензенский научно-исследовательский электротехнический институт перевелась на вечернее отделение. Принята была на работу техником, затем через три года стала старшим техником. «Много позже, когда я сама уже принимала студентов на практику, – вспоминала мама, –

я оценила разницу в отношении: нас, ещё даже не специалистов, не просто формально принимали и подписывали бумаги, но помогали и обучали. Отношение было внимательным и доброжелательным, была заинтересованность. Возможно потому, что практиканты рассматривались как потенциальные сотрудники, почти все потом приходили устраиваться в институт работать, если проходили отбор. Сейчас приходят немногие (режимное предприятие не подходит современной молодёжи), молодые люди чаще всего с целью не служить в армии, так как наш институт даёт такую возможность»».

НИИ-3 (теперь ПНИЭИ) развивал ресурсы в области разработки и промышленного изготовления новых видов техники защиты информации специального назначения. В том числе и системы космической связи. Работать на таком предприятии, несмотря на строгий режим, уже тогда среди будущих молодых инженеров было престижно, давало возможности творческого профессионального развития. Но это было связано и с высокой степенью ответственности за результаты труда, тем более работа была связана с доступом к определённым формам секретности.

Это же делало работу зачастую непредсказуемой с точки зрения временных затрат. Выходные? Отпуск? Праздники? В любой момент могут вызвать на испытательный участок, я оставалась дома. Но это не трагедия, а труд. По воспоминаниям коллег, Вера Ивановна всегда отличалась организаторскими способностями и лидерскими качествами: через два года после окончания вуза была назначена начальником бюро, впоследствии начальником конструкторского и технологического бюро. Вела и общественную деятельность, хотя в партии никогда не состояла, много лет была профоргом крупного отдела. При внедрении новых стандартов качества и системы менеджмента качества в производство руководила отделом технического контроля. При расширении отдела, создании на предприятии службы технического контроля качества, разработки и внедрения новых международных стандартов ISO, стала заместителем начальника службы технического контроля качества, проработав на предприятии почти 40 лет.

За такое время, кажется, любая работа становится рутиной, но если это просто работа. «Мы не говорили работа, что похоже на рабство. Мы относились к работе как к труду на благо общества, для будущего развития. Во всяком случае, я так считала, ну, или нас так учили. И особенно в молодости рутинность снимается профессиональным творчеством. Для инженера творчество – это рационализаторство и изобретательство». В сведениях о награждениях в трудовой книжке Веры Ивановны есть награды и премии не только за общественную деятельность, многолетний добросовестный труд, но и за рационализаторские предложения.

Научное творчество вообще было чрезвычайно распространено в СССР, при этом как среди профессионалов, так и младшего поколения, школьников. Мама, будучи членом комиссии по отбору рационализаторских предложений и научного творчества школьников (подшефной для ПНИЭИ было школа № 4) вспоминала, что «эти ребята мыслят совсем по-другому, чем мы

ранее, более технично, даже профессионально для школьников». Прогресс советской школы в 1960–70-х годах в точных науках очевиден. Тем более успехи впечатляют, если вспомнить, что их добилось за 30 лет бывшее полуграмотное сельское население, привыкшее к крестьянскому быту, которое не просто научилось использовать сложные машины, но и производить их, работать не в привычной общине, а в непривычно сложных организациях, социальных институтах.

Сформированный целостный взгляд на мир поколений советских людей, декларируемая рациональная легитимность системы, основанная на идеях прогресса и надежде на лучшее будущее, позволяла переносить не всегда комфортные жизненные условия, но развивать науку, производство и трудиться. Впрочем, жертвы малым во имя великой цели, жертвы индивидуальным во имя общего блага, черта не только советского человека и общества. Так, Лотман, анализируя движение декабристов, приходил к выводу, что «…Нейтральные или незначительные действия не существовали. Сама возможность их существования отрицалась…. Для декабристов священной была не праздность…существовал культ братства, основывающегося на единстве духовных идеалов, и восхваление дружбы». Практически ранняя советская идеология, которая, как видим, вполне вписывалась в картину мира более раннего периода. Похожие черты можно встретить и у героев Чернышевского.

С 1980-х картина начала меняться. Мама отмечала, что до 1980-х годов труд инженера был более свободным и творческим, восприятие жизни обществом более романтическим, была героизация обычного труда. С 1980-х пришла стандартизация. «Приходящие студенты стали слишком узкими, как будто их затачивали на выполнение одной операции, по схеме, по алгоритму. Они демонстрируют навыки квалифицированных рабочих, но не инженерное мышление». Собственно, то же самое отмечают исследователи ИТР в СССР – начало упадка массового инженерного образования – это середина 1980-х годов [5]. А в современной России по данным науковедов инновационная активность более чем в 10 раз ниже, чем в Советском Союзе до начала реформ.

Проработав почти 40 лет в ПНИЭИ, Вера Ивановна стала ветераном труда, была награждена значком «Почётный радист» за активное участие в деятельности и развитии радио и телевидения, за достижения в области науки, техники, производства, эксплуатации, организации телерадиовещания и многолетний добросовестный труд. Результатами своего труда весь коллектив гордился. Когда к нам приходили гости, то зачастую велись именно профессиональные разговоры, даже я, будучи ребёнком, помню названия их проектов «Шпага» и «Черемша» (надеюсь, что это уже не секретно) и даже перипетии испытаний.

И вот ещё такой эпизод. ПНИЭИ осуществлял подготовку систем связи, в том числе космической. И эти системы обеспечивали работу связи на орбитальной станции «Мир», когда она была затоплена в 2001 году. Мама созванивалась с коллегами, они все делились новостью, не радостной,

конечно. «Ну что ж, последнее, что работало на станции – была связь», – подвела мама итог.

Разрушенные заводы, НИИ, закрытые детские сады, оптимизированные школы и больницы, – всё, что создал homo soveticus, на глазах последнего поколения разрушалось: совершенно не удивительно, что к такому государству они адаптироваться не могли и не хотели. И не в силу неспособности и склонности к патернализму. А в силу крайней несхожести менталитета, ценностей, идеалов. Но вот здесь на руку новому государству сыграла роль преданность советских людей труду, профессии, коллективу: вряд ли даже у «конструкторов изменений» было бы желание, чтобы все вдруг стали адаптироваться через предлагаемые «широкие возможности» (торговля, сервис и пр.). Благодаря этим «не адаптируемым» homo soveticus сохранились отрасли наукоёмкой промышленности и высококвалифицированный кадровый состав.

С 1990-х годов, как и многие подобные предприятия, ПНИЭИ переживал период номенклатурной приватизации. У Геллера читаем: «Травматические шоки формируют советского человека: история СССР – серия мучительно болезненных ударов по бытию и сознанию». Не знаю, как ударили по сознанию бесплатная медицина, образование, социальные гарантии, защита материнства и детства, отсутствие безработицы… Но вот «травматические шоки» 1990-х ударили сильно. Более всего маму радовало в той ситуации, «хотя бы высшее образование бесплатное успела дать». Высшее образование, потом и аспирантуру я успела получить бесплатно, как и многие дети заката Советского Союза. Но уже не стараниями государства, а усилиями родителей. Дать хорошее образование – и сейчас главный императив российских родителей, это считается лучшим способом позаботиться о будущем детей. Вот только смысла в высшем образовании всё меньше: существующая номинальная профориентация не способна определить подходящую профессию, а ЕГЭ позволяет подавать документы на несколько специальностей с иногда удивительным набором вариантов (например: физика, социальная работа, менеджмент; психология, математика, юриспруденция). О какой профессиональной ориентации и сознательном выборе может идти речь? «Одно радует: выпускники всё равно не идут работать по специальности в большинстве случаев. Это и по нашему институту и практикантам видно. Но, думаю везде такая ситуация», – констатировала мама. Да, по результатам опросов 60% выпускников не пойдут работать, реализуя знания, полученные в вузе. Глядя на предлагаемые вакансии, несложно предположить почему.

Но образование для родителей поколения homo soveticus значительно отличается от современных представлений. Современные родители шире участвуют в решении организационных и материальных вопросов в школе, но меньше внимания по различным причинам могут уделять развитию детей (я не говорю о том, чтобы отдать дитятко в школу раннего развития). Музеи, театры, кино, совместное чтение, лыжи и коньки, экскурсионные поездки по городам, шахматы и музыка, живопись – всё это есть и теперь. Нам прививали это «лишённые интеллектуальной инициативы» родители

типа homo soveticus, при этом они сами нам всё рассказывали, показывали, объясняли. В одной из наших поездок (в Волгоград) мама сама мне проводила экскурсию по Мамаеву кургану; в Третьяковке мы не брали экскурсоводов; мы обсуждали спектакли, обучались декламации. Ну, наверное, это были те самые «бесполезные абстрактные знания». Тогда как теперь чаще детей водят в торговые центры, на вопросы – «посмотри в интернете». Прекрасно, что современные дети сильны в технике, но развитие происходит в семье и социуме; как и уважение к родителям формируется с детства и их знания играют в этом не последнюю роль.

Как и общение с коллегами и друзьями. Особенно при сравнении homo soveticus выигрывает в плане дружеской взаимопомощи. Переезды, ремонты, построить дом на даче, помочь перевезти родителей – всегда был коллектив. Да, коллектив становился семьёй, тёплые дружеские взаимоотношения – нормой, участие и помощь, а не пресловутый интерес к жизни соседей. В обществе тотальной подозрительности и процветающего доносительства вряд ли возможны открытые и частые приёмы гостей, свободные разговоры за столом, не о скидках в соседнем супермаркете и новой мебели, и «как погасить кредит и оплатить долги за коммуналку», кому дать взятку, или о величии вождей.

Мама относилась к поколению поздних шестидесятников, а тогда был культ науки и романтизации открытий и путешествий. У нас висели портреты учёных, поэтов и писателей: Ландау, Есенина, Маяковского. Гостями обсуждались путешествия, литература, театр. Мама вспоминала, что раньше они читали стихи Рождественского и Евтушенко, слушали Высоцкого, хотя он и не был официально признан. Довольно странен вывод об изоляционизме советского человека – напротив, интернационализм, мир без границ, кумиры поколения – Хэмингуэй и Ремарк. Конечно же, чтение и тяга к образованию. Да, у большинства советских людей не было возможности посмотреть мир (впрочем, для нашей семьи это не имело значения – мама была невыездной из-за режима предприятия), но по СССР они ездили довольно часто, а это всё-таки 1/6 часть суши. И из поездок привозили впечатления и знания: архитектура, история, атмосфера общества, красота мест. То же самое абстрактное чтение давало возможность знать, куда ты едешь и что хочешь увидеть. Верхом мещанства звучат для меня до сих пор рассказы о «плохом сервисе» и «шведском столе» как главных впечатлениях от «распахнутых границ».

И всегда много книг, даже в 1990-е годы, когда по шесть месяцев не платили зарплату, мама покупала букинистические собрания сочинений Золя, Достоевского, Вересаева, В. Соловьева, Толстого, Мамина-Сибиряка, Цвейга, Генри…Мне сложно вспомнить маму за просмотром бесконечных сериалов «про бандитов и любовь». Но я с благодарностью вспоминаю совместные литературные вечера с чтением вслух, первые уроки стихотворной декламации – тоже мама.

Возвращаясь к 1990-м, можно вспомнить еще об одной черте homo soveticus – безропотному подчинению и безоговорочной поддержке властных решений. Будучи много лет активистом профсоюза ПНИЭИ, получив

наградную памятную медаль «100 лет профсоюзам России», вручаемую членам профессиональных союзов, которые отличились в областях, касающихся защиты прав трудящихся, усиления правопорядка, общественной стабильности, мама в 1990-е годы впервые, по собственному признанию, столкнулась с таким уровнем неуважения к правам и требованиям трудящихся. «С 26 лет мне приходилось отвечать за людей, работавших под моим руководством. Но никогда не приходилось отстаивать людей, которым грозит увольнение, поскольку «ставок на всех не хватает, а так, хоть у кого-то будет зарплата». «Уходя на пенсию, я годилась тем, что никого не уволила. Да, не все люди одинаково хорошо работают, но их судьба на твоей совести. Я видела разные примеры… И лучше оставить человека и дать ему шанс, чем потом собирать на благотворительность нищим и подавать бомжам. Уважение к человеку важнее эффективности». Вот так рассуждали homo soveticus – «винтики» в молохе Советской власти.

В 1990-х годах известная ситуация повлекла за собой локауты, затем разорение многих бывших государственных предприятий, безработицу. «В целом мы были более независимы от места работы. Можно было сниматься с места, переходить на другое предприятие, переезжать в другой город. Квалифицированные кадры всегда были нужны. Их старались выращивать и держались за них. Не знаю насчёт уравниловки, но премировали за лучшую работу всегда, жилье, бесплатные путёвки, туристические путёвки, дома отдыха. Дачные участки – тоже бесплатно. А про образование и медицину – все и так знают. Зато теперь есть собственность. Правда, для большинства это квартира в ипотеке на полжизни, так что собственность пополам с банком».

Как мама вспоминала, ей не раз за время работы приходилось иметь дело с конфликтами и недовольством рабочих (испытательные участки, дочерние предприятия, опытные станции – у советских НИИ была широкая база). В основном они касались поставок оборудования, браков, условий труда, компенсаций и прочее. «Но это были производственные вопросы. Узнавая требования рабочих, мы шли к директору, ситуация так или иначе разрешалась. Требования рабочих вообще нельзя было оставить без внимания – встанет производство». Несложно себе представить в современной России судьбу рабочих, предъявляющих «требования хозяину». Рынок труда близок к колониальному, а для квалифицированных кадров возможностей трудоустройства всё меньше.

Поскольку предприятие в результате номенклатурной приватизации становилось ОАО, страдали, прежде всего, рабочие кадры. «И что же они (руководство) предлагают: уволить часть (именно уволить, а не сократить, чтобы не выплачивать компенсации) рабочих и служащих, тогда материальное положение остальных улучшится. То есть как это – жертвовать людьми?» И мама всегда как парламентёр ходила на приёмы к руководству, отстаивая членов коллектива и добиваясь отмены решений об увольнении: «Это их обязанность обеспечить людей рабочими местами, если уж взяли предприятие в собственность». Никакого страха вышестоящего руководства,

о котором так любят писать в разного уровня исследованиях о советских людях, у Веры Ивановны не было, как, подозреваю, и у большинства.

В СССР отношения между управленцами и профессионалами складывались, как правило, менее напряжённо, чем в капиталистических странах. При капитализме инженеры и управленцы никогда не могли утвердить себя в статусе профессионала, потому что были слишком зависимы от товарного рынка, экономических циклов и меняющихся управленческих стратегий [7]. При социализме позиция управленца зависела от выполнения плана, а его автономия ограничивалась, с одной стороны, министерством, с другой, – партийным аппаратом. В официальной советской классификации управленцы включались в состав интеллигенции, и это не вызывало у них возражений. Таким образом, они все были членами коллектива, а не «элитой», «хозяевами» и «простыми работниками». Мама вообще удивлялась – как просто в словарный обиход на постсоветском пространстве вошло слово «хозяин»: «70 лет советской власти, а он всё равно говорит «Хозяин». В нашу бытность вряд ли бы кто-то такое сказал». Да, стоит отметить это введение в языковой дискурс СМИ слов «элита» и «простой народ»: через менее чем 30 лет после падения Советского Союза это стало уже нормой. Вот это и называется социальной дрессировкой и массовой пропагандой.

Групповое сознание начало формироваться в среде бюрократии и специалистов, занятых в производстве, только в период реформ, начиная с конца 1980-х годов. Специалисты руководящего звена, а затем «эффективные собственники» обанкротившихся предприятий, оставшиеся без господдержки на диком рынке, где их технологии не были востребованы, начали с диверсификации производств и увольнения кадров. С аксиомы «требования нельзя игнорировать» перешли к «требования игнорировать можно».

И здесь вызывает сомнение утверждение, что массовые протесты рабочих были организованы номенклатурной верхушкой в ходе борьбы со свободной приватизацией независимых конкурентов. Во всяком случае, в пикете при Правительстве Пензенской области в поддержку рабочих и инженеров НИИ с требованием выплат за труд стоял коммунист – тогда глава профсоюза сотрудников ПНИЭИ (1997-98 годы). В отличие от капиталистических стран, общественное сознание в СССР не имело внутренней структуры, определяемой социальной принадлежностью, поэтому протестовали как бы «за права всех». Это особенно ярко проявилось на ранних этапах переходного периода, когда между слоями не было сколько-нибудь серьёзных различий по ключевым политическим проблемам, связанным с созданием рыночной экономики. К примеру, не наблюдалось серьёзных различий между классами в отношении к приватизации и государственной собственности.

Ещё одной особенностью было то, что в СССР все социальные группы имели очень мало опыта в отстаивании своих интересов, особенно экономических. Однако, на этом фоне рабочие и специалисты показали себя несколько более способными к действию, чем другие группы. Так, была собрана группа для переговоров с правительством области

по вопросу материального положения работающих. Мама в неё входила. «В здание администрации нас впустили как врагов. Разместили в зале, но представителей правительства не было. Мы ждали, ничего не происходило. Потом прошёл слух, что заложена бомба, и часть присутствующих стали в панике покидать здание. Мы пытались людей остановить, говоря, что это провокация. Но нас не слушали. В результате нас осталось немного, проводили к заднему крыльцу, вышла представитель правительства и пообещала, что вопрос будет решаться. Никогда за годы работы так явно требования рабочих и специалистов не игнорировали. Свобода и демократия», – рассказывала впоследствии мама.

Но девиз поколения всё же был «бороться и искать», поэтому попытки переговоров и пикетов продолжались. «Забитые» и «безгранично поддерживающие власть» бывшие советские люди, как и привыкли, требовали от государства соблюдения обязательств, платы за труд, причём желали разговаривать на равных. «Да «крутиться» и «выживать» мы не были научены, только жить и трудиться», – говорила мама. Вообще, когда я захотела стать историком, мама удивилась, спор физиков и лириков для неё был решен однозначно – «физики в почете», в нашей семье не было гуманитариев. А впоследствии, когда мы разговаривали, мама отметила, что «наше время, это было особое такое время, когда прошлого уже и нет, да оно и неважно, есть пара важных моментов в истории, но вот будущее есть, и его можно строить самим – и что-то обязательно получится, есть вектор развития и куда стремиться; а прошлое, ну что, прошло…Вот на этом нас в 91 году и поймали, когда изменилась сама история. Прогрессом и техникой нельзя заменить память. Ну и ещё, может быть, то, что мы не видели социальной деградации: мы смотрели на наших дедов – стало лучше, отцов – ситуация менялась к лучшему, на протяжении нашей жизни был заметен прогресс, я говорю и о потреблении. Невозможно было поверить в такой упадок. Ведь вся страна продолжала работать, но…». Коллективизм уступил место индивидуализации труда, затем атомизации общества.

Да, советский человек был способен переносить бытовые неудобства, ограничение потребления, отсутствие ста сортов колбасы. Но многие общества и до советского пришли к выводу, что потребление – это не обеспечение прогресса, не путь к раю. Но вот чего советские люди общества равных не признавали и не понимали – это разделения на элиту и простой народ, пренебрежительное отношение к человеку. И это достоинство, и осознание себя личностью, вопрос «кто ты?» вместо «сколько ты стоишь?» – тоже черты homo soveticus. «Союз часто упрекают, – рассуждала мама, – в давлении государства и общества на человека, но обществу подчиняются при любом государстве, не из страха, а из уважения к человеческой идее. Собственно, сама жизнь человека возможна только в обществе. Пример маугли всем известен». Для сравнения: «общество требует, чтобы мы стали его слугами, оставив в стороне свои собственные интересы. Нам приходится приносить разные жертвы и мириться с разными неудобствами, чтобы общественная жизнь была возможной. Однако обычно мы миримся с этой необходимостью

не потому, что подчиняемся силе, а потому, что испытываем чувство глубокого уважения». К такому выводу приходит Э. Дюркгейм, которого трудно упрекнуть в приверженности марксизму.

Впоследствии в 2000-е годы, уже выйдя на пенсию, мама к общественной жизни интерес не утратила, как и к политическим событиям. Вот такой эпизод: «Снежная революция» 2012 года, спровоцированная результатами очевидных фальсификаций выборов депутатов Государственной Думы и с аналогичной повесткой. Мама принимала участие в митинге в Пензе у кинотеатра «Родина». «Вообще всегда надо вести диалог, нельзя позволять на себя давить, надо предельно ясно объяснять свою позицию. И если права нарушаются – их отстаивать. Россия считает себя социальным государством – так будьте добры к ответу». Митинг проходил в сильный мороз, более двух часов. «Что особенного могу отметить: постоянно присматривали за нами не только обязательные органы правопорядка, но постепенно народ пытались уводить какие-то подозрительные люди. Говорили, что это ФСБшники. Возможно. Даже в 90-х такого не было».

Проработав после ухода на официальную пенсию ещё семь лет, мама решила всё же уйти. И не только по семейным обстоятельствам, и не по состоянию здоровья, а потому что «эта новая среда для нас, бывших, стала слишком тяжёлой, другая атмосфера. Наверное, нужны другие люди. Но тем лучше – попробуем пожить для себя». «Для себя» у homo soveticus получалось хуже, их личность формировалась с более широкими запросами, чем узкий круг домашних интересов. «Хорошо, что я в отличие от некоторых могу позволить себе поездки, театры и музеи, нечасто, но всё же. Ну и почитать есть что – не зря же у букинистов скупала – что-то и не успела прочитать. Тем более у нас, пожилых, частая бессонница. Вот полностью согласна с Чеховым: не спать ночью – значит, каждую минуту сознавать себя ненормальным, а потому я с нетерпением жду утра и дня, когда я имею право не спать». Особенно долго мама читала Достоевского, но с присущим советскому инженеру педантизмом просветилась на все 17 томов и поделилась: «Наверное, неплохо, что это были не наши книги, не моего поколения. Их можно читать, рефлексируя на пенсии, но жить, трудиться, стремиться к созиданию и верить в будущее они вряд ли помогли бы. В нашей жизни было много действия, движения. Когда мы остановились – наступил крах. С другой стороны, нашему поколению трудно было вообразить такой масштаб социального зла».

Наверное, те, кто общается с людьми старших поколений, могут добавить и другие черты к портрету и обыкновенной истории homo soveticus. Но и сейчас для многих понятно, что это не история непрерывных мучений в тисках социального эксперимента над человеком под названием Советский Союз, а обыкновенная человеческая жизнь в первом в истории социалистическом государстве, прогресс которого был очевиден даже в очень ограниченных хронологических рамках. В целом отметим, что западный публицистический дискурс, апеллирующий к негативным чертам homo soveticus, базируется на изначальной аксиоме об аморальности и искус-

ственном навязывании идеи социализма как таковой в принципе (см. напр., А. Юрчак), что автоматически делает «плохим» все от этого производные, в том числе и членов этого общества.

Homo soveticus – это не единый антропологический тип, а определённый идеал, набор значимых для развития общества и человека нравственных качеств, которые не были изобретением большевиков, но которые сделали его своей целью в социальном и ментальном пространстве. В этом типе просматриваются идеальные качества homo sapiens, формируемые в этических системах античности, христианского средневековья, классической немецкой и постклассической философии, в русской литературе, в социальных теориях XX века. Но идеал и человек – вещи несовместимые, слишком человек индивидуален. Поэтому поляризация мнений по вопросу «советский Человек» или «совок» тоже зависит от индивидуального восприятия: ну, что же, кто-то видит лужу, а кто-то видит в луже солнце.

Источники и литература:

1. Антиправославная ответственность в Российской империи [Электронный ресурс]. – http://www.ruskolan.com/liter/kritika/prest.htm(Дата обращения 10.08.17)/
2. Блок А. «Интеллигенция и Революция». [Электронный ресурс]. – http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_1918_intelligentzia_i_revolutzia.shtml (Дата обращения 15.08.17)/
3. Булгаков С. «На пиру богов» [Электронный ресурс]. – http://az.lib.ru/b/bulgakow_s_n/text_1918_na_piru_bogov.shtml(Дата обращения 15.08.17)/
4. Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. – М.: МИК, 1994/
5. Гусарова М.Н. Исторический опыт формирования инженерно-технической интеллигенции в советской высшей технической школе в 1950-1980-е гг.// «Научные ведомости» БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 1 (72). Выпуск 13.
6. Зиновьев А.А. Гомо советикус. – М.: Центрополиграф, 2000.
7. Кивинен М. Прогресс и хаос: социологический анализ прошлого и будущего России. [Электронный ресурс]. -http://texts.news/pervoistochniki-sotsiologii-knigi/nachalniki-injeneryi-43914.html. (Дата обращения 11.08.17).
8. Левада Ю.А. Homo Post-Soveticus. Человек приспособленный // Общественные науки и современность. – 2006. – №6.
9. Ellis *F*. Multiculturalism and Marxism**. //** American Renaissance, November 1999 [Электронный ресурс]. -https://www.amren.com/news/2016/09/multiculturalism-and-marxism/ (Дата обращения 15.08.17).

References

1. Antipravoslavnaya otvetstvennost' v Rossijskoj imperii [EHlektronnyj resurs]. – http://www.ruskolan.com/liter/kritika/prest.htm(Data obrashheniya 10.08.17)
2. Blok A. «Intelligentsiya i Revolyutsiya». [EHlektronnyj resurs]. – http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_1918_intelligentzia_i_revolutzia.shtml (Data obrashheniya 15.08.17).
3. Bulgakov S. «Na piru bogov» [EHlektronnyj resurs]. – http://az.lib.ru/b/bulgakow_s_n/text_1918_na_piru_bogov.shtml(Data obrashheniya 15.08.17).
4. Geller M. «Mashina i vintiki. Istoriya formirovaniya sovetskogo cheloveka». M.: MIK, 1994.

5. Gusarova M.N. Istoricheskij opyt formirovaniya inzhenerno-tekhnicheskoj intelligentsii v sovetskoj vysshej tekhnicheskoj shkole v 1950-1980-e gg.// «Nauchnye vedomosti» Bel-GU. Seriya Istoriya. Politologiya. EHkonomika. Informatika. 2010. № 1 (72). Vypusk 13.
6. Zinov'ev A.A. Gomo sovetikus. M.: TSentropoligraf, 2000.
7. Kivinen M. Progress i khaos: sotsiologicheskij analiz proshlogo i budushhego Rossii. [EH-lektronnyj resurs]. – http://texts.news/pervoistochniki-sotsiologii-knigi/nachalniki-injeneryi-43914.html. (Data obrashheniya 11.08.17).
8. Levada YU.A. Homo Post-Soveticus. CHelovek prisposoblennyj // «Obshhestvennye nauki i sovremennost'. – 2006. – №6.
9. Ellis F. Multiculturalism and Marxism. // American Renaissance, November 1999 [EHlek-tronnyj resurs]. -https://www.amren.com/news/2016/09/multiculturalism-and-marxism/ (Data obrashheniya 15.08.17).

ДИСКУССИИ ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ПРИЧИНЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ, АЛЬТЕРНАТИВЫ

УДК 93/94 DOI: 10.24045/conf.2017.1.25

ПЕРЕКРЁСТОК МНЕНИЙ: К 100-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Морозов С.Д.,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и философии,
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства,
Пенза, Россия

Аннотация. *В статье автор дискутирует на тему роли и влияния Октябрьской революции на весь последующий период социализма в СССР. Автор считает, что Октябрьская революция неотделима от последующей истории страны и истории современной России. Однако автор приходит к выводу, что прямое отождествление самого Октября с последующими событиями неверно, поскольку многие правильные идеи и начинания Октября были в дальнейшем искажены, забыты или трансформированы. Автор считает, что объективное изучение Октябрьской революции должно рассматриваться в контексте российской и мировой истории в широком плане. При этом следует учитывать следующие обстоятельства: российский менталитет, особенности истории России и её закономерности, влияние внешнего окружения, особенности сформированной идеологии, многонациональный состав населения.*

Ключевые слова: *Октябрьская революция, советская идеология, история СССР, распад СССР.*

CROSSROADS OF VIEWS: TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE OCTOBER REVOLUTION IN RUSSIA

Morozov S.D.,
Doctor of Historical Sciences,
Professor of History and Philosophy Department,
Penza State University of Architecture and Construction
Penza, Russian Federation

Abstract. In the article the author discusses the role and influence of the October revolution on the development of socialism in the USSR. The author believes that the October revolution is inseparable from the subsequent history of the country and the history of modern Russia. However, the author comes to the conclusion that the direct identification of October with the subsequent events is inaccurate since many good ideas and initiatives was further distorted, forgotten or transformed. The author believes that the objective examination of the October revolution should be considered in the context of Russian and world history in broad terms. This should take into account the following circumstances: the Russian mentality features of Russian history and its

laws, the influence of the external environment, the features formed ideology, the multinational composition of the population.

Key words: The October revolution, Soviet ideology, the history of the Soviet Union, the collapse of the Soviet Union.

Октябрьская революция является, пожалуй, самым противоречивым событием XX столетия. Поэтому оценки Октября и сейчас, спустя 100 лет, весьма противоречивы. С первых дней Октябрь оказался в центре мировой политической борьбы, в гуще непримиримых бурных страстей. Президенты, премьеры, министры, генералы и сенаторы большинства стран мира проклинали революцию и созданный ею строй. В то же время и в тех же странах многие великие писатели, пылкие революционеры и либеральные мыслители приветствовали её, как начало новой жизни.

В самой России на протяжении десятилетий Октябрь прославлялся как «величайшее событие» мировой истории. Во время «перестройки», во второй половине 1980-х гг., развернулась ожесточённая критика Октября, достигшая апогея и ставшая официальной линией в начале 1990-х гг. Для значительной части населения надежды на быстрый переход России к рынку подогревали негативное восприятие Октября и всего советского периода. Неудачи реформ привели к новому повороту в общественном сознании. Во второй половине 1990-х гг. всё больше и больше людей стали вновь говорить о прогрессивности Октябрьской революции и советского строя. Так или иначе, в России по-прежнему существуют две крайне противоположные оценки этого события.

Одни считают, что Октябрьская революция – это самое великое событие мировой истории и уж во всяком случае, XX в. Она положила начало новой эры, начало исполнения вековых чаяний человечества, дала импульс к освобождению всех народов от эксплуатации, оказала влияние на весь мир. Октябрь 1917 г. – это народная революция, которую совершило большинство населения при руководящей роли рабочего класса и его партии. Послереволюционные десятилетия – это время быстрого подъёма, когда ранее отсталая Россия стала одной из величайших держав мира. Победа над фашизмом убедительно продемонстрировала силу советского строя. «Перестройка» в СССР разрушила страну, отбросила её далеко назад.

Другие полагают, что Октябрь 1917 г. – это переворот, совершённый кучкой фанатиков-большевиков, которые воспользовались тем, что старая власть была ликвидирована в феврале, а новая ещё не закрепилась. Революция нарушила естественный ход истории, породила кровавую диктатуру, террор, вовлекла Россию в эксперимент, разрушивший страну. Десятилетия Советской власти – годы чёрного безвременья, и лишь после 1991 г. Россия стала подниматься с колен.

Конечно, между этими крайними точками зрения существует множество промежуточных, переходных, компромиссных оценок, нюансов и оттенков.

Видимо, никогда в этом споре стороны не достигнут единства и согласия. Впрочем, в этом нет необходимости. Нужен цивилизованный плюрализм, а главное – необходим объективный, всесторонний, основанный на фактах, анализе, сопоставлении и обобщении подход. Кроме этого, необходимо учитывать следующие обстоятельства. Нужно правильно определить соотношение собственно Октября и последующей истории СССР и России. Ранее преобладало одностороннее понимание этого соотношения: если СССР стал великой державой, значит, и Октябрь велик. Во второй половине 1980-х гг. утвердилось противоположное, но также однозначное понимание: если социалистическое строительство в СССР окончилось неудачей, значит, и сам Октябрь был ложным, исходные позиции неверны. Неудача социалистического эксперимента предопределена Октябрём и заложена в нём самом. Конечно, Октябрь неотделим от последующей истории страны и она, история, неотделима от Октября. Современные события в России так или иначе порождены Октябрём, но в то же время неверно прямое отождествление самого Октября с последующими событиями. Многие правильные идеи и начинания Октября были в дальнейшем искажены, забыты или трансформированы. В практику последующих десятилетий были привнесены постулаты, никакого отношения не имевшие и даже противоречившие Октябрю.

Парадоксально, что Октябрь неотделим от последующего, а оно неотделимо от Октября, но не предопределено Октябрём. Эта парадоксальность в соотношении революции и её продолжения не отмечалась ранее в работах советских историков. Новый подход должен заключаться в том, чтобы отразить диалектическую связь Октября с последующей советской историей.

В советской историографии вся предшествовавшая история России рассматривалась, прежде всего, как история революционного движения, неуклонно подводившего страну к Октябрю. Настойчиво проводилась мысль, что трудящиеся России всегда боролись за освобождение от гнёта эксплуататоров и, наконец, в Октябре они добились заветной цели, положив начало совершенно новому этапу истории страны. Действительно, Октябрь круто изменил путь исторического развития страны, разрушил многие старые социально-экономические, политические, культурные структуры, создав принципиально иные. Революционные преобразования изменили отечественную почву более чем основательно.

Однако с годами становилось всё яснее, что почва, на которой выросла революция, остаётся неизменной. Традиции старой России, её своеобразие наложили неизгладимый отпечаток на революционный процесс и на ход социалистического строительства. Таким образом, новый подход в изучении Октября заключается в том, что революция должна тесно связываться со всей предшествовавшей историей России, рассматриваться как часть исторического процесса.

Советская историография всегда подчеркивала влияние Октября на положение в мире, правда, только в плане его воздействия на коммунистическое и рабочее движение в различных странах в условиях нарастания общего кризиса капитализма. Однако это влияние неизмеримо шире. С возникновением

мировой системы социализма возникла соревновательность особого рода. Мирное сосуществование двух систем стало явлением небывалым в истории человечества.

В середине XX в. казалось, что капитализм был на краю гибели. От капиталистической системы отпали страны Центральной и Восточной Европы, Китай, Вьетнам и даже одна из стран Западного полушария – Куба. Франция и Италия после войны были на грани социалистического переворота, и только массированная поддержка США в результате реализации «плана Маршалла» позволила им сохраниться в лоне капитализма. Соревнование заставило обе системы напрягать свои силы, искать оптимальные решения возникавших проблем. Капитализм выиграл это соревнование, оказался более гибким и эффективным. Он сумел успешно использовать достижения научно-технической революции, пошёл на социальные компромиссы, провёл политические и социально- экономические реформы.

Конечно, эти реформы были, прежде всего, результатом внутреннего поступательного движения, но невозможно отрицать и воздействие социальной политики советской системы. Крушение колониальных империй, образование независимых государств в большинстве стран Азии и Африки также произошло под влиянием Октябрьской революции, её национальной политики, изменения соотношения сил на международной арене. Наконец, нельзя забывать и о непосредственном использовании опыта СССР в области социальных и образовательных программ в централизованном управлении, прежде всего в организации планирования экономики. Таким образом, для понимания значения Октября необходимо рассматривать его на фоне всемирной истории, причём не в узком смысле революционного движения, а в широком комплексном значении.

Советская Россия влияла на мир, но и мир влиял на неё. В советской историографии это влияние показано односторонне, в плане военных нападений с Запада. Нет нужды говорить о колоссальном значении таких событий, как иностранная военная интервенция в годы Гражданской войны и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Людские и материальные потери, разрушенные города и села, экономика и финансы отбрасывали страну назад, заставляли многое начинать снова.

Над СССР всё время нависала угроза нового военного нападения. На послевоенное восстановление народного хозяйства и на новые вооружения уходили огромные средства. Угроза со стороны Запада оказывала воздействие на СССР не только своей реальностью, она использовалась советским руководством для укрепления тоталитарного режима. Недоверие к Западу было традиционной чертой русского менталитета. После революции эта черта получила современное идеологическое обоснование. На содержание армии и ВПК уходило до 80% валового продукта, что отнюдь не способствовало повышению уровня и качества жизни населения. А низкий по сравнению с Западом жизненный уровень ослаблял социально-политический потенциал существующего строя. Это стало одной из причин его разложения и падения.

Воздействие мира на СССР шло и в плане идейно-политическом; влияние радиопропаганды было огромным. К середине 1980-х гг. значительных размеров достигла эмиграция из СССР. За рубежом образовалось основательное диссидентское ядро, включавшее весьма мощные интеллектуальные силы.

Радио давало им большие возможности для пропаганды внутри СССР, а разрушительное воздействие радиоволн «из-за бугра» оказалось колоссальным.

Итак, объективное изучение Октябрьской революции должно рассматриваться в контексте в российской и мировой истории в широком плане.

Особенностью России было то, что она всегда развивалась рывками, скачками. К началу XX в. она так и не сумела преодолеть отсталость от передовых стран Запада. Слабость России была убедительно доказана поражением в русско-японской и Первой мировой войне. Новый рывок становился для России исторически неизбежной потребностью. Но для этого надо было отбросить всё старое, мешавшее движению вперед. Это и сделала Октябрьская революция.

Предреволюционная история освещалась раньше упрощённо и во многом с необоснованной критикой. В новых исследованиях российских историков этот недостаток преодолевается, но одновременно допускается идеализация социально-экономического и политического развития дореволюционной России. Так или иначе, отсталость и слабость старой России является неопровержимым фактором революции.

После Октябрьской революции Россия (СССР) стала развиваться невиданными ранее темпами, преодолевая отсталость. Несмотря на трудности, связанные с войнами и угрозами новых нападений, страна к концу 1930-х гг. вышла на передовые рубежи, а после Второй мировой войны стала одной из величайших держав мира. В этом смысле она достигла пика своего мирового могущества и влияния. Социалистическое строительство в России и других республиках СССР, продолжавшееся почти семь с половиной десятилетий, закончилось по многим объективным и субъективным причинам неудачей. Так, вслед за огромным экономическим рывком, за быстрым послевоенным восстановлением и развитием, к 1980-м гг. вновь наметилось отставание.

С 1990-х гг. в России начался крутой поворот от социализма. «Перестройка» привела к свержению советского строя, ликвидации Советского Союза, развалу экономики, структурному кризису. Отставание от передовых стран мира увеличилось, перспективы его преодоления не ясны. Очевидно, что оно не исчезнет сразу и продлится значительное время. Насколько длительным будет этот период, предсказать практически невозможно. Остаётся только надеяться на новый рывок.

Для того чтобы глубже проникнуть в ситуацию, надо рассмотреть ещё одну особенность российской истории – непрерывное территориальное расширение. После Октябрьской революции и Гражданской войны Советская власть, укрепившись, продолжила эту линию исторического развития России. Если сравнить границы страны в 1914 и в 1945 гг., можно увидеть

следующее. В составе СССР не было Финляндии и части Польши, которые входили в Россию; зато по сравнению с 1914 г. в СССР вошли Восточная Пруссия, Галиция, Западная Украина, Северная Буковина, Тува, Южный Сахалин, Курильские острова. Кроме того, после Второй мировой войны появилась огромная зона влияния, включавшая социалистические государства Центральной и Восточной Европы, а также Дальневосточной Азии. Таким образом, порождённое Октябрём Советское государство не только продолжило многовековую тенденцию России, но и весьма преуспело в этом.

Крушение Советского Союза и мировой системы социализма положило конец этой тенденции. Изменился не только общий потенциал России, её геополитическая стратегия, но принципиально изменилась ведущая линия исторического развития. Поэтому кризис, охвативший Россию, имеет не частный, временный, преходящий, а коренной, глубинный характер. Кризис не может быть преодолён на прежних путях расширения территорий. Вероятно, Россия войдёт в ряд великих держав, если пойдёт по пути внутреннего, а не внешнего развития.

Следует учитывать ещё одно обстоятельство. Многовековое расширение границ сильно повлияло на менталитет россиян, которые имели возможность переселяться на новые земли – сначала на Волгу и Дон, потом на Урал, в Сибирь, к берегам Тихого океана. Возникло ощущение безграничности российских просторов, сознание неисчерпаемости природных ресурсов. Идея экстенсивного развития становилась доминантой общественного сознания.

Октябрьская революция сделала попытку перевести страну на рельсы интенсивного развития, создавая новую промышленность, осуществляя механизацию сельского хозяйства. Однако и эта попытка окончилась неудачей. СССР на практике продолжал линию экстенсивного развития. Рывок, о котором говорилось ранее, был достигнут, прежде всего, за счет экстенсивности. Это и привело в дальнейшем к значительному отставанию СССР от передовых стран мира, сделало кризис конца XX в. таким глубоким и болезненным.

Если Россия не осуществит в ближайшем будущем переход на интенсивный путь развития, она законсервирует свою отсталость. Единственно возможный путь – коренное изменение общественного сознания, понимание, что время необозримости просторов, неисчерпаемости ресурсов и экстенсивности прошло безвозвратно. Нужно максимально интенсифицировать экономику, развивать наукоёмкие производства, использовать новейшие технологии. Очень важно использовать уникальное географическое положение России как «моста» между Европой и Азией. При этом, вероятно, экономическая база будет перемещаться из Европейской России к востоку, в районы Сибири.

В начале третьего тысячелетия Россия пытается встать на путь «догоняющего» развития, «бежать» за передовыми странами. Но «догоняющее» развитие неперспективно, так как тот, кого «догоняют», тоже не стоит на месте, и «догонять» можно целую вечность. Перспективным является быстрое осуществление модернизации экономики, но не просто заимствуя передовой западный опыт, а исходя из своеобразных условий России, разумно используя

собственный, ещё не до конца разрушенный интеллектуальный и научно-производственный потенциал.

Огромная территория Российской империи, населённая десятками различных народов, нуждалась в крепком централизованном управлении. А укрепление центра означало укрепление государственной власти, причем в её жёстких, далёких от демократии формах. Поэтому Россия на протяжении веков сохраняла самодержавную, по сути, тоталитарную власть, а демократическое развитие при этом тормозилось. Диктатура Советской власти смогла быстро укрепиться и получить морально-этическую и психологическую легитимность потому, что, помимо прочего, опиралась на вековую российскую традицию, на привычку народа к сильной власти, «твёрдой руке».

Национально-этническое многообразие России неизбежно порождало появление двух тенденций – центробежной и центростремительной; их борьба стала характерной чертой истории России. К 1917 г. центробежные тенденции усилились. Старые формы национально-государственного устройства не устраивали значительную часть населения. После революции произошёл фактический развал старой империи.

После 1917 г. выделились Финляндия, Польша, Украина, Белоруссия, Прибалтика, Армения, Азербайджан. Национальные правительства возникали и в других районах, однако Советской власти удалось найти приемлемую для того времени форму национально-государственного устройства. Возникшие в результате Октябрьской революции и укрепившиеся в ходе ожесточённой Гражданской войны Советские республики – РСФСР, Украина, Белоруссия, ЗСФСР (Грузия, Армения, Азербайджан) объединились в 1922 г. в единое федеративное государство – Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Это был компромисс между народами бывшей Российской империи. Ряд других народов создали свои автономные республики в составе Российской Федерации.

Центростремительные силы одержали верх над силами центробежными, однако в дальнейшем по мере развития национальных республик центробежные тенденции вновь усилились. В то же время центральная власть всё более превращала СССР в унитарное государство, ограничивая права союзных республик, которых стало уже 15. Советская власть не смогла выработать новые формы совместной жизни. Хотя большинство населения выступило за сохранение СССР, что показал референдум в марте 1991 г., политические элиты республик воспользовались ослаблением центральной власти, и в декабре 1991 г. СССР прекратил существование.

Распад СССР породил огромное количество проблем для всех республик, ставших самостоятельными государствами, и прежде всего для самой России. Распад единого социально-экономического комплекса, каким был СССР, усиление межнациональных конфликтов, тяжёлая судьба 25 млн. русских, оставшихся за пределами России, ликвидация единых армии и флота – всё это составные части кризиса, в котором оказалась Россия.

Позитивное и негативное воздействие Октябрьской революции удивительно широко и многообразно. Вопрос о роли и месте Октября в Российской

и мировой истории включает множество сложных, требующих анализа и обобщения проблем. Они будут изучаться многими поколениями учёных не только в России, но и за рубежом, причем в условиях дискуссий и с учётом противоположных взглядов.

История Октября выявила и закрепила ряд важнейших выводов: легче разрушить старое, чем построить новое; проще взять власть, чем разумно воспользоваться ею; несложно провозгласить демократию, трудно научить широкие массы жить в свободном, демократическом обществе.

Источники и литература:

1. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М. - Л.: Госиздат, 1930.
2. Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. – М.: Мысль, 1964.
3. Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 году. – М.: Наука, 1970.
4. Гриф секретности снят: Потеря вооруженных сил СССР. – М.: Воениздат, 1993.
5. Жиромская В.Б. После революционных бурь: Население России в первой половине 20-х годов. – М.: Наука, 1996.
6. Жиромская В.Б. Советский город в 1921-1925 гг.: Проблемы социальной структуры. – М.: Наука, 1988.
7. Каминский Л.С, Новосельский С.А. Потери в прошлых войнах (1756-1918 гг.). – М.: Медгиз, 1947.
8. Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. – М.: Плановое хозяйство, 1926.
9. Писарев И.Ю. Народонаселение СССР: Социально-экономический очерк. – М.: Соцэкгиз, 1962.
10. Поляков Ю.А. Глава V. Население России в годы гражданской войны. Демографические последствия голода 1921-1922 гг. Т.1 //Население России в XX веке. – М.: РОССПЭН, 2000.
11. Поляков Ю.А. Историческая наука: Люди и проблемы. – М.: Росс. полит. энциклопедия , 1999.
12. Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. – М.: АИРО-XX, 1995.
13. Поляков Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. – М.: Наука, 1967.
14. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: Территория и население. – М.: Наука, 1986.
15. Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты)// Отечественная история. – 2000. – №3.
16. Рашин А.Т. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.): Статистические очерки. – М.: Госкомстат России, 1956.
17. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: Олма-Пресс, 2001.
18. Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: Вопросы комплексного изучения: Сборник статей. – М., 1990.
19. Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. – М.: Политиздат, 1975.
20. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооружённых сил европейских стран в войнах XVII-XX вв. - М.: Соцэкгиз, 1960.
21. Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. - М.: Наука, 1974.

Referenses

1. Volkov E.Z. Dinamika narodonaselenija SSSR za vosem'desjat let. – M. – L.: Gosizdat, 1930.
2. Volobuev P.V. Proletariat i burzhuazija Rossii v 1917 godu. – M.: Mysl', 1964.
3. Gaponenko L.S. Rabochij klass Rossii v 1917 godu. – M.: Nauka, 1970.
4. Grif sekretnosti snjat: Poterja vooruzhennyh sil SSSR. – M.: Voenizdat, 1993.
5. Zhiromskaja V.B. Posle revoljucionnyh bur': Naselenie Rossii v pervoj polovine 20-h godov. – M.: Nauka, 1996.
6. Zhiromskaja V.B. Sovetskij gorod v 1921-1925 gg.: Problemy social'noj struktury. – M.: Nauka, 1988.
7. Kaminskij L.S, Novosel'skij S.A. Poteri v proshlyh vojnah (1756-1918 gg.). – M.: Medgiz, 1947.
8. Lubny-Gercyk L.I. Dvizhenie naselenija na territorii SSSR za vremja mirovoj vojny i revoljucii. – M.: Planovoe hozjajstvo, 1926.
9. Pisarev I.Ju. Narodonaselenie SSSR: Social'no-jekonomicheskij ocherk. – M.: Socjekgiz, 1962.
10. Poljakov Ju.A. Glava V. Naselenie Rossii v gody grazhdanskoj vojny. Demograficheskie posledstvija goloda 1921-1922 gg. T.1 //Naselenie Rossii v XX veke. – M.: ROSSPJeN, 2000.
11. Poljakov Ju.A. Istoricheskaja nauka: Ljudi i problemy. – M.: Ross. polit. jenciklopedija , 1999.
12. Poljakov Ju.A. Nashe nepredskazuemoe proshloe. – M.: AIRO-HH, 1995.
13. Poljakov Ju.A. Perehod k NJePu i sovetskoe krest'janstvo. – M.: Nauka, 1967.
14. Poljakov Ju.A. Sovetskaja strana posle okonchanija Grazhdanskoj vojny: Territorija i naselenie. – M.: Nauka, 1986.
15. Poljakov Ju.A. Chelovek v povsednevnosti (istoricheskie aspekty)// Otechestvennaja istorija. – 2000. – №3.
16. Rashin A.T. Naselenie Rossii za 100 let (1811-1913 gg.): Statisticheskie ocherki. – M.: Goskomstat Rossii, 1956.
17. Rossija i SSSR v vojnah XX veka: Statisticheskoe issledovanie. – M.: Olma-Press, 2001.
18. Social'no-klassovaja struktura i demograficheskie processy v Rossii i SSSR: Voprosy kompleksnogo izuchenija: Sbornik statej. – M., 1990.
19. Trifonov I. Ja. Likvidacija jekspluatatorskih klassov v SSSR. – M.: Politizdat, 1975.
20. Urlanis B.C. Vojny i narodonaselenie Evropy: Ljudskie poteri vooruzhennyh sil evropejskih stran v vojnah XVII-XX vv. – M.: Socjekgiz, 1960.
21. Urlanis B.C. Problemy dinamiki naselenija SSSR. – M.: Nauka, 1974.

УДК (47) «1917»: 004.738.5 DOI: 10.24045/conf.2017.1.26

ДИСКУССИЯ О ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ

Козлов Н. Д.,
доктор исторических наук, профессор,
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. *В статье дан краткий анализ статей и интервью в различных интернет-изданиях, посвящённых революции 1917 года. Рассмотрены публикации историков и представителей общественности, представляющих различные направления – левое, либеральное, национал-патриотическое. Сделан вывод о новых*

подходах в изучении причин, предпосылок и сущности революционных событий, отмечено, что одни взгляды и концепции основаны на научных методах и принципах исследования, другие авторы руководствуются политическими и иными целями.

Ключевые слова: *Февральская революция в России, Великая Октябрьская социалистическая революция, причины и предпосылки революции, альтернативы революции, дискуссии о революции, интернет.*

DISCUSSION ABOUT THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION IN THE INTERNET

Kozlov N.D.
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Pushkin Leningrad State University,
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article gives a brief analysis of articles and interviews in various online publications devoted to the revolution of 1917. The publication of historians and representatives of the public, representing various directions – left, liberal, national-patriotic - are considered. A conclusion is drawn on new approaches in studying the causes, prerequisites and essence of revolutionary events, it is noted that some views and concepts are based on scientific methods and principles of research, other authors are guided by political and other goals.

Key words: the February Revolution in Russia, the Great October Socialist Revolution, the causes and preconditions of the revolution, the alternative to revolution, the debate on the revolution, the Internet.

Революционные события 1917 года, от которых нас отделяет столетие, продолжают вызывать споры и неоднозначные оценки в обществе. В исторической науке также существуют различные оценки и точки зрения.

В послании Федеральному собранию Президент России призвал уважительно относиться к истории, объективно, честно и глубоко проанализировать революционные события, их сущность и причины, напомнил, что «уроки истории нужны прежде всего для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия» [27]. В декабре 2016 года им было подписано распоряжение «О подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России». Глава государства поручил Российскому историческому обществу образовать организационный комитет, разработать и утвердить план подготовки и проведения мероприятий, посвященных этому юбилею [29].

Ранее, в мае 2015 г., на круглом столе «100 лет Великой российской революции: осмысление во имя консолидации» министр культуры, председатель Российского военно-исторического общества (РВИО) В. Р. Мединский сформулировал тезисы «платформы национального примирения», которые критики окрестили «майскими тезисами Мединского». Тезисы призывают формировать в массовом сознании народа «признание преемственности

исторического развития от Российской империи через СССР к современной Российской Федерации», «осознание трагизма общественного раскола», «уважение к памяти героев обеих сторон, искренне отстаивавших свои идеалы и невиновных в массовых репрессиях», «осуждение идеологии революционного террора», «понимание ошибочности ставки на помощь зарубежных «союзников» во внутриполитической борьбе» [20].

«Kommersant.ru. Власть» уже дал развёрнутую картину того, как государство и общество готовятся встретить революционный юбилей, вслед за главой государства подчеркнув, что «тема примирения должна стать главной в официальной риторике по отношению к событиям столетней давности». В эту работу активно включаются историки и научные учреждения, Российское историческое общество (РИО), Российское военно-историческое общество (РВИО), государственные медиахолдинги, архивы и музеи, представители общественности [5].

Заметим, что в то время как глава государства призвал встретить юбилей Великой Октябрьской революции в «примирительном» духе, некоторые представители первой волны эмиграции высказали свою, иную точку зрения, взялись диктовать свои условия примирения. «Нет примирения без раскаяния» - под таким заголовком, выражающим её суть, в журнале «Огонёк» вышла статья, содержащая откровения потомка первой волны эмиграции, наследника дворянских родов Столыпиных и Случевских, директора Столыпинского центра регионального развития, обладателя паспорта гражданина США Н.В. Случевского. «Наиболее яркий пример непонимания (между эмигрантами и народом России – Н.К.), шокирующий потомков первой волны, – это вопрос о «примирении и раскаянии», – пишет «наследный дворянин». – В России на каждом шагу можно услышать …. Главное – мир между всеми нами! Даже юбилей революции российская власть заповедала отметить в этом «примирительном ключе». Для нас **это совершенно неприемлемо** (выделено – Н.К). Потому что не может быть никакого примирения без раскаяния, и пока Россия транслирует такую точку зрения, для нас она остаётся «окаянной» странной. …Такое примирение – чистое зло…». [39]

Считая потомков эмиграции первой волны единственными наследниками и носителями «русскости» и отказывая в этом народу России, на наш взгляд, автор высказал предельно откровенно свою точку зрения и комментарии здесь не нужны. К тому же, проблема заключается не в оценке современной российской элиты, а в барском, высокомерном, негативном отношении господина Случевского к народу.

В связи с приближением столетнего юбилея революции 1917 г. современные политики, публицисты, историки-профессионалы и представители общественности стали активно высказывать свои мнения о революционных событиях, давать им оценки в публичных выступлениях, в традиционных печатных изданиях и особенно энергично делиться своими размышлениям в электронных средствах массовой информации [28].

В процессе работы над статьёй анализу подверглись публикации и интервью, опубликованные в интернет - газетах «Лента ру», «Газета ру», «Взгляд», «Комсомольская правда», «Собеседник», на сайте информационного агенства «Regnum», информационно-дискуссионного портала «Nevsland», журнала «Snob», блог – платформы «Livejournal», сайта «Zubolom», «Biofile.ru/his», радио «Эхо Москвы» и других изданий.

Одни из них, как «Лента ру», «Взгляд», информационный портал «Военное обозрение» (topwar.ru) регулярно, другие – время от времени обсуждают с участием профессиональных историков, политиков и политологов, представителей общественности на своих страницах причины и предпосылки революции, пытаются определить её характер, охарактеризовать основных участников, последствия революционных потрясений.

Прежде всего, отметим, что значительное внимание электронные средства массовой информации уделяют обсуждению вопроса о закономерности и неизбежности или случайности Великой русской революции. Сразу заметим, что представители либерального направления это определение не приемлют. С их точки зрения Февраль принёс свободу и должен был обеспечить России европейский путь развития, сделать её процветающей державой. Октябрьские же события характеризуются как заговор, результат случайного стечения обстоятельств, а вследствие их Россия встала на путь, ведущий в тупик мировой цивилизации.

Одним из первых в отечественной историографии вопрос об альтернативах Октября поставил и рассмотрел известный советский и российский историк В.И. Старцев, статья которого «Октябрь 1917-го: была ли альтернатива?», опубликованная в 1989 году и переиздававшаяся позднее, размещена на разных сайтах и широко обсуждается [37, 21]. В сети имеются работы других авторов, рассматривающих эту проблему [43].

В ряде публикаций характеризуются позиции историков и обществоведов, как сторонников, так и противников подобных концептуальных подходов [22]. В итоге большинство исследователей разделяет мнение В.И. Старцева о том, что альтернатива вооружённому восстанию существовала, фатальной неизбежности Октябрьской революции не было, однако её нельзя считать и случайной. Революция, делается вывод, была подготовлена «столетиями отличного от Запада и Востока развития страны», целым комплексом причин и предпосылок, которые перечисляются [22].

Вполне закономерно, что одно из центральных мест в освещении Октября в интернете занимает вопрос о его причинах и предпосылках. Здесь новизной постановки проблемы, её значимостью и объективным, широким характером обсуждения обращает на себя внимание аналитический обзор «Октябрь 1917 года» на сайте «Biofile.ru/his». В нём дана краткая общая характеристика концепций Октябрьской революции в западной и советской историографии.

Основное же внимание уделено характеристике взглядов современных российских историков. Обращает на себя внимание разбор объективных и субъективных причин революции и справедливо отмечается

отход от классового подхода, характерный для большинства современных исследований, подчёркивается, что «взгляд историков на предпосылки революции 1917 г. принципиально отличается от взглядов прежних десятилетий». В то же время отмечается, что «отрицая существование предпосылок для буржуазной и социалистической революции, многие историки подтверждают вывод о закономерности политического и социального взрыва, произошедшего в 1917 г.» [23].

Авторы обзора замечают, что одни историки (Б.И. Колоницкий, В.И. Коротаев, А.Н. Зориков) считают, что события были предопределены быстрой модернизацией экономики, «которая не сопровождалась соответствующими изменениями ментальности основных слоёв населения», а, по мнению Ю.И. Кирьянова, модернизация привела к распространению антибуржуазных настроений.

Другие (в частности А.А.Искандеров), на наш взгляд, справедливо указывают, что события предопределили долговременные исторические факторы – промедление с отменой крепостного права, падение авторитета церкви, разрыв связей монархии с народом, разрушительный характер партийно-политических отношений. Отмечается также, что В.И. Голдин среди предпосылок справедливо называет «традиции бунтарства как ответ на унижение и несправедливость, специфику российской революционности, своеобразное переплетение социалистических и марксистских идей на российской почве, особенности и трудности модернизации, столкновение модернистских и традиционных, почвенных тенденций» и др. [23].

В публикации акцентируется внимание на том, что новым в современной российской историографии при выявлении причин и мотивов действий масс и слоёв в революционных событиях является стремление изучить политические представления групп и слоев, их эмоции, традиции, предубеждения, представления и отсутствие политического опыта [23].

В связи с этим представляют интерес справедливое замечание В.Л. Харитонова о том, что «при растущем неприятии личности Николая II, монархическая традиция в России оставалась сильной» и утверждение А.К. Сорокина: «…гигантское большинство населения страны было отстранено от политики, в результате сформировался конфронтационный тип политической культуры» [23].

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИРИ РАН Т.Ю. Красовицкая в беседе с корреспондентом «Lenta.ru” акцентировала внимание на роли национального вопроса. «Хотя некоторые мои коллеги-историки со мной не соглашаются, – заметила исследовательница, – я думаю, что именно национальный вопрос стал роковым для судьбы Российской империи в 1917 году» [16].

Нельзя не согласиться и с мнением известного историка Б.И. Колоницкого. «Многие крестьяне оставались в глубине души монархистами, им иногда довольно сложно представить иной государственный строй, чем монархия, – справедливо, на наш взгляд, утверждает исследователь. – Но они были предельно недовольны существующим царём. То есть их претензия к царю

была очень часто такова, что царь плохо выполняет свои «профессиональные» обязанности» [24].

Старший научный сотрудник ИРИ РАН В.Б. Аксенов, изучавший настроения современников событий на основе дневников, воспоминаний, частных писем, анализа полицейских протоколов, исследовавший более полутора тысяч уголовных дел за 1914–1916 годы, подчёркивал непонимание крестьянами смысла и целей войны, существование множества версий и предположений, в итоге также пришёл к выводу, что накануне революции в России упал авторитет верховной власти. «…Народ, говоривший о предательстве императриц, часто жалел Николая, считал его мужем-рогоносцем, пьяницей и неудачником, – отмечает историк. – Однако жалкий царь был немногим лучше царицы-шпионки, поэтому, конечно, слухи об императрице подрывали авторитет императора» [3].

Доктор исторических наук И.Н. Гребенкин, как и другие историки, считает, что Первая мировая война и «политическая импровизация» Временного правительства обострили «противостояние «общества» и «народа», а «конкретные, очевидные задачи не были решены – к ним боялись даже подступиться». Главное же, считает историк, «…объективный ход событий … расчищал путь большевикам. Они предлагали решения, всё более и более импонировавшие широким массам, а не «обществу» в принятом тогда понимании» [10]. Заметим, что данный вывод содержится в высказываниях многих авторов, включая некоторых представителей либерального сегмента российского общества.

Между тем, учитывая масштабы дестабилизации, разрушения государственных структур, экономики и дезориентации массового сознания, доктор исторических наук, профессор В.С. Цветков в результате анализа положения в стране в конце лета 1917 года в итоге пришёл к выводу, что «на тот момент сильная диктаторская власть была востребована **многими** (выделено – Н.К.)» [41].

Следует отметить, что, не отрицая в целом охарактеризованные в отечественной историографии причины и предпосылки революции, их дополняют и уточняют члены Изборского клуба, которые стремятся преодолеть идеологические разногласия между патриотами, справедливо считая, что «только примирившись между собой, государственники разных оттенков станут мощной политической силой» [1], [11], [12]. «…Романовская империя была воплощённой утопией, созданной по немецко-французским лекалам,- утверждает телеведущий М. Шевченко.- В чём-то она глубоко противоречила органическим началам жизни народов, населявших это евразийское пространство и, прежде всего – органическим началам жизни самого русского народа» [12].

Более конкретно высказал своё мнение генерал-полковник, доктор исторических наук, президент Академии геополитических проблем Л.Г. Ивашов, подчеркнувший, что были и внешние факторы, «значение которых нельзя преуменьшать и замалчивать», а главной «причиной революции 1917 года стала утрата Россией собственного геополитического проекта,

выражением которого на протяжении многих столетий был концепт «Москва – Третий Рим»», который к началу XX века «был размыт и разрушен». В результате произошёл культурно-ценностный и мировоззренческий, бытовой раскол – «элиты» пошли в Европу, а народ остался в Евразии», «…произошёл полный разрыв». К тому же, по мнению ученого и политика, «в начале XX века Русская Православная церковь окончательно утратила функцию соединения власти и народа, превратилась в одну из подчиненных структур государственной бюрократии» [11].

Соображения о крайнем неравенстве высших и низших слоёв общества, духовном отчуждении и взаимном недоверии между ними, когда, по мнению философа Г.П. Федотова, «дворянство видело в народе дикаря…, а народ смотрел на господ как на вероотступников и полунемцев», кризисном состоянии Церкви, которую около 20 млн. староверов называли «казённой», а главу государства – орудием антихриста, высказывались и раньше, их наличие признают на разных сайтах многие историки и представители общественности [2], [14], [30], [31], [38].

Старший научный сотрудник Института российской истории РАН В.Б. Аксенов отмечает, что к началу XX века не действовала «уваровская триада «православие, самодержавие, народность», а подчинённое положение церкви предопределило духовный кризис, который «выражался не только в противоречиях между духовенством и прихожанами, но и во внутреннем состоянии самой церкви». Автор подчёркивает, что люди меньше стали посещать храмы, обострились отношения между миром и клиром, имел место массовый переход паствы некоторых епархий в другие конфессии, а «отчуждение от официального православия привело к расцвету оккультизма и резкому повышению уровня невротизации российского общества в годы Первой мировой войны» [2].

Главный научный сотрудник того же института, известный исследователь истории революции, доктор исторических наук, профессор В.П. Булдаков убеждён, что уже церковный раскол XVII века «был очень болезненным ударом по русскому национальному сознанию…, надолго предопределил в нашей стране колоссальную отчуждённость между разными социальными группами…». Он подчёркивает, что именно «поэтому у нас действительно сложились противостоящие друг другу две культуры и два народа», а петровские реформы усугубили этот процесс. На страницах электронной газеты «Лента.ру» на вопрос о том, являлось ли одной из причин революции стало падение авторитета церкви, историк однозначно заявил: «То, что происходило в церковной среде, тоже сравнимо с катастрофой» [6].

Директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и её последствий, профессор О. В. Будницкий в пространном интервью, опубликованном в «Lenta.ru» под примечательным названием «Трёхсотлетняя монархия. Раз – и нет её. Как ошибки, глупость и трусость привели Россию к революции в 1917 году», раскрывая причины событий, говорил не только об ошибках Временного правительства, войне, но и об отсутствии традиций демократии, понимании основной массой населения

свободы как воли, её быстрым разочарованием и радикализацией масс. Автор считает, что «демократическая альтернатива, к сожалению, просматривалась очень плохо» и подчёркивает, что преимущество большевиков перед другими политическими партиями состояло в готовности «идти за массами, а не вести их за собой, то есть идти навстречу их пожеланиям, насколько бы антигосударственными они ни были, и вполне умело их использовать» [9].

Представители различных политических и мировоззренческих направлений при обсуждении октябрьских событий 1917 года наибольшее внимание уделяют их оценке и последствиям. Прежде всего отметим, что в постсоветский период эволюционировали официальные оценки главного советского праздника. В отличие от советской историографии, характеризовавшей события Октября 1917 года как Великая Октябрьская социалистическая революция, в 1990-е годы Октябрьская революция интерпретировалась как сплошная катастрофа, трагедия, начало движения в тупик мировой цивилизации, последствия которой «новая Россия» должна исправить и вернуть страну в «нормальное состояние». В связи с критикой и смены конструкции «новой России» в начале XXI века пришла идея «великой державы», а вместе с ней идея преемственности исторического процесса и отказ от однозначно критического отношения к советскому прошлому.

Одной из первых положение о неразрывности и преемственности исторического процесса изложила в своей работе «За что и с кем мы воевали», изданной в 2005 году издательством «Минувшее», и последовательно отстаивала доктор исторических наук, профессор Н.А. Нарочницкая.

В процессе обсуждения концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории была принята новая обновлённая оценка событий - «Великая российская революция 1917–1921 гг.», в которой выделяются февральский и октябрьский этапы и закончившаяся в 1921 г. Гражданская война [18].

Однако новое официальное определение событий 1917–1921 годов было воспринято неоднозначно и не прекратило общественные дискуссии. Оно вызывает возражения у либералов, русских националистов и части левых.

Свой взгляд на события 1917 года изложил «Sobesednik.ru» известный историк спецслужб А. Колпакиди. Он считает, что «…новая концепция высосана из пальца», а Февральская и Октябрьская революция «это же разные события». Историк подчеркнул, что события, случившиеся в октябре 1917 года, «нельзя называть переворотом»: «это революция», которая началась 25 октября «и затянулась месяца на 3-4». По мнению А.И. Колпакиди, версия о « немецких деньгах» – «бред», который «нужен, чтобы показать, какой наш народ быдло и как им легко манипулировать. Так что концепции истории менять вообще не надо, их надо уточнять» [15].

В свою очередь значительная часть носителей либеральных взглядов также подвергает критике новую формулу. В первую очередь они не признают понятие «Великая». Вместо него они характеризуют Октябрь 1917 года, как И.Б. Чубайс, термином «катастрофа 1917 года», утверждая, что

«революция…свершилась в феврале 1917 года, когда Николай II отрёкся от престола и власть перешла к Временному правительству…» [42,43].

Многие представители этого направления общественной мысли называют Октябрьскую революцию 1917 года «государственным переворотом» и утверждают, что «едва ли не все катаклизмы, пережитые человечеством за последнее столетие, прямо или косвенно порождены захватом большевиками власти – включая Вторую мировую войну в том виде, в каком она произошла, и многое другое» [36]. «Началось моральное «разнуздание» населения страны, т.е. освобождение от всех нравственных и этических сдержек, и большевики со своей безумной, человеконенавистнической политикой шли во главе этого процесса и прямо формировали его, – безапелляционно излагал свое мнение профессор М.А. Давыдов. – Утвердилась система, нацеленная на выявление худшего в человеке, которая аппелировала к этому худшему, и постоянное проявление самых негативных свойств человеческой природы на десятилетия вперёд превратилось для тысяч и тысяч людей в залог выживания…» [36].

«…Тогда власть в стране захватила орда варваров и абсолютно бессовестных преступников,…развязала самые грязные и тёмные инстинкты и влечения человека, выпустила на волю силы зла и разрушения…, – вторил ему на конференции юрист, профессор Ю.М. Антонян.-…Было остановлено экономическое развитие общества, растоптана великая культура,…начато растление народа и массовое уничтожение людей, вражда и ненависть надолго стали нормой отношений. Правящий коммунистический режим, сотрудничая с гитлеровским нацизмом, вверг страну в самую кровопролитную войну в её истории…» [4].

Эти и подобные им, характерные для представителей современного либерального направления и тиражируемые ими с середины 1980-х годов XX века, мифологизированные, обвинительные «умозаключения», противоречащие принципам историзма и объективности, на наш взгляд, не выдерживают элементарной критики.

Профессор А.Б. Зубов, дискутируя с ведущим научным сотрудником ИВИ РАН А.В. Шубиным на Радио «Свобода», отстаивал точку зрения о том, что «Февральская революция … отвечала воле большинства населения. А октябрьский переворот не отвечал воле населения, никто его не хотел, кроме большевиков». К тому же, по мнению А.Б. Зубова, революционный процесс «…занял примерно с 1905 года по 1928 год время, этот процесс закончился национальной катастрофой, Россия как страна погибла», «…было построено общество рабов» [40].

Следует отметить, что далеко не все представители этого направления придерживаются подобной крайней, довольно часто ничем не аргументированной, точки зрения. В тоже время практически все представители этого направления обвиняют большевиков в приверженности радикальным мерам, или, как пишет профессор О.В. Будницкий: «Они быстро всё сделали – стало ещё хуже. Но эти ребята, как вскоре выяснилось, умели управлять железной рукой, и о свободе пришлось забыть на многие десятилетия» [9].

Другие авторы, наряду с негативными последствиями отмечают и отдельные, а некоторые – и многие важные позитивные, созидательные результаты [13], [36], [45], [46].

Русские националисты в целом негативно оценивают Октябрьскую революцию 1917 года. Однако, в отличие от либералов, они не идеализируют Февральскую революцию. «То, что весь этот колоссальный переворот, который произошёл в мире между 1914-м и 1918 годами, был фактически неизбежен и предопределён, в общем, нёс в себе и какие-то элементы зла и элементы блага, это тоже несомненно, – говорил философ и публицист, монархист Е.С. Холмогоров, полемизируя в редакции «Комсомольской правды» с историком А.И. Колпакиди – …Временное правительство довело страну до полураспада. Большевики…довели её до полного распада. Я уверен, что были и другие силы, которые могли восстановить Россию. Что то, как она в итоге восстановилась при большевиках и при Ленине, это не был оптимальный путь развития русской истории. Может быть, не худший из того, что могло произойти с Россией, но точно не лучший» [7].

Вместе с философом отрицательные последствия революции и Советской власти его единомышленники видят в том, что «она продолжила антинациональную линию на уничтожение фундаментальных ценностей исторической России и на ликвидацию ее православной первоосновы», утверждают о политике дерусификации, уничтожении идентичности России [26].

Утверждая, что с «духовной точки зрения, события 1917 года явились масштабной катастрофой не только для России, но и для всего вселенского христианства», один из организаторов Российского дворянского собрания, директор православной гимназии З.М. Чавчавадзе, отрицает наличие предпосылок революции. В то же время он отмечает: «Как бы ни относиться к советской власти, трудно не признавать тех объективных успехов, которых ей удалось достичь». «Зацикленные на ненависти к этой власти люди нередко высказываются в том смысле, что успехи достигались вовсе не благодаря, а вопреки ей, имея в виду, что народные таланты, воля, трудолюбие и энтузиазм делали своё дело наперекор беспомощной государственной власти,- говорил князь.- Трудно себе, однако, представить, как можно помимо государственной власти, воплотить в жизнь архисложные планы ГОЭЛРО, или, скажем, ядерные и космические программы?» [26].

Отметим, что на этом фланге общественной мысли высказываются и более радикальные, категоричные мнения и оценки. Информационная служба Епархиального Управления Псковской Епархии на официальном сайте утверждает: «Бесспорно одно: революция 1917 года принесла нашему народу катастрофу гражданской войны и геноцид». Авторы вывода считают, что строительство «новой жизни» началось спустя десять лет, «когда кровавый революционный туман рассеялся», а «развитие советского государства происходило тем успешнее, чем более решительно руководство СССР отказывалось от революционных догм. Так Сталин под давлением обстоятельств практически отказался от «наследия Октября»: от культа

старых большевиков, от мировой революции, от практического коммунизма, от воинствующего атеизма, от антипатриотизма и русофобии, от уничтожения семьи и государства, от однозначно негативных русофобских оценок российской истории… И здесь надо отдать должное прагматичному вождю всех народов» [25].

Тем не менее, профессор Петербургской духовной академии, историк, протоиерей Георгий Митрофанов призвал «признать советскую власть преступным режимом» [8].

В электронных средствах массовой информации представлено также понимание событий октября 1917 года представителями левых сил. Наиболее полно, на наш взгляд, позиция представителей общественности левой ориентации нашла отражение в серии публикаций А. Самсонова «Миф о том, что большевики разрушили царскую Россию» и других на сайте информационного портала «Военное обозрение» [30-35].

Вслед за В.П. Булдаковым, Б.И. Колоницким, Ю.А. Поляковым, А.В. Шубиным и другими профессиональными историками, исследователями истории Октября в них обозначен весь комплекс внутренних и внешних, объективных и субъективных причин и предпосылок революции, особое внимание при этом уделено в их формировании и обострении Первой мировой войне, царскому, а затем Временному правительству и внешнему фактору, которые привели к тому, что «в России к 1917 году сложилась настоящая революционная ситуация» [32]. В цикле публикаций показано различие между двумя этапами революции и отмечено, что на февральском этапе «правящая верхушка России… сама сокрушила Российскую империю… В целом это был класс западников… Они не понимали, что уничтожая самодержавие, они сами разрушают главный барьер на пути русской смуты, которая беспощадна ко всем, в том числе к инициаторам бури. В результате вместо победы либерально-республиканского строя господствующие классы вызвали катастрофу «старой России» [32], [33].

Идея о заговоре «мировой закулисы» в лице хозяев США и Англии, которая развязала мировую войну и организовала в России революцию с помощью либералов и масонов с целью установления «глобального мирового порядка» получила освещение и в других публикациях А.Самсонова [34], [35].

Отчасти новизной, но не бесспорностью, отличается и итоговый вывод автора, утверждающего, что «Запад пытался использовать против правящего режима все возможные силы, в том числе большевиков». По его мнению, «если либералов в основном использовали втёмную, разрушив их руками монархию, то большевиков провести не удалось». «В итоге большевики смогли постепенно оттеснить и частично ликвидировать группу «национал-предателей» в своих рядах – троцкистов-интернационалистов,- утверждает А. Самсонов. – Победу одержали большевики-патриоты (сталинисты), которые ориентировались на построение социалистической России и не собирались бросать Родину в топку «мировой революции» [33].

«Именно они проявили такие базовые для русской «матрицы» ценности, как справедливость, первенство правды над законом, духовного начала

над материальным, общего над частным,- подчёркивает автор.- Их победа привела к строительству отдельного «русского социализма», физической ликвидации большей части «пятой колонны» (троцкистов-интернационалистов) и невиданным успехам советской цивилизации» [34]. Критикуя либералов 1917 года, которые, по мнению А. Самсонова, разрушили Россию, автор подчёркивает, что «современные либералы пытаются убедить народ, что Октябрь стал «проклятием» России». «В реальности большевики оказались единственной силой, которая после гибели «старой России» - проекта Романовых, попытались спасти державу и народ, создать новую реальность,- приходит он к выводу. - Проект, который сохранит лучшее, что было в прошлом (Пушкин, Достоевский, Толстой, Александр Невский, Дмитрий Донской, Суворов, Нахимов, Кутузов), и одновременно будет прорывом в будущее, в иную справедливую, солнечную цивилизацию, без рабства и угнетения, паразитизма и мракобесия. Если бы не большевики, русская цивилизация, скорее всего, просто бы погибла» [34].

Таким образом, в интернете опубликованы статьи и интервью, содержащие размышления, умозаключения, мнения и оценки историков и общественных деятелей, представляющих различные направления – левое, либеральное, национально-патриотическое, дающие представление о восприятии и оценках революции как общественностью, так и профессиональными историками. Их анализ свидетельствует об отсутствии мировоззренческого единства в обществе в оценке эпохальных событий 1917 года.

Историки-профессионалы, за некоторым исключением, стремятся выявить и дать анализ причин и предпосылок революционных потрясений. Большинство исследователей, опираясь и критически переосмысливая наработки советской историографии, акцентируют внимание на новых факторах как ситуационного, так и долговременного характера, морально-психологических предпосылках, которые ранее не исследовались или им не уделяли должного внимания, стремятся найти новые подходы, охарактеризовать события через призму «человеческого измерения».

В основе других взглядов, оценок и концепций революции 1917 года используются не научная методология, а разные мировоззренческие взгляды, ставится задача не постижение истории, исторической правды, а достижение определённых политических и иных целей. В результате вместо серьёзного осмысления осуществляется слепое осуждение или возвеличивание.

Разрыв во мнениях и оценках огромен и разнообразен и, думается, одна из причин в том, что корни конфликта до сих пор не изжиты. К тому же, они обострены поляризацией общества в результате событий 1990-х годов.

Переосмысление прошлого не приемлет категоричности и реваншизма, должно происходить максимально взвешенно, объективно, аргументировано. Нельзя не согласиться с известным политиком С.М. Мироновым, который ещё в 2007 году писал: «Уважение к отечественной истории, традициям старшего поколения – один из принципов, которые объединяют общество. Октябрь 17-го и его наследие заслуживают серьёзного осмысления, а не слепого осуждения или возвеличивания. Необходимо усиление

исследовательских подходов, а не замена огульной апологетики столь же огульной обструкцией» [14].

К сожалению, в электронных средствах массовой информации, на наш взгляд, за исключением концепций и взглядов профессиональных историков, разрабатывающих революционную проблематику, преобладают мнения, содержащие не столько осмысление и критику, сколько охаивание, осуждение, клеймение прошлого. В большинстве случаев они основаны не на анализе аргументов и фактов, а на отдельных фактах и эмоциях, а главное – забвении или игнорировании основополагающих принципов исторического познания – объективности и историзма.

Нельзя не согласиться с мнением Д. Лыскова, который в заключение своей статьи с названием, отражающим состояние массового сознания народа в современных условиях – «Россию ожидает великий юбилей, к которому она не знает, как относиться» на сайте газеты «Взгляд» приходит к выводу, что «пока внутри собственной страны мы не можем договориться по вопросу о роли российской революции, в работах серьёзных западных историков (не путать с поп-историей) всё давно разложено по полочкам» [17]. В подтверждение им приведена ссылка на вывод американского историка и советолога, стоящего, кстати, на твёрдых антикоммунистических позициях, но, тем не менее, в основном объективно, с позиций историзма оценившего последствия Великой Октябрьской революции.

Отдаём себе отчёт в том, что возможный читатель имеет достаточно оснований обвинить автора статьи в злоупотреблении пространным цитированием, тем не менее, руководствуясь мыслью, что «в родном Отечестве пророков нет», в заключение прибегнем к нему ещё раз. «Система, рухнувшая в 1991-м, весьма и весьма отличалась от той, которую большевики пытались установить в 1917-м. Она прошла все стадии революционного процесса и была сформирована, с одной стороны, историческим наследием России, с другой – потребностями модернизации, – писал Р. Дениэлс. – …Если иметь в виду реальные задачи, возложенные на него историей, советский «эксперимент» отнюдь не назовёшь полной неудачей. Основная его цель состояла в доведении до конца процесса модернизации, прерванного революцией, а также в мобилизации национальных ресурсов для выживания России и её способности конкурировать в мире передовых военных технологий… Сталинизм превратил крестьянское по своей природе общество в нацию, по преимуществу городскую, образованную и технологически изощрённую, одним словом – современную. Советская Россия была уже не докапиталистической, как это зачастую утверждалось в теориях посткоммунистического «перехода», и не посткапиталистической, как трактовала марксистско-ленинская доктрина, она была альтернативой капитализму, параллельной формой модернизации, осуществлённой совершенно иными методами» [17].

Источники и литература:

1. Аверьянов В. Черемных А. Поддерживаете ли вы примирение белых и красных как братание государственников? Русская правда. О преодолении Смуты. [Электронный ресурс]. - https://newsland.com/community/8/content/podderrzhivaete-li-vy-prinirenie-belykh-i-krasnykh-kak-bratanie-gosudarstvennikov/1663259
2. Аксенов В. Русский мир и клир. Почему к 1917 году россияне разочаровались в церкви [Электронный ресурс]. – http://www/portal-credo.ru/site/?act+monitor&id+24384
3. Аксенов В. «Когда Николая II ругали по матери». Почему накануне революции в России упал авторитет верховной власти [Электронный ресурс]. – http://lenta.ru/articles/2016/06/05/tsar_in_head
4. Антонян Ю.М.Октябрьский переворот как возвращение Тени//Октябрь 1917 года: взгляд их XX1 века. Сб.материалов Всероссийской научной конференции.- М.: ИГУМО,2007. С.5. [Электронный ресурс]. – http://cdn.sciople.com/materials/7760/1917.pdf
5. Барабанов И., Корченкова Н., Самохина С. Октябрь впереди. Как Россия отпразднует век революции [Электронный ресурс]. – http://www.kommersant.ru/doc/3163935 [1]
6. Булдаков В. «Вся история России - это движение от смуты к смуте» [Электронный ресурс]. - https://lenta. ru/arnikles/2016/04/10/revolution/
7. Была ли Октябрьская революция лучшим выбором для России. Об этом в редакции «Комсомольской правды спорили Егор Холмогоров и Александр Колпакиди [Электронный ресурс]. - http://www.kp.ru/daiyli/26601.5/3619671/
8. Биров Э. Необходимо историческое примирение между красными и белыми [Электронный ресурс]. – http://vz/ru/opinions/2016/9/27/834933.html ru/arnikles/2016/04/10/revolution/
9. Будницкий О. «Трёхсотлетняя монархия. Раз – и нет её. Как ошибки, глупость и трусость привели Россию к революции в 1917 году» [Электронный ресурс]. – https://lenta.ru/articles/2016/11/20/feboct
10. Гребенкин И. «Главным был вопрос о войне». Как Временное правительство довело до революции: спецпроект [Электронный ресурс]. – https://lenta.ru/articles/2016/12/11/temporary_government/енты.ру».
11. XXI век: братание красных и белых. Выступления участников Изборского клуба на круглых столах в Ульяновске [Электронный ресурс]. – https//izborsk-club.ru/898
12. XXI век: братание красных и белых. Выступления участников Изборского клуба в Ульяновске. Окончание [Электронный ресурс]. – http://old.zavtra.ru/content/viev/hhi-vek-bratanie-krasnyih-i-belyih-2013-01-16-000000/
13. Желенин А. Октябрь 1917: что это было? Тупики развития порой дают выход для мысли. Во всяком случае, теперь мы точно знаем, чего нельзя делать при строительстве нового общества[Электронный ресурс]. – http://www.rosbalt.ru/blogs/2017/11/07/1565171
14. Историки переосмысливают революцию 1917 года во имя консолидации общества [Электронный ресурс]. – https://lenta.ru/articles/2015/05/28/revolution/
15. Колпакиди А. «немецкие деньги-это для быдла». Что случилось в октябре 1917-го [Электронный ресурс]. – http://sobesednik.ru/politika/20161107-nemeckie-dengi-eto-dlya-bydla-chto-sluchilos-v-oktyabre-1
16. Красавицкая Т. Имперское общежитие. Почему национальные проблемы России привели к революции 1917 года [Электронный ресурс]. – https://lenta.ru/articles/2016/04/24/imperial_society/
17. Лысков Д. Россию ожидает великий юбилей, к которому она не знает как относится [Электронный ресурс]. – http://vz.ru/politics/2016/1/6/786837.html
18. Малинова О. Общее прошлое: что случилось с Россией в 1917 году [Электронный ресурс]. – http://www.rbk.ru/opinions/society/06/11/2015/563c912d9a7947892041ff82

19. Миронов С. Октябрь 17-го: уроки без забвения //Российская газета .- 2007. - 31 октября [Электронный ресурс]. – https://rg.ru/2007/10/31/oktyabr-mironov.html
20. Мединский начал подготовку к революции. Минкульт предлагает новое осмысление революции 1917-го года [Электронный ресурс]. – http://www/gazeta.ru/science/2015/05/20_a_6695345.shtml
21. Октябрь 1917-го: была ли «демократическая» альтернатива? [Электронный ресурс]. – http://topwar.ru/85998-oktyabr-1917-go-byla-li-demokraticheskaya-alternativa.html
22. Октябрьская революция: закономерность или ошибка? [Электронный ресурс]. – https://www.zubolom.ru/lectures/history2/34.shml
23. Октябрь 1917 года [Электронный ресурс]. - http:/biofile.ru/his/26623/html
24. Образы верховной власти в революции 1917 года. Историк Борис Колоницкий о недовольстве крестьян, отношении к императору и неоднозначности антимонархического характера революции [Электронный ресурс]. – https://lenta.co
25. Октябрь 1917 года: историческая катастрофа или рождение « нового мира» [Электронный ресурс]. – http://www.pskov-eparhia.ellink.ru/browse/show_news_type.php?r_id=3355
26. Октябрь 1917-го не пришел неожиданно. Беседа с Зурабом Чавчавадзе [Электронный ресурс]. – http://www.pravoslavie.ru/87444.html
27. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. – http://www.kremlin.ru/events/president/nevs/53379
28.. «Россия представляла собой клубок противоречий».Историки переосмысливают революцию 1917 года во имя консолидации общества [Электронный ресурс]. – https://lenta.ru/articles/2015/05/28/revolution/
29 .Распоряжение Президента Российской Федерации «О подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России» [Электронный ресурс]. – http://publikation/pravo/gov.ru/Dokument/View/0001201612200017)
30. Самсонов А.Погружение. О причинах гибели империи Романовых [Электронный ресурс]. – https://topwar.ru/103095-pogruzhenie-o-prichinah-gibeli-imperii-romanovyh.html
31. Самсонов А. О причинах гибели империи Романовых.Ч.2.//URL://https://topwar.ru/103521-o-prichinah-gibeli-imperii-romanovyh-ch.html#; «Россия представляла собой клубок противоречий». Историки переосмысливают революцию 1917 года во имя консолидации общества [Электронный ресурс]. – https://lenta.ru/articles/2015/05/28/revolution/
32. Самсонов А. Указ соч.; Самсонов А.Миф о том, что большевики разрушили царскую Россию [Электронный ресурс]. – https://topwar.ru/70129-mif-o-tom-chto-bolsheviki-razruchili-carskuyu-rossiyu.html
33. Самсонов А. Миф о том, что большевики разрушили царскую Россию. Часть 2 [Электронный ресурс]. – https://topwar.ru/70211-mif-o-tom-chto-bolcheviki-razrushili-carskuyu-rossiyu-chast-2.html
34 Самсонов А. Большевики спасли русскую цивилизацию [Электронный ресурс]. – http://svistuno-sergey.narod.ru/news/bolcheviki_spasli_russkuju_civilisaziju_voennoe_obozrenie/2015-11-07-544
35.Самсонов А. В 1917 году Российскую империю разрушили либералы и масоны, а больневики спасли русскую цивилизацию [Электронный ресурс]. – https:/topvar.ru/1429-v-1917-godu-rossiyskuju-imperiyu-razruchili-liberaly-i-masony-a-bolcheviki-spasli-russkyu-civilisaciyu-nachav–novyy-sozida…
36. Сванидзе Н.Сами победители поначалу тоже называли революцию 1917 года государственным переворотом [Электронный ресурс]. – https://snob.ru/selected/entry/101439/page/1. церкви http://www/portal-credo.ru/site/?act+monitor&id+24384

37. Старцев В.И. Октябрь 1917-го: была ли альтернатива? [Электронный ресурс]. – http//www.promreview.net/moskva/oktyabr-1017-go-byla-li-alternativa?page=0,12;
38. Стремидоловский С. 1917: взлет и падение Российской православной церкви [Электронный ресурс]. – https://regnum.ru/news/society/2201756.html
39.Случевский Н. Нет примирения без раскаяния. Почему современную российскую элиту нельзя считать наследницей исторической Руси// Огонек.– 2017. – №2. – С.19 [Электронный ресурс]. – http://www.kommersant.ru/doc/3187064
40. Цена и уроки Октября 1917//URL://http://www.svoboda.org/a/28101375.html[1] Чубайс И. Катастрофа 1917 года [Электронный ресурс]. – http://elegantnewyork.com/revolution-1917-chubais/
41.Цветков В. «Сильная диктаторская власть была востребована». Как чеченцы едва ге сделали мятежного генерала диктатором России [Электронный ресурс]. – https://lenta.ru/articles/2016/08/06/lavr_kornilov/
42.Чубайс И. «Великий Октябрь» или русская катастрофа? [Электронный ресурс]. – http://www.mk.ru/politics/2016/11/06/velikiy-oktyabr-ili-russkaya-katastrofa.html
43. Чубайс И. К 99-летию русской катастрофы «Великий Октябрь», итоги [Электронный ресурс]. – http://www.//eho msk.ru/blog/i_chub/1869276-echo/.
44. Шевелев В.Н. Все могло быть иначе. Альтернативы в истории России. – М.,2009 [Электронный ресурс]. – http://detectivebooks.ru/book/20432070/?page=22
45. Шелин С. Парадоксы революции: большевики не должны были победить. Ленинцы задушили левых конкурентов, а затем разбили белых, потому что меньше всех спорили с народной стихией [Электронный ресурс]. – http://www.rosbalt.ru/blogs/2017/01/05/1579385/html
46. Шелин С. Парадоксы революции: переворот с перепугу. Понимание, что большинство не поддерживает их утопию, толкнуло большевиков на новый раунд борьбы за власть[Электронный ресурс]. – http://www.rosbalt.ru/blogs/2017/01/07/157942; 1/html

Referenses

1. Aver'janov V. Cheremnyh A. Podderzhivaete li vy primirenie belyh i krasnyh kak bratanie gosudarstvennikov? Russkaja pravda. O preodolenii Smuty. [Jelektronnyj resurs]. – https://newsland.com/community/8/content/podderrzhivaete-li-vy-prinirenie-belykh-i-krasnykh-kak-bratanie-gosudarstvennikov/1663259
2. Aksenov V. Russkij mir i klir. Pochemu k 1917 godu rossijane razocharovalis' v cerkvi [Jelektronnyj resurs]. - http://www/portal-credo.ru/site/?act+monitor&id+24384
3.Aksenov V. «Kogda Nikolaja II rugali po materi». Pochemu nakanune revoljucii v Rossii upal avtoritet verhovnoj vlasti [Jelektronnyj resurs]. – http://lenta.ru/articles/2016/06/05/tsar_in_head
4. Antonjan Ju.M.Oktjabr'skij perevorot kak vozvrashhenie Teni//Oktjabr' 1917 goda: vzgljad ih HH1 veka. Sb.materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii.- M.: IGUMO,2007. S.5. [Jelektronnyj resurs]. -http://cdn.sciople.com/materials/7760/1917.pdf
5. Barabanov I., Korchenkova N., Samohina S. Oktjabr' vperedi. Kak Rossija otprazdnuet vek revoljucii [Jelektronnyj resurs]. – http://www.kommersant.ru/doc/3163935
6. Buldakov V. «Vsja istorija Rossii – jeto dvizhenie ot smuty k smute» [Jelektronnyj resurs]. – https://lenta. ru/arnikles/2016/04/10/revolution/
7. Byla li Oktjabr'skaja revoljucija luchshim vyborom dlja Rossii. Ob jetom v redakcii «Komsomol'skoj pravdy sporili Egor Holmogorov i Aleksandr Kolpakidi [Jelektronnyj resurs]. – http://www.kp.ru/daiyli/26601.5/3619671/
8. Birov Je. Neobhodimo istoricheskoe primirenie mezhdu krasnymi i belymi [Jelektronnyj resurs]. - http://vz/ru/opinions/2016/9/27/834933.html ru/arnikles/2016/04/10/revolution/
9. Budnickij O. «Trjohsotletnjaja monarhija. Raz – i net ejo. Kak oshibki, glupost' i trusost' priveli Rossiju k revoljucii v 1917 godu» [Jelektronnyj resurs]. – https://lenta.ru/articles/2016/11/20/feboct

10. Grebenkin I. «Glavnym byl vopros o vojne». Kak Vremennoe pravitel'stvo dovelo do revoljucii: specproekt [Jelektronnyj resurs]. – https://lenta.ru/articles/2016/12/11/temporary_government/enty.ru».
11. HHI vek: bratanie krasnyh i belyh. Vystuplenija uchastnikov Izborskogo kluba na kruglyh stolah v Ul'janovske [Jelektronnyj resurs]. – https//izborsk-club.ru/898
12. HHI vek: bratanie krasnyh i belyh. Vystuplenija uchastnikov Izborskogo kluba v Ul'janovske. Okonchanie [Jelektronnyj resurs]. – http://old.zavtra.ru/content/viev/hhi-vek-bratanie-krasnyih-i-belyih-2013-01-16-000000/
13. Zhelenin A. Oktjabr' 1917: chto jeto bylo? Tupiki razvitija poroj dajut vyhod dlja mysli. Vo vsjakom sluchae, teper' my tochno znaem, chego nel'zja delat' pri stroitel'stve novogo obshhestva[Jelektronnyj resurs]. – http://www.rosbalt.ru/blogs/2017/11/07/1565171
14. Istoriki pereosmyslivajut revoljuciju 1917 goda vo imja konsolidacii obshhestva [Jelektronnyj resurs]. – https://lenta.ru/articles/2015/05/28/revolution/
15. Kolpakidi A. «nemeckie den'gi-jeto dlja bydla». Chto sluchilos' v oktjabre 1917-go [Jelektronnyj resurs]. – http://sobesednik.ru/politika/20161107-nemeckie-dengi-eto-dlya-bydla-chto-sluchilos-v-oktyabre-1
16.Krasavickaja T. Imperskoe obshhezhitie. Pochemu nacional'nye problemy Rossii priveli k revoljucii 1917 goda [Jelektronnyj resurs]. – https://lenta.ru/articles/2016/04/24/imperial_society/
17.Lyskov D. Rossiju ozhidaet velikij jubilej, k kotoromu ona ne znaet kak otnositsja [Jelektronnyj resurs]. – http://vz.ru/politics/2016/1/6/786837.html
18. Malinova O. Obshhee proshloe: chto sluchilos' s Rossiej v 1917 godu [Jelektronnyj resurs]. – http://www.rbk.ru/opinions/society/06/11/2015/563c912d9a7947892041ff82
19. Mironov S. Oktjabr' 17-go: uroki bez zabvenija //Rossijskaja gazeta . – 2007. – 31 oktjabrja [Jelektronnyj resurs]. – https://rg.ru/2007/10/31/oktyabr-mironov.html
20. Medinskij nachal podgotovku k revoljucii. Minkul't predlagaet novoe osmyslenie revoljucii 1917-go goda [Jelektronnyj resurs]. – http://www/gazeta.ru/science/2015/05/20_a_6695345.shtml
21. Oktjabr' 1917-go: byla li «demokraticheskaja» al'ternativa? [Jelektronnyj resurs]. – http://topwar.ru/85998-oktyabr-1917-go-byla-li-demokraticheskaya-alternativa.html
22. Oktjabr'skaja revoljucija: zakonomernost' ili oshibka? [Jelektronnyj resurs]. – https://www.zubolom.ru/lectures/history2/34.shml
23. Oktjabr' 1917 goda [Jelektronnyj resurs]. – http:/biofile.ru/his/26623/html
24. Obrazy verhovnoj vlasti v revoljucii 1917 goda. Istorik Boris Kolonickij o nedovol'stve krest'jan, otnoshenii k imperatoru i neodnoznachnosti antimonarhicheskogo haraktera revoljucii [Jelektronnyj resurs]. – https://lenta.co
25. Oktjabr' 1917 goda: istoricheskaja katastrofa ili rozhdenie « novogo mira» [Jelektronnyj resurs]. – http://www.pskov-eparhia.ellink.ru/browse/show_news_type.php?r_id=3355
26. Oktjabr' 1917-go ne prishel neozhidanno. Beseda s Zurabom Chavchavadze [Jelektronnyj resurs]. – http://www.pravoslavie.ru/87444.html
27. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniju [Jelektronnyj resurs]. – http://www.kremlin.ru/events/president/nevs/53379
28.. «Rossija predstavljala soboj klubok protivorechij».Istoriki pereosmyslivajut revoljuciju 1917 goda vo imja konsolidacii obshhestva [Jelektronnyj resurs]. – https://lenta.ru/articles/2015/05/28/revolution/
29 .Rasporjazhenie Prezidenta Rossijskoj Federacii «O podgotovke i provedenii meroprijatij, posvjashhennyh 100-letiju revoljucii 1917 goda v Rossii» [Jelektronnyj resurs]. – http://publikation/pravo/gov.ru/Dokument/View/0001201612200017)
30. Samsonov A.Pogruzhenie. O prichinah gibeli imperii Romanovyh [Jelektronnyj resurs]. – https://topwar.ru/103095-pogruzhenie-o-prichinah-gibeli-imperii-romanovyh.html
31. Samsonov A. O prichinah gibeli imperii Romanovyh.Ch.2.//URL://https://topwar.ru/103521-o-prichinah-gibeli-imperii-romanovyh-

ch.html#; «Rossija predstavljala soboj klubok protivorechij». Istoriki pereosmyslivajut revoljuciju 1917 goda vo imja konsolidacii obshhestva [Jelektronnyj resurs]. – https://lenta.ru/articles/2015/05/28/revolution/
32. Samsonov A. Ukaz soch.; Samsonov A.Mif o tom, chto bol'sheviki razrushili carskuju Rossiju [Jelektronnyj resurs]. – https://topwar.ru/70129-mif-o-tom-chto-bolsheviki-razruchili-carskuyu-rossiyu.html
33. Samsonov A. Mif o tom, chto bol'sheviki razrushili carskuju Rossiju. Chast' 2 [Jelektronnyj resurs]. – https://topwar.ru/70211-mif-o-tom-chto-bolcheviki-razrushili-carskuyu-rossiyu-chast-2.html
34 Samsonov A. Bol'sheviki spasli russkuju civilizaciju [Jelektronnyj resurs]. – http://svistuno-sergey.narod.ru/news/bolcheviki_spasli_russkuju_civilisaziju_voennoe_obozrenie/2015-11-07-544
35.Samsonov A. V 1917 godu Rossijskuju imperiju razrushili liberaly i masony, a bol'neviki spasli russkuju civilizaciju [Jelektronnyj resurs]. - https:/topvar.ru/1429-v-1917-godu-rossiyskuju-imperiyu-razruchili-liberaly-i-masony-a-bolcheviki-spasli-russkyu-civilisaciyu-nachav–novyy-sozida…
36. Svanidze N.Sami pobediteli ponachalu tozhe nazyvali revoljuciju 1917 goda gosudarstvennym perevorotom [Jelektronnyj resurs]. – https://snob.ru/selected/entry/101439/page/1. cerkvi http://www/portal-credo.ru/site/?act+monitor&id+24384
37. Starcev V.I. Oktjabr' 1917-go: byla li al'ternativa? [Jelektronnyj resurs]. – http//www.promreview.net/moskva/oktyabr-1017-go-byla-li-alternativa?page=0,12;
38. Stremidolovskij S. 1917: vzlet i padenie Rossijskoj pravoslavnoj cerkvi [Jelektronnyj resurs]. - https://regnum.ru/news/society/2201756.html
39.Sluchevskij N. Net primirenija bez raskajanija. Pochemu sovremennuju rossijskuju jelitu nel'zja schitat' naslednicej istoricheskoj Rusi// Ogonek.-2017. – №2. – S.19 [Jelektronnyj resurs]. - http://www.kommersant.ru/doc/3187064
40. Cena i uroki Oktjabrja 1917//URL://http://www.svoboda.org/a/28101375.html Chubajs I. Katastrofa 1917 goda [Jelektronnyj resurs]. – http://elegantnewyork.com/revolution-1917-chubais/
41.Cvetkov V. «Sil'naja diktatorskaja vlast' byla vostrebovana». Kak chechency edva ge sdelali mjatezhnogo generala diktatorom Rossii [Jelektronnyj resurs]. – https://lenta.ru/articles/2016/08/06/lavr_kornilov/
42.Chubajs I. «Velikij Oktjabr'» ili russkaja katastrofa? [Jelektronnyj resurs]. – http://www.mk.ru/politics/2016/11/06/velikiy-oktyabr-ili-russkaya-katastrofa.html
43. Chubajs I. K 99-letiju russkoj katastrofy «Velikij Oktjabr'», itogi [Jelektronnyj resurs]. – http://www.//eho msk.ru/blog/i_chub/1869276-echo/.
44. Shevelev V.N. Vse moglo byt' inache. Al'ternativy v istorii Rossii. – M.,2009 [Jelektronnyj resurs]. – http://detectivebooks.ru/book/20432070/?page=22
45. Shelin S. Paradoksy revoljucii: bol'sheviki ne dolzhny byli pobedit'. Lenincy zadushili levyh konkurentov, a zatem razbili belyh, potomu chto men'she vseh sporili s narodnoj stihiej [Jelektronnyj resurs]. – http://www.rosbalt.ru/blogs/2017/01/05/1579385/html
46. Shelin S. Paradoksy revoljucii: perevorot s perepugu. Ponimanie, chto bol'shinstvo ne podderzhivaet ih utopiju, tolknulo bol'shevikov na novyj raund bor'by za vlast'[Jelektronnyj resurs]. – http://www.rosbalt.ru/blogs/2017/01/07/157942; 1/html

УДК 93+94 DOI: 10.24045/conf.2017.1.27

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ ПОСРЕДСТВЕННОСТИ

Шпаковский В.О.,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации»,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия

Аннотация. *В статье предпринята попытка рассмотреть Октябрьский переворот в России с точки зрения закона Парето и теории принуждения к труду. Делается вывод, что этот переворот был антирыночным, попыткой затормозить развитие страны на пути строительства рыночной экономики. Поддержала его масса населения, обладавшая низким уровнем социальной адаптации, то есть – посредственности, в интересах которых как большинства населения и вынуждены были действовать управленцы, пришедшие к власти в 1917 году.*

Ключевые слова: *революция, рыночная экономика, принуждение к труду, феодальные пережитки, закон Парето.*

COUNTER-REVOLUTION OF MEDIOCRITY

Shpakovsky V.O.,
Candidate Of historical sciences,
Associate professor of «Philosophy and social communication» department
Penza State University, Penza, Russian Federation

Abstract. The article attempts to consider the October revolution in Russia from the point of view of the Pareto law and the theory of coercion to work. It is concluded that this coup was anti-market, an attempt to slow down the development of the country on the road to building a market economy. It was supported by the mass of the population, which had a low level of social adaptation, the mediocrity, for which, as the majority of the population, the administrators who came to power in 1917 had to act.

Key words: revolution, market economy, forced labor, feudal vestiges, Pareto law.

Тема революции, той самой, которая многие годы именовалась у нас Великой Октябрьской социалистической революцией или «Великим Октябрём», что в сознании большинства людей превратилась в набор штампов или стереотипов, покушение на которые воспринимается, как разрушение основ. К тому же, многие люди в результате этого социального переворота получили множество вполне определённых благ и им совсем не хочется, чтобы их право на эти блага (равно как и права их детей!) были дезавуированы. Именно по этой же причине множество документов по Великой Отечественной войне засекречены вплоть до 2045 года, то есть времени, когда умрут все её непосредственные участники и правда о ней уже никого лично не заденет.

Впрочем, с революцией дело обстоит несколько иначе. Для того чтобы её рассматривать, достаточно достижений современной науки, вернее наук, ну, а архивы уже практически и не требуются. Но вот начать детальное изучение этого явления следует всё-таки не с научных теорий, а с художественной

литературы, взятый пример из которой объясняет очень многое лучше психологии, социологии и экономики. Что это за пример? Отрывок из романа Джорджа Оруэлла «1984», причём отрывок очень и очень показательный: «На протяжении всей зафиксированной истории и, по-видимому, с конца неолита в мире были люди трёх сортов: высшие, средние и низшие. Группы подразделялись самыми разными способами, носили всевозможные наименования, их численные пропорции, а также взаимные отношения от века к веку менялись; но неизменной оставалась фундаментальная структура общества. Даже после колоссальных потрясений и необратимых, казалось бы, перемен структура эта восстанавливалась, подобно тому как восстанавливает своё положение гироскоп, куда бы его ни толкнули. Цели этих трёх групп совершенно несовместимы. Цель высших – остаться там, где они есть. Цель средних – поменяться местами с высшими; цель низших – когда у них есть цель, ибо для низших то и характерно, что они задавлены тяжким трудом и лишь от случая к случаю направляют взгляд за пределы повседневной жизни, – отменить все различия и создать общество, где все люди должны быть равны. Таким образом, на протяжении всей истории вновь и вновь вспыхивает борьба, в общих чертах всегда одинаковая. Долгое время высшие как будто бы прочно удерживают власть, но рано или поздно наступает момент, когда они теряют либо веру в себя, либо способность управлять эффективно, либо и то и другое. Тогда их свергают средние, которые привлекли низших на свою сторону тем, что разыгрывали роль борцов за свободу и справедливость. Достигнув своей цели, они сталкивают низших в прежнее рабское положение и сами становятся высшими. Тем временем новые средние отслаиваются от одной из двух других групп или от обеих, и борьба начинается сызнова. Из трёх групп только низшим никогда не удаётся достичь своих целей, даже на время. Было бы преувеличением сказать, что история не сопровождалась материальным прогрессом» [4]. То, что это так оно и есть, вряд ли стоит доказывать: на этом зиждется история всех революций, потрясавших человеческое общество.

Теперь, однако, прежде чем идти , рассмотрим то, каким образом люди на планете Земля включались в трудовую деятельность. Раньше считалось, что в зависимости от форм собственности у людей было первобытно-общинное общество, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое и… вершина социального прогресса – социализм, первая фаза коммунизма. Однако, понятие собственности весьма эфемерно. Так, в эпоху рабовладения было множество свободных и полусвободных крестьян, а при феодализме и капитализме – самые настоящие рабы! Значит дело не в этом, а… в отношении людей к труду. Если же мы посмотрим на историю человечества под этим углом, то станет очевидно – существовали всего три эпохи: эпоха естественного принуждения к труду, когда трудиться человека заставляла сама жизнь, эпоха внеэкономического принуждения к труду, когда человека (раба или крепостного) заставляли трудиться, применяя к нему насилие, и, наконец – эпоха экономического принуждения, когда человек может даже в принципе не работать и жить, но жить не очень хорошо. А для того, чтобы «жить хорошо» ему приходиться продавать свою способность к труду на рынке. То есть система

внеэкономического принуждения это… да-да, система рыночных механизмов управления экономикой, хорошо нам всем сегодня известная.

Адепты «Великого Октября» неустанно твердили, что революция освободила народные массы России от феодальных пережитков в виде царского самодержавия и помещичьего землевладения, и это действительно так. Но от всех ли пережитков внеэкономического принуждения к труду она его освободила? Если посмотреть внимательно, окажется, что таковых пережитков осталось предостаточно.

Начнём с того, что главным достижением большевистского переворота называют отмену помещичьей собственности. Но почитайте декрет! Полученную землю нельзя было продавать, дарить, обменивать, и даже обрабатывать наёмным трудом! То есть земля была выведена из сферы рыночных отношений, а это уровень экономики Древнего Египта, когда вся земля египтян точно также принадлежала государству, а крестьяне её всего лишь имели право обрабатывать. Правда, данная акция тут же была прикрыта красивой левой фразой о том, что земля теперь общая. Но общая – это значит… ничья. О чём, кстати, очень хорошо написал в своё время В. Маяковский [3]: «Можно быть разорванным бомбищей, можно умереть за землю за свою, но как умирать за общую?» (хотя дальше-то будет уже не сомнение, а панегирик победившей красной власти!).

А теперь о выгодах данного декрета… Беднякам он, по сути, ничего не дал, им не земля нужна была, а скот, орудия труда и… лечение от поголовного пьянства «от горя». Кулаки жили не с земли, а обирая односельчан. И только середнякам революция дала желаемое. Им не хватало земли, им было чем её обработать, вот почему именно они ее и поддержали на первых порах. Данное расслоение очень хорошо показал В.И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России», написанной им еще в 1899 году [2], и оно таковым и оставалось вплоть до весны 1918 года. Тогда нужду бедняков удовлетворили за счёт кулаков, то есть сельской буржуазии, но что же тогда получилось в итоге всех пертурбаций Гражданской войны? Опять разрешили батрачество, в дополнение к середнякам вновь появились кулаки и бедняки, то есть три группы: высших средних и низших, которые никакая революция истребить не может.

Ну, а теперь о целях развития человеческой цивилизации… Они таковы: за счёт развития средств производства уничтожить крестьянство как класс, так как крестьянин по своей натуре не рыночник. Он производит в основном для себя, а продаёт лишь немногое, то есть прокормить растущее население планеты он не может. Может лишь наёмный сельскохозяйственный рабочий, которому лично ничего не принадлежит.

Да, но что теперь получилось в России? А там после 1917 года образовался общинный строй, лишённый рыночных земельных отношений, то есть был сделан шаг назад в экономических отношениях между людьми. Страх перед рынком и желание привлечь на свою сторону массы отсталого крестьянства привели к тому, что Ленин даже пожертвовал большевистской программой муниципализации земли, взяв за основу эсеровский план

(вполне крестьянам понятный – «всё забрать и разделить!»), который сам же в своё время и критиковал. То есть полуфеодальные порядки, как это ни удивительно, в СССР сохранялись, а после 1929 года они укрепились ещё больше. Тогда интенсифицировать труд крестьян удалось введением колхозной системы, но это уже вообще был не рынок, а исключительно внеэкономическая система принуждения к труду, дополненная ещё и людоедским лозунгом: «Кто не работает, тот не ест!»

Однако для того, чтобы обеспечить поддержку своим начинаниям «средние», свергнувшие власть «старых высших» и сами ставшие «высшими», должны были «низшим» что-то ведь дать, и они дали им то, что эти самые «низшие» очень даже хорошо понимали: уравниловку в сфере потребления и уравниловку в сфере труда. Опять-таки всё это прикрывалось множеством красивых фраз, но правда за ними была одна: посредственности имели определённый, гарантированный им уровень достатка, а вот тем, кто выбивался из общего уровня… повышенный достаток обеспечивался лишь в том случае, если они работали на общество, то есть опять-таки обеспечивали окружающую их посредственность, огромной средней массы… бывших крестьян, перекочевавших в города в процессе «декрестьянизации» советского общества. В 1925 году количество промышленных рабочих составляло 1,8 млн. человек. А уже в 1940-ом – 8,3 млн. Число женщин, занятых в промышленности, выросло с 28% в 1929 до 41% в 1940. Естественно, что такой рост мог осуществляться только за счёт миграции в города населения из сельской местности, приносившего в города свою культуру патерналистского толка и упрощённые взгляды на жизнь.

Однако и сам рост промышленности, благосостояния свободных граждан страны ведь также в значительной степени обеспечивался за счет уже совершенно рабского труда – труда подневольных узников ГУЛАГа. Сейчас за работу в северных условиях люди получают различные надбавки, более высокую зарплату. Тогда как заключённые сталинских лагерей добывали уголь, вольфрам и молибден в шахтах, валили лес в тайге и… получали лишь баланду и надежду хоть как-то выжить. Недаром серьёзные экономические проблемы у СССР начались именно с закрытием этой «производственной базы социализма».

Что же касается собственности, то к этому времени была практически вся сосредоточена в руках государства и управлялась армией назначавшихся им чиновников. То есть Россия перед лицом внешней (да и внутренней угрозы!) получила мобилизационный тип экономики, основанной на государственно-монополистической собственности, ограничении рыночных отношений и внеэкономическом принуждении к труду. Вот и получается, что по своим результатам «Октябрьский переворот» привёл к реставрации в стране дорыночных, феодальных отношений, прикрытых громкими левыми фразами о народовластии, социальной справедливости и социализме. Но ни одно предприятие собственностью его рабочих не являлось, они не выбирали его директора, не решали вопросов производства и заработной платы. Понятно, что государство не могло не стимулировать хороших работников, но оно

и не могло по-настоящему наказывать плохих – «братьев по классу». Работать по-настоящему хорошо особого смысла не имело, выше стандартного набора – квартира, дача, машина не мог «прыгнуть» даже сам Калашников, хотя его автомат и выпускался миллионными тиражами.

Между тем из «средних» стала выделяться новая «верхушка», которой хотелось большей свободы, большего благосостояния, а для этого – большей власти. Процесс этот объективен и его невозможно остановить, как невозможно остановить вращение «колеса истории». Избыток посредственностей во всех областях просто не мог дальше обеспечивать развитие государства и общества в условиях новых политических, экономических и технологических вызовов, что в итоге и привело к событиям 1991 года, которые были просто неизбежны, как неизбежна ситуация, когда в определённый момент «средние» обязательно смещают «высших».

К тому же следует всегда помнить о «законе Парето», согласно которому абсолютно всё и во Вселенной, и в социуме делится в пропорции 80 к 20. В соответствии с этим его положением 80% собственности всегда принадлежат 20% собственников. Меняется их социальная принадлежность, но сама пропорция никогда не изменяется. То есть 80% всегда обречены работать на эти двадцать, будь то крепостники-феодалы, капиталисты-магнаты или… вышедшие из рабоче-крестьянской массы «красные директора». То есть однозначно, что никакие резкие изменения общественного строя ни к чему позитивному не приведут и привести не могут. 80% собственности так или иначе всё равно останутся в руках 20% населения! Причина одна – это 80% недостаточно умны, недостаточно социализированы, образованы, то есть представляют собой всё ту же посредственность. Но если рыночная система опирается на 20% своего населения, то так называемый «советский строй» опирался на большинство – на 80% и потому с неизбежностью так или иначе был обречён на проигрыш. 80% сильны своей численностью, «давят массой», но 20% в любом случае своё рано или поздно наверстают… Наверстали они своё и в 1991 году…

Таким образом «Великий Октябрь» мы вполне можем по его последствиям охарактеризовать как антирыночный, и по своей сути полуфеодальный государственный переворот, вынужденно осуществлённый в интересах полуграмотной крестьянской массы России, которая же в итоге и пострадала от него больше всего! То есть с точки зрения того, что только рыночные отношения являются наиболее рациональными, мы видим, что от них в 1917-ом на целые 74 года был сделан шаг назад.

В своё время Ленин писал: «... Именно городские и вообще фабрично-заводские промышленные рабочие в состоянии руководить всей массой трудящихся...» как в революционном преобразовании общества, так и в созидании «... нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов» [1, с. 14]. Но никаким рабочим структуру «высшие», «средние» и «низшие» так и не удалось изменить, никакого «социализма» они построить так и не сумели, и в итоге развитие российского общества, несмотря на все пролитые потоки крови, возвратилось на круги своя –

к экономической системе принуждения к труду: хочешь работай, хочешь – нет, причём тот, кто умнее других, тот, чей труд более востребован, либо имеет большую социальную значимость, тот в результате и получает больше других.

Источники и литература:

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.39. – М.: Политиздат, 1971.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.3. – М.: Политиздат, 1971.
3. Маяковский В.В. Хорошо! // Полн. собр. соч. Т.8. - М.: Гослитиздат, 1958.
4. Оруэл Дж. 1984. Эссе разных лет. – М.: Прогресс, 1989.

Referenses

1. Lenin V. I. Poln. sobr. soch. T.39. – M.: Politizdat, 1971.
2. Lenin, V. I. Poln. sobr. soch. T.3. – M.: Politizdat, 1971.
3. Majakovskij V.V. Horosho! // Poln. sobr. soch. T.8. – M.: Goslitizdat, 1958.
4. Orujel Dzh. 1984. Jesse raznyh let. – M.: Progress, 1989.

УДК 93+94 DOI: 10.24045/conf.2017.1.28

О КАДРАХ, КОТОРЫЕ «РЕШАЛИ ВСЁ»

Тулузаков В.Ф.,
кандидат исторических наук, доцент,
Самара, Россия

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос об особенностях кадровой политики в СССР. Автор сравнивает кадровую политику В.И. Ленина и И.В. Сталина. Формирование кадрового управленческого состава автор анализирует с позиций процесса формирования политической элиты в государстве. Автор анализирует принципы сталинского подбора кадров и признаёт практичность сталинской кадровой политики, принимая во внимание дефицит кадров, необходимость их быстрого подбора и замещения. Основным недостатком сталинской кадровой политики автор считает догматичность и неизменность, что не соответствовало требованиям нового времени.*

Ключевые слова: *Сталин, Ленин, советская кадровая политика, дискуссии о революции, 1930-е годы, история СССР.*

ABOUT CADRES THAT «SOLVES EVERYTHING»

Tuluzakov V.F.,
Candidate Of historical sciences,
Associate professor,
Samara, Russian Federation

Abstract. The article discusses the peculiarities of personnel policy in the USSR. The author compares the personnel policies of V. I. Lenin and I. V. Stalin. Forming of managerial personnel, the author analyzes from the standpoint of the process of formation of political elite in the state. The author analyzes the principles of the Stalinist recruiting and recognizes the practicality of Stalin's personnel policy, taking into account the shortage of personnel, the need for quick selection and substitution. The main

disadvantage of Stalin's personnel policy, the author considers the dogmatism and conservatism that did not meet the requirements of the new time.

Key words: Stalin, Lenin, Soviet personnel policy, discussions on the revolution, the 1930-ies, the history of the Soviet Union.

Если когда-нибудь всё же будет написан путёвый учебник по российской истории, то хотелось, чтобы в нем были учтены четыре принципиальных положения. Во-первых, в нем не должна оспариваться истина Цицерона: «Первый закон истории – бояться какой бы то ни было лжи, а затем не бояться какой бы то ни было правды». Во-вторых, там должно быть учтено мнение Д. Дидро: «Величайшее недоразумение – это вдаваться в мораль, когда дело касается исторических фактов». Уточним: вдаваться в мораль полезно, лишь понимая, что у каждого народа, у каждого поколения, да и у каждого человека мораль своя. В третьих, надо согласиться с правотой А. Франса, утверждавшего: «Повествовательная (понимай: рассуждающая, аналитическая – В.Т.) история всегда страдает неточностью, но она есть портрет. Статистическая же история всегда будет лишь механическим оттиском». Наконец, в-четвёртых, нет смысла «бодаться» с выводом Оскара Уайльда: «Единственный наш долг перед историей – это постоянно её переписывать». Хотя в данном случае, конечно же, имеет место быть издёвка остроумного автора, но истина в его мнении (как указ на бесконечность нашего неуёмного познания) содержится тоже.

Все вышеназванные требования особенно важны для тех исторических тем, которые в обществознании, как говорится, «устоялись» и по этой причине кажутся не просто очевидными, но даже бесспорными. Например, рухнула в одночасье великая держава под названием Советский Союз. В чём причина? Кто виноват? Понятное дело: виноваты Горбачёв и Ельцин, вступившие в сговор с преступным Западом. Запад, впрочем, устами профессора Гарвардского университета Сергея Плохия [11, с. 15-17] с таким выводом категорически не согласен. По двум причинам. Во-первых, потому, что в планы Америки, по мнению автора, это не входило. А, во-вторых, потому, что Америка при всём своём желании просто не смогла бы это сделать. Более того, американец считает, что США очень хотели, но, увы, не смогли наш кризис предупредить. В своих рассуждениях автор ссылается на то, что кризиса, как такового, в середине 1980-х годов в СССР не было, а был инертный, привыкший к авторитарному режиму народ, и была 17-ти миллионная коммунистическая партия, нескромно и некстати провозгласившая себя «умом, честью и совестью нашей эпохи».

Что касается нашего многострадального народа, то на сегодняшний день имеется немало попыток охарактеризовать его, так сказать, с «высоты птичьего полета». В русле известного вывода А. Зиновьева: «Коммунизм есть социальная организация масс населения, а не просто политический режим… Он сложился в Советском Союзе не по марксистскому проекту и не по воле марксистских идеологов, а в силу объективных законов организации

больших масс населения в единый социальный механизм… Люди, строившие его, либо вообще не имели никакого понятия о марксизме, либо знали его весьма смутно и интерпретировали его на свой лад» [5, с. 229]. Доказательства своих алгебраических выводов наши философы (любомудры), как правило, оставляют историкам, которые должны архивными (арифметическими) примерами всё это подтверждать. Не просто, но судьба…

В данном случае остановимся на одном, но очень важном вопросе – кадровом. «Кадры решают всё», – сказал Сталин. Правильно сказал, но полезно добавить: «Подбор кадров решает всё!». Кадровая политика нигде и никогда не была делом простым. Тем более в России и особенно после революции. «Да здравствует диктатура пролетариата» – грозились советские газеты. Легко сказать. То, что рабочие охотно пошли в Советскую власть, доказать не сложно. Однако «диктатура пролетариата» по определению – это не только власть рабочих, но «власть в интересах рабочих». Что не одно и то же. Ещё Бакунин в своей книге «Государственность и анархия» глумился над Марксом, утверждая, что госслужащие, рекрутированные из тружеников, «лишь только они сделаются представителями или правителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на всех обыкновенных рабочих с высоты «государственной»: они будут представлять уже не народ, а себя и свои «притязания» на управление народом». Маркс в ответ обозвал своего оппонента «ослом», но опровергнуть его аргументацию достаточно аргументировано не смог [10, с. 616-617]. Да и о чём говорить, если по факту историческая правда оказалась не на стороне основоположника марксизма. Это легко подтвердить не только материалами работ М. Джиласа [3] и М. Восленского [1], не только рассуждениями философа А. Зиновьева [5, с. 80], но самой жизнью нашей страны. Как сказал один из персонажей фильма Марка Захарова «Тот самый Мюнхаузен»: «Это факт? Нет – это больше, чем факт. Так оно и было на самом деле»! Кто сейчас будет спорить с тем, что именно деградация политической элиты Советского Союза привела к кризису социалистической системы и краху великой державы? Деградация, имевшая, кстати, даже внешние признаки. Посмотрите на портреты революционных вождей. «Галерея каторжников», – утверждал в своих «Окаянных днях» Иван Бунин. Это он портреты сталинских кадров не видел…. Сопоставьте портреты Александра III, Столыпина, С.Ю. Витте, П.К. Победоносцева, А.И. Деникина с портретами Хрущева и Брежнева, Егора Гайдара или «гуру перестройки» А. Н. Яковлева. Сравните их не по заслугам, не по исторической роли, а, просто, по человеческому материалу (по «породе»). Вспомните здесь же косноязычие Брежнева, Горбачёва или стеклянный взгляд Ельцина и убедитесь.

Поэтому традиционные обвинения Сталина по поводу репрессий 1937 года можно сформулировать и не вполне традиционно. Допустим, например, что репрессированные в то время политики, действительно, были «врагами народа». По причине чего беспощадно, но справедливо сработала советская гильотина, расчистив не бывающее пустым место. Но для кого? Кто пришёл на смену политически нечестивым? Можно ли считать «друзьями народа», благополучно одолевших сталинский барьер генерала Власова,

Хрущева, Берию и тьму других, не менее замечательных «интеллектуалов». Ту тьму, из которой потом и вышла гвардия «перестройки»? Случайности в этом деле не было. Партийный «зубр» В.М. Молотов в своей беседе с Феликсом Чуевым, с нажимом и не без горечи был вынужден признать: «Хрущев не случаен». Добавим: и совсем не одинок. Таких, как Хрущев, в партийном руководстве оказалось большинство, и они своё антинародное дело довели до конца.

Предвидел ли такой поворот событий Сталин? Возможно. В частности, потому что, как говорится, не один год «сидел на кадрах» и знал всю подноготную советской кадровой политики. С истоков. С тех истоков, которые современные историки любят связывать с хлёсткой ленинской фразой из его письма А.М. Горькому от 15 сентября 1919 года. Помните: «Интеллектуальные силы» народа смешивать с «силами» буржуазных интеллигентов неправильно… Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и её пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно» [8, с. 48-49]. Фраза эта, действительно, принципиальная. Однако заметим, что относительно российской интеллигенции Ленин тогда ничего нового не сказал. Читайте сборник статей «Вехи», написанный в 1909 году. Там все эти ленинские выводы не просто названы, но и обоснованы.

Настораживает же в ленинском заключении иное. А именно: вывод, что «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут». Хотелось бы в это вслед за вождём пролетарской революции верить, но мешают некоторые факты. Во-первых, надо признать, что по своей объективной сути процесс формирования интеллектуальной элиты в любом государстве сложен, длителен и противоречив. Это дело не одного поколения. Во-вторых, поставить «на поток» процесс подготовки настоящих (а не просто дипломированных) интеллектуалов не получится. (При том допущении, что способные политики не обязательно должны быть высокоодарёнными интеллектуалами. Во всяком случае, по определению таких метров исторического цеха, как Клаузевиц, Вебер, Шпенглер и Стуруа).

Не будем утверждать, что большевики были всецело поглощены теоретическим аспектом этой проблемы. Они (в большинстве своём), обладали обыденным мышлением, знали жизнь и вполне понимали, что «не боги горшки обжигают». Авиаконструктор А. Яковлев так пересказал сталинскую сентенцию на этот счет: «Люди, в общем, везде одинаковые. Конечно, хорошо было бы всем дать хороших людей, но хороших мало, всех хорошими не сделаешь. Есть средние работники – их много, больше, чем хороших, а есть и плохие, плохие тоже бывают. Надо работать с теми, кто есть» [14, с. 280]. По этой и другими причинам в практике советского строительства сложился некий принцип «усреднённости» в подборе кадров. При том, что сразу оговоримся: «усреднённость» «усреднённости» рознь. «Усреднённость» по Ленину, Сталину или Троцкому – это, всё-таки, не одно и то же. Присовокупим и ту информацию, что при Ленине за границу ушёл знаменитый пароход с не принявшими революцию интеллектуалами. Однако, здесь

надо вспомнить и то, что Ленин в уже упомянутом письме Горькому не без гордости подчеркнул: ««Интеллектуальным силам», желающим нести науку народу (а не прислуживать капиталу), мы платим жалование выше среднего. Это факт. Мы их бережём. Это факт» [8, с.49]. Это правда, как и то, что при Ленине во время Гражданской войны в центральных и местных газетах откровенно и беспощадно разоблачали злоупотребления властью новоиспечённых советских работников. В самарской газете «Коммуна», например, имелась даже специальная рубрика «Недостатки механизма». При Сталине ситуация кардинально изменилась. Советское сразу стало самым лучшим, а так называемое «пролетарское происхождение» превратилось в решающее основание политической карьеры. Многих, очень многих советских политиков. К сожалению, далеко не всегда, самых что ни на есть лучших…

Здесь кстати уточнить: какой же стандарт (или идеал) существовал в подборе этих самых – «лучших». Лучших – по интеллектуальной составляющей, когда умеют выбирать из многих вариантов самый нужный? Вряд ли... Во времена Сталина таких, если и искали, но чаще аварийно, методом «тыка». Достаточно вспомнить чехарду с начальниками Генерального штаба в начале войны. Лучших – с точки зрения высоких нравственных качеств (честности, добросовестности, коллективизма)? Сомнительно, поскольку трудно совместить с вышеназванными свойствами широко распространённое в советском обществе сексотство и доносительство. (Плохо вяжется и с известным мордобоем маршала Жукова). Поэтому можно предположить, что лучшими по факту стали просто добросовестные исполнители. Не всегда лизоблюды, но лизоблюды тоже.

Здесь надо признать, что наш (русский) национальный характер, как и национальные характеры прочих наций, имел и имеет не только достоинства [13, с. 68]. В частности мы, русские, увы, нередко бываем неуживчивы [7], неорганизованны, излишне самонадеянны и злобивы. Да, порой бываем злобными и агрессивными. За примером далеко ходить не надо. Припомним известную народную забаву («кулачки», «стенка на стенку»), которая официально была запрещена ещё во времена Николая I, но которая благополучно дожила в русской деревне до начала двадцатого века. Более того, возродилась сейчас. Уже в городах. Когда я спросил активного участника нынешних массовых «ристалищ»: «Зачем вам всё это надо?», то получил ответ: «Чтобы пар вышел!» И добавил: «Ведь это же лучше, чем бить пенсионеров на остановках?» Честно скажу: не нашёлся, что ответить… Показательно, что у таких людей есть своя пусть убогая, но идеология, свой Идол. Это – главный герой фильмов Алексея Балабанова «Брат» и «Брат-2». Надо кстати признать: режиссёр Алексей Балабанов – великий национальный талант и народный художник.

Но вернемся к Советской власти и к Сталину. Будем честными: современного российского сталиниста вполне можно было бы определить так: «Это человек, который пока ещё никого не убил, но, в принципе, готов это сделать». Эти люди понимали и понимают Сталина «нутром». А Сталин понимал их и поэтому был вождём и вполне «всенародным» политиком,

что в нашей традиции. Современный публицист М. Кантор, комментируя строку из «Реквиема» Анны Ахматовой («Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был»), с иронией заметил: «Эту барскую фразу мог бы сказать Чаадаев, но никак не Толстой, не Чехов, не русская интеллигенция» [6, с. 355]. Монархическая народная традиция фактически питала харизму вождя, но она же, в конечном итоге, стала источником его поражения.

Благодаря мемуарам маршала авиации А. Голованова в историческую науку пришла фраза Сталина: «Я знаю что, когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову, но я уверен, что ветер истории всё это развеет». Воистину: если бы этой фразы не было, то её следовало бы выдумать. За неё сразу и с сакральным упоением ухватились нынешние последователи генералиссимуса. Те, которые не задумались (они, вообще, думать не любят – предпочитают верить) над вопросом: «А подними сейчас Сталина из могилы, и покажи ему современную Россию, повторил бы он эти слова?». Едва ли. По той простой причине, что был искренне предан коммунистической идее и сразу понял бы, что вместе с «ушатом грязи» его последователями была бесповоротно развеяна с таким трудом и с такими жертвами созданная великая социалистическая держава.

Следует ли из этого наблюдения вывод об обречённости (утопичности) социализма в нашей стране в принципе? Не забудем: в стране, одержавшей заслуженную великую победу в великой войне? Достаточных оснований для такого безусловного вывода нет. По двум причинам. Во-первых, потому, что, признавая практичность сталинской кадровой политики по принципу стремительного подбора и лёгкого замещения политических работников («незаменимых у нас нет»), нельзя допустить безусловную исключительность именно такого варианта. Дело в том, что в борьбе за политическое лидерство с оппозицией («ленинская партийная гвардия», Троцкий) Сталин, действительно, сделал ставку на политический плебс. (А на кого ещё было ему тогда делать ставку?). Но иной вариант был. Косвенное свидетельство чему – сохранившийся в партийной идеологии и общественном сознании ленинский образ работы с кадрами. (Хотя здесь, ведь, как: скажешь здесь вслед за Лениным хорошо о Троцком [9, с. 344] – угодишь в троцкисты). Поэтому зададимся таким вопросом: «Случись что со Сталиным в 1924 году, гибель революции была бы неизбежна»? Можно, разумеется, и так считать. Но можно считать иначе.

Во-вторых, сталинский метод подбора политических кадров был сугубо несовершенным из-за своей догматичности, неизменности. Он явно уступал в этой части (диалектического развития) ленинскому методу. Проще говоря, не только подходы к кадровым проблемам в большевистской партии у Ленина и Сталина были разными – мозги у вождей были другими. Что показательно: в исторической литературе иногда проскальзывает мысль, что Сталин якобы видел и даже называл у Ленина два политических недостатка: национал-либерализм и неопределённость со своим политическим наследником. Ленин, действительно, в своём так называемом «политическом завещании»

прямо своего наследника не назвал. Но о наследнике думал. И, что показательно, не только в узком (практическом), но и в общем (теоретическом) смысле. Отсюда неудивительно, что при Сталине «Письмо к съезду» было запрещено, а при Хрущеве и Брежневе его не изучали должным образом. Дело в том, что ленинские идеи явно не вписывались в шкалу провозглашенных идеологических ценностей. Судите сами. Фабула ленинского письма известна: грядёт конфликт между сторонниками Сталина и Троцкого (пролетарский вождь «как в воду смотрел»), предупредить который, по мнению Ленина, должно увеличение членов ЦК. Из числа рабочих. Но из числа каких рабочих? По Ленину: «Рабочие, входящие в ЦК, должны быть… преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу (к рабочим в этой части своего письма я отношу всюду и крестьян), потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться» [9, с. 348]. Оторопевших от такой оценки советской (коммунистической) кадровой политики соратников уходивший из жизни Ленин буквально «добивал» признанием: «Привлечение многих рабочих в ЦК будет помогать рабочим улучшить наш аппарат, который из рук вон плох. Он у нас, в сущности, унаследован от старого режима, ибо переделать его в такой короткий срок, особенно при войне, при голоде и т. п., было совершенно невозможно. …За пятилетие достаточно переделать аппарат вообще невозможно, в особенности при тех условиях, при которых происходила революция у нас... мы аппарат, в сущности, взяли старый от царя и от буржуазии и теперь с наступлением мира и обеспечением минимальной потребности от голода вся работа должна быть направлена на улучшение аппарата» [9]. Иначе говоря, речь у Ленина шла о санации советской и партийной политической системы через её демократизацию. Последователи этой рекомендацией пренебрегли (сработало известное корпоративное правило: «пусть худой, но свой»), в силу чего осложнения ждать себя не заставили. В середине 1930-х годов приглашённый в СССР французский писатель Андре Жид мрачно констатировал: «Снова общество начинает расслаиваться, снова образуются социальные группы, если уже не целые классы, образуется новая разновидность аристократии. Я не говорю об отличившихся благодаря заслугам или личным достоинствам, а об аристократии всегда правильно думающих конформистов. В следующем поколении эта аристократия станет денежной» [4], [12, с. 85]. Это мнение тоже проигнорировали, книгу положили в спецхран и постарались забыть. Зря: француз, увы, оказался пророком [2, с. 124]. Поэтому «крёстным отцом» «перестройки» стал, по большому счёту, не сын комбайнера, а сын сапожника. Исторический шанс создания надёжной, прочной, долговечной социалистической державы Сталиным был упущен. Думается мне, что не случайно. Как заметил один остряк: «Есть люди, которым можно дать и десятый шанс, а есть те, для кого и первый был лишним».

Источники и литература:

1. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. - М.: Октябрь, 1991.
2. Геллер М., Некрич А. История России. 1917-1995. В 4-х тт. Т.4. – М.: МИК, 1996.
3. Джилас М. Новый класс. – Нью-Йорк: Фредерик, 1961.
4. Жид А. Возвращение из СССР. –М.: 1937;
5. Зиновьев А.С. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. – М.: Центрполиграф, 1994.
6. Кантор М. Стратегия Левиафана. – М.: АСТ, 2014.
7. Куприн А.И. О русском народе // Советская Россия. – 1995. – 21 сентября.
8. Ленин В.И. Письмо А.М. Горькому от 15 сентября 1919 года //Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.51. – М.: Политиздат, 1978.
9. Ленин В.И. Письмо к съезду // Полн. собр. соч. Т. 45. – М: Политиздат 1975. Лимонов Э.В. Убийство часового. – М.: Молодая гвардия, 1993. – С. 13-14).
10. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. в 50 томах. Т. 18. - М. Политиздат, 1961.
11. Плохий С. Последняя империя. Падение Советского Союза. – М.: АСТ. 2016.
12. Фейхтвангер Л. Два взгляда из-за рубежа. – М.: Политиздат, 1990.
13. Шафаревич И.Р. Русский вопрос. – М.: Алгоритм, 2014.
14. Яковлев А. Цель жизни. Записки авиаконструктора. – М.: Политиздат. 1973.

References

1. Voslenskij M. Nomenklatura. Gospodstvujushhij klass Sovetskogo Sojuza. M.: Oktjabr', 1991.
2. Geller M., Nekrich A. Istorija Rossii. 1917-1995. V 4-h tt. T.4. – M.: MIK, 1996.
3. Dzhilas M. Novyj klass. – N'ju-Jork: Frederik, 1961.
4. Zhid A. Vozvrashhenie iz SSSR. –M.: 1937;
5. Zinov'ev A.S. Kommunizm kak real'nost'. Krizis kommunizma. – M.: Centrpoligraf, 1994.
6. Kantor M. Strategija Leviafana. – M.: AST, 2014.
7. Kuprin A.I. O russkom narode // Sovetskaja Rossija. – 1995. – 21 sentjabrja.
8. Lenin V.I. Pis'mo A.M. Gor'komu ot 15 sentjabrja 1919 goda //Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T.51. – M.: Politizdat, 1978.
9. Lenin V.I. Pis'mo k s#ezdu // Poln. sobr. soch. T. 45. – M: Politizdat 1975. Limonov Je.V. Ubijstvo chasovogo. – M.: Molodaja gvardija, 1993. – S. 13-14).
10. Marks K., Jengel's F. Sobr. soch. v 50 tomah. T. 18. – M. Politizdat, 1961.
11. Plohij S. Poslednjaja imperija. Padenie Sovetskogo Sojuza. – M.: AST. 2016.
12. Fejhtvanger L. Dva vzgljada iz-za rubezha. – M.: Politizdat, 1990.
13. Shafarevich I.R. Russkij vopros. – M.: Algoritm, 2014.
14. Jakovlev A. Cel' zhizni. Zapiski aviakonstruktora. – M.: Politizdat. 1973.

УДК 908 DOI: 10.24045/conf.2017.1.29

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРЕССА: ПУТЬ ДЛИНОЙ В СТОЛЕТИЕ

Малкина И.Г.,
учитель средней школы,
Пенза, Россия

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос о роли социалистической прессы в период с 1902 года по настоящее время. Автор рассматривает историю создания и популяризации советских газет на фоне государственного и партийного строительства в СССР. Основное внимание уделено развитию прессы в Пензе и Пензенской области. В статье приведены результаты проведенного автором исследования (опроса) по проблеме отношения населения к политическим статьям в оппозиционной прессе в современной России.*

Ключевые слова: *история прессы, советская пресса, Пензенская губернская пресса, Октябрьская революция, современная пресса, влияние газет на население.*

THE SOCIALIST PRESS: THE WAY LENGTH OF THE ONE CENTURY

Malkina I.G.,
High school teacher,
Penza, Russian Federation

Abstract. The article discusses the role of the socialist press during the period from 1902 to the present. The author examines the history of the creation and popularization of Soviet Newspapers on the background state and party building in the USSR. The focus is on the development of the press in Penza and Penza region. The article presents the results of the research (survey) on attitudes towards political articles in the opposition press in Russia.

Keywords: history of the press, the Soviet press, Penza provincial press, the October revolution, the modern press, the impact of Newspapers on the population.

Тема статьи вызвана желанием исследовать вопрос о том, какую роль играли газеты в начале эпохи становления Советской власти в стране, во все советские годы и сравнить с ролью газет в настоящее время.

Книги воспоминаний и архивы рассказывают о том, что в полуграмотной России начала XX века именно газеты поменяли сознание народных масс и сделали их огромной революционной силой. Первые номера «Искры» появились в Пензе в начале 1902 года. В это время в Пензе работало несколько нелегальных революционных кружков. Распространение газеты «Искра», листовок со статьями из неё связано с деятельностью группы «Друзья человечества», которая была прекращена весной 1902 года вследствие арестов: была обнаружена и расформирована тайная типография революционеров. В это же время из Самары и из Бакинской типографии шли большие потоки листовок. Пензенская группа РСДРП в 1905 году установила постоянные связи с Н. Новгородом, Москвой и Петербургом. Литература перепечатывалась и распространялась

в большом количестве. Революционный настрой масс возрастал, о чём говорили участившиеся забастовки, демонстрации, петиции с требованиями, митинги.

Период с 1907 года по 1912 год характерен репрессивными мерами против нарастающего революционного движения: образование специальных подразделений жандармерии, разгон демонстраций, аресты, суды, казнь группы Пчелинцева в Арбековском лесу Пензы. Несмотря на эти меры, остановить нарастающее недовольство масс уже не удавалось.

А в 1912 году начала выходить большевистская газета «Правда», которая вскоре начала поступать и в Пензу. Активным её распространителем был И.М. Русанов, сотрудник губернского земства. В революционном воспитании трудящихся масс городов и сёл Пензенской губернии она играла огромную роль. Дальнейшие годы характеризуются созданием различных партийных организаций, профессиональных союзов, демократического женского союза, ревкома железнодорожников.

В марте 1917 года образован Совет солдатских и офицерских депутатов Пензенского гарнизона. 10 марта 1917 года в городе состоялся митинг, на котором было постановлено создать Пензенский Совет рабочих депутатов. Вместе с этим начала издаваться газета «Известия Совета солдатских и офицерских депутатов Пензенского гарнизона», затем «Известия Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов» (29 марта 1917 года). Как и сами Советы, так и их газеты вскоре слились в один орган «Известия Совета рабочих, крестьянских и военных депутатов».

С 11 ноября 1917 года стала выпускаться большевистская газета «Голос правды». Именно она распространяла первые декреты Советской власти – «О мире», «О земле», а также решение II Всероссийского съезда Советов о переходе власти к Советам. В состав Советов входили многочисленные меньшевики, но после перевыборов новый состав Советов стал большевистским. В 1916–1917 годах в Пензе активно работает Василий Кураев, профессиональный революционер, арестованный в декабре 1915 года, а затем высланный из Петербурга в Пензу[16], [12], [1].

Именно он стал вскоре тем самым большевиком, который организовал установление Советской власти в Пензенской губернии и стал первым её руководителем. Практически на всех заводах и фабриках организованы профсоюзы и Советы, воссоздан Пензенский большевистский комитет (А. Марьин, Г. Файнберг, В. Алфёров, Г. Гринштейн, И. Чистяков). Оживилось забастовочное движение. Профсоюзы законодательным порядком добивались восьмичасового рабочего дня и удовлетворения других требований. В сентябре был создан отряд Красной гвардии. Солдаты гарнизона получали свою «Солдатскую правду» и номера большевистской газеты «Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов» (редколлегия: А. Марьин, Н. Росицкий, П. Кутузов, Г. Гринштейн). За время своего существования газета меняла названия: «Красное знамя», «Трудовая правда», «Рабочая Пенза», «Сталинское знамя», «Пензенская

правда». Газету читали тысячи граждан. В ней работали десятки замечательных журналистов, как известных, так и рядовых.

Яркая личность – Пётр Кутузов [14]. Он включился в революционную работу в качестве публициста. Нередко выступал перед рабочими и солдатами, остро и гневно разоблачал антинародную сущность политики местной администрации и Временного правительства, разъяснял позиции большевиков. Публикация в «Известиях» заканчивалась словами «…на нашу шею не сядут уже снова помещики, фабриканты и богачи». А когда в Пензу вернулся Василий Кураев, Пётр Кутузов стал одним из его соратников. Это был пламенный агитатор среди различных слоёв населения – солдат гарнизона, крестьян Нижнеломовского, Чембарского, Каменского и других районов. Пётр Кутузов был в рядах первых большевиков-пензенцев, которые объявили о переходе власти в Пензенской губернии к Советам. Это было 21 декабря 1917 года. В «Известиях» он стал заведовать отделами крестьянской жизни и телеграмм. Об этой газете пишет журнал «Работай и учись»: «В дни голода и лишений 1919–1920 годов она умела вселить в сердца уставших рабочих веру в победу над контрреволюцией, голодом и тифом, уверенность в своих силах, готовность к новым жертвам для достижения Победы. Несмотря на то, что газета выходила на жёлтой, даже серой обёрточной бумаге, набиралась сбитыми шрифтами и печаталась отвратительной дёгтеподобной краской, она сумела завоевать симпатии читателей, бодро и уверенно звала на борьбу с трудностями дня – голодом, холодом и вошью».

После I губернского съезда Советов началось активное строительство органов новой власти на местах. Нужна была газета, организующая эту работу, пропагандирующая позиции власти по всем жизненным вопросам. Такой газетой и стали «Известия». Старший брат из Кутузовых Александр по приезду сразу же принялся за газетные дела. Он координировал деятельность местных органов печати (газеты, журналы, листовки, брошюры, воззвания). Советы организовали Комиссариат по печати под начальством А. Кутузова: национализировали киоски, буржуазные и эсеровские газеты обложили налогом, продажа газет и журналов в губернии стала проходить под строжайшим контролем Пензенского Совета. В этом Комиссариате некоторое время работал писатель Александр Малышкин.

Кроме основных советских газет, в губернии выпускались и другие: «За освобождение мира» – для военнопленных, «Чешско-словенска Руда Армада» – для первого Чехословацкого революционного полка и др. Распределение печатных органов Советской власти в Пензенской области можно увидеть в таблице 1.

Таблица 1

Издания органов Советской власти (Пензенская область)

Органы губкома РСДРП - РКП(б)	Органы губисполкома	Органы РКСМ (для молодёжи, пионеров)	Прочие (губпросвет, совнарком, губземотдел)
«Голос правды», «Борьба», «Молот», «Красное знамя», «Новая деревня», «Сабанче», «Од веле»	«Пензенская беднота», «Клич», «Пензенская коммуна»	«Творцы грядущего», «Жизнь молодёжи», «На смену», «Знамя ленинца»	«Красный пахарь», «Пензенская экономическая жизнь», РОСТА, «Призыв к труду», «Жизнь», «За свободу»

Помимо указанных газет, издавались журналы, в том числе просветительского характера, и бюллетени [16], [14]. В настоящей статье не ставится цель перечислить все газеты местной печати того времени. Важно подчеркнуть следующее: газеты были нужны, они были агитаторами, пропагандистами идей, просветителями, информаторами, воспитателями масс. Если бы не приходили к гражданам простые по исполнению, но столь необходимые каждому газеты, Советская власть не смогла бы укрепиться на местах и победить.

Отдельно стоит сказать о молодёжной газете «Творцы грядущего» [12], [15]. Первый её номер вышел 8 мая 1920 года. «Мы на грани двух миров. Сзади – мир насилия и угнетения, мир закрепощённого труда, мир рабов и господ, мир нагайки и тюрьмы, мир голода, войны и нужды. Впереди – сияющий перед нашими глазами мир свободной, счастливой жизни, мир освобождённого труда, мир красоты, любви, товарищества! Нового мира ещё нет, он строится, он в будущем, в грядущем. Но это будущее сумеем построить таким, каким оно нам рисуется, – только мы, молодёжь… Мы борцы-созидатели, мы творцы нового, грядущего мира…». Таким предисловием начинало свою газету почти 100 лет назад поколение наших дедов и прадедов. Они отдали великому будущему силы своей юной души и разума. Вот имена членов первой редколлегии: Лиза Самарина, Ваня Малицкий, Костя Антонов.

Кроме основной молодёжной газеты, в губернских местных газетах были странички для молодёжи. В Чембаре (ныне г. Белинский – *авт.*) – своя газета «Красный коммунар» и рукописная газета «Юное слово». В те ранние годы число комсомольцев увеличилось всего за год с 2600 до 135 тысяч. И, конечно, газета для молодёжи «Средне-Волжский комсомолец», выпускавшаяся в бытность Пензы в составе Средне-Волжского края с центром в Самаре (1929-1935 гг.).

Впоследствии, спустя многие годы наша молодёжь будет читать газету «Молодой ленинец», которая также пронесёт замечательные идеи построения прекрасного будущего через десятилетия и воспитает миллионы юных граждан. И так было до 1991 года.

Из местных газет мир узнал о событиях белочешского мятежа в Пензе 28-31 мая 1918 года, ибо редакторы и журналисты сами были участниками боёв. В бою погиб брат Александра и Петра Кутузовых Георгий [14]. Об этих событиях рассказывал также писатель В.П. Ставский (Кирпичников).

Местные газеты – «Новая деревня», «Сталинское знамя», «Наш путь», «Заря коммунизма», «Знамя труда» и другие – также несли своё знамя пропаганды и просветительства.

В советские годы все пензенские газеты – как областные, так и районные – ярко освещали коллективизацию, стахановское движение, ход и итоги первых сталинских пятилеток, послевоенное возрождение, трудовые будни заводов, колхозов и просто жизнь граждан нашей области [9].

Огромную роль играли газеты в годы Великой Отечественной войны. Тогда, как писал Маяковский, «…к штыку приравняли перо». Об этой роли газет и тех людей, благодаря кому они выходили в самые тяжёлые годы, можно сказать словами самих журналистов: «Часто материал для номера собирали во время боя… пробираясь по узеньким ходам сообщения, военные корреспонденты записывали в свои блокноты боевую хронику дня. Они наблюдали из окопа за атакой. Им случалось брать интервью, сидя в щелях во время налётов авиации» [7].

«Погиб журналист в многодневном бою/ От Буга в пути к Приднестровью, / Послал перед смертью в газету свою/ Статью, обагрённую кровью».

Михаил Сувинский

«Но вышли без задержки наутро, как всегда,
«Известия» и «Правда», и «Красная звезда».

Константин Симонов, Алексей Сурков

«Мы «Войну и мир» не напишем, нет,/ Хоть записок у нас гора.
Но не обойтись ни одной из газет/ Без нас, рядовых пера».

Анатолий Чивилихин

Тринадцатилетний Валерий Волков выпускал рукописную «Окопную правду». Это был боевой листок. Он погиб в боях за Севастополь, выпустив одиннадцать номеров газеты. Владимир Омельянюк выпускал в тылу врага, в Могилёве, листовки и газету «Звезда».

Под постоянным прицелом врага, на пятачке земли на берегу Цемесской бухты, где оборонялись от фашистов несколько десятков десантников и высадившихся там партизан, шла обычная фронтовая жизнь. [7], [4]. Выходившие газеты давали бойцам не только информацию, они создавали иллюзию привычной жизни и привычных действий, поэтому их всегда ждали. Л.И. Брежнев в «Малой земле» также уделяет внимание роли газет для поднятия духа воинов. Читаем: «…Может создаться впечатление, будто тысячи людей на плацдарме жили только атаками, бомбёжками, рукопашными схватками. Нет, за долгое время тут утвердилась жизнь, в которой было место всему, чем обычно живёт человек. Читали и выпускали газеты, проводили партийные собрания, справляли праздники, слушали лекции. Затеяли даже шахматный турнир» [4]. Эти газеты в военном Новороссийске редактировал командир

Цезарь Куников, а выпускали простые бойцы, в числе которых была даже девушка, имя которой Мария Педенко. Кроме того, была армейская газета «Знамя Родины», которая тоже доставлялась на Малую землю. «Как важно было для солдат меткое слово, сказанное своим, доморощенным поэтом, или рисунок в скромном боевом листке. Потому что это слово, этот рисунок были обращены непосредственно к ним», – писал Брежнев [4].

Примером мужества и героизма стала деятельность корреспондента «Красной звезды», поэта Мусы Джалиля. В условиях концлагеря он организовал партийную ячейку, работа которой заключалась в убеждении татарских военнопленных, которых готовили к разведке в нашем тылу, не предавать свою Родину. «Есть жизнь после смерти, в сознании, в памяти народа. Если я при жизни делал что-то важное, бессмертное, то этим я заслужил ту, другую жизнь после смерти… В этом и заключается цель жизни: жить так, чтобы и после смерти не умирать», - в этом Муса Джалиль видел смысл человеческой жизни [7].

В послевоенное время советская центральная и районная пресса писала о людях труда – передовиках и рядовых работниках. Но не забывали и об истории. Так, к 60-летию Великого Октября газета «Красное знамя» – орган Каменского горкома КПСС, городского и районного Советов Народных Депутатов Пензенской области – напечатала исторические материалы об установлении Советской власти в Каменском районе (автор В. Новожёнов).

Кроме того, выходил вкладыш «Каменка и район за 60 лет». В нём освещались история возникновения и развития, победы и трудности, настоящее время и перспективы жизни социалистической Каменки. В газете опубликованы ценнейшие документы и фотографии, в чём состоит ценность газеты как просветителя, пропагандиста и воспитателя [2]. Сейчас материалы и весь настрой сегодняшней «Каменской нови» не несут таких функций. Это простой информатор, преподносящий жизнь района в излишне и даже в непристойно радужном свете. А в реальности в районе масса проблем – безработица, бездорожье, преступность и беспробудное пьянство.

Такова же история и других газет, впрочем, не только пензенских: я пересмотрела массу местных газет Ульяновской области, о чём писала в публикации 2009 года, и там картина такая же [11]. Местные газеты имеют безобразную практику насильственной подписки некоторых категорий граждан, например учителей, на газету с обязательной отчётностью перед администрацией района. Такая практика существует в Пензенском, Городищенском, а также в Мокшанском районах.

О том, как поменяли ориентацию местные газеты, красноречиво говорит освещение избирательных кампаний. 3 марта 1984 года газета «Знамя труда» писала: «подлинно народный состав Верховного Совета СССР позволяет ему наиболее полно учесть и реализовать волю и интересы, коллективный опыт и знания трудящихся, успешно решать важнейшие вопросы жизни Советского государства» [1]. Здесь же напечатаны стихи о коммунистах, о Родине:

На силу – огнём и калёным железом,
На стойкость – тоской от потерь и утрат,
На мужество – подлым кулацким обрезом,
На веру – великой из жизненной правд.

А сейчас – загодя, когда ещё не объявлена избирательная кампания, газеты уже спешат отчитаться перед «господами» бравыми репортажами, о том, как проходит «праймериз» «Единой России». Неприкрытая подобострастность к «Единой России» не просто очевидна, но и отвращает. Некоторые статьи о советском времени вообще написаны в стиле пасквиля.

Совершенно не нужно было заставлять подписываться на газеты в советское время, ибо граждане активно подписывались на них сами. В обычный набор газет, на которые подписывались жители, входили газеты «Правда», «Известия», «Сельская жизнь». Кроме них, чаще всего выписывали районную газету «Знамя труда» и несколько журналов: «Техника молодёжи», «Знание – сила», «Советский экран», «Крестьянка» и «Крокодил». Большой популярностью пользовался научно-популярный журнал «Наука и жизнь». В большом количестве газеты и журналы выписывали и сельские библиотеки. Если говорилось, что страна была самой читающей в мире, то это была чистая правда. Вместо «желтизны» – познавательная информация, вместо репортажей о церковных событиях – воспитательные статьи, для развития – шахматные этюды, вместо материалов о жизни так называемых «звёзд» – очерки о тружениках села. Между теми и нынешними газетами пролегла огромная разница.

Практика является критерием истины. А именно практика показала, насколько выше стоит социализм по отношению к капитализму. Обидно, что есть люди, обманувшиеся пропагандой буржуазных газет, считающие строительство социализма в СССР обманом или миражом. Такое мнение – незнание законов диалектики. В падении СССР значительную роль сыграли многочисленные факторы. Среди них, по нашему мнению, в качестве основных можно выделить, в том числе, предательство М. Горбачёва и Б. Ельцина, вмешательство империалистических кругов во внутренние дела страны, озлобленность народных масс на пустые прилавки.

Немаловажным фактором стала информационная пропаганда, развёрнутая в СМИ по разоблачению советских коррумпированных чиновников и их привилегий. Именно здесь особо старались средства массовой информации. В газетах повсеместно печатались материалы о расследованиях секретных материалов, разоблачениях и судебных процессах. Разоблачители, подобные Гдляну и Иванову (речь идет о расследовании серии уголовных дел об экономических и коррупционных злоупотреблениях конца 1970–начала 1980 годов), действовали с большим размахом.

Коренное изменение газет, как можно заметить, началось с 1987 года. Именно тогда социализм начали сравнивать, даже ставить на одну доску с фашизмом; Сталина сравнивать с Гитлером; появилось и активно внедрялось в массовое сознание непонятное слово «тоталитаризм». Приземление «сессны» на Красной площади (1987 год: на Красной площади совершил

посадку легкомоторный самолёт, пилотируемый немецким юношей Матиасом Рустом), было описано в «Московских новостях» и подано как позор советских ПВО, как предвестник конца социалистического режима в СССР.

Об изменении общей направленности СМИ в сторону антисоветской пропаганды говорят публикации в прессе в переломный и очень трагический момент: освещение событий 3–4 октября 1993 года. Анализируя и сравнивая наиболее популярные среди населения газеты – «Сельская жизнь», «Известия», «Правда» – за период сентября-октября 1993 года (до и после расстрела «Белого дома») можно заметить их различия и особенности в подаче информации, что, безусловно, оказывало серьезное влияние на колебания общественного мнения и настроения граждан.

Газета «Сельская жизнь», выходящая практически миллионным тиражом, во время событий 3–4 октября 1993 года вела хронику событий, печатала репортажи из регионов, выражающие сочувствие и тревогу, публиковала решение Конституционного суда о действиях и решениях Б. Ельцина, не соответствующих основному закону, писала о бедственном положении населения в регионах; значимыми можно назвать статьи «Руки прочь от Руцкого», «Мы на своей земле» Ю. Бондарева и др. Всё происходящее оценивалось как конституционный переворот. Общая тональность газеты и отношение к событиям редакции (гл. редактором был А. Харламов) выражено в опубликованном в газете стихотворении:

Не нужен нам бизнес ползучий
И сникерса приторный вкус,
Верните нам нашу Отчизну,
Верните нам прежнюю Русь.

Газета «Правда» в те же дни освещала ежечасное состояние конфликта в Москве. Страницы были не просто наполнены тревожными репортажами, а разъясняли суть происходящего определённым образом. Приведём заголовки газеты тех дней, все они «говорящие» и не нуждаются в комментариях: «Кремль освободился от власти закона», «Осторожно, двери закрываются. Следующая остановка – полицейское государство», «Первый снег в Москве пахнет черёмухой и кровью», «Спасибо, Боря, за всенародное горе», «Блицкриг с Россией не прошёл. Так же, как и в 1941» [3].

Совершенно иное отношение к событиям и, как следствие, иное освещение их предлагала газета «Известия» (гл. редактор Н. Голембиовский). Представление об общей тональности дают заголовки статей, публикуемых в этой газете. Приведём лишь некоторые из них: «Кремлёвские сидельцы», «Устранение тирании, преграждение путей террору не есть государственный переворот», «Советская власть так просто власть не отдаст», «Из-за бездействия властей в России мог победить фашизм», «Стоит ли властям превращать сидельцев Белого Дома в героев?». «Приумолкнем. Покаемся. И будем жить далее с надеждой и верой» и т.п. В репортажах из регионов прослеживается одобрение действий Б. Ельцина.

Неудивительно, что деятельность газеты «Сельская жизнь» в тех исторических условиях была приостановлена. И газета «Правда», как уже

неоднократно случалось в её истории, была закрыта. Вместе с ними по указу Б. Ельцина приостановлена деятельность газет: «Советская Россия», «День», «Рабочая трибуна», «Гласность», «Народная газета», «Русский порядок», «Русский вестник».

Но газета – это не просто листы бумаги, это люди, их мысли, их жизнь: журналисты, редакторы, распространители. В истории многих газет оставили о себе память много замечательных людей. Двое из них – Иван Бабушкин (1873–1906, газета «Искра») и Иван Воинов (1885–1917, газета «Правда») – погибли именно за свои газеты [10, с. 89-91; 79-83], [8].

Отдельно можно сказать и о, казалось бы, на первый взгляд незаметной деятельности – о распространителях газет. Но в постсоветский период, как и в дореволюционный, распространение оппозиционной прессы тоже требовало мужества и глубокой убеждённости в правоте своего дела. Их можно было встретить среди народа, на митингах и демонстрациях, на вокзалах, в пригородных поездах, в электричках, на остановочных платформах [17]. Они не только распространяли газеты, они беседовали с людьми, убеждая их в правоте идеалов своего поколения, сохраняя тем самым память о Советском Союзе. Много написано о насилии по отношению к оппозиционным журналистам и редакторам в нашем «правовом» государстве, но и распространители оппозиционной прессы подвергались насилию.

Говоря постоянно «за народ», «народ страдает», «народ бедствует», мы порой забываем, что сам народ в диалектике своей не пассивен, это не безмолвная жертва. Он живёт, приспосабливается, меняется. И активно воздействует на ход процессов самой истории. Вот результаты исследования (опроса), проведённого автором в апреле 2017 года по проблеме отношения населения к политическим статьям в оппозиционной прессе.

Опрос проводился среди различных социальных, профессиональных, возрастных групп (пенсионеры, рабочие, ИТР и служащие, жители села, студенты, участники общественно-политических движений («Движение в защиту детства»)). Всего опрошено 300 человек, что для регионального уровня является репрезентативным.

В количественном отношении мнение респондентов по вопросу о целесообразности существования газет и получения информации через них в эпоху телевидения и интернета представлено следующими цифрами. Наиболее политизированная часть опрошенных (100% участников общественно-политических движений) считают необходимым наличие газет и представляемой ими информации, несмотря на наличие телевидения и интернета. Менее всего смысла в чтении газет в настоящий момент видит самая молодая часть респондентов – студенты: среди них только 5% считают чтение газет необходимым, отдавая приоритет интернету и телевидению. Низок показатель сторонников получения информации из газет и среди рабочих – только 18% опрошенных в этой категории считают целесообразным чтение газет. 80% респондентов более старшего возраста, имеющих высшее образование (категории инженерно-технических работников и служащих) считают, что наличие интернета и телевидения не заменяет газет, они предпочитают получать

информацию и из газет. Немногим ниже этот же показатель среди пенсионеров и домохозяек (70%). Только 30% жителей села отдают приоритет получению информации через газеты, остальная часть предпочитает телевидение, реже – интернет.

В качественном отношении – что именно читают (серьёзные политические и экономические публикации – *авт*.) – получены следующие результаты: такого рода статьи читают больше всего ИТР и служащие (38%), рабочие (25 %), пенсионеры и домохозяйки (18 %), жители села (11%), студенты (8%).

При этом в ходе опроса настроение респондентов выражалось в следующих отзывах и репликах: «Правды нет», «Не интересно», «Там нечего читать», «Что там читать – одно враньё», «Читать некогда – телевизор смотрим». Сложно назвать результаты непредсказуемыми.

Отдельно стоит обратиться к отношению к оппозиционной прессе, которую нельзя приобрести в свободной продаже, которую не заказывают библиотеки. Такую прессу читает совсем ничтожный процент опрошенных. Данные представлены нами в таблице 2.

Таблица 2

Интерес к материалам оппозиционной прессы

Категория респондентов	**Всего респондентов (чел.)**	**Читают материалы оппозиционной прессы (чел.)**
Рабочие	50	9
ИТР и служащие	50	10
Пенсионеры и домохозяйки	50	8
Жители села	50	4
Студенты	50	6
Участники общественно-политического движения	50	50

Люди не просто сами не ищут и не покупают такую прессу, они даже отказываются брать её бесплатно. Показателен случай с бесплатным распространением газеты «Правда» (ст. «Сура», Рузаевка): железнодорожники отказывались брать газету («Я не читаю», «Ой, не надо», «Очки забыл», «Я не коммунист»). А между тем, стоит отметить, что именно железнодорожные рабочие помогали провозить революционные газеты на территорию России в начале века, а на станциях Московско-Казанской железной дороги в 1905 году хоть и не надолго, но железнодорожные рабочие взяли власть в свои руки (Рузаевская республика) [13].

Наиболее востребованными источниками информации в настоящий момент среди подавляющего числа населения являются интернет и телевидение.

И если с интернетом в плане его государственного регулирования и контроля за информационными потоками у правительства есть проблемы, его сложнее перенаправить в русло проправительственной пропаганды, он свободнее, то контроль за телевидением практически полный со стороны государства.

А именно телевидение сейчас является средством формирования политических взглядов, представлений, в конечном итоге – политического сознания населения. Оно же остаётся главным источником информации о политических событиях: 45% смотрят новости и аналитические передачи по ТВ регулярно, еще 47% – от случая к случаю. Примерно для половины населения страны телевидение является практически безальтернативным каналом получения политической информации: 46% «никогда или практически никогда» не читают новости в интернете, 52% не слушают новости и передачи о политике по радио, примерно столько же (58%) не читают газет и 80% не читают общественно-политических журналов. Наибольший охват аудитории среди российских СМИ, поставляющих информацию о происходящем в стране и мире, имеют четыре государственных телеканала («1 канал», «Россия-1», НТВ и «Россия-24»), что предсказуемо влияет на политическое сознание народа [5]. Более молодые респонденты шире используют для получения информации альтернативные источники. Но именно эта часть народа (молодёжь в возрасте от 18 до 30 лет) демонстрирует наибольшую отчуждённость от политического действия (около 60% не участвуют, например, в выборах), нигилизм, недоверие к власти [6].

Таким образом, в эпоху информационной революции газеты, как рупор оппозиционной прессы, актуальны для лишь небольшой части населения, которая интересуется политическими событиями и новостями. В целом же –принципиальное равнодушие общества к политическим событиям на федеральном и региональном уровне.

Вполне очевидно, что оппозиционной прессе, как и всем традиционным СМИ в целом, придётся в скором времени модернизироваться и искать более современные каналы взаимодействия со своей аудиторией и качественно другие формы воздействия на политическое сознание народа. При этом отметим, что именно коммунистическая пресса с модернизацией слишком затянула.

Источники и литература:

1. Знамя труда. – 1984. – 3 марта.
2. Красное знамя. – 1979. – Январь-декабрь. Бюллетень «Каменка и район за 60 лет».
3. Правда. – 1993. – Сентябрь – октябрь.
4. Брежнев Л.И. Малая земля. – М.: Политиздат, 1979.
5. Бушенева Ю. И. Социально-политические основания российского электорального абсентеизма. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – Т. 23. – № 32. – С. 45-51.
6. Баскакова Ю.М. Мы эту власть не выбирали: абсентеизм на выборах 2011-2012 гг. [Электронный ресурс]. - – http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2012/111/2012_111_01_Baskakova.pdf (Дата обращения 14.04.17)
7. В редакцию не вернулся…/ Под ред. Корзинкина П.Д. Сб. очерков в 3-х томах. – М.: Политиздат, 1972.
8. Иван Воинов [Электронный ресурс]. – http://pmnipro.ru/memorypage15178/biography (Дата обращения 5.05.17).

9. Каменская новь: история газеты [Электронный ресурс]. – http://novkamen.ru/doc-2.html (Дата обращения 4.06.17).
10. Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Тт.37, 20. – М.: Политиздат, 1971.
11. Малкина И.Г. Выступление на конференции по реформам образования в апреле 2009 года [Электронный ресурс]. – https://infourok.ru/user/malkina-irina-grigorevna/
12. Под знаменем партии: документальный очерк истории Пензенской комсомольской организации. – Саратов: Приволж. кн. изд-во (Пензен. отд-ние), 1976.
13. Рузаевская республика [Электронный ресурс]. – http://allencyclopedia.ru/66296 (Дата обращения 15.06.17).
14. Савин О. Братья Кутузовы. – Саратов: Приволж. кн. изд-во (Пензен. отд-ние), 1975.
15. Творцы грядущего/ Под ред. Сазонова А. – Саратов: Приволж. кн. изд-во (Пензен. отд-ние), 1968.
16. Факты, события, свершения: к 325-летию города Пензы/ авт.-сост. Т Артёмова, В. Годин, В. Озерская, С. Шишлов. – Саратов: Приволж. кн. изд-во (Пензен. отд-ние), 1988.
17. Яковлев В. Наша мать// За победу, товарищ. – 2007. – №4. – С. 2-3.

Referenses

1. Znamja truda. – 1984. – 3 marta.
2. Krasnoe znamja. – 1979. – Janvar'-dekabr'. Bjulleten' «Kamenka i rajon za 60 let».
3. Pravda. – 1993. – Sentjabr' – oktjabr'.
4. Brezhnev L.I. Malaja zemlja. – M.: Politizdat, 1979.
5. Busheneva Ju. I. Social'no-politicheskie osnovanija rossijskogo jelektoral'nogo absenteizma. // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. – 2007. – T. 23. – № 32. – S. 45-51.
6. Baskakova Ju.M. My jetu vlast' ne vybirali: absenteizm na vyborah 2011-2012 gg. [Jelektronnyj resurs]. - – http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2012/111/2012_111_01_Baskakova.pdf (Data obrashhenija 14.04.17)
7. V redakciju ne vernulsja…/ Pod red. Korzinkina P.D. Sb. ocherkov v 3-h tomah. – M.: Politizdat, 1972.
8. Ivan Voinov [Jelektronnyj resurs]. – http://pmnipro.ru/memorypage15178/biography (Data obrashhenija 5.05.17).
9. Kamenskaja nov': istorija gazety [Jelektronnyj resurs]. – http://novkamen.ru/doc-2.html (Data obrashhenija 4.06.17).
10. Lenin, V. I. Poln. sobr. soch. Tt.37, 20. – M.: Politizdat, 1971.
11. Malkina I.G. Vystuplenie na konferencii po reformam obrazovanija v aprele 2009 goda [Jelektronnyj resurs]. – https://infourok.ru/user/malkina-irina-grigorevna/
12. Pod znamenem partii: dokumental'nyj ocherk istorii Penzenskoj komsomol'skoj organizacii. – Saratov: Privolzh. kn. izd-vo (Penzen. otd-nie), 1976.
13. Ruzaevskaja respublika [Jelektronnyj resurs]. – http://allencyclopedia.ru/66296 (Data obrashhenija 15.06.17).
14. Savin O. Brat'ja Kutuzovy. – Saratov: Privolzh. kn. izd-vo (Penzen. otd-nie), 1975.
15. Tvorcy grjadushhego/ Pod red. Sazonova A. – Saratov: Privolzh. kn. izd-vo (Penzen. otd-nie), 1968.
16. Fakty, sobytija, svershenija: k 325-letiju goroda Penzy/ avt.-sost. T Artjomova, V. Godin, V. Ozerskaja, S. Shishlov. – Saratov: Privolzh. kn. izd-vo (Penzen. otd-nie), 1988.
17. Jakovlev V. Nasha mat'// Za pobedu, tovarishh. – 2007. – №4. – S. 2-3.

УДК 614.2 DOI: 10.24045/conf.2017.1.30

ОПЫТ СССР И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ

Пресняков К.А.,
врач-невропатолог, хирург,
психолог,
Пенза, Россия

Аннотация. *В статье автор рассматривает историю становления государственной системы здравоохранения в Советской России. В статье выявляются основные проблемы современной системы медицинского страхования в России. Автором проанализирована негативная роль фондов медицинского страхования как посредников между пациентом, больницей и государством. Автор констатирует увеличение доли платной медицины, снижение качества и доступности медицинской помощи, неэффективность расходования средств фондами обязательного медицинского страхования.*

Ключевые слова: *реформа здравоохранения, страховая медицина, медицинское страхование, финансирование здравоохранения, Октябрьская революция, бесплатная медицина.*

EXPERIENCE OF THE USSR AND PROBLEMS OF MODERN RUSSIAN MEDICAL INSURANCE

Presnyakov, K. A.
neurologist, surgeon,
psychologist,
Penza, Russian Federation

Abstract. In the article the author considers the history of the formation of the public health system in Soviet Russia. The article reveals the main problems of the modern system of medical insurance in Russia. The author analyzed the negative role of the Medical Insurance Funds as intermediaries between the patient, the hospital and the state. The author notes an increase in the share of paid medicine, a decrease in the quality and accessibility of medical care, inefficient spending of funds by the Mandatory Medical Insurance Funds.

Key words: Health care reform, insurance medicine, health insurance, health financing, The October Revolution, free medicine.

«Мы получили в наследство от самодержавия тяжёлый гнет разъедающих народный организм санитарных неблагополучий, равнодушно-лицемерную медицинскую бюрократию, бессильную земскую и городскую медицину, слабые ростки медицины рабочей и ясное сознание, что страна шаг за шагом неуклонно идёт к вырождению. Война, покрывающая Россию чёрными крыльями, приводит народные массы к последней черте физических и духовных страданий, исчерпав и так уж скудный остаток сил сопротивления», – писал З. П. Соловьев в одном из номеров газеты «Врачебная жизнь».

Дореволюционная медицина в Российской империи не представляла собой какой-либо системы. Выделялось несколько мало взаимодействующих между собой уровней: ведомственная, земская, городская государственная, фабричная медицина. Существовали также общественные объединения врачей, число которых постепенно увеличивалось с 60-х годов XIX века, а к октябрю 1917 года, по подсчётам исследователей, достигло 120. При этом в политическом отношении такие врачебные сообщества были ориентированы на социал-демократические ценности, но существовало и «левое крыло», куда входила малочисленная группа большевиков. Среди них и работал автор вышеприведённого высказывания З.П. Соловьев, участник Пироговского сообщества (наиболее представительного профессионального объединения врачей), будущий первый заместитель наркома здравоохранения.

В целом большевики не могли рассчитывать на массовую поддержку врачебного сообщества, однако в число первых декретов Советской власти входили декреты о социальном страховании, начала развиваться и расти страховая рабочая медицина (страховые кассы). По замечанию историка Рабиновича А.И., уже в 1919 году были сформированы фабричные лечебные учреждения, «построенные на новых началах и поставившие медицинскую помощь фабричным рабочим на небывалый до сего времени уровень». Постепенно начала выстраиваться система здравоохранения, несмотря на саботаж большевиков вообще и, врачей-большевиков в частности, со стороны Пироговского сообщества врачей, самого влиятельного из подобных объединений. Противостояли новой советской медицине и Союзы больничных касс (страховая медицина), наиболее влиятельными из которых были Московский и Петербургский. Ситуация осложнялась Гражданской войной и нарастающей эпидемией инфекционных заболеваний, что, конечно, требовало оперативного реагирования от Советской власти. Создание объединённого органа, который координировал бы медико-санитарное дело по всей стране, началось с создания Совета врачебных коллегий 24 января 1918 года.

11 июня 1918 года Совнарком утвердил проект создания Наркомздрава единогласно. Формирование единого управляющего органа здравоохранения – Наркомздрава – стало переломным моментом и в отношении врачей к Советской власти: врачи включались в работу в советских органах здравоохранения. Многие члены Пироговского общества, в том числе члены Правления, меняли свою позицию и переходили на сторону новой власти.

Была упразднена и страховая медицина – последний (IV) съезд Союза больничных касс проходил с 28 апреля по 2 мая 1919 года. Окончательным его решением стал роспуск самого союза.

На этом страховая медицина в Советском Союзе была упразднена. Позже, с переходом к НЭПу, снова появилась необходимость введения социального страхования и страховой медицины как его части, но это уже другая история.

За время существования Советского государства была создана самая прогрессивная для своего времени модель здравоохранения – модель Семашко, которая в кратчайшие сроки позволила справиться с такими проблемами,

как массовые эпидемии и инфекционные заболевания, отсутствие квалифицированных медицинских специалистов и качественных медикаментов.

И в 1978 году Всемирная организация здравоохранения признала систему здравоохранения в СССР, выстроенную коммунистической партией, самой эффективной в мире. И странам Запада, цивилизованным государствам, ВОЗ рекомендовала брать пример с СССР. И брали. В таких европейских странах, как Дания, Финляндия, Швеция, Испания, Греция, Великобритания, Ирландия, Португалия, в том или ином виде существует такая модель.

Остальные страны Европы используют систему обязательного медицинского страхования, такую, которую внедрили и в постсоветской России. Сразу стоит принять во внимание тот факт, что охват населения таким страхованием разный. Только в четырёх странах Европы застрахованы абсолютно все граждане (Франция, Бельгия, Люксембург и Италия). В остальных странах обладателями бесплатных страховок являются от 70 % населения (например, в Голландии) до 85% (Германия). В любом случае страховой медицинский полис могут позволить себе не все.

И вот после распада Советского Союза мы снова возвращаемся к дореволюционному уровню: к системе обязательного медицинского страхования. При этом отметим, что перенимая «передовой» европейский опыт, наше государство его финансово не обеспечивает: в Европе на здравоохранение тратят 7% ВВП, а у нас – меньше 3%.

Кто только сейчас не критикует реформированную демократами, неоднократно менявшими окраску и своё название с начала 1990-х годов, систему здравоохранения?! Что требовали реформаторы лучшей в мире системы здравоохранения!? Почему они вдруг в период перестройки требовали реформ системы здравоохранения, которую международное сообщество признало самой лучше в мире?!

Даже после 1991 года после принятия Закона РСФСР «О медицинском страховании граждан в РСФСР» полностью не было возможности сразу и масштабно изменить существовавшую систему государственного здравоохранения. Но вот после контрреволюционного переворота середины 1990-х темпы реформирования стали наращиваться. С 1995 года страховщикам запретили проводить операции добровольного медицинского страхования по договорам, предусматривающим возврат страхователю неизрасходованной на оплату лечения части страхового взноса по окончании срока страхования. Далее обратились к изменению системы подготовки кадров в медицинских вузах: убрали государственные экзамены на втором курсе, начали сокращать часы преподавания дисциплин, экзамены заменяли зачётами.

Всем памятны 1990-е годы, когда работающим людям не платили длительное время зарплату. Не стали исключением и медицинские работники. Если на заводах и фабриках деньги заменяли натуральным продуктом, то врачам никто продукты не выдавал. И такая противоестественная ситуация – нищета работающих – сохранялась в течение семи лет. До 2003 года. С начала XXI века столетней давности модель здравоохранения стала в России основной. При этом финансовое и материальное обеспечение медицины

всё ухудшалось: не закупалось медицинское оборудование, народ в больницы шёл со своими матрасами, одеялами, простынями, покупал 10 метров марли, бинты на операцию, лекарства для стационарного лечения, ремонтировал физиотерапевтические аппараты для своего лечения.

Основная установка нового демократического курса, сформированная в середине 1990-х, сохранилась в двухтысячных: деньги в здравоохранении (как и в образовании, пенсионном обеспечении и т.п. социально важных отраслях) – это чёрная дыра экономики. Нужно, чтобы граждане новой России сами платили за лечение. Ещё было далеко до системы автострахования, а граждане стали платить за своё лечение, за будущее лечение. Создалась система трёхзвенного финансирования системы здравоохранения: государство, местный бюджет и страховые компании. Но никто из этой троицы не собирался вкладываться в здравоохранение. Ни государство в лице «демократов», ни местный бюджет (у которого всё забирала Москва, а возвращать и не собиралась), ни фонды системы медицинского страхования.

Фонды медицинского страхования (ФОМС) – это частные предприятия, собирающие с официально работающих граждан и появляющихся коммерсантов налог в медицинскую страховую компанию, но не ставящие себе задачу инвестирования в здравоохранение. Каждый месяц с белой зарплаты работающего идут отчисления в ФОМС на случай заболевания и получения травмы. При этом заболевший и травмированный должен медицинскую услугу согласно «полису» здесь и сейчас получить. Такая уж специфика болезней и травм. Есть только несколько видов медицинской помощи, оставшейся вне ФОМС. Это психиатрическая услуга, онкологическая, противотуберкулёзная, экстренная медицинская помощь службы 03 и три дня в хирургическом отделении при экстренной операции – это всё государство оставило у себя. На это оно обязуется выделять средства. Всё остальное – по страховой категории.

Фактически ФОМС не являются страховщиками – это посредники (никакого риска у страховщиков нет, потому что своими деньгами они не рискуют). Страховой принцип сейчас – риск заплатить деньги за медицинскую помощь – несёт на себе государство. Оно собирает деньги с тех, кто может платить, и платит за тех, кто болеет: здоровый платит за больного. И у государства есть риск – денег может не хватить. Если бы наше государство, декларирующее свою «социальную ориентированность», представляло собой настоящего «страховщика», оно могло бы в случае нехватки основных средств дополнить их ещё и дополнительными, покрыв страховые риски (рисковая модель). Но государство этого не делает, а вместо этого, когда денег не хватает, риски эти становятся не государственными. У государства денег на пациентов нет, поэтому риски здравоохранения становятся частными: пациент либо не получает необходимой помощи, если она не оплачена, либо платит за неё сам (а не ФОМС, деньги им не тратятся).

Ключевая проблема здесь, на наш взгляд, состоит в том, что большинство стран шло (и идёт) по пути создания системы здравоохранения, в которую в систему социальных гарантий государства встроены медики.

Современная Россия пытается решить противоположную задачу – трансформировать административный рынок советского здравоохранения в современный страховой бизнес. Так между государственным бюджетом и государственными учреждениями здравоохранения возникла частная прослойка страховых компаний. Но вот здесь и возникает конфликтный треугольник: больница, пациент, ФОМС.

Чем меньше работающий застрахованный человек будет обращаться в поликлинику, тем больше останется денег в этом фонде; чем больше больница будет назначать видов лечения пациенту, тем меньше останется денег в ФОМС.

А теперь перейдем к экономике. Теперь каждая поликлиника обязана делать расчёт стоимости посещения врача каждым пациентом. При грубом округлении стоимость одного посещения врача пациентом составит 350 рублей. При этом в среднем врач должен принять за один рабочий день 12 – 15 человек, зарабатывая в среднем от 4.200 до 5.200 рублей (350 х12-15). То есть эту сумму за один день на одного врача ФОМС должен перечислить поликлинике. Если там 10 врачей принимает в день 4,200 – 5,250 х10 = 42,200 - 52,500 рублей. А в месяц, например 25 дней, 1 312 500 рублей в месяц. То есть миллион рублей ФОМС должен перечислить в поликлинику!

Деньги приносит в поликлинику только врач, а не медсестра, не санитарка, не главный врач. А рядовой врач, ведущий приём пациентов.

Что нужно ФОМС? Правильно. ЧТОБЫ В ПОЛИКЛИНИКЕ НЕ БЫЛО ВРАЧА. Нет врача, не надо перечислять денег в поликлинику. А деньги всё равно идут в ФОМС.

Что надо, что не было врача в поликлинике? А) Что бы главный врач и министр здравоохранения не принимали врача на работу. Б) Платить врачу такую зарплату, чтобы он сам ушёл из поликлиники.

Как это сделать? Презентом в виде премии. Кому? Тому, кто решает кадровые вопросы. Значит, нужно собрать все больницы и поликлиники под одним руководством. Если десять самостоятельных в кадровом отношении больниц, то презенты нужно десятерым главврачам и министру делать. А если оставить одного главврача и одного министра? То всего лишь двум «благополучателям».

Хорошо! Замечательно. Но финансы все равно каждый день идут в ФОМС, и они остаются невостребованными.

Уточним: приём и лечение у узкого специалиста (ЛОР, окулист, травматолог, уролог, гинеколог, стоматолог, эндоскопист и пр.) стоят больше. Значит, их нужно убрать в первую очередь. И оставить врача общей практики, который должен заменить 15 специалистов одновременно! Вот если он будет в день принимать столько, сколько выше перечисленные плюс как физиотерапевт, невролог, инфекционист, то это же значительно удешевит стоимость оказания медицинских услуг для ФОМС и государства. Но…сколько он может обслужить человек и как? Качество оказания медицинских услуг? Ответ, к сожалению, совершенно очевиден.

Теперь перейдем к стационарной медицине. В стационаре идёт оплата не врача, а койкоместа. Каковы действия для оптимизации расходов? Правильно. Нужно сокращать койки, то есть их оптимизировать. Что мы и видим. Количество коек в городе Пензе приблизилось к уровню 1955 года. Но сколько в 1955 году было жителей в Пензе! И сколько к 1990 году? Границы городов, например Пензы, увеличились в пять раз. Как и Кузнецка, как и Сердобска,… количество жителей возросло. Нет коек, нет врача в стационаре. Например, количество коек 10 в стационаре больницы, врач уходит в отпуск, врач простудился и заболел гриппом, ушёл на больничный. Он единственный врач данного профиля! Значит, нужно всех больных выписать, и на время отпуска отделение закрывается. Сколько денег сэкономит ФОМС? Несколько десятков миллионов.

Все говорят: нужно жить в правовом поле. Да, правильно. Значит за уменьшение объемов и несвоевременное предоставление медицинской помощи нужно претензии предъявлять в правовом поле: гражданское общество, как известно, недоразвитое в нашей стране должно объединиться хотя бы по такому в прямом смысле жизненно важному вопросу, как контроль над системой здравоохранения.

Только после этого у нас сдвинется что-то в качестве оказания медицинских услуг. За медицинскую услугу каждый официально работающий человек ежемесячно платит из своей «белой» зарплаты в страховой фонд, и он вправе требовать согласно полису качественной и своевременной медицинской помощи.

А пока результаты развития страховой медицины малоудовлетворительны. По результатам анализа Счётной палаты, на 2016 год система обязательного медстрахования потеряла на работе страховщиков 30,5 млрд. руб. с учётом взысканий с клиник и расходов на делопроизводство. Страховые компании, обходящиеся системе в 25 млрд. руб., во многом дублируют функции территориальных фондов ОМС, но не выполняют в полном объёме своих обязательств, треть их имеет признаки финансовой неустойчивости. 25,4 млрд. руб. пошло на ведение дел; 4,45 млрд. руб.– это причитающаяся страховым организациям часть штрафов (в 2016 году – от 15% до 25% штрафов, наложенных на медучреждения). Наконец, 0,6 млрд. руб. составляют бонусы от экономии целевых средств в системе ОМС, а ведь целевые средства на 8,5 млрд. руб., по данным Счётной палаты, просто не были израсходованы в системе ОМС в 2015 году, страховщики 4,5 млрд. руб. обратили в свой доход, а 4 млрд. руб. вернули в систему.

Проблема озвученной неэффективности состоит, скорее в том, что нынешняя крайне неясная роль страховщиков в здравоохранении делает их работу малоосмысленной и не влияющей на работу всей системы, но усложняющей работу медиков в целом (так, 43% нарушений приходится на неправильное оформление медицинской документации). Исследование Счётной палаты лишь показывает, как разнообразно страховые компании выполняют неуместную роль в нестраховом по факту здравоохранении.

В итоге, как вывод из сказанного, приведём верное, на наш взгляд, высказывание президента Лиги защитников пациентов А. Саверского: «Ведь возврат к рисковому частному страхованию – это возврат на сто-двести лет назад, когда в Европе и США страховые компании набирали силу, но сейчас основные страны склоняются к бюджетному финансированию, а это – вид государственного страхования».

УДК 93+94 DOI: 10.24045/conf.2017.1.31

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Андросова Л.А.,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации»,
Пензенский государственный университет,
Пенза, Россия

Аннотация: *В статье анализируется роль и значение Октябрьской революции, революционно-интернационалистическая идеология, вдохновителем и организатором которой была партия большевиков, её Центральный комитет, возглавляемый В.И. Лениным. Рассматриваются первые шаги правительства, декреты, издаваемые в первые дни после свершения революции. Анализируются условия, в которых свершилась революция, а так же разрабатываемые программы строительства нового общества.*

Ключевые слова: *революция, интернационалистическая идеология, большевики, декреты, революционные массы, пролетариат, народные комиссары.*

ROLE AND IMPORTANCE OF THE OCTOBER REVOLUTION

Androsova L.A.
Candidate of sociological Sciences,
associate professor of «Philosophy and social communication» department
Penza State University, Penza, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the role and significance of the October Revolution, the revolutionary internationalist ideology, inspired and organized by the Bolshevik Party, its Central Committee headed by V.I. Lenin. Consider the first steps of the government, the decrees issued in the first days after the accomplishment of the revolution. The conditions under which the revolution was accomplished, as well as the programs for the construction of a new society, are analyzed.

Key words: Revolution, internationalist ideology, Bolsheviks, decrees, revolutionary masses, the proletariat, people's commissars.

100 лет назад великие потрясения изменили жизнь российского государства и повлияли на дальнейшую судьбу всего мира. Великая Октябрьская революция явилась беспримерной в истории человечества революцией, преодолев «смуту» возникшую в результате банкротства царского режима, решила важнейшую национальную задачу – восстановив на большей части территории России единую государственность. И в этом «собирании»

России свою роль сыграла революционно-интернационалистская идеология. Вдохновителем, вождём и организатором была партия большевиков, ее Центральный комитет, возглавляемый В.И. Лениным. Ленин с гениальной прозорливостью предугадал весь ход революции, поведение в ней революционных масс, враждебных им классов и партий.

Идеями В.И. Ленина пронизана вся деятельность органов руководства восстанием, его идеи прокладывали путь в жизнь в жёсткой борьбе против оппортунистов, которые не верили в силы пролетарской революции, в возможность победы её в России. Все письма и статьи В.И. Ленина в канун восстания (сентябрь-октябрь) насыщены величайшей верой в победу народных масс, верой, основанной на трезвом учёте реальной обстановки в лагере революции и в лагере её врагов. Об этом свидетельствуют статьи и письма В.И. Ленина: «Кризис назрел» [3, с. 60-61], письмо ЦК от 24 октября [3, с. 203-204]. Несокрушимая сила В.И. Ленина заключалась в том, что в нём сочеталась гигантская интеллектуальная, теоретическая мощь с организаторским гением.

Как случилось, что в вопросах революционного прошлого официальная историческая память проделала поворот на 180°, отвергнув всё коммунистическое прошлое, прибегнув к его дискредитации? Сейчас иначе пишут о Великой Октябрьской революции и о её лидере.

Джон Рид в своей книге «Десять дней, которые потрясли мир» пишет и о самой революции, и о В.И. Ленине: «Ленин – необыкновенный вождь, ему чужда присущая западноевропейскому типу социал-демократического вождя показная эффектность, он необыкновенно прост и вместе с тем необычайно мудр во всех своих действиях и суждениях. Он обладает могучим умением раскрывать сложнейшие идеи в самых простых словах и давать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проницательной гибкости и дерзновенности ума. Все эти качества основывались на его теснейшей связи с народными массами, в которых он видит творцов истории, в творческие и созидательные силы которых он безгранично верит» [4, с. 339].

В первые дни после свершения революции издаются декреты народных комиссаров: «О социальном страховании», «О просветительской деятельности», «О передаче жилищ в ведение городов», «О порядке и публикации» и многие другие. Но особенно примечательны для нас декреты: «Общество и образование», «Педагоги и общество». Цитирую: «Первейшей своей задачей комиссия считает улучшение положения учителей и прежде всего самых обездоленных, едва ли не самых важных работников культурного дела - народных учителей начальных школ. Их справедливые требования должны быть удовлетворены немедленно и во что бы то ни стало. Пролетариат тщетно требует повышение заработка до 100 рублей в месяц. Было бы позором держать в нищете учителей огромного большинства российских детей» (народный комиссар по просвещению А.В. Луначарский, Петроград, 29 октября 1917г.).

Революционные события в России произошли в крайне неблагоприятных условиях. По общему экономическому уровню Россия оставалась отсталой

к началу строительству нового общества, была истощена Первой мировой войной. Несмотря на сложное экономическое положение, Советская власть уже в 1919 году разрабатывает широкую программу по ликвидации безграмотности, правительство принимает декрет, по которому всё население страны от 8 до 50 лет должно обучаться грамоте на родном или русском языках. По всей стране возникает сеть кружков ликбеза. Уже в 1923 году создается массовое общество «Долой неграмотность» и вводится начальное образование. При вузах и университетах открываются рабочие факультеты (рабфаки) для подготовки в вузах молодёжи, не имеющей среднего образования. Они существовали с 1919 по 1940гг. В результате принятых мер в неимоверно трудных экономических условиях уже к 1933 году по количеству студентов наша страна превзошла Англию, Германию, Австрию, Польшу и Японию, вместе взятых.

Не менее впечатляющим был прогресс науки. Наша страна оказывается первой:

- по использованию атомной энергии в мирных целях (1954 г.);
- начинает работать первая атомная электростанция (1957 г.);
- спущен на воду первый атомный ледокол «Ленин» (1959 г.);
- по осуществлению запуска спутника Земли (1957 г.);
- по осуществлению космического полёта с человеком на борту (1961 г.).

Эти и другие достижения были обеспечены в первую очередь прекрасным финансированием культуры, образования, здравоохранения. И это достижения благодаря всё той же Октябрьской революции. К середине 60-х годов вводится всеобщее обязательное среднее образование, и здесь решающим фактором является государственное финансирование. И я хорошо помню лозунги «Учится, учиться, учиться», как завещал великий Ленин. Люди старшего поколения хорошо помнят достижения нашей страны, по данным «Левада-Центра» и сегодня 50% опрощенных россиян считают, что Октябрьская революции открыла новую эру в истории; 28% считают, что Октябрьская революция способствовала социальному, экономическому развитию всех народов нашей страны.

Пусть даже эта позиция характерна для респондентов старше 50 лет, она неоспорима, они помнят о достижениях нашей страны. Многие называют 1970-е годы годами «застоя», но сколько было освоено строек, сделано научных открытий, благодаря которым наша страна по праву считалась Второй Мировой Державой.

В настоящее время лучшая в мире система образования, бесплатное здравоохранение, научная организация труда и многое другое «похоронены» благодаря проводимым бездарным реформам. Сейчас даже молодое поколение россиян понимает, куда мы идём, во многих городах России проходят несанкционированные митинги, а это свидетельствует о том, что «Есть у революции начало, нет у революции конца!»

Источники и литература:

1. Боханов А.Н., Горинов М.М., Дмитриенко В.П. История России. XX век. – М.: АСТ, 2001.

2. Завалько Г.А. Понятие революция в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. – М.: 2005.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. – М.: Политиздат, 1971.
4. Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. – М.: Политиздат, 1959.

References

1. Bohanov A.N., Gorinov M.M., Dmitrienko V.P. Istorija Rossii. XX vek. – M.: AST, 2001.
2. Zaval'ko G.A. Ponjatie revoljucija v filosofii i obshhestvennyh naukah: problemy, idei, koncepcii. – M.: 2005.
3. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 26.– M.: Politizdat, 1971.
4. Rid D. 10 dnej, kotorye potrjasli mir. – M.: Politizdat, 1959.

УДК 93+94 DOI: 10.24045/conf.2017.1.32

ДИСКУССИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ: К 100-ЛЕТИЮ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Морозов С.Д.,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории и философии,
Пензенский государственный университет архитектуры и строительства,
Пенза, Россия

Аннотация. *В статье автор рассматривает различные точки зрения на события и участников Гражданской войны в Советской России. Автор считает актуальной задачу объективного анализа и оценки этих событий современными учёными на основе объективного показа всех враждовавших сил и противоборствующих сторон. Основной проблемой автор считает политизацию этого исторического вопроса, отсутствие собственно научного изучения. Основными вопросами, необходимыми для понимания сущности и особенностей Гражданской войны, на взгляд автора, являются: время начала войны, исторические корни насилия и его эскалация, иностранное вмешательство.*

Ключевые слова: *Октябрьская революция, гражданская война в России, классовая борьба, причины гражданской войны, установление Советской власти.*

DISCUSSIONS CONTINUE: TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE CIVIL WAR IN RUSSIA

Morozov S.D.,
Doctor of Historical Sciences,
Professor of History and Philosophy Department,
Penza State University of Architecture and Construction
Penza, Russian Federation

Abstract. In the author's opinion, the urgent task is objective analysis and evaluation of these events in the study of modern historical science, the study of the roles of all the warring forces and the warring parties. As the main obstacles to objective analysis the author points out the politicization of this historic issue, the lack of proper scientific

study. The main issues necessary for understanding the essence and peculiarities of the Civil war, in the opinion of the author are: the start of the war, the historical roots of violence and its escalation of foreign intervention.

Key words: The October Revolution, the civil war in Russia, the class struggle, the causes of the civil war, the establishment of Soviet power.

Сто лет назад началась Гражданская война в России. Тема Гражданской войны никогда не предавалась забвению в СССР – в научных книгах и статьях, документальных сборниках, кинофильмах и театральных спектаклях, очерках, рассказах, повестях, поэмах, балладах, песнях. То, утихая немного, отступая на задний план перед новыми событиями и явлениями, то ярко вспыхивая вновь и вновь, тревожа старые раны, порождая мучительные раздумья у старшего поколения, смущая неожиданными открытиями юные души.

Несколько поколений граждан СССР были воспитаны на героике и романтике Гражданской войны. Ещё молодые, но уже повидавшие войну люди в 1920-х гг. декламировали «Гренаду» М. Светлова с её красивостью и искусственностью, слегка смягчёнными мастерством лирика. Миллионы мальчишек 1930-х гг. видели любимого героя в В.И. Чапаеве, по многу раз отсиживая на сеансах фильма братьев Васильевых.

Не сосчитать, сколько юношей и девушек вступили на пылавшие дороги Великой Отечественной войны под звуки полюбившихся песен о Гражданской - «Каховка» и «Орлёнок», «Дан приказ ему на Запад» и «Боевой восемнадцатый год». Отзвуки этих песен, хотя и приглушенные громовыми раскатами войны, продолжали жить в народе в 1950-х, 1960-х, 1970-х гг. ...

Бесстрашные разведчики, лихие конники, комиссары в пыльных шлемах, комсомольцы «орлята», беззаветно сражавшиеся за власть Советов, громившие «псов-атаманов» и «польских панов», наймитов Антанты и саму Антанту, кайзеровских солдат и японских самураев, рубившие головы «гидре контрреволюции», труженики тыла, ковавшие победу в нетопленных цехах, герои «великого почина» со станции «Москва-Сортировочная» – десятилетиями служили примером для подражания.

В послевоенные годы в СССР рождались новые фильмы и романы, стихи и рассказы о Гражданской. Не случайно Б. Окуджава пел: «Какие б новые сраженья не покачнули шар земной, я все равно паду на той, на той единственной Гражданской...»

А тем временем за рубежом писались воспоминания, научные труды, слагались оды в честь героев и мучеников «белого» движения. Воспевались их отвага, преданность долгу, верность несчастной Родине в борьбе с «извергами – большевиками», готовность нести «мученический крест» через подвалы Лубянки. Ненависть, непримиримость пронизывали с обеих сторон всё, что писалось, декламировалось, говорилось, пелось о Гражданской войне.

Неистребимость памяти свидетельствует только об одном: Октябрьская революция и Гражданская война прошли настоящей лавиной через всю жизнь народа, перепахали поле с небывалой до того в российской истории глубиной.

Смешно полагать, что это цунами было вызвано к жизни какой-то ничтожной горсткой людей. Волна вырвалась из народа, созрела, наполнилась в глубинах. Она была отражением противоречий общества, но неизбежно порождала новое насилие – ещё более жестокое и грубое, новые противоречия – ещё более острые. Революция и Гражданская война стали, таким образом, величайшим потрясением, совместив в коротком хронологическом отрезке накопленные веками и порождённые вновь противоречия, сконцентрировав в одном порыве энергию исторического процесса.

Социально-экономические и политические переломы, радикальные перемены и огромные потери, смена всего жизненного уклада, крушение привычных устоев и понятий, возникновение новых, небывалых отношений, когда тот, «кто был ничем», становился «всем», и, напротив, кто был «всем», превращался в «ничто». Таким образом, произошло невиданное психологическое потрясение. Поэтому память о революции и Гражданской войне стала не просто памятью, а навсегда вошла в народное сознание, стала неотъемлемой частью общенационального менталитета. Итак, Гражданскую войну видели, отражали, изучали с двух противоположных сторон – со стороны победителей и со стороны побеждённых.

С обеих сторон допускались искажения, тенденциозность, что было естественно и неизбежно. Однако позади уже столетие.

Мудрые римляне давно подметили простую истину: «Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними». Произошли коренные переломы в общественном сознании, состоялось национальное примирение на скрижалях истории. Раскол общества, случившийся 100 лет назад, преодолён. Во-первых, потому что время залечило раны тех далёких лет, выросли новые поколения, свободные от взаимных гнева и ярости того времени. Во-вторых, в самом нашем обществе за последние годы произошли революционные преобразования. Теперь стало не только возможным, но и необходимым писать о революции и Гражданской войне иначе. Главное изменение очевидно: это необходимость объективного показа всех враждовавших сил, противоборствующих сторон, «белых», «красных», «зелёных», с красной звездой и двуглавым орлом... Все они были субъектами истории, участвовали в событиях и независимо от того, кого мы любим, а кого ненавидим, надо освещать их деятельность в соответствии с фактами, в соответствии с их действительной ролью и значением.

Однако появились новые перекосы, новые фальсификации, новый отход от исторической правды. Новая тенденциозность как реакция на тенденциозность прежних лет не служит ни науке, ни справедливости. Примирение требует терпимости - политической, исторической, социальной, поэтому нельзя требовать скоропалительной смены анафем и нимбов. Следует воздать должное всем героям и мученикам, всем участникам давней борьбы, людям своего времени с их страстями, с их верой и заблуждениями, ошибками и грехами, идеалистам и материалистам, коммунистам и монархистам.

Без правды, лишённой старых фальсификаций и новой лжи, не только наука будет хромать на обе ноги, но и общество. История, воспринятая как политика, опрокинутая в прошлое, нанесёт только ущерб. Снова воспевать одних за счёт других – значит накапливать новые камни, плодить новые обиды.

История Октября и Гражданской войны – это своего рода камертон, который определяет тональность всей исторической науки. Задача науки в том, чтобы создать правильную тональность, поэтому столь важно объективное освещение Гражданской войны, показ всех её сторон.

Крупнейшая драма XX столетия – Гражданская война в России на протяжении столетия привлекает внимание учёных, политиков, писателей. Однако и поныне нет и, вероятно, никогда не будет однозначных ответов на вопросы о том, что же это за исторический феномен – Гражданская война в России, когда она началась и когда закончилась.

Гигантский разброс мнений существует в отечественной и зарубежной историографии. Иначе и быть не могло при той острой поляризации, которая не только расколола российское общество, но и проложила заметную межу во всем мире. Если граждане одного государства с невиданным ожесточением обратили оружие друг против друга, если шла стрельба, гибли миллионы людей и длилось это не один год, то исторические оценки происшедшего не могут быть одинаковыми или простыми. Неизбежно обнаруживаются полярные взгляды, а между ними – широкий спектр разнообразных мнений и суждений. Политические оценки противоборствующих сторон готовыми клише входили в историографию, а инерционность мышления передавала их из поколения в поколение.

На протяжении десятилетий основным водоразделом оставался вопрос: кто виноват в развязывании войны? Ответы, разумеется, диаметрально противоположны. «Братоубийственную Гражданскую войну развязали фанатики-большевики», – говорят одни. «Свергнутые революцией эксплуататоры при помощи международного империализма развязали Гражданскую войну», – говорят другие. Этот вопрос не покидает многие поколения граждан России.

Объективный ответ на него возможен при сопоставлении многих факторов, при исследовании различных обстоятельств, условий, в зависимости от которых развертывалась вооружённая борьба. Ответ не сводится к тому, чтобы примирить противоположные точки зрения или вывести нечто среднее, равноудалённое от крайностей.

Ответ не может быть одномерным, он должен основываться на комплексном рассмотрении огромного, туго сплетённого узла проблем. Само понятие Гражданской войны вызывает различные суждения.

При этом важнейшими проблемами, необходимыми для понимания сущности и особенностей Гражданской войны являются: время начала войны, исторические корни насилия и его эскалация, иностранное вмешательство. Почему придаётся такое значение времени начала войны? Потому, что от этого, на первый взгляд относительно частного вопроса, зависит сама

концепция Гражданской войны, понимание того, какие силы и почему оказались в неё втянутыми.

Октябрь, обнажив и обострив классовые противоречия, развязав насилие, пролив ещё большую кровь, положил начало Гражданской войне в России. Так кто же виноват? С формальной точки зрения, виноват народ, начавший революцию. При этом ни одна из политических партий не может быть признана ответственной за руководство революцией. Все оппозиционные партии, каждая по-своему, от большевиков до кадетов, расшатывали, ослабляли царизм, приближали его падение – это верно. Но от оппозиционного расшатывания до совершения революции – дистанция огромного размера. Революцию совершил народ – рабочие и солдаты, то есть в массе своей крестьяне, одетые в солдатские шинели. Их повели на революцию объективные причины – реакция на бесправие и насилие, накопленная за долгие годы неудовлетворённость своим положением, довольно смутное, но сильное стремление к перемене строя, к созданию нового общества, в котором хозяевами были бы люди труда, а не прежние властители.

Адекватной ли была эта реакция? Трудно сравнивать, ибо насилие над народом было растянуто во времени, длилось столетиями, а насилие со стороны народа было сравнительно кратким, сконцентрированным во времени. Поэтому его насилие было более наглядным, заметным, ощутимым. Насилие революции не подчинялось старым законам, презирая и отбрасывая их. В этом смысле оно было особенно опасным и не может быть оправдано с морально-этической точки зрения.

Но было бы наивно надеяться, что революция произойдёт в неких академических формах и её будут совершать люди в белых перчатках. Так или иначе, можно одобрять или не одобрять действия масс, но эти действия вполне объяснимы и естественны. Таким образом, первопричина Гражданской войны – в социальной несправедливости, существовавшей в мире, в том числе в России.

Ярко и эмоционально в этом контексте звучат слова А. Блока в его знаменитой статье «Интеллигенция и революция» (1918 г.): «Почему дырявят древний собор? – Потому что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой. Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? – Потому, что там насиловали и пороли девок; не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? – Потому что сто лет под их развесистыми липами и клёнами господа показывали свою власть...» Да, классовая ненависть копится долго, а выплёскивается мгновенно.

Есть ли возможность другого, мирного пути совершенствования общества, если не устранения, то ослабления, смягчения насилия, придания ему цивилизованных форм, может быть, превращения насилия в разумное и необходимое обществу принуждение? Да, исторический опыт показывает, что такая возможность в мировом сообществе существует. Она приобрела реальные очертания, которые стали особо зримыми во второй половине XX века в связи с поразительными достижениями в технологии, изменившими облик мира и благосостояние людей.

Демократическое развитие, эволюционное изменение экономических и общественных структур, безусловно, обладают преимуществом. Однако этот явно предпочтительный путь не даётся человечеству с лёгкостью, как Божественная награда за примерное поведение. Он появляется в тех или иных странах в результате трудного, в каждом случае специфического развития в данной стране или в мире в целом.

Таким образом, правилом является объективная сложность исторического процесса, определённая закономерность распространения немирных, революционных форм движения, соответственно отрицание демократии и преобладание насилия. Вероятно, итогом развития человечества является демократия, но путь к ней в подавляющем большинстве случаев является не прямым, а зигзагообразным, сопровождаясь мучительными схватками.

А революция, путём насилия отрицающая прежнее насилие, есть явление прогрессивное, двигающее общество вперед, хотя и с большими жертвами, лишениями, потерями.

Необходимо разобраться в вопросе, который все послереволюционные десятилетия не переставал волновать и участников событий, и историков. Была ли альтернатива Октябрьской революции и Гражданской войне? Альтернативы существуют всегда, их множество. Любая революция может остановиться на половине пути, может свернуть влево или вправо. Дело не в наличии и возможности альтернатив, а в их реальности.

Можно ответить с уверенностью, что путь перевода революции на мирные, эволюционные, демократические, парламентские рельсы имел немалые реальные основания. Народ получил полную политическую свободу, существовало демократическое правительство, функционировали более или менее репрезентативные учреждения (Советы, Предпарламент), активно действовали достаточно мощные политические партии, отстаивавшие парламентскую демократию.

Однако реально существовавшая демократия не сумела разрешить противоречия жизни, удовлетворить народные требования. Демократия была атакована и слева, и справа. Главная причина падения демократии – нарастание поляризации, усиление противостояния. Массы не были удовлетворены достигнутым, их радикализация происходила с огромной быстротой и приобретала под влиянием политической агитации целенаправленный, классово-отчётливый характер. Считая, что на пути к народной власти, получению земли, взятию под контроль промышленных предприятий стоят контрреволюционные, классово враждебные силы, массы готовы были добиваться своего при помощи насилия.

С другой стороны, высшие и средние слои общества – офицерство, чиновничество, значительная часть интеллигенции, зажиточное крестьянство, владельцы промышленных и торговых предприятий – готовы были твёрдой рукой защищать свои права. Но одна часть общества пришла к выводу о необходимости ответить на насилие насилием, другая стремилась к наведению порядка без насилия; единства между ними не было.

Попытка сторонников насилия справа (Корниловский мятеж) была отбита демократическими противниками насилия. Это усилило сторонников насилия слева, опиравшихся на всё продолжавшуюся радикализацию масс.

Октябрьская революция стала крупнейшим рубежом Гражданской войны. Взятие власти было актом насильственным, что никогда не отрицалось самими большевиками. Численность жертв, конечно, имеет значение, но в принципе не так уж важно, сколько жертв было в Петрограде. К счастью, их в эти дни было мало. Важно то, что была вооружённая борьба. Одна сторона мобилизовала и повела против другой армейские и флотские боевые соединения, вооружённые отряды рабочих (Красная гвардия); другая сторона приготовила к активной обороне свои вооружённые воинские соединения, вызвала на помощь фронтовые части.

Взятие власти в столице было, безусловно, актом Гражданской войны. С ещё большей наглядностью это видно на примере всей страны. Здесь переход власти в руки Советов был сложным, относительно длительным и повсеместно сопровождался ожесточённым противостоянием. Советы под руководством большевиков и левых эсеров брали власть и жестоко подавляли противников. Для оценки сути происходившего не имеет принципиального значения, мирным или немирным путем переходила власть к Советам в том или ином городе. Конечно, там, где шли бои, взаимное ожесточение приняло небывалый до того характер; пролитая кровь звала к отмщению; пропасть, разделявшая стороны, была особенно глубокой. В большинстве мест, где власть бралась Советами мирно, в дальнейшем контрреволюция, сохранив силы, через некоторое время начинала вооружённую борьбу.

Сама Октябрьская революция, установление Советской власти, свершившееся не в один день, а потребовавшее примерно 3-4 месяца и сопровождавшееся борьбой ожесточённой, в большинстве случаев вооружённой, новым витком ненависти, дальнейшей эскалацией насилия – все это было Гражданской войной.

Мы видим, что столь острый и мучительный вопрос, кто виноват в Гражданской войне, вновь остаётся без ответа. Если подойти формально, то в новом витке гражданского противоборства, начатого Октябрём, виноваты массы рабочих и солдат, совершившие революцию, виноваты большевики, ими руководившие, виноваты Советы, взявшие власть. Но мы знаем, что Октябрь стал логическим развитием событий лета-осени 1917 г., те, в свою очередь, упираются в Февраль, а обстоятельства, уходят своими корнями в предшествовавшую историю России. Поэтому нет логических оснований обвинять трудовые массы и большевиков в том, что они, совершив Октябрьскую революцию, тем самым развязали Гражданскую войну.

После победы революции и установления Советской власти Гражданская война практически не прекращалась ни на день; менялся её характер, менялась её направленность. Теперь её вели силы, потерпевшие поражение в Октябре, вели за восстановление потерянной власти. Ответ на вопрос, кто повинен в развязывании войны на этом этапе, очевиден. Но очевидно и то, что данная фаза войны не может рассматриваться

изолированно от предшествовавших событий. Да, на этом витке войну развязали контрреволюционные силы, но их действие - логическое следствие революции, которая разбила их и поставила перед дилеммой: полностью капитулировать или продолжать сопротивление. Они выбрали второй путь.

Позиция «красных»: победа одержана, власть завоёвана, мир, хотя и тяжёлый, достигнут, крестьяне получили землю, рабочие контролируют фабрики и заводы. Но контрреволюция – помещики, капиталисты, кулаки – хочет лишить народ его завоеваний. Она вооружается, она стреляет из-за угла в вождей рабочего класса, организует саботаж, голод, готовится жестоко покарать рабочих и крестьян, осмелившихся стать хозяевами своей судьбы. Необходимо беспощадно разгромить все очаги контрреволюции. Иначе трудящихся ждет новая кабала и физическое уничтожение. Позиция «белых»: шайка узурпаторов-насильников захватила власть. Комиссары-большевики разогнали политические партии, избранное народом Учредительное собрание, продали Россию Германии, установили жестокий террор, истребляя русских патриотов, ввергли экономику в хаос. Необходимо сплотить все патриотические силы, повести беспощадную войну до полного истребления большевиков и ликвидации «Совдепии».

Эти позиции были непримиримы и по оценкам положения в стране, и по провозглашённым целям, и по психологическому настрою обеих сторон. Борьба неизбежно должна была продолжиться до полного поражения одной из них.

Однако война, если судить по послеоктябрьской расстановке сил, по тому, как проходило установление Советской власти на местах, не обещала быть длительной и трудной. Силы были явно неравны: превосходство Советов было очевидным. Конечно, в союзе с меньшевиками и эсерами, оно было бы подавляющим. Эсеры и меньшевики не стали союзниками большевиков, но они не стали и союзниками Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина, П.Н. Врангеля. Действительно, перевес военный, моральный, политический был на стороне Советов.

Однако здесь следует учесть ещё одно обстоятельство - фактор интервенции. Можно долго спорить о причинах, поводах и масштабах международного вторжения в Россию. Но одно представляется несомненным: интервенция изменила соотношение сил в России не в пользу Советов, сделала исход борьбы неопределённым, затянула войну, в огромной степени умножила жертвы и страдания народа, наложила огромный отпечаток на психологию масс, на политику руководства по обе стороны фронта.

Поразительной особенностью Гражданской войны в России было присутствие крупных сил интервентов не где-то на окраине, а в самом сердце страны. Мятеж чехословацкого корпуса, начавшийся в конце мая 1918 г., охватил огромную территорию от Пензы и Сызрани до Тихого океана. Без труда можно определить синхронность действий иностранных войск в различных районах России и возникновение антисоветских армий и правительств. С лета 1918 г. Гражданская война вступала в новую фазу, когда

появились военные фронты, начались сражения регулярных армий. Гражданская война превратилась в подлинную войну во всём страшном значении этого слова. С осени 1918 г. после поражения Германии интервенция Антанты приобрела самые широкие масштабы. Интервенция Антанты, несомненно, стала фактором, обусловившим ещё большее затягивание Гражданской войны. Не меньшее значение имело иностранное снабжение белогвардейских войск. Без доставки оружия, боеприпасов, амуниции белогвардейские армии в 1919-1920 гг. воевать попросту не могли – это совершенно очевидно. Составной частью интервенции являлась военно-экономическая блокада, установленная Антантой против Советской России.

Морская блокада, включавшая перехват нейтральных судов, была грубым нарушением международного права, акцией по существу террористической; это была акция немилосердная и варварская. Лишив население России возможности получать необходимые промышленные товары, продовольствие, медикаменты, страны Антанты способствовали распространению эпидемий, усилению голода, тем самым, колоссальной гибели населения страны.

Именно в такой обстановке сложились и укрепились руководящие кадры партии, иерархические организационные формы, психологическая однозначность, непримиримость к классовым врагам, нетерпимость ко всякой другой идеологии, кроме коммунистической. Сам характер борьбы – не на жизнь, а на смерть – вырабатывал в партийных кадрах твёрдость, жестокость, двухцветное, «красно-белое» видение мира. Конечно, в партии были сильны и демократические традиции – на съездах, конференциях открыто высказывались различные мнения, в адрес руководителей раздавалась нелицеприятная критика, порой, развёртывались жаркие дискуссии.

После окончания Гражданской войны возникла объективная возможность осуществить демократизацию партии и на этой основе ввести и развить демократические традиции в стране. Однако трудности первых послевоенных лет затормозили этот процесс, а в дальнейшем И.В. Сталин сознательно использовал административно-командные традиции и навыки периода Гражданской войны для укрепления партаппарата, свёртывания внутрипартийной демократии. Именно Гражданская война создала мощную психологическую и организационную основу для этого процесса, имевшего серьёзные негативные последствия.

Во время войны получили своеобразную апробацию рождённые революцией принципы и методы руководства страной и жизнью общества. Эти принципы и методы казались надёжными и верными. Об их правильности и целесообразности можно было спорить до Гражданской войны, но после войны споры отпали. О чем спорить, если победа доказала их надёжность. Поэтому система государственного управления и общественно-политических структур, сложившаяся во время войны, осталась практически без изменения после перехода к миру.

Изменения затронули лишь экономическую сферу. Победа способствовала, таким образом, укреплению и закостенелости марксистско-ленинских догм, появлению инерции, которая с годами не исчезала,

а набирала силу, что привело в конечном итоге к большим негативным последствиям.

Парадокс истории в том и заключается, что победа революционных сил, открывая возможность для возрождения демократии, в то же время сожгла в своих лучах эту возможность. Демократия могла стать желанным ребёнком победы, но сама победа не желала таких родов. Она рождала самоуспокоенность, а не стремление к переменам. В области экономической к 1921 г. Советы потерпели поражение и, признав его, круто изменили экономическую политику; в политической жизни этого не произошло.

При всех огромных материальных и моральных потерях и издержках Гражданской войны, затормозивших и затруднивших развитие страны, было одно обстоятельство, чрезвычайно важное для понимания последующей истории. Это сам факт одержания победы Республикой Советов, значение, которое трудно переоценить. В самом деле, в крупнейшей стране мира произошла революция; впервые в истории эксплуататоры были свергнуты и экспроприированы. Всё произошло так, как предсказывали и рассчитывали марксисты. Все силы старого мира – и внутренние, и внешние – ополчились на молодую республику, но трудящиеся отбили натиск 14 держав и отстояли завоевания революции. Это ли не наглядное и явное свидетельство того, что выбранный путь правилен, что жертвы и потери не напрасны, что Россия взметнула красный стяг над всем миром, и трудящиеся с надеждой смотрят на неё?

Иными словами, Советский строй, несмотря на огромные материальные и моральные потери, получил неоспоримую политическую и нравственную поддержку большинства населения; жертвы и потери нашли объяснение и оправдание. Строй, созданный революцией, выдержал испытание на прочность, приобрел психологическую легитимность. Упрочив авторитет Советской власти и Коммунистической партии, заслуживших репутацию сильных, твёрдых, решительных, беспощадных, несгибаемых, победа обеспечила политическую стабильность в стране. Дополнив этот завоёванный в войне авторитет мерами экономического порядка (нэп), Советы получили уникальную возможность осуществить планы социалистического переустройства общества.

Источники и литература:

1. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. – М. – Л.: Госиздат, 1930.
2. Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. – М.: Мысль, 1964.
3. Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 году. – М.: Наука, 1970.
4. Гриф секретности снят: Потеря вооруженных сил СССР. – М.: Воениздат, 1993.
5. Жиромская В.Б. После революционных бурь: Население России в первой половине 20-х годов. – М.: Наука, 1996.
6. Жиромская В.Б. Советский город в 1921-1925 гг.: Проблемы социальной структуры. – М.: Наука, 1988.
7. Каминский Л.С, Новосельский С.А. Потери в прошлых войнах (1756-1918 гг.). – М.: Медгиз, 1947.

8. Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. – М.: Плановое хозяйство, 1926.
9. Писарев И.Ю. Народонаселение СССР: Социально-экономический очерк. - М.: Соцэкгиз, 1962.
10. Поляков Ю.А. Глава V. Население России в годы гражданской войны. Демографические последствия голода 1921-1922 гг. Т.1 //Население России в XX веке. – М.: РОССПЭН, 2000.
11. Поляков Ю.А. Историческая наука: Люди и проблемы. – М.: Росс. полит. энциклопедия , 1999.
12. Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. – М.: АИРО-XX, 1995.
13. Поляков Ю.А. Переход к НЭПу и советское крестьянство. – М.: Наука, 1967.
14. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания Гражданской войны: Территория и население. – М.: Наука, 1986.
15. Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты)// Отечественная история. – 2000. – №3.
16. Рашин А.Т. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.): Статистические очерки. – М.: Госкомстат России, 1956.
17. Россия и СССР **в** войнах XX века: Статистическое исследование. – М.: Олма-Пресс, 2001.
18. Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: Вопросы комплексного изучения: Сборник статей. – М., 1990.
19. Трифонов И. Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. – М.: Политиздат, 1975.
20. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы: Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVII-XX вв. – М.: Соцэкгиз, 1960.
21. Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. – М.: Наука, 1974.

References

1. Volkov E.Z. Dinamika narodonaselenija SSSR za vosem'desjat let. – M. – L.: Gosizdat, 1930.
2. Volobuev P.V. Proletariat i burzhuazija Rossii v 1917 godu. – M.: Mysl', 1964.
3. Gaponenko L.S. Rabochij klass Rossii v 1917 godu. – M.: Nauka, 1970.
4. Grif sekretnosti snjat: Poterja vooruzhennyh sil SSSR. – M.: Voenizdat, 1993.
5. Zhiromskaja V.B. Posle revoljucionnyh bur': Naselenie Rossii v pervoj polovine 20-h godov. – M.: Nauka, 1996.
6. Zhiromskaja V.B. Sovetskij gorod v 1921-1925 gg.: Problemy social'noj struktury. – M.: Nauka, 1988.
7. Kaminskij L.S, Novosel'skij S.A. Poteri v proshlyh vojnah (1756-1918 gg.). – M.: Medgiz, 1947.
8. Lubny-Gercyk L.I. Dvizhenie naselenija na territorii SSSR za vremja mirovoj vojny i revoljucii. – M.: Planovoe hozjajstvo, 1926.
9. Pisarev I.Ju. Narodonaselenie SSSR: Social'no-jekonomicheskij ocherk. – M.: Socjekgiz, 1962.
10. Poljakov Ju.A. Glava V. Naselenie Rossii v gody grazhdanskoj vojny. Demograficheskie posledstvija goloda 1921-1922 gg. T.1 //Naselenie Rossii v XX veke. – M.: ROSSPJeN, 2000.
11. Poljakov Ju.A. Istoricheskaja nauka: Ljudi i problemy. – M.: Ross. polit. jenciklopedija , 1999.
12. Poljakov Ju.A. Nashe nepredskazuemoe proshloe. – M.: AIRO-HH, 1995.
13. Poljakov Ju.A. Perehod k NJePu i sovetskoe krest'janstvo. – M.: Nauka, 1967.
14. Poljakov Ju.A. Sovetskaja strana posle okonchanija Grazhdanskoj vojny: Territorija i naselenie. – M.: Nauka, 1986.

15. Poljakov Ju.A. Chelovek v povsednevnosti (istoricheskie aspekty)// Otechestvennaja istorija. – 2000. – №3.
16. Rashin A.T. Naselenie Rossii za 100 let (1811-1913 gg.): Statisticheskie ocherki. – M.: Goskomstat Rossii, 1956.
17. Rossija i SSSR v vojnah XX veka: Statisticheskoe issledovanie. – M.: Olma-Press, 2001.
18. Social'no-klassovaja struktura i demograficheskie processy v Rossii i SSSR: Voprosy kompleksnogo izuchenija: Sbornik statej. – M., 1990.
19. Trifonov I. Ja. Likvidacija jekspluatatorskih klassov v SSSR. – M.: Politizdat, 1975.
20. Urlanis B.C. Vojny i narodonaselenie Evropy: Ljudskie poteri vooruzhennyh sil evropejskih stran v vojnah XVII-XX vv. – M.: Socjekgiz, 1960.
21. Urlanis B.C. Problemy dinamiki naselenija SSSR. – M.: Nauka, 1974.

УДК 908 DOI: 10.24045/conf.2017.1.33

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ И ПУТИ ЕЁ РЕШЕНИЯ В НАУЧНОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Павлов В. С.,
Доктор исторических наук, профессор
Института международных отношений и мировой истории Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия

Аннотация. *Статья рассматривает острейшую проблему растущего социального неравенства в российском обществе, пути и способы её решения в условиях экономического кризиса в стране, усугубившемся в результате политико-экономических санкций Запада против Российской Федерации. Она анализирует варианты выхода страны из социально-экономического кризиса, введения планового сегмента в развитии экономики и реализацию социальных ценностей в рамках «православного социализма».*

Ключевые слова: *социальная политика, социальное государство, социальная справедливость, социальное неравенство, планово-рыночная экономика, «революция сверху».*

THE PROBLEM OF SOCIAL INEQUALITY IN RUSSIA AND SOLUTIONS IN SCIENTIFIC AND SOCIO-POLITICAL THOUGHT

Pavlov V.S.,
Doctor of Historical Sciences,
Professor of
Institute of International Relations and World History
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod, Russian Federation

Abstract. The article deals with the acute problem of growing social inequality in Russian society, ways and means of its solution in the conditions of economic crisis in the country, aggravated by the result of the political and economic

sanctions of the West against the Russian Federation. She discusses the options of exit from the economic and social crisis, the introduction of the planned segment in the economy and the realization of social values in the framework of the «Orthodox socialism».

Key words: social policy, welfare state, social justice, social inequality, planned-market economy, «revolution from above».

Рассматривая различные модели социальных государств, некоторые отечественные исследователи склонны считать, что современная Россия, её руководители ориентируются на социальное государство социал-демократического типа [9]. Оно известно более под названием «шведская модель социализма», в котором трудящиеся имеют равные возможности не только для удовлетворения своих материальных потребностей, но и запросов духовной жизни, сближение доходов и жизненных возможностей в качестве главного материального и правового условия свободы каждого. Она формировалась под влиянием достижений трудящихся в Советском Союзе, длительным пребыванием у власти (более сорока лет) шведских социал-демократов.

По нашему мнению, постсоветская российская модель социальной политики в общем и целом тяготеет к континентальной модели, поскольку её основные элементы связаны не только и даже не столько с социальной системой обеспечения, сколько с непосредственным вкладом работника и производственных структур (в том числе развитие системы накоплений за счет страховых компаний, увеличение базовой части пенсий и её индексации за счет отчислений работника в Фонд социального страхования).

В программной статье В.В. Путина «Строительство справедливости. Социальная политика для России», являющейся государственной программой на 2013–2018 годы, важнейшей задачей ставится уменьшение материального неравенства как за счёт социальной политики, так и – в первую очередь – за счёт возможностей каждому зарабатывать, обеспечивать себе достойный уровень дохода, вплоть до формирования «рабочей аристократии». Доходы высших и низших слоёв общества должны быть приведены к пропорции 12:1[10] (лидер ЛДПР В.Жириновский, считает, что она не должна превышать соотношение 10:1). Стало быть, программа В.В. Путина базируется на либерально-рыночных ценностях, где основная роль в социальной защите отводится не государству, а самому работнику. И в этой системе ценностей пока ничего не меняется. В отчётном докладе Д.Медведева Государственной думе за 2014 год, в котором социальная сфера обойдена вниманием, непреложным остаётся установка: «Утверждение о том, что мы должны всё изменить, всё скорректировать, жить по другой модели, – они неправильные. Все наши приоритеты, наши стратегические установки, должны оставаться прежними, и они останутся таковыми»[8].

Очередной экономический кризис, начавшийся в 2013 году (хотя его признаки стали очевидными в 2011 году), введение Западом экономических и политических санкций в отношении России, отстаивавшей свои внешне-

политические интересы, крайне осложнили социальную обстановку. Неолиберальная рыночная экономика, ставшая за четверть века господствующей в стране, даже не вернулась к уровню 1990-х годов РСФСР, в то время, как весь мир ушел далеко вперед. Особенно показателен в этом отношении пример Китая., который увеличил свои экономические показатели с 1987 по 2015 год почти в 25 раз; если ВВП КНР отставал от советского в пять раз, то теперь превосходит по этим показателям РФ в 5 раз. Для многих непредвзятых экономических аналитиков, социологов стало ясно, что в нынешней геополитической ситуации «у нас нет иного выбора, кроме смены социально-экономической модели, поскольку правление рыночных неолибералов наглядно показало, что ничего кроме уродливого, примитивного, феодально-олигархического капитализма, находящегося в критической неоколониальной зависимости от западных технологий, продовольствия, капитала и нефтедолларов, они построить не в состоянии»[1]. Основные пути сокращения социального неравенства хорошо известны и просчитаны экспертами для российских условий. Социально-рыночная экономика – это: введение прогрессивной шкалы налогообложения (применяемой в развитых странах мира); налога на богатство и роскошь; мероприятия по формированию эффективного рынка труда; снижение неравенства доходов за счет социальных трансферов и повышения минимальных гарантий в сфере социального обеспечения. Только введение прогрессивной шкалы на совокупные доходы, по подсчётам специалистов института социально-экономических проблем народонаселения РАН, позволит увеличить пенсии в 4 раза, минимальную зарплату в 3,5 раза, зарплату бюджетникам – в 2,5 раза. Реализация этих и других мероприятий – вопрос политической воли власть предержащих[1].

Многие известные отечественные экономисты (в первую очередь С. Глазьев, М. Делягин) считают необходимым введение в рыночную экономику планового сегмента, усиление роли государства в управлении социально-экономическими процессами. По мнению доктора технических наук Г.В. Костина, двухуровневый (плановый и рыночный) механизм развития общества и производительных сил при разном соотношении их может обеспечить от 6% до 15% годового экономического роста (чем выше плановый сектор, тем выше экономический рост) [6].

В условиях рыночного хозяйства человек может обеспечить удовлетворение своих потребностей лишь путём получения доходов от собственности или в виде заработной платы за свой труд. Но в каждом обществе, отмечают Л. Дмитриева и В. Ахмеева, есть определённая часть населения, которая не имеет возможности и не в состоянии трудиться в силу болезни, нетрудоспособности, старости или возраста, не позволяющих человеку вступить в сферу производственных отношений, равно как и людей, пострадавших вследствие экономических, экологических, национальных, политических и военных конфликтов, стихийных бедствий: «Эти категории населения не выживут без защиты и социальной помощи государства, когда главным фактором производства и распределения является капитал» [3].

Эффективная социальная политика, по мнению авторов, является фактором экономического роста, поскольку:

- повышает возможности населения уплачивать налоги, что, в свою очередь, увеличивает доходную часть государственного бюджета;
- увеличивает доходы и сбережения населения, которые служат новыми источниками для инвестиций;
- сокращает количество индивидов, нуждающихся в социальной помощи, что ослабляет нагрузку на расходную часть госбюджета, повышает его сбалансированность;
- повышает спрос на товары и услуги, что стимулирует экономический рост;
- повышает образовательный и квалификационный уровень рабочей силы, главного фактора экономического роста.

Пока что система социальной защиты находится в стадии формирования[2].

Социальным может считаться лишь то государство, которое способно не только декларировать высокие идеалы, но и готово проводить сильную и ответственную социальную политику на основе соответствующих установок и национальных возможностей, на основе принципов демократизма, законности и гуманизма. Проводимая российским правительством социальная политика, по мнению члена-корреспондента РАН, директора Института социально-экономических проблем народонаселения Н.М. Римашевской, не отличается достаточной чёткостью, перспективной направленностью и прочностью правовой базы; в ней много декларативного, конъюнктурно-популистского, стратегически слабо продуманного [5].

За последнее десятилетие, особенно с 2013 года, социально-экономическая ситуация в стране ещё более осложнилась. Растут бедность, безработица, закрываются предприятия, идёт банкротство субъектов частного бизнеса, увеличение тарифов и стоимости услуг ЖКХ, безудержный рост цен на товары повседневного спроса. Усиливается коррупция (только за 2016 год выявлено более 300 тысяч преступлений коррупционной направленности), злоупотребления, халатно-бюрократическое отношение к нуждам и бедам людей, колоссальная дифференциация в доходах властных структур и трудового населения, скрываемая в так называемой «средней зарплате». Вот её оценка известными публицистами: «В своём нынешнем виде вся экономическая политика власти независимо от деклараций, де-факто осуществляется в интересах богатого меньшинства и вопреки интересам и представлениям о справедливости подавляющего большинства населения» [2]. И формирование социального государства, по мнению профессора Е.В. Охотского, в нашей стране находится на самом начальном уровне[13].

Эксперты, независимо от их принадлежности к различным школам и партийно-политическим направлениям, единодушно сходятся в том, что для современной социальной политики характерно отсутствие целостной стратегии[13].

В результате «реформ» в постсоветской России «построен симулякр западного общества – с формальными признаками демократии, но презирающий её суть, с западными потребностями, но без западных источников дохода, а главное – с культом наживы, но без протестантской этики, ограничивающей её разрушительную силу», который привёл к взрывному развитию антисоциальной и антигуманной философии и морали, консолидации её носителей и выразителей, внедрению в сознание молодёжи идей социал-дарвинизма, жестокости, алчности, колоссальному росту неравенства[2]. По данным Росстата коэффициент дифференциации в среднем по России приблизился к 17, в Москве доходит до 43. Но данные Росстата крайне лукавы, отмечают специалисты, в том числе В. Симчера, бывший его руководитель. Они учитывают лишь часть денежных доходов – «белую» зарплату, составляющую львиную долю (а в большинстве своём полную) доходов малоимущих россиян и малую часть наиболее богатых слоёв общества. За пределами оценок Росстата остаются доходы от предпринимательской деятельности, дивиденды, доходы от продажи имущества и ценных бумаг, генерируемые и оседающие в оффшорных юрисдикциях прибыли, скрытые доходы от неформальной занятости[12]. Анализируя отчёт Роскомстата за январь-сентябрь 2016 года, В. Симчера отмечал, что официальная статистика инфляции в 5,5% не учитывает социальную инфляцию и инфляцию издержек. Поэтому инфляция в 2016 году определённо превысит уровень 2015 года, когда она составила 13%. По расчётам независимых экспертов разрыв в уровне доходов 10% высших и низших слоев населения находится в пропорции 40:1 и продолжает расти, увеличиваясь ныне, по расчётам С.Батчикова и В.Жуковского, до 100 раз[2].

По расчётам международного агентства «Statistics Group», базирующихся, кстати, на материалах Росстата, хотя и с поправкой на западноевропейские определения нищеты и бедности, в России в 2011 году 90,9% населения с переменным успехом балансировало у черты бедности: крайне нищие – 13,4%, нищие – 28,7%, бедные – 38,8%, повыше бедности – 10,2%, среднего достатка – 7,3%, состоятельные – 1,1%, богатые – 0,7%. По расчётам отечественных экономистов, одному проценту богатеев принадлежит 71% всех личных активов россиян. По мнению А. Кобякова, – это Африка, общество, где одни социальные группы ненавидят другие, в котором гарантированно создаётся почва для радикальных потрясений. И эта инерционная тенденция к углублению социального разрыва, по его оценке, входит в противоречие с озвученными В.В.Путиным целевыми ориентирами социальной политики, с целями консолидации общества и поступательным движением экономики. А потому необходимо формирование действительно социальной рыночной системы, ускорение экономического роста, придания общественным отношениям большей гармонизации[4]. Автор не требует смены либерально-рыночного капиталистического курса, а лишь усиления социальной составляющей, приведения социального неравенства к разумным пропорциям.

Своё воздействие на справедливое решение социально-экономических проблем страны оказывает Русская православная церковь. Начиная с юбилейного Архиерейского собора в августе 2000 года в Москве, принявшего «Основы социальной концепции», а затем VII Всемирного русского народного собора в декабре 2002 года, проигнорированного, кстати, власть предержащими, закрепившего основополагающие православные ценности: общее благо, благотворительность, решение социальных проблем, сохранение и развитие культурного наследия, общественная нравственность. Тогда же возникло понятие «православного социализма», вызвавшего позитивную реакцию в общественно-политических кругах, прежде всего патриотической и левой ориентации и их структурах, в частности Изборского клуба. Идеи и ценности «православного социализма» нашли своё отражение в программатике ряда мыслителей и политических деятелей. В представленном президентскому Совету по безопасности С. Глазьевым докладе «О необходимых мерах по укреплению экономической безопасности России» совмещены ценности социального прогресса, социальной справедливости и творческой свободы человека в рамках модели «православного социализма», базирующегося на идеях коммунизма и христианства [7].

Надежды на «революцию сверху», на которую рассчитывали патриотические силы в 2014–2016 годах, не оправдались. И если в сфере внешней политики и оборонного строительства В.В. Путин осуществил резкий разворот в защиту национальных интересов России, то «этого разворота не просто нет, но даже усиливаются либеральные тенденции, прежде всего в финансово-экономической сфере» [11]. И правительство Д. Медведева, отодвинувшее на задний план социальную политику и её основной принцип – социальную справедливость – фактически не реализует стратегические цели Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года.

В преддверии 100-летия Великой Октябрьской социалистической революции и реализации в СССР принципа социального равенства правящие круги должны, наконец, осознать глубину народного недовольства, отказаться от вульгарного неолиберализма и догм «вашингтонского консенсуса» и пока не грянул гром, начать реализацию подлинно справедливой и необходимой трудящимся социально-экономической политики. Но таковая может начаться только при активной борьбе трудящихся, находящихся ныне в дезорганизованности, раздробленности, в своего рода «летаргическом сне».

Источники и литература:

1. Охотский Е.В., Богучарская В.А. Современное государство и социальная политика современной России: ориентация на результат//Труд и социальные отношения, 2012, №5(95). С.30-44.
2. Путин В. Строительство справедливости. Социальная политика для России//Комсомольская правда, 2012, 13 февраля.
3. Отчёт правительства о результатов работы в 2014 году 21 апреля 2015 года в Государственной Думе ФС РФ// www.government.ru.
4. Батчиков С., Жуковский В. Беда – разруха в головах. О чём умолчал Медведев в Госдуме// Завтра, 2015, №19(1120).

5. Костин Г.В. Принципы и механизмы выбора эффективной социально-экономической модели развития//Слова и дела, 2015, №38-39(61).
6. Дмитриева Л.А., Ахмеева В.И. Особенности социальной политики в современной России//http:www.rae.ru.
7. Батчиков С., Жуковский В. Битва с неравенством// Завтра, 2015, №25(1126).
8. Концепция социального государства Российской Федерации. Материалы научно-практической конференции «Социальное государство: опыт и проблемы», 20 января 2004 г.//Под общей редакцией Грищенко Н.Н., М., 2004. 241 с.
9. Чирикова А.Е. Социальная политика в современной России: субъекты и региональная практика//URZ:/www.civilblock.ru.
10. Симчера В. У нас всё в порядке! А так ли это?//Завтра, 2017, №5(1209).
11. Кобяков А. Социальная пропасть. Уровень неравенства в России: угроза безопасности и тормоз развития//Завтра, 2013, 34 (1031).
12. Нагорный А., Коньков Н. Глазьев и план «революции сверху»//Завтра, 2015, №38 (1139).
13. Революция сверху! Выучила ли Россия уроки столетней давности//Завтра, 2017, №2 (1206).

Referenses

1. Ohotskij E.V., Bogucharskaya V.A. Sovremennoe gosudarstvo i social'naya politika sovremennoj Rossii: orientaciya na rezul'tat//Trud i social'nye otnosheniya, 2012, №5(95). S.30-44.
2. Putin V. Stroitel'stvo spravedlivosti. Social'naya politika dlya Rossii//Komsomol'skaya pravda, 2012, 13 fevralya.
3. Otchyot pravitel'stva o rezul'tatov raboty v 2014 godu 21 aprelya 2015 goda v Gosudarstvennoj Dume FS RF// www.government.ru.
4. Batchikov S., ZHukovskij V. Beda – razruha v golovah. O chem umolchal Medvedev v Gosdume// Zavtra, 2015, №19(1120).
5. Kostin G.V. Principy i mekhanizmy vybora ehffektivnoj social'no-ehkonomicheskoj modeli razvitiya//Slova i dela, 2015, №38-39(61).
6. Dmitrieva L.A., Ahmeeva V.I. Osobennosti social'noj politiki v sovremennoj Rossii//http:www.rae.ru
7. Batchikov S., ZHukovskij V. Bitva s neravenstvom// Zavtra, 2015, №25(1126).
8. Koncepciya social'nogo gosudarstva Rossijskoj Federacii. Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii «Social'noe gosudarstvo: opyt i problemy», 20 yanvarya 2004 g.//Pod obshchej redakciej Grishchenko N.N., M., 2004. 241 s.
9. CHirikova A.E. Social'naya politika v sovremennoj Rossii: sub"ekty i regional'naya praktika//URZ:/www.civilblock.ru
10. Simchera V. U nas vsyo v poryadke! A tak li ehto?//Zavtra, 2017, №5(1209).
11. Kobyakov A. Social'naya propast'. Uroven' neravenstva v Rossii: ugroza bezopasnosti i tormoz razvitiya//Zavtra, 2013, 34 (1031).
12. Nagornyj A., Kon'kov N. Glaz'ev i plan «revolyucii sverhu»//Zavtra, 2015, №38(1139)
13. Revolyuciya sverhu! Vyuchila li Rossiya uroki stoletnej davnosti//Zavtra, 2017, №2 (1206).

Взгляд через столетие: революционная трансформация 1917 года
(общество, политическая коммуникация, философия, культура)

Сборник статей
всероссийской научно-практической конференции
(29-30 сентября)

Под редакцией **О.В. Милаевой, О.В. Черновой**

Редактор **О.В. Чернова**
Компьютерная вёрстка **Н. Хлопцева**
Дизайн обложки **Я.А. Дякин**

Podepsáno v tisku 13.09.2017. 60×84/8 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 23,6.
300 kopií.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
IČO 29133947
Tel. +420773177857,
Web site: http://sociosphera.com,
e-mail: sociosphera@seznam.cz

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Копи-Ризо».
Пенза, ул. Каляева, 7 В.
Тел. (841-2) 56-25-09.
e-mail: tipograf_popovamg@inbox.ru